

БИТВА ЗА УКРАИНУ

ПЕШКИ В ЧУЖОЙ ИГРЕ

**ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ
УКРАИНСКОГО
НАЦИОНАЛИЗМА**

**МИРОСЛАВА
БЕРДНИК**

БИТВА ЗА УКРАИНУ

**МИРОСЛАВА
БЕРДНИК**

**ПЕШКИ
В ЧУЖОЙ ИГРЕ**

**ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ
УКРАИНСКОГО
НАЦИОНАЛИЗМА**

Москва
алгоритм
2014

УДК 327
ББК 63.3
Б 48

Бердник, Мирослава Александровна.

Б 48 Пешки в чужой игре. Тайная история украинского национализма / Мирослава Бердник. – Москва : Алгоритм, 2014. – 400 с. – (Битва за Украину).

ISBN 978-5-4438-0834-5

Автор этой книги – известный публицист Мирослава Бердник. Дочь известного украинского писателя и правозащитника, узника советских тюрем Олесея (Александра) Бердника, Мирослава – классический представитель украинской интеллигенции, которую к числу «засланців Кремля» не могут отнести даже зоологические националисты. Тем убийственнее для них звучит правда из ее уст – пример подлинного патриотизма и любви к своему Отечеству, в отличие от псевдопатриотов, возомнивших себя «учителями нации».

Мирослава проливает яркий свет на истоки украинского национализма (исключительно галицийского фактора), открывая подлинное обличье этого явления – лицо измены.

УДК 327
ББК 63.3

ISBN 978-5-4438-0834-5

© Бердник М.А., 2014
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

С приходом Виктора Ющенко к власти в 2004 году из политического маргинеса попали в большую политику и представители националистических партий, поддержавшие его на выборах. Именно они определяют сейчас политику Украины. Польский журналист Марианн Калуски в статье «Поговорим об Украине откровенно» («Tygodnik Powszechny», Польша) подчеркнул: «К власти в Киеве пришли настоящие украинские националисты, к числу которых принадлежит и сам Ющенко... При этом необходимо помнить, что это примитивный и чрезвычайно агрессивный национализм XIX века. Этому национализма справедливо опасаются все проживающие на Украине национальные меньшинства».

Сегодня кровавого палача Романа Шухевича посмертно награждают званием Героя Украины, во многих городах Украины массово устанавливают памятные знаки и памятники Петлюре, Бандере, Шухевичу, головорезам из дивизии СС «Галиция». Полки книжных магазинов гнутся под тяжестью книг идеологов интегрального национализма и их современных последователей. Президенту Ющенко подают предложения — привлекать к уголовной ответственности тех, кто хочет опорочить деятельность «героев национально-освободительной борьбы».

Емко сказал в своем романе-антиутопии «1984» английский писатель Джордж Оруэлл: «Кто контролирует прошлое, контролирует будущее; кто контролирует настоящее, контролирует прошлое». Находящиеся при власти в Украине оранжевые совершают то, что в теории информационных войн называется «подменой истории», создавая «украиноцентрический образ мира».

В этой книге сделана попытка дать ретроспективу исторических процессов, которые происходили в Европе в конце XIX — середине XX века, и проследить их связь с сегодняшними событиями в Украине. Как ни печально это осознавать, но история украинского националистического движения — это, главным образом, история обслуживания чужих геополитических интересов. Симон Петлюра в начале XX века писал: *«Надо найти... среди влиятельных международных сил такие, которых можно было бы заинтересовать идеей украинской государственности и которые имели бы реальную пользу от этого для себя — то ли политическую, то ли материальную»*. Ему вторил основатель интегрального украинского национализма Дмитрий Донцов: *«Серед усіх імперіалізмів можемо прислужуватися такому, котрий може бути нам корисний»*.

В начале XXI века, после «оранжевой революции», президент Ющенко нашел империализм, которому «можемо прислужуватися». Он подписал с американским президентом «Повестку нового века для украино-американского стратегического партнерства», обязываясь верой и правдой продвигать по миру американские национальные интересы. А ющенковский министр иностранных дел Борис Тарасюк объявил Украину «страной-контрибутором в укреплении демократии». Вот его слова: *«Можно просто закрывать глаза на нарушения прав и свобод человека, прятаться за скорлупу совковых представлений о демократии, а можно занять активную позицию в международных организациях. Именно так в последнее время поступает Украина, присоединившись к кругу демократических стран, обративших внимание на несоответствие международным стандартам, несоблюдение международных обязательств некоторыми странами, в частности Кубой и Беларусью. Необходимо уже отойти от политики двойных стандартов: не только создавать демократию у себя дома, но и не стоять в стороне от вопросов демократии в мире»*.

Сто лет назад, в начале XX века, происходило жесткое противоборство главных геополитических «игроков» Европы. Западные стратеги рассматривали Украину, как тот самый рычаг, «плечо силы», с помощью которого можно было бы развалить Российскую империю.

По сути, эту же позицию почти век спустя занял американский геополитик Збигнев Бжезинский. *«Украина, новое и важ-*

ное государство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Без Украины Россия все еще может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским государством...».

Автор самого понятия «геополитика», Рудольф Челлен, в 1915 году в работе «Политические проблемы мировой войны» утверждал: *«Мы имеем... все основания причислить украинский вопрос к одним из главных мотивов мировой войны».* Челлен начертил «культурную границу», отделяющую Запад от «дикого» Востока по Дону. Он горячо поддержал проект профессора Эдуарда фон Гартмана по разрушению России путем создания такого рубежа...

Британский ученый и автор плана «Новая Европа» Р. Сетон-Уотсон также был убежден, что именно «украинский вопрос» — одна из главных причин Первой мировой. Ещё в предвоенные месяцы 1914 года Сетон-Уотсон встречался во Львове с М. Грушевским, А. Шептицким, К. Левицким, С. Бараном и другими националистическими деятелями. В основанном им совместно с Т. Масариком в октябре 1914 года журнале «Новая Европа» Сетон-Уотсон пытается убедить политических лидеров, что создание независимых Украины, Польши, Литвы и других государств соответствовало бы долгосрочным интересам Европы.

Сегодня по поводу и без повода вспоминают знаменитого геополитика Х. Д. Макиндера и его формулировку контроля над миром: *«Кто господствует в Восточной Европе, тот управляет Срединной землей (центральной частью Европы — М. Б.). Кто господствует в Срединной земле, тот управляет Мировым островом (Евразией — М. Б.). Кто господствует на Мировом острове, тот управляет миром».* Логика борьбы за мировую гегемонию, вещал Макиндер, делает столкновение интересов России и Германии фатально неизбежным. Правда, его пугал не столько предполагаемый конфликт двух этих государств, сколько их возможный союз. Поэтому он предлагал политическое переустройство Восточной Европы по образцу Западной — таким образом, чтобы основой ее существования стала система самостоятельных национальных держав, «широкий клин независимости от Адриатического и Черного морей

до Балтийского». Контроль над этими государственными образованиями, а также над всеми процессами вокруг «Срединной земли» должен был быть возложен на Лигу Наций.

Уже во время гражданской войны в России и интервенции Макиндер по поручению британского министра иностранных дел Д. Керзона посещал Одессу и Новороссийск с полномочиями верховного комиссара, безрезультатно пытаясь уговорить Деникина признать де-факто образовавшиеся республики. В своем рапорте правительству Макиндер предложил создать в Восточной Европе «альянс пограничных государств с Украиной включительно», а также доказывал целесообразность основания широкой восточноевропейской антирусской и антибольшевистской коалиции. Макиндер, как и сегодня наследники его идей, утверждал: *«Я не могу представить мира между Россией и миром. Все равно, станет ли будущим России анархия или тирания, или рабство у немцев; ни один из этих вариантов не может обеспечивать сегодня сосуществование с демократией в мире»*. План Макиндера был отклонен благодаря военному министру Уинстону Черчиллю.

Весьма значительную роль в начале XX века сыграл проект, выдвинутый рядом немецких ученых и политиков — «Mitteleuropa» («Срединная Европа»). Впервые термин Mitteleuropa начал употреблять в 40-е годы XIX века немецкий экономист Фридрих Лист. Он писал о «среднеевропейской экономической общности», заявляя о необходимости немецкой экспансии.

Отношения России с Германией стали ухудшаться, что всегда поощрялось Англией и всегда приводило к несчастью в Европе. Австро-германский союз 1879 года стал роковой вехой, началом оформления коалиций, которые в дальнейшем и столкнулись в Первой мировой войне.

Но вернемся к судьбе Украины. Ватикан также не отказывался от своей вековой мечты — сначала духовного, а затем и физического овладения нашей землей. Ведь сразу после Брестской унии папа Урбан VIII взывал к галицийским русинам: *«О мои рутены! Через вас надеюсь вернуть Восток»*. А Богдан Хмельницкий в своей речи на Переяславской Раде сказал, что Бог освободил Малую Русь от врагов, желающих *«искоренити Церковь Божию, дабы и имя Русское не поминалось в земле нашей»*.

Посмотрим на события, происходившие в конце XIX века, глазами униатского священника и писателя Ивана Рудовича. «В начале 1888 года, — писал он, — война России с Австрией казалась неминуемой... Бывший немецкий посол в Петербурге, железный канцлер Бисмарк лучше всех оценил украинский вопрос: чтобы удержать равновесие и мир в Европе, необходимо создать независимую Украину. Отрыв Украины был бы наиболее тяжелой ампутацией для России. Папа Лев XIII быстро сориентировался в запутанной мировой политике... Униатские планы папы привели его к еще большей заботе о нашей греко-католической церкви... В 1888 году папа поднял вопрос о создании украинского греко-католического патриархата во Львове и поручил конгрегации по пропаганде веры разработать план этого нововведения». Более того, Ватикан начал поиски наиболее достойного кандидата на патриарший престол, такого, который смог бы достойно выполнить начерченную Ватиканом программу действий на русском Востоке. Такой кандидатурой оказался молодой Роман Шептицкий, которого все знают под именем владыки Андрея Шептицкого.

Эта книга рассказывает об украинском национализме и его борьбе с Россией, начиная от истоков движения в начале XX века; о создании УВО, затем ОУН под сенью немецкой разведки; о военной коллаборации, о послевоенной необъявленной войне на Западной Украине в ожидании Третьей мировой — и других деяниях «национально сведомых» вплоть до дня сегодняшнего.

Глава 1

АНТИРОССИЙСКИЕ ХРОНИКИ 1900—1917 гг.

Суть геополитики Запада: расчленить Россию!

С образованием Двойственного союза между Германией и Австро-Венгрией в 1879 году и заключением между ними секретного военного соглашения, направленного против России и Франции, правящие круги этих стран вплотную занялись «украинским вопросом».

На страницах газет широко развернулась антироссийская кампания. В январе 1888 года в немецком журнале «Гегенварт» была опубликована статья протезе канцлера Бисмарка, немецкого философа Эдуарда фон Гартмана, в которой автор указывал на растущую опасность России для Европы.

Галицкая газета «Дело» откликнулась на публикацию Гартмана статьей под названием «Философ Гартман о России». В ней говорилось: «Главное стремление Гартмана — доказать, что Россию для безопасности остальной Европы необходимо обязательно разделить».

А делить Россию Гартман предлагал следующим образом: *«Надо Финляндию отдать Швеции, Бессарабию Румынии; Эстония, Ливония, Курляндия, Литва и Жмудь создали бы самостоятельное королевство Балтийское, разумеется, под контролем немецким; а на просторах меж Прутом и Днестром встало бы отдельное королевство Киевское. Швеция и новое королевство Балтийское получили бы гарантию своей независимости от Германии, а королевство Киевское и Румыния — от Австрии. Войска этих держав стали бы на случай войны под начальство Германии и Австрии».*

На проект Гартмана резко отозвался Иван Франко на страницах львовского журнала «Правда», в статье «Політичний огляд»: *«Боже мой, вот честь, вот радость для ягнят, что волк*

ими интересуется! Мне кажется, что этот интерес Бисмарка и его креатур должен бы нас скорее пронимать стыдом, как лучшее свидетельство нашего бессилия. Кто нами интересуется в Европе, тот делает это только с оглядкой на Россию и на то, как строятся его отношения с Россией. Нужно России пригрозить — бух! являются на сцену русины, выплывает киевское княжество... Почему же Бисмарк не пытается таким же образом интересоваться ирландцами, валлийцами, провансальцами или южно-африканскими бурами? Очевидно потому, что это все не мертвые, элементарные племена, из которых можно без их воли и разрешения выпиливать, что кому захочется... Подпрыгивайте, ягнята! Господин волк изволит интересоваться вашим мясом!..» Иван Франко вряд ли симпатизировал Российской империи, зато прекрасно понимал, что западные государства разыгрывают украинскую карту в своих интересах.

В последующие 25 лет, до начала Первой мировой войны, эта идея Гартмана тщательно обсуждалась немецкими политическими деятелями.

Так, немецкий профессор Самасса в своей рецензии на книгу Геция «Руслянд» писал, что наилучшим средством ослабления России считает образование славянских государств на ее территории. Ему хотелось бы видеть, кроме независимой Финляндии, польское государство и «украинское королевство»; великороссов же он предлагал оттеснить в пределы Азии.

Примечательно, что сам Бисмарк был последовательным и решительным противником войны с Россией. Сам он намеревался лишь в большей степени связать политику России с интересами Германии. В то время, когда в журналах обсуждался проект расчленения России, а в военных и дипломатических кругах — возможность войны, Бисмарк писал в секретном письме германскому послу в Вене от 3 мая 1888 года: *«Об этом позволительно было бы спорить, если бы такая война могла привести к тому, что Россия, как выразился граф Кальноки, была бы «разрушена». Но такого рода результат даже после самых блестящих побед лежит вне всякого вероятия. Самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая основывается на миллионах собственно русских православного вероисповедания. Они, даже если их разделить международными договорами, тут же быстро опять соединятся, как частицы разрезанного кусочка*

ртути. Это неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей... останется после своего поражения нашим природным и нуждающимся в реванше противником...»

Увы, Бисмарк не смог направить русскую политику в нужное ему русло. Наоборот, он достиг результатов, прямо противоположных тем, к которым стремился. Практически, Бисмарк толкнул Россию к сближению с Францией, а затем с Англией, что привело впоследствии к образованию Антанты. Так в Европе сложились два противостоящих военно-политических блока. Отныне власти Германии и Австро-Венгрии рассматривали Россию как вероятного противника в случае будущей войны — и, естественно, уделяли внимание всему, что могло содействовать ослаблению России, в том числе — развитию украинского сепаратизма в Российской империи.

Такому вниманию к украинскому вопросу Германии и Австро-Венгрии способствовала их экономическая заинтересованность. Украина в начале XX века была одним из наиболее динамично развивающихся регионов России; на ее территории находилась значительная часть имперского экономического потенциала.

Мысли о неизбежности войны Германии с Россией распространялись прежде всего прибалтийскими немцами-иммигрантами, прибывавшими в Германию с 70-80-х годов XIX века. Немецкие публицисты и политики балтийского происхождения изображали прибалтийские провинции России, как «германскую вахту на границе славянства», как «крайние форпосты германского народа» в «старой борьбе между славянством и германством». Исходившей из России «угрозе германской культуре», по их мнению, следовало противодействовать путем превентивной войны, которую они рассматривали, как решающий момент борьбы между высокой и отсталой культурами.

Эти идеи встречали понимание в правящих кругах Германии, поскольку давали обоснование их замыслам. Так, еще в 1887 году Бернхард фон Бюлов, первый секретарь германского посольства в Петербурге, писал советнику ведомства иностранных дел Гольштейну: *«Мы должны пустить русскому при случае столько крови, чтобы тот не почувствовал облегчения, а 25 лет был не в состоянии стоять на ногах. Нам следо-*

вало бы надолго перекрыть экономические ресурсы России путем опустошения ее черноземных губерний, бомбардировки ее приморских городов, возможно большим разрушением ее промышленности и ее торговли. Наконец, мы должны были бы оттеснить Россию от тех двух морей, Балтийского и Черного, на которых основывается ее положение в мире. Однако я могу себе представить Россию действительно и надолго ослабленной только после отторжения тех частей ее территории, которые расположены западнее линии Онежская губа — Валдайская возвышенность — Днепр ...»

В 1906 году, уже в статусе канцлера, Бернхард фон Бюлов заявил, что *«Россию можно низвести до уровня второстепенной державы лишь в случае ее социального разложения либо в случае утраты ею Украины».*

Политика Германии в отношении Востока Европы накануне Первой мировой войны формировалась тремя политическими силами, в той или иной мере влиявшими на правительство.

Первая сила, состоявшая из националистических партий «Пангерманская Лига» и «Партия Отечества», мечтала о разгроме России и переносе ее границ далеко на Восток. Украинское сепаратистское движение она рассматривала в качестве инструмента, с помощью которого можно было бы ослабить Россию. В своих планах пангерманисты предусматривали колонизацию Галиции и Черноморского побережья.

Вторая влиятельная группа немецких политиков и журналистов выступала за «независимость нерусских народов Российской империи». Украину эта группа считала ею главным форпостом в Восточной Европе против экспансии России на Запад. Наиболее ярким ее представителем и идеологом был Пауль Рорбах, автор известной работы «Нероссийские народы России и мы». Рорбах сравнивал Россию с апельсином и мечтал о *«расчленении русского колосса на свои естественные исторические и этнографические составные части».* К ним он относил Финляндию, Прибалтику, Польшу, Бессарабию, Украину, Кавказ, Туркестан (Среднюю Азию), «Московию» и Сибирь. Он считал, что расчленение можно проделать сравнительно безболезненно и что *«именно так будет легко покончить с огромным русским государством».* Канцлер и МИД Германии, разделяя позицию Рорбаха, считали возможным поддержать сепар-

ратистские движения в России. Украину, Прибалтику и Кавказ они видели будущими буферными государствами. Символично, что политтехнологи, готовившие события конца 2004 года, назвали украинскую «революцию» апельсиновой...

Забегая вперед, отметим, что сразу после подписания в 1918 году Брестского договора немецкий посол в Киеве фон Мумм просил командировать в Украину Рорбах как известного сторонника «украинской идеи». Такой шаг считали более эффективным, чем непосредственное давление на украинское правительство через посольство или военные круги. Немцы рассчитывали, что Рорбах повлияет на ориентацию украинских политиков, поскольку, как определил фон Мумм, Центральная Рада *«своими коммунистическими экспериментами усугубляет хаос во вред нашим интересам»*.

Наконец, третья группа, возглавлявшаяся профессором Отто Гершем, предлагала развивать политический курс Бисмарка на поддержку добрососедских отношений с Россией. Она исходила из того, что Россия должна оставаться неделимым государством.

Политическое руководство Германии лавировало между тремя этими центрами влияния. Но вся германская правящая верхушка — кайзер, начальник генерального штаба Мольтке, рейхсканцлер Бетман-Гольвег, руководители имперских ведомств — была воодушевлена идеей «окончательной борьбы» между славянами и германцами. Имперское руководство стремилось добиться долгосрочного ослабления Российского государства посредством отторжения его западных пограничных территорий. В «сентябрьской программе» Бетмана-Гольвега говорилось о том, что *«Россия по возможности должны быть оттеснена от германской границы, а ее господство над нерусскими вассальными народами сломлено»*. Подтверждая осуществлявшуюся правящими кругами Германии на Востоке «политику освобождения и создания буферных государств», 5 апреля 1916 года рейхсканцлер Бетман-Гольвег заявил: *«Германия никогда добровольно не передаст вновь под власть реакционной России освобожденные ею и ее союзниками народы, расположенные между Балтийским морем и волынскими болотами, будь то поляки, литовцы, балты или латыши»*. Эта «восточная» политика нашла свое осуществление в мирных договорах 1918 года, подписанных в Брест-Литовске и в Бухаресте. Фин-

ляндия, Курляндия, Литва, Польша, Украина и значительные территории в Закавказье были отторгнуты от России.

Уже в ходе Первой мировой войны, в 1915 году, партия «Пангерманская Лига» выдвинула «программу сверханнексий». Президиум Лиги назвал в числе «военных целей» Германии захват Польши, Литвы, Белоруссии, Прибалтики и Украины для расселения немецких крестьян. Обязательным условием аннексий являлось очищение их от людей, т. к. «Германии нужны свободные территории». 20 июля 1915 года в Берлине был принят «меморандум профессоров», подписанный 1347 участниками съезда в Доме искусств. Он «научно» обосновал все эти грабительские требования.

Спонсоры «украинского дела»

Одним из тех, кто после Версальского мира занимался разработкой планов будущего России, был виднейший идеолог нацизма, выходец из прибалтийских немцев Альфред Розенберг. Впоследствии именно он, знавший русский язык как родной, возглавил с июля 1941 года имперское министерство по делам оккупированных восточных областей.

Накануне зреющей мировой войны силы, заинтересованные в будущем расчленении Российской империи, стали вкладывать немалые суммы в «украинское дело». Так, Германия крупные средства тратила на поддержку украинских изданий и организаций антироссийской направленности. В 1910 году бывший германский агент во Львове Раковский предал гласности факты поддержки ряда украинских изданий и организаций немцами. По его данным, из секретных немецких фондов финансировались журнал «Ukrainische Rundschau», «Ukrainische Revue», газета «Діло», «Львівське Наукове Товариство Шевченка», Украинский Студенческий Союз, Львовская украинская читальня и т.д. Деньги шли через советника германского посольства в Вене Дитриха фон Бетман-Гольвега, двоюродного брата рейхсканцлера Германии. В 1912 году варшавская газета «Slowo» писала, что германское консульство в Львове *«занимается преимущественно украинскими делами в России. На украинские дела в Австрии Берлин, помимо непосредственных сношений со своими украинскими клеветами, влияет путем дипломатического давления на австрийское правительство».*

При германском верховном командовании был создан «отдел по освобождению» во главе с графом Богданом Гуттен-Чапски. Он и координировал деятельность организованных при помощи Германии сепаратистских движений.

Австро-Венгрия также проявляла немалый интерес к «украинскому вопросу». Венские политики при благоприятном стечении обстоятельств надеялись присоединить к Галичине Надднепрянскую Украину. В Австро-Венгрии главными покровителями украинского сепаратизма были и наследный принц Франц-Фердинанд, и военное министерство. В 1910 году, согласно оперативным данным спецслужб России, в замке Франца-Фердинанда Конопиште состоялось тайное совещание, на котором присутствовали сам эрцгерцог и деятели сепаратистского движения как Галиции, так и Надднепрянщины.

В 1912 году 200 ведущих членов трех украинских партий (национал-демократы, социал-демократы и радикалы) собрались на тайное совещание, которое приняло заявление о лояльности правительству Австро-Венгерской Империи и о поддержке его в грядущей войне с Россией. 15 декабря того же года съезд Украинского студенческого союза Галиции принял решение об организации обучения молодежи военному делу.

Накануне войны по призыву галицких радикалов была учреждена «боевая управа», которая провозгласила создание Легиона украинских сечевых стрельцов. Во главе управы встали К. Трильовский и Т. Рожанковский. Чаще всего туда рекрутировали молодежь, обученную в подразделениях «Пласта», — организации, созданной офицерами австро-венгерской армии Романом Сушко, Петром Франко и Иваном Чмолой.

Из-за противодействия польских кругов в Вене австрийский штаб разрешил формирование части лишь из 2500 человек, хотя изъявили желание 28 тысяч добровольцев.

Сформированный Легион УСС приветствовал глава украинских униатов Андрей Шептицкий: *«Дорогие мои, в очень важное время ведется война между нашим цесарем и московским царем, — война, справедливая с нашей стороны. Московский царь не мог перенести, что в Австрийской державе мы, украинцы, имеем свободу вероисповедания и политическую волю. Он хочет забрать у нас эту свободу, заковать нас в кандалы. Будьте верны цесарю до последней капли крови».*

Подавление «москвофильства» среди русинов Галиции

Накануне войны Первой мировой войны правительство Австро-Венгрии начало проводить политику подавления симпатий к России среди русинов Галиции и Буковины. Широко применялись репрессивные меры. Власти закрывали русские училища и пансионы, православные храмы и часовни, запрещали православные богослужения, конфисковывали русские ученические библиотеки, запрещали отдельные, а то и все русские организации, как, например, на Буковине в 1910 году.

7 февраля 1912 года наместник Галиции Михаил Бобржинский тайным циркуляром поручил старостам *«составить и через восемь дней прислать списки находящихся в уезде русских — как «умеренных» старорусинов, так и русофилов-радикалов»*, а также списки их предводителей с адресами, указанием общественного положения и т. д. Вскоре после этого начались аресты.

В конце марта 1912 г. были арестованы журналист С. Бендасюк, студент и организатор русинских народных читален В. Колдра, православные священники Максим Сандович и Игнатий Гудыма. Вскоре на Буковине арестовали братьев Геровских и ряд других русинских общественных деятелей. На Подкарпатской Руси (в Закарпатье) прошли аресты православных крестьян. Всех их обвиняли в измене Австро-Венгрии. Следствие велось долго; в результате были устроены два показательных политических процесса, Мармарош-Сиготский (декабрь 1913 — февраль 1914 гг.) и Львовский (март—июнь 1914).

СВУ и ГУР взывают к «общественному мнению Европы»

Зато зеленый свет был дан украинским партиям и организациям антироссийской направленности. В 1913 году во Львове состоялся Второй украинский студенческий съезд, на котором с докладом «Современное положение нации и наши задачи» выступил Дмитрий Донцов. В своем докладе он заявил о том, что в грядущей войне следует ориентироваться на Австрию и Германию и что не стать на сторону врагов России есть *«злочин перед нацією і майбутнім»*. Донцов сказал: *«Австро-Угорщина стоїть перед дилемою: або розділити долю Туреччини, або стати оруд-*

дям нової революції нових народів Східної Європи... Актуальним є не лозунг самостійності. Актуальним, більш реальним і швидше досяжнішим — є лозунг відділення від Росії, знищення всіякого об'єднання з нею, — політичний сепаратизм».

28 юня 1914 года в Сараево, столице аннексированной Австро-Венгрией Боснии-Герцеговины, Гавриилом Принципом был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. 1 августа началась Первая мировая война, а уже 25 августа в Вене заявил о своем существовании «Союз визволення України» (СВУ). Возглавляли его Скоропис-Йолтуховский, Донцов, Дорошенко, Жук. СВУ претендовал на то, чтобы представлять и население Надднепрянской Украины, в действительности же полностью зависел от своих немецких и австрийских хозяев. Средства, выделяемые ими на его деятельность, считались «государственным долгом будущей самостийной Украины».

В день своего образования СВУ выпустил воззвание «К общественному мнению Европы», где, в частности, говорилось: *«Только свободная... Украина могла бы своей обширной территорией, простирающейся от Карпат до Дона и Черного моря, составить для Европы защиту от России, стену, которая навсегда остановила бы расширение царизма и освободила бы славянский мир от вредного влияния панмосковитизма... В это тяжелое по своим последствиям время, когда наша нация по обе стороны границы готовится к последней борьбе с исконным врагом, мы обращаемся с этим воззванием ко всему цивилизованному миру. Пусть он поддержит наше правое дело. Мы взываем к нему в твердом убеждении, что украинское дело есть также дело европейской демократии».*

Это воззвание, а также другая пропагандистская литература печатались в Вене на немецком и украинском языках, а затем доставлялись для распространения в Надднепрянской Украине. Направлялись они также в страны проживания галичан-эмигрантов с целью вербовки среди них пропагандистов и отправки их в Россию.

Кроме «Союза визволення України», 1 августа 1914 года было создано политическое объединение трех партий (национал-демократов, радикалов и социал-демократов) — «Головна Українська Рада» (ГУР), в руководство которой вошли Кость Левицкий, Михаил Павлик и Михаил Ганкевич.

Почти синхронно с «Обращением» СВУ члены ГУР выпустили «Манифест Головної Української Ради», в котором говорилось, что украинский народ принадлежит к тем народам, на которых более всего отразится война и ее последствия; что *«войны хочет Царь Российский, самодержавный властелин Империи, которая является историческим врагом Украины»*, что царская империя 300 лет ведет политику угнетения Украины с целью сделать украинский народ частью русского; что победа России грозит украинскому народу Австрии лишь гнетом, а победа австро-венгерской монархии будет освобождением Украины. *«Пусть на развалинах Российской Царской Империи взойдет солнце вольной Украины»*, — патетически провозгласил «Манифест».

Сегодня это может показаться удивительным, но в то же самое время Симон Петлюра в номере седьмом московского журнала «Украинская жизнь», главным редактором которого он был, опубликовал специальную декларацию «Война и украинцы». В ней он уверял царское правительство в том, что украинцы *«не поддадутся провокационным воздействиям и выполнят свой долг граждан России в это тяжелое время до конца»*. Петлюра в «Украинской жизни» утверждал, что он за объединение всех (и галицийских) украинцев под эгидой царской России: *«Было бы актом величайшей дальновидности и политической мудрости, если бы по отношению к украинцам в Австрии со стороны русского правительства и руководителей русской армии были предприняты шаги, открывающие населению этих австрийских областей эру новой жизни в воссоединении с Россией и украинским ее населением»*. Как видим, политические взгляды украинских «будителей» зависели только от их местонахождения и источника финансирования...

В конце того же августа 1914 года, почти синхронно с выпуском в свет воззвания «К общественному мнению Европы», в газете «Утро», издававшейся в Софии (Болгария), было помещено обращение СВУ «К болгарскому народу», подписанное Д. Донцовым, В. Дорошенко, М. Меленевским, Н. Зализняком и А. Жуком. В обращении было сказано: *«Болгары! В этом шестии против русского владычества мы с вами и народами Австро-Венгрии и Германии станем на одну сторону. Союз освобождения Украины, затаив дыхание, следит за вашими приготовлениями к расправе с Россией, с ее безумными союзниками...»*.

СВУ обратился с воззванием и к румынскому народу. Там было сказано: *«Лишь разгром России и оттеснение ее до этнографических границ прежнего Московского царства положит раз навсегда конец российскому империализму и обеспечит соседей от нападения русских. Обязанность обеспечения своих границ и освобождения Бессарабии от русского владычества побуждает Румынию соединить свой интерес с интересами Австро-Венгрии и Германии».*

В «Віснику Спілки Визволення України» №№ 7-8 за август 1914 года, следуя историческому примеру «незабвенного», по выражению авторов, воззвания к шведскому народу Ивана Мазепы, СВУ обратился и к Швеции с предложением союза с Украиной для сохранения мира Европы от «московского варварства и московской ненасытности».

«Украинский вопрос» в планах Австро-Венгрии, Германии и Турции

В ноябре 1914 года министр иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольд заявил, что *«наша главная цель в этой войне состоит в долгосрочном ослаблении России, и поэтому, на случай нашей победы, мы приступим к созданию независимого от России Украинского государства».*

Еще одним покровителем лидеров СВУ, кроме Германии и Австро-Венгрии, стала Турция. Незадолго до вступления Турции в войну «Союз визволення України» выступил с обращением к турецкому народу. В нем Украина и Турция определялись как союзники, у которых есть общий противник в лице России. Обращение СВУ нашло отклик в Турции. Журнал «Терджимани-Хакикат» утверждал, что украинский народ смог сохранить свой собственный язык и себя как нацию только благодаря правам, которыми пользовались украинцы в Австро-Венгрии.

СВУ встретил вступление Турции в войну с воодушевлением. Для установления контактов с турецкими и болгарскими правительственными и гражданскими кругами в Софию и Константинополь были направлены представители Главной Украинской Рады и СВУ. Делегаты Л. Цегельский и С. Баран встречались с турецкими политическими лидерами Энвер-пашой и Талаат-беем. Последние поддержали стремление создать на руинах побежденной России независимое украинское госу-

дарство, которое будет преградой российской экспансии на Балканы и Средиземное море. «Вісник СВУ» весной 1915 года писал: *«Интеллигентные турки полностью увлечены украинским делом. Все они, встретив кого-нибудь из украинцев, начинают разговор об Украине, о борьбе украинцев и искренне желают их освобождения из-под ига Москвы».*

24 октября 1914 года турецкой прессой была опубликована декларация министра иностранных дел Турции Талаат-бея, одного из трех фактических руководителей страны, по украинскому вопросу. В ней утверждалось, что образование украинского государства будет весомой услугой миру и человечности. Талаат-бей заявил, что Высокая Порта так же, как и берлинский и венский кабинеты, признаёт необходимость освобождения Украины от российского господства. А после разгрома России Османское правительство будет готово помочь украинскому народу создать независимое государство. СВУ же признавался как общенациональный представительный орган украинского народа, проживающего в российской Украине.

Газета движения младотурков «Жен Тюрк» отмечала, что *«интересы украинцев тесно связаны с интересами Турции. Украинское государство, к которому стремятся украинцы, отделило бы Россию от побережья Черного моря. Создание нероссийского славянского государства избавило бы Турцию от политики интриг и прихотей российской монархии, стремящейся господствовать над Константинополем и морскими проливами».* Считалось, что отрыв Украины от России избавит Турцию от основного геополитического конкурента последних двух столетий.

Кроме того, СВУ под руководством немецко-турецкого комитета должен был подготовить условия для создания украинского воинского соединения, которое вместе с турецкими войсками высадилось бы на Кубани и в северном Причерноморье, в районе Одессы, с тем, чтобы инициировать волнения среди украинцев, а также восстание на Черноморском флоте.

Представители «Союза» встречались в Константинополе с доверенными лицами военного министра Турции Энвер-паши. Предусматривалось, что после высадки в одном из пунктов российского побережья Черного моря небольшое украинское подразделение при поддержке значительных турецких сил попытается вызвать восстание в Украине.

Однако, учитывая антитурецкие настроения большинства населения Кубани и Украины, операцию сочли невозможной. Кроме того, если бы украинские части прибыли на Северный Кавказ «в обозе» турецкого десанта, Россия сочла бы их представителями вражеской, оккупационной армии и уничтожила. Словом, операция не состоялась.

К концу декабря 1914 года и Австро-Венгрия несколько охладела к «Союзу визволення». Проверив, как использует СВУ выделенные ими средства, австрийцы вскрыли факты, мягко говоря, их нецелевого использования, а то и откровенного прикарманивания. В ходе этой проверки у главы СВУ Н. Зализняка было конфисковано около 500 тысяч крон. Он также не смог объяснить, куда делись еще 400 тысяч крон, дополнительно выделенных СВУ до ноября 1914 года. В итоге в январе 1915 года «Союз» сняли с австрийско-венгерского довольствия, и эта организация перешла полностью на содержание Германии, которая более тщательно следила за расходованием средств.

Через некоторое время ряды СВУ покинул Дмитрий Донцов, объяснив через швейцарскую украиноязычную газету «Боротьба» — партийный орган зарубежной Украинской социал-демократической рабочей партии — мотивы своего демарша. Во втором номере издания он писал: *«В Вене я не принимал в деятельности союза никакого участия и вышел из него официально после первого заседания в Вене, когда было отвергнуто мое предложение, чтобы комитет союза уведомлял нас подробно и правильно о своих материальных источниках и расходах»*. Вопрос упирался в то, что «союзники» не могли поделить, выражаясь современным языком, гранты. Но такая щепетильность не помешала Дмитрию Донцову на полученные от германского посла в Швейцарии Г. Ромберга деньги выпускать антироссийские пропагандистские материалы.

Пропаганда в начале Первой мировой

Русские дипломаты в Константинополе сообщали российской контрразведке, что с началом войны австро-германская дипломатия, возлагавшая большие надежды на внутренние беспорядки в России, стала способствовать украинским сепаратистам. При содействии австрийского посольства деятели

украинских организаций Австро-Венгрии Цегельский и Баран стали размещать в газетах сведения о том, что, мол, в давние времена украинское государство простиралось от Карпат и до Волги, занимало широкую полосу на юге России, захватывая даже Воронежскую и Курскую губернии и гранича на юго-востоке с отрогами Северного Кавказа; что Украина, некогда самостоятельное государство, долго томилась под русским игом и теперь, в дни мировых событий, готова бороться за свою свободу вместе с Австрией, Германией и Турцией против общего врага — России.

При содействии турецких военных сепаратисты распространяли среди русских военнопленных в Турции брошюры подрывного содержания, а кроме того вели работу по выявлению пленных малороссийского происхождения; за согласие называться украинцами последние получали лучшие условия содержания. Точно такая же работа проводилась немецкой и австрийской администрациями. В лагерях для пленных была создана организация «Січова». Всем записавшимся в «сечевики» предоставлялись различные льготы. «Сечевики» помогали германским солдатам нести охрану российских военнопленных.

Позднее из этих «сечевиков» немцы организовали 1-й украинский полк имени Тараса Шевченко. Выдали им австрийское обмундирование с буквами U. 3. C. (Украинская Запорожская Сечь) и желто-синими петлицами, поставили на полный паек и дали содержание в 15 марок. Этих солдат немцы использовали для шпионажа, передачи в русские окопы прокламаций, воззваний и газет антироссийского направления. Работа по подготовке «сечевиков» проводилась в лагерях для военнопленных — во Фрейштадте в Австрии и Раштадте в Германии, где были сосредоточены около 7 тысяч пленных украинцев. Их систематически обрабатывали активисты СВУ.

На работу в лагерях военнопленных Германия выделяла в среднем 25 тысяч марок. Работали там, в основном, пропагандисты из Галиции: неженатые получали 350 марок, женатые — 450 марок, руководители «просветянских» отделов — 550 марок в месяц. СВУ совместно с германским генштабом занимался организацией диверсионных групп, забрасываемых в российский тыл с целью, по циничному выражению одного из лидеров «Союза», распространения «украинской бациллы». Ка-

ждый член группы получал от 500 до 1000 рублей. Первая такая группа была заброшена в феврале 1916 года.

Поскольку одним из главных центров СВУ должен был стать Константинополь, руководство взял в свои руки австро-венгерский посол в Высокой Порте маркиз Паллавичини. В начале октября 1914 года он обратился в свое министерство иностранных дел с ходатайством об отпуске денег на агитацию в России. Одновременно с этим Паллавичини просил министерство отправить в Константинополь Петра Бендзя, а в отделение СВУ в Софии — другого агента.

Русские дипломаты сообщили военному ведомству, что в Константинополь прибыл представитель СВУ Мариан фон Меленевский с австрийским паспортом и вошел в сношения с маркизом Паллавичини с целью координации работы.

Меленевский в Константинополе на собрании СВУ изложил программу деятельности «Союза освобождения Украины», а также заявил о необходимости превращения Украины в новую конституционную монархию во главе с принцем Вильгельмом Габсбург-Летрингеном, он же «Василь Вышиваный». (О последнем — речь впереди).

Тайные дела Парвуса

Но фон Меленевский в Константинополе занимался не только пропагандой. Там он наладил тесное и плодотворное сотрудничество с Парвусом — одним из первых профессиональных потиттехнологов, имевшим в революционных кругах прозвище «слон с головой Сократа».

Парвус (Александр Лазаревич Гельфанд), игравший большую роль в польской социал-демократической рабочей партии в начале девятисотых годов, позднее переехал в Константинополь, где вращался в русской революционной колонии. По своим политическим воззрениям Парвус был ярким сторонником младотурков, разделял их симпатии к Германии и старался всякими мерами противодействовать России. Парвус вместе с Жаботинским редактировал ряд газет младотурков, являясь также корреспондентом нескольких российских и швейцарских газет.

Патронировал Парвусу главный финансист движения младотурков — Эммануэль Карассо. Во время балканских войн он

руководил разведывательными операциями младотурков на Балканах, а в годы Первой мировой — обеспечивал поставку продовольствия Оттоманской империи. В этом прибыльном бизнесе он дал поучаствовать и Парвусу.

Карассо был протее и деловым партнером Джузеппе Вольпи ди Мизурата, крупнейшего итальянского банкира начала 20-го века, не только финансировавшего младотурков, но и способствовавшего захвату власти чернорубашечниками. Впоследствии удачливый бизнесмен стал верным соратником Муссолини: был министром финансов Италии (1925—1928), членом Великого фашистского совета, президентом Фашистской конфедерации промышленников.

Но вернемся к Парвусу.

Сотрудничество с младотурками принесло ему целое состояние. Александр Лазаревич также стал советником и представителем в Османской империи концерна Круппа и картеля вооружений «Виккерс».

В конце Первой мировой войны Парвус дал следующую оценку европейской ситуации: *«Существует только две возможности: или западная Европа объединится, или же Россия будет доминировать. Вся игра с буферными государствами неизбежно закончится их аннексией Россией. Если они станут частью Европы, объединившейся в единое экономическое сообщество, это создаст противовес России»*. При любых условиях, утверждал Парвус, эпоха национальных государств в Европе завершена.

В этой связи примечательна связь Парвуса с графом Рихардом Куденхове-Калерги, основателем паневропейского движения. Куденхове считал необходимым образование союзного всеевропейского государства с собственной конституцией. Главными врагами объединенной Европы он считал Советский Союз и США. В основании сегодняшней объединенной Европы лежат идеи графа Куденхове-Калерги. Он полагал, что объединенная Европа возникнет в результате борьбы с большевизмом, точно так же, *«как молодая Европа возникла в борьбе против Священного союза, а Священный союз вышел из борьбы против Наполеона»*.

(Парвус не дожил восьми лет до того момента, когда один из главных сторонников паневропейской идеи, Яльмар Шахт, в то время представлявший германские интересы в Банке меж-

дународных расчетов и вскоре ставший министром экономики у Гитлера, заявил на встрече единомышленников Калерги в Берлине: *«Гитлер создаст объединенную Европу! Только Гитлер способен объединить Европу!»*)

Именно с этим международным шпионом и политтехнологом и сотрудничали украинские сепаратисты. Парвус с фон Меленевским образовали в Константинополе группу украинской социал-демократии, которая должна была, в частности, *«сообща с организациями СВУ в Австрии проводить агитацию против России среди малорусского населения в Австрии, а также в России; образовать группы активного содействия Австрии, которая гарантирует национальные права Украины»*.

Примечательно, что многие украинские социал-демократы, в том числе и в эмиграции, не питали симпатий к СВУ.

Так, в парижской русской газете «Наше Слово» от 28-го февраля 1915 года появилась статья под заголовком «Голос Украинской соц.-дем. партии». Вот такая характеристика «Союза Визволення України» дается в этой статье: *«Союз состоит из бывших членов Украинской СДРП Донцова, Дорошенко, Меленевского, Скоропись-Иолтуховского и Жука. Союз называется российской организацией, а по существу является организацией австрийской. Большинство членов союза долгие годы жили в Галиции, забыли свое социалистическое прошлое, залезли в болото буржуазной украинской националистической идеологии австрийского типа, за что и были исключены из украинской социал-демократической партии; их организация является агентурой австрийского правительства, которое проявило к ним великую ласку и внимательность, пополнив приличной суммой крон их кассу»*.

Однако в мае 1915 года в Софии Парвус с фон Меленевским приступили к изданию новой украинской газеты под названием «Робітничий прапор» — от имени «инициативно-организационной группы украинской социал-демократии». В состав этой группы, кроме Парвуса и Мариана фон Меленевского, вошли Николай Ганкевич, Осип Беспалко, Евгений Гуцайло, Василий Мороз, Эммануил Сандум и другие.

В первом номере газеты была помещена статья И. Бендзи под заголовком «Украинская социал-демократическая партия Австрии и война». В этой статье автор заявлял, что указанная партия соединилась с Германией и Австрией в одной боевой

линии против России для того, чтобы на развалинах царской империи образовались свободные республики: украинская, великорусская и другие.

Деньги на воплощение своего плана расчленения России Парвус получил от Германии. Средства для австро-украинских националистов поступали от немцев через банк Парвуса вплоть до 1917 года.

Но Александр Лазаревич «нарисовался» на украинской националистической карте еще до начала столь «плодотворного» сотрудничества с германскими властями. В конце августа 1914 года, накануне войны, в Вене состоялось тайное совещание по украинским делам, на котором, кроме членов иностранного и военного министерств, присутствовали граф Бертольд, митрополит Шептицкий и Парвус. На этом совещании были окончательно утверждены план действий после захвата Надднепрянской Украины австро-венгерской армией. И даже намечены конкретные лица для занятия административных должностей.

Дмитрий Дорошенко: «Нас, сознательных украинцев, было так мало»

Примечательно, что по подсчетам российской контрразведки, составившей список активных членов СВУ, в его состав входили всего около 60 человек. В высших кругах украинского (малороссийского на тот момент) общества, среди помещиков, крупной буржуазии и интеллигенции идея украинского сепаратизма не находила приверженцев, ибо в Российской империи малороссы вместе с великороссами и белорусами составляли русский народ, следовательно, образовывали господствующую нацию. С точки зрения их интересов, пропаганда сепаратистами перехода под власть Австрии или под протекторат Германии являлась разрушительной.

Далеки были от идей «самостийности» и крестьяне с пролетариатом. Видный киевский эсдек Павел Тучапский, один из основателей РСДРП, писал в 1906 году в журнале «Вестник жизни»: *«Жизнь украинского народа слишком тесно сплелась с жизнью русского народа не только политически и экономически, но и культурно... Украинские крестьяне и пролетариат не выступают с требованием автономии. С этим требованием выступает интеллигенция, а украинским массам прививает это требование».*

Фактически украинская нация начала складываться только после революции 1917 года. Историк и политический деятель Дмитрий Дорошенко писал в своих воспоминаниях: *«Нас, сознательных украинцев, было так мало, мы все так хорошо знали друг друга, были так тесно связаны между собой разными связями по общественной работе, что у нас выработалась та «кружковщина», сектантская узость и замкнутость... Теперь понятие нации безмерно расширилось, и собственно сама нация украинская только теперь начала формироваться и кристаллизовываться».*

А вот высказывание Д. Дорошенко о настроениях населения Галиции в первое время войны: *«Несчастьем украинского народа в Австро-Венгрии было то, что он в своих национальных взглядах, а благодаря этому и в политической ориентации, был разделен на две части: одна, большая часть, хотела жить и развиваться, как отдельный украинский народ, добивалась для себя полноты национальных и государственных прав в границах Австро-Венгерского государства; в конфликте Австрии и России она лояльно стала на сторону первой и надеялась с помощью Австрии освободить из-под московского ярма если не всю, то хотя бы часть Великой Украины».*

Но была и другая часть галицко-украинских граждан, меньшая, которая считала себя не украинцами, а «русскими», свое спасение видела в России и в борьбе двух соседних государств склонялась на сторону России. Это были так называемые «москвофилы», которые имели своих сторонников не только среди интеллигенции, но и среди крестьян. Часть возглавлявших москвофильское направление уже накануне войны бежала в Россию, чтобы оттуда с победоносным российским войском вступить в Галицию и «освободить» ее из-под «австрийского ярма». Но масса обычных людей москвофильского направления активно себя не выявляла и свои симпатии сберегала в душе, чтобы выявить их тогда, когда станет ясно, на чьей стороне победа».

Талергоф и Терезин: австро-венгерский террор

После первых поражений австро-венгерских войск от русского оружия начались страшные преследования галичан «русофильской» направленности. Нередко это происходило по доносам униатских священников и «национально сознатель-

ных» соседей. Кроме того, австро-венгерское командование, чтобы оправдать свои поражения на фронте, объясняло их «изменой украинцев», их москвофильством. И Галичину захлестнул массовый террор. Тысячи русинов — крестьян, священников, интеллигентов — погибли на виселицах и в австрийских тюрьмах. Десятки тысяч были брошены в концентрационные лагеря Талергоф, Гнав, Терезин, Гмюнди, где многие также расстались с жизнью.

Бывший священник печально памятной дивизии СС «Галиция» И. Нагаевский в своей работе «Історія Української держави ХХ століття» указывает, что во время австро-венгерского террора были уничтожены около 36 тысяч гражданских лиц, включая женщин и стариков. Примерно столько же людей погибли в австрийских концлагерях.

«Талергофская трагедия, — писала историк Н. Пашаева, — была трагедией всего народа Галичины. Масштабы этой трагедии многих тысяч семей были бы несравненно более скромными, если бы не предательская роль украинофилов, которые были «пятой колонной» галицкого националистического движения, помощниками австрийской администрации и военщины».

Ю. Яворский, переживший все ужасы того лихолетья, оставил следующие воспоминания: *«Пошел подлинный живой погром. Без всякого суда и следствия, без удержу и без узды. По первому нелепому доносу, по прихоти, корысти, вражде. То целой гремющей облавой, то тихо, выборочно, врозь. На людях и дома, на работе, в гостях и во сне.*

Хватали всех сплошь, без разбора. Кто лишь признавал себя русским и русское имя носил. У кого была найдена русская газета или книга, икона или открытка из России. А то и просто того, кто был лишь отмечен мазепинцами как «русофил». Хватали кого попало. Интеллигентов и крестьян, мужчин и женщин, стариков и детей, здоровых и больных. И в первую голову, конечно, ненавистных им «русских» попов, доблестных пастырей народа, соль галицко-русской земли».

О степени тогдашней «национальной сознательности» можно судить по достаточно популярной в те дни песне «сечевых стрельцов»:

Українці п`ють, гуляють,
А кацапи вже конають.

Українці п`ють на гофі,
А кацапи в Талергофі.
Де стоїть стовп з телефона,
Висить кацап замість дзвона.
Уста йому посиніли,
Чорні очі побіліли,
Зуби в крові закипіли,
Шнури шию переїли...

Напомню, песенку эту галичанские «патриоты» распевали не про русских солдат, пришедших в Галицию, а про своих односельчан, соседей, родню — про тех, кто не захотел отказываться от православия и русинского языка.

Одним из узников концлагеря Талергоф был отец великого украинского публициста, борца с национализмом Ярослава Галана — Александр Галан. Он с детства хорошо увидел, какова на практике идеология «австрийского украинства».

«Защита прав малых народов»

Накануне Первой мировой войны западные страны высоко подняли лозунг «защиты прав малых народов» как инструмент разложения своих будущих военных противников. Страны Антанты говорили о разделении многонациональных Австро-Венгрии и Османской империи. Австро-Венгрия и Германия планировали расчленение Российской империи. Таким образом, провоцировались национализм и сепаратизм, подогреваемые также революционными настроениями.

В ходе войны президент США Вудро Вильсон высказался о «праве малых народов на самоопределение». В мае 1916 года он говорил о праве народов выбирать такое правительство, при котором им (то есть народам) будет удобнее жить. Несколько позже американский президент сформулировал принцип «внешнего самоопределения», согласно которому любой народ мог бы выбирать такую форму суверенитета, которую хотел. Наконец, крайняя острота противоречий на европейском континенте, обострившихся в ходе Первой мировой войны, привела Вильсона к мысли о необходимости «связать» самоопределение с национальным принципом, так что оно все больше и больше приобретало этнический характер.

В январе 1918 года американский президент выступил с программой мирного послевоенного урегулирования, которая стала известна, как «14 пунктов Вильсона». В ней он отметил, что основным субъектом власти является народ, имеющий право на самоопределение. О том, каким путем страны-победительницы решали судьбу народов распавшихся империй, вспоминает Уинстон Черчилль в своей книге «Мировой кризис»:

«Что должно было быть признаком, свидетельствующим о принадлежности к той или иной национальности? Каким путем желания «национальных элементов» должны были быть выражены и удовлетворены? Как и где должны были быть проведены новые границы среди смешанного населения? До каких пределов этот основной принцип должен был быть выше всех других соображений, исторических, географических, экономических и стратегических? Каким способом можно было убедить все те вооруженные и враждебные элементы, которые повсеместно пришли в движение, согласиться с окончательными решениями, вынесенными конференцией? Таковы были задачи мирной конференции.

Было решено, что основным признаком национальности будет считаться язык. Без сомнения, язык не всегда выражает национальность. Некоторые из наиболее сознательных в национальном отношении масс могут только с трудом объясняться на своем родном языке.

Некоторые угнетенные расы говорили на языке своих угнетателей, которых они ненавидят, а некоторые из доминирующих народов говорили на языке покоренных ими племен, управляя ими в то же самое время. Как бы там ни было, вопрос этот должен был быть улажен, по возможности, скорее, и лучшего признака национальности во всех спорных случаях, чем язык, найти не могли; как последний выход из положения, оставался еще плебисцит».

Затем, как прагматик, Черчилль достаточно цинично оценил принятые в конце решения, которые стали прологом к новой мировой войне: *«Как бы ни было сильно раздражение, вызываемое повсеместно, когда ножницы миротворцев разрезали живую ткань народов вдоль этих сомнительных границ, наличие этого раздражения не умаляло значения договора».*

Карьера аристократа-монаха

О Шептицком впервые заговорили в 1888 году, когда молодой аристократ, офицер-улан с блестящими перспективами вдруг стал монахом. Именно тогда, во время всплеска русофильства в Галиции, когда иногда целые села, как это произошло в селе Гнилички, стали переходить в православие, у папы Льва XIII возникла идея превратить Галицию в плацдарм против «схизмы». Нужен был достойный и перспективный кандидат в «духовные лидеры». Этим кандидатом и стал граф Роман Шептицкий. Он обладал привлекательной внешностью, красноречием, образованностью, надлежащим происхождением. Еще во времена Речи Посполитой в роду Шептицких были выдающиеся униатские деятели. Львовский епископ Афанасий Шептицкий в 1729 году стал киевским униатским митрополитом. Лев Шептицкий также был митрополитом униатской церкви.

На перспективного кандидата из высших кругов польской аристократии давно обратил свой взор Ватикан. После долгих лет переговоров, которые проводили с графом Мечислав Ледоховский, иезуит Энрико Яцковский и другие духовные лица, молодой Роман Шептицкий прибыл в Рим.

Во время аудиенции у папы, который предложил Роману «апостольскую миссию» возвращения в лоно католической церкви заблудших душ русского Востока, Шептицкий впал в состояние экзальтации и согласился ради такого подвига перейти в униатство.

Сначала он по заданию папы едет в Россию, чтобы ознакомиться с обстановкой на Востоке. Перед молодым импозантным графом, сыном известного магната, широко открылись двери салонов Петербурга и Киева, чем он не преминул воспользоваться, завязывая влиятельные связи. В Киеве граф Роман познакомился с историком и этнографом, связанным с австро-венгерской разведкой, — Владимиром Антоновичем. Биограф Шептицкого Лонгин Цегельский утверждает, что именно под воздействием настроений киевской интеллигенции решение 22-летнего Романа перейти из католичества в униатство стало непоколебимым.

В конце апреля 1888 года в Добромиле Роман Шептицкий вступил в орден василиан. Причем, по высочайшему указанию

из Ватикана был нарушен установленный порядок: Шептицкого облачили в монашеские одежды без необходимого по уставу ордена «постуляторства», т. е. шестимесячного испытательного срока. Имя он себе выбрал — Андрей, наверно, в честь апостола Андрея Первозванного, который, согласно преданию, первым установил крест на днепровских кручах в Киеве. Вскоре из Ватикана приходит беспрецедентное по быстроте для церковной карьеры назначение молодого Шептицкого магистром этого ордена.

В Добромильском монастыре Андрей Шептицкий долго не задержался. Уже в 1890 году его назначают игуменом василианского монастыря во Львове, где для энергичного молодого деятеля было гораздо больше возможностей проявить себя.

В 1898 году умирает глава униатской церкви кардинал Сильвестр Сембратович. Шло время, но на эту должность никого не назначали. За короткое время Андрея Шептицкого рукоположили в епископы и отдали ему Станиславскую епархию. Затем состоялась интронизация митрополита Андрея, графа Шептицкого, ставшего первоиерархом греко-католиков Галиции. Это произошло 17 января 1901 года. Показательно, что при этом, помимо традиционного титула главы униатской церкви — митрополит Галицкий, архиепископ Львовский, епископ Каменец-Подольский, — новый митрополит получил от папы Льва XIII наименование «апостольского администратора Украины», хотя за пределами Австро-Венгрии, в той части Украины, которая входила в состав Российской империи, тогда не было ни одного униатского прихода.

В 1888 году — монах, магистр ордена василиан, в 1890-м — игумен василианского монастыря, в 1899 году епископ, в 1900 году — митрополит. И все это и 35 годам! Неслыханный в истории церкви взлет...

Так «старые меха» были наполнены «молодым вином»... Андрей Шептицкий понимал, что борьба со «схизмой» Востока «огнем и мечом» уже не может принести успеха. Он начал разрабатывать новую тактику, в первую очередь как дипломат и проповедник, получив одобрение папы Льва XIII и конгрегации по пропаганде веры. Эта новая тактика базировалась на поощрении сепаратистских движений среди украинцев и белорусов, на разжигании у них вражды к «москалям».

Несмотря на свой высокий сан, с разрешения цесаря Франца-Иосифа и с благословения Ватикана, Андрей Шептицкий совершает настоящее шпионское путешествие в Россию. Сменив сутану на гражданскую одежду, под именем доктора Евгения Олесницкого через Германию он едет в «страну схизматов». Посетив Вильнюс, Минск, Слуцк, Витебск и другие города, прелат-шпион налаживал связи с ватиканской агентурой, вербовал и инструктировал новых агентов. Когда же Шептицкий собрался посетить Малороссию, с ним произошел казус: митрополит потерял подделанный австрийской разведкой паспорт. Пришлось ему, срочно свернув свою деятельность, возвращаться во Львов. Фальшивый паспорт попал в руки русской контрразведки, но там, увы, не поняли, какая важная птица улизнула. Только «поставили на учет» как австрийского шпиона... И это был не единственный подрывной вояж владыки в Россию.

После возвращения с Востока Шептицкий зарабатывает себе политический капитал с помощью проверенного способа — филантропической и меценатской деятельности. За средства митрополии он разворачивает строительство музея, больницы, выделяет пособия бедным семинаристам, художникам, артистам. При этом умело пропагандирует униатство.

Постепенно резиденция митрополита превращается в центр антироссийских сил. Этот факт не скрывают даже его биографы. Лонгин Цегельский писал: *«Раз у раз приїздили та виїздили потайні емісари — висланники-українці з Холмщини, Херсонщини, Полтавщини тощо. В будинках святоюрського палацу проживали утікачі з-під царського кнута, на кошти митрополита виховувались у Львові чи Римі на тайних місіонерів для України і Білорусії...»*

В это время произошла встреча немецкого кайзера Вильгельма II с папой Львом XIII. Канцлер фон Булов писал, что глава католической церкви сравнил Вильгельма с Карлом Великим, который *«склонил весь цивилизованный мир к подножию креста, получив благословение на выполнение этой миссии от Льва III. Теперь... немецкий император также получил... от папы Льва XIII напутствие вернуть Европу в лоно христианства...», поборов социалистические и атеистические течения».*

Ватикан рассчитывал, что Вильгельм II своим «дранг нах Остен» поможет вернуть в «лоно христианства», т. е. католи-

цизма, народы России. Папу вовсе не смущала такая «мелочь», как протестантское вероисповедание кайзера...

Тем временем митрополит Шептицкий уделял внимание созданию церковного музея. Убивал он при этом «двух зайцев». Еще во время своей первой поездки на Буковину и в Закарпатье он обратил внимание, что в церквях тщательно сохраняются иконы, написанные в византийском, греко-православном стиле. Это напоминало о православном прошлом, о Хмельниччине... «Мятежные» иконы стали изымать и отправлять во Львов. Вместо этого церкви получали изготовленные в Ватикане иконы с изображениями «новых святых» — таких, как Иосафат Кунцевич. Получалась двойная польза: фонд музея пополнялся ценными экспонатами, а верующие лицезрели «правильных» святых...

В 1903 году умирает папа Лев XIII. Его преемником становится Пий X, также ориентирующийся на австро-немецкие круги. Нового папу беспокоили революционные события в России, тревожила волна массовых забастовок и демонстраций, прокатившаяся по Галиции после событий 1905—1907 годов. Пий X вызвал униатского митрополита, чтобы тот детально ознакомил его и с настроениями в Галиции, и с ситуацией в России.

Митрополит Шептицкий доложил папе, что основным фундаментом российского самодержавия, православие, теряет моральную силу под воздействием революционных сил. Это дает шанс выступить униатам. Тем более, что в условиях расширения религиозной свободы, после выхода 17 апреля 1905 года манифеста о веротерпимости, в Российской империи появились новые возможности для католической пропаганды. Папа был удовлетворен и докладом митрополита, и нелегальной работой его агентуры в России. Владыке Андрею был выдан тайный документ, предоставлявший полномочия действовать в пользу унии в масштабах России.

Итак, Андрей Шептицкий приступает к «экспорту» униатской идеи в российские пределы. О том, что митрополиту удалось привлечь к унии нескольких великорусских прозелитов, свидетельствуют адресованные митрополиту Андрею письма тайного католического священника восточного обряда Иоанна Дейбнера.

Вот фрагмент одного из писем:

«К одному латинскому священнику пришел православный священник и сказал, что хочет вместе с семейством принять католичество... Мне кажется, что священник может остаться по наружности православным. На литургии он может вынимать частицы не за синод и не за своего схизматического епископа, а за Папу и за своего Львовского Митрополита. Когда же громко поминает синод и епископа, то может это делать как молитву об их обращении к св. вере и пр... Во всяком случае, если не посмотреть широко на дело, то приходится отказываться от пропаганды или ее уменьшить; нельзя будет уже обращать православных священников, а между тем хорошо было бы их обращать, чтобы они могли обращать постепенно своих прихожан и даже своих коллег-священников».

О том, что Шептицкий возглавил работу «штаба», руководившего процессом униатской экспансии в России, говорится и в переписке владыки с униатским священником Алексеем Зерчаниновым. В своем письме к Шептицкому от 21 мая (3 июня) 1907 года Зерчанинов, в частности, писал: *«Всем сердцем желая церковного преуспения для распространения католического света в России, осмеливаюсь я, недостойный, утверждать Ваше Высокопреосвященство сею докладною запиской, как своего непосредственного начальника в делах веры, на предмет канонического восстановления греко-католической иерархии в России для католиков греко-католического обряда с правом его полной свободы по существующим здесь местным обычаям, не вредящим единству католической Церкви; чтобы главный представитель восстанавливаемой иерархии, применяясь к этим обычаям, заботился о религиозных нуждах новообразовавшегося маленького стада Христова для соединения его во Христе Иисусе с Его Апостольским Наместником и земным Главою видимой Церкви Христовой для ее вящего преуспения и спасения верующих».*

Окрыленный успехами униатского прозелитизма, Шептицкий в миссионерском порыве издает 26 ноября 1907 года пастырское послание, посвященное задаче соединения Восточных Церквей с Римом: *«Нужно, чтобы каждый наш верный умел различать католическую Церковь от других по главному знамению единства, по которому верным легче всего познавать*

истинную Церковь. Характер вселенской Церкви яснее всего выражается в том признаке, что в Церкви есть одна власть, власть всемирная, власть римских архиереев, и без этой все-народной власти, без учительского, непогрешимого руководства невозможно и нелегально церковное единство между христианами».

В феврале 1907 года Шептицкий излагает папе Пию X свой проект развития униатской миссии в России. Верный традиции воспитавших его иезуитов митрополит, предлагает действовать с максимальной секретностью, так, чтобы ничего не было известно государственному секретариату Ватикана и латинским епископам в России. Хотя Шептицкий объяснял это опасностью компрометации католицизма в глазах российского правительства, на самом деле он собирался под этим предлогом монополизировать свое право на миссию. 14 февраля 1908 года митрополит Андрей Шептицкий получил письменные полномочия. Папа Пий X начертал: *«Мы все пересмотрели и одобряем. Мы испрашиваем у Господа всякого спасительного благоденствия досточтимому Архиепископу, Его Генеральному викарию по духовным делам, всем верующим, клиру и народу и преподаем им Апостольское благословение».* Этой визой папа подтверждал полномочия Андрея Шептицкого как примаса греко-католиков Российской империи.

Но и этого владыке показалось недостаточно. Он попросил у папы даровать ему самые широкие права, вплоть до права самостоятельно, без ведома Ватикана, посвящать униатских епископов для России. Шептицкий оправдывал свою просьбу тем, что подобная практика позволила бы избежать трений с российским правительством. Пий X подписал соответствующее прошение Шептицкого словами «Placet» («Угодно») и, передавая ему документ, сказал: *«Это — каноническая форма, к которой прибегают в самых серьезных и торжественных вострогах Церкви».*

Показательно, что в прошении на имя папы о даровании этих прав митрополит Андрей «скромно» называет себя: *«Смирный митрополит Галицкий, администратор митрополии Киевской и всея Руси, а также архиепархий Владимирской, Полоцкой, Смоленской, также епархии Луцкой с экзархатом всея Руси, Острожской, Новгородской, Минской, Брестской, Витебской, Мстиславльской, Оршанской, Могилевской, Холмской,*

Белзской, Северской, Пинской, Туровской, а также епископ Каменец-Подольский...»

Среди агентов Шептицкого видим представителей самых элитарных слоев: племянницу Петра Столыпина княгиню Наталию Ушакову, княжну Елену Долгорукую, графа Бобринского, графа Оболенского, который наследовал Победоносцеву на посту обер-прокурора Синода, наконец, Хомякова, брата председателя Думы. Наиболее активным эмиссаром Шептицкого был Леонид Федоров. Его еще студентом православной духовной академии во время путешествия в Рим завербовал Ватикан, а затем передал в распоряжение митрополита.

Вот отрывок одного из «духовных» посланий Федорова Шептицкому из Петербурга, где он поселился: *«Дело строительства дрендоутов и вообще усиления флота движется с черепашьей скоростью; в военном министерстве работа продвигается быстрее: создаются новые корпуса, расширяется авиационное дело, но основательных реформ нет и там. В главном штабе происходит борьба между старыми заплесневелыми тактиками и молодыми талантливыми офицерами, причем победа склоняется на сторону первых. Во главе военного министерства стоит абсолютный ноль — генерал Сухомлинов, во главе академии главного штаба — полное ничтожество, способное только праздновать и танцевать, — генерал Енгаличев. В интенданстве продолжается система воровства и взяточничества. В министерстве иностранных дел, как говорится, и конь не валялся. Сам Маклаков — бюрократ и тупой черносотенец. В министерстве финансов лучше: Коковцев оставил после себя хорошее наследство, и денег на черный день хватит. Но бедняга не угодил черносотенцам и Гришке Распутину — и его попросили в отставку...»*

Завидная информированность для недавнего студента духовной академии! За сравнительно короткий срок Федоров сумел создать довольно широкую сеть шпионской агентуры для митрополита Шептицкого. Особо важные сведения добывались в Петербурге, где он сумел завербовать женщин из аристократических семей, приближенных к императорскому двору. Кроме уже указанной племянницы Столыпина, наиболее серьезную информацию о личной жизни семьи Николая II (влияние Распутина на императрицу, интриги в придворных кругах), о тайном распределении министерских портфелей и т.

п. предоставляла Юлия Данзас, пользуясь своей близостью к императрице Александре Федоровне.

Униатские агентурные базы были созданы также в Украине и в Белоруссии. В Белоруссии Шептицкий действовал сам или через неких Ивана Луцкевича и его сына Антона. Вместе с ними он организовал Земельный банк, который мог служить легальной финансовой базой униатской агентуры в Украине и в Белоруссии.

Предупрежденный Ватиканом и Веной о скором наступлении большой войны с Россией, Шептицкий занялся важными вопросами в своей вотчине — Галиции. В первую очередь — удушением москвофильских настроений среди духовенства и верующих. В этом Шептицкий опирался на хорошо подготовленных иезуитами василиан. За несколько лет количество их монастырей увеличилось с одного (в Добромиле) до десятка. Кроме этого, владыка создает ряд других орденов — студитов, редемптористов, призванных воспитывать молодежь. При его содействии возникают также женские униатские организации — «сестер студиток», «святого Иосафата» (Кунцевича), «святого Иосифа», «мироносиц». Главная цель — возбуждение среди населения духа униатского фанатизма.

Кроме того, Шептицкий занялся учреждением в крае различных националистических полувоенных организаций. С его благословения во Львове в 1913 году было создано полувоенное формирование под названием «Українські січові стрільці» (не смешивать с УСС — военным формированием австрийской армии, созданным в августе 1914 года), куда привлекались националистически настроенная молодежь. Такие же формирования стали создаваться и в других городах. *«За короткий час свого існування, — писала в июне 1914 года львовская газета «Діло», — зорганізовано п'ятдесят товариств «Січових Стрільців». При Українському Січовому союзі повстала Стрільцька Секція, яка зробилася Генеральним штабом наших мілітарних організацій. Організовано чети, сотні, курені, заведено дуже гарний і практичний однострій, зложено кілька фахових офіцерських шкіл».*

Наступил июнь 1914-го. В Сараеве был убит австрийский престолонаследник (большой друг Шептицкого), возглавлявший в Австро-Венгрии партию войны и полностью разделявший взгляды Ватикана в отношении России и Балкан.

Этот выстрел чуть позже станет предлогом к войне. А тем временем в июле в Вене состоялось тайное совещание, на котором решалась судьба Украины. Возглавлял его специалист по России, бывший посол Австро-Венгрии в Петербурге, министр иностранных дел граф Бертольд. В качестве «представителя Украины» присутствовал Андрей Шептицкий. По представлению австрийского генштаба, согласованному с Германией, совещание утвердило план действий по «украинскому вопросу».

На совещании владыку попросили подготовить рекомендации для австро-немецкого командования на случай оккупации Украины. Андрей Шептицкий выполнил это поручение и создал грандиозный проект, который в равной мере учитывал и запросы Австро-Венгерской монархии, и интересы Ватикана, и личные амбиции митрополита. Вот выдержки из этого документа под выразительным названием «О мерах по отторжению Русской Украины от России».

«Как только победоносная австрийская армия пересечет границу Украины, перед нами встанет тройная задача: военной, социальной и церковной организации страны. Решение этих задач должно... содействовать предполагаемому восстанию на Украине, но также и тому, чтобы отделить эти области от России при удобном случае как можно решительнее, чтобы придать им близкий народу характер независимой от России и чуждой царской державе национальной территории. Для этой цели должны быть использованы все украинские традиции, подавленные Россией. Надо возродить их в памяти и ввести в сознание народных масс так метко и точно, чтобы никакая политическая комбинация не была в состоянии ликвидировать последствия нашей победы.

|

Военная традиция должна быть построена на традициях запорожских казаков (военные соединения украинцев австрийцы называли «сечевыми стрельцами» специально для того, чтобы протянуть мнимую нить преемственности от Запорожской Сечи, — хотя для запорожцев именно католицизм был основным врагом — М. Б.)... Самый выдающийся военачальник мог бы после великой победы быть наречен нашим кайзером «гетманом Украины» (на роль будущего «гетмана» был выдвинут авст-

рийскими властями эрцгерцог Вильгельм Габсбург, который также перешел в униатство и принял украинское «псевдо», Василь Вышиваний, за ношение украинских вышитых сорочек — М. Б.).

Он мог бы в ранге походного командира или фельдмаршала получить определенную автономию в рамках нашей военной администрации... Национальный характер должен проявиться в названиях воинских должностей (атаманы, есаулы, полковники, сотники), далее — в обмундировании, воинских группах и т. п...

II

В продолжение войны должна быть принята во внимание также правовая и социальная организация, чтобы доказать населению, сколь многие направления русского законодательства были несправедливы и угнетали его. Наряду с провозглашением свободы, терпимости и т. д. (основные законы) должна быть также опубликована австрийская Конституция (в украинском переводе) и всевозможные другие австрийские своды законов...

III

Церковная организация должна преследовать ту же самую цель — Церковь на Украине необходимо по возможности полнее отделить от Российской. Оставляя в стороне доктрину, сферу догматики, было бы необходимо издать серию церковных распоряжений, например: об отделении Украинской Церкви от Петербургского Синода, о запрещении молиться за царя, о необходимости молиться за цесаря. Вместе с тем великорусские московские святые должны быть удалены из календаря и т.д. Все эти декреты должны быть изданы авторитетом церковным, а не исходить от гражданской или военной власти — чтобы таким образом избавиться от российской системы. Также было бы абсолютно нецелесообразно устанавливать Синод (по образцу Петербургского Синода). Митрополит Галицкий («и вся Украины») мог бы этими декретами устанавливать то, что согласно с фундаментальными принципами Восточной Церкви и традициями Митрополичьего престола и было бы одобрено военной администрацией.

Я как митрополит мог бы это сделать, поскольку в соответствии с каноническими правилами Восточной Церкви

и традициями моих предшественников имею право, подтвержденное Римом, пользоваться данной властью во всех сферах. Если начерченный мной план будет принят — а так оно, наверное, и будет, — на Украине будет установлен единый центр духовной власти и Церкви как организма, представляющего собой невидимое целое. И он будет целиком отделен от Российской Церкви. Определенное число епископов, а именно те, которые родом из Великороссии, и те, которые откажутся присоединиться к унии, должны быть устранены и заменены другими — теми, кто признает украинские и австрийские убеждения...

Таким образом, единство Украинской Церкви будет сохранено или достигнуто, а ее отделение от Российской Церкви будет решительно и полностью утверждено... Православие Церкви не было бы уничтожено. Оно должно быть сохранено во всей его полноте. Нужно только очистить его самым радикальным образом от московского влияния».

Этот документ был опубликован в газете «Общее Дело» в Петрограде 27 сентября 1917 года. Для полноты психологического портрета графа Андрея стоит сказать, что незадолго до начала войны, в марте 1914 года, Шептицкий отправил Николаю II тайное послание, в котором уверял императора в своей верности и называл его «объединителем славянства».

21 августа 1914 года Шептицкий озвучивает пастырское обращение к верующим приграничных сел, в котором призывает воевать против России, поскольку униаты «идут в бой за святую веру, божьей милостью связанные с австрийским государством и династией Габсбургов».

На каждом вагоне, в которых «сечевые стрельцы» отправлялись на фронт, большими буквами было написано: «Jedem Russ ein shuss!» («Каждого русского пристрели!»). Увы, это не помогло. Когда 5 августа 1914 года русские перешли в наступление, закончившееся сражением, известным под названием Галицкая битва, австро-венгерские войска были разгромлены.

Об атмосфере, царившей тогда, можно судить по паническому письму, написанному митрополиту его братом, генералом и начальником штаба 2-го корпуса австрийской армии Станиславом Шептицким: *«Росіяни наступають. Ми терпимо поразку. Відбуваються жорстокі бої на Гнилій Луці. Твоє хлопсь-*

ке військо, твої УССи боїв ще не бачили, але відомо, що вони збираються «доблесно» здатись у полон москалям. Надії стримати москалів нема».

Отряды стрельцов действительно не собирались отдавать свою жизнь за цесаря и массово сдавались в плен. Австрийская контрразведка забила тревогу; согласно специальному распоряжению, всех стрельцов перебросили из Львова к Стрию, где была произведена чистка: из 25 тысяч солдат оставили около 2,5 тысяч наиболее надежных. Оставшихся отправили в Закарпатье для переподготовки. Но это не помогло. Когда в первой половине сентября эти части были введены в бой, рядовой состав, не желая умирать «за цесаря и Украину», принудил своих офицеров сдаться в плен русским войскам. Такая же судьба постигла и будущих организаторов и руководителей УВО, за карьерой которых лично следил сам Шептицкий, — Евгения Коновальца и Андрея Мельника.

Уже 3 сентября 1914 года российские войска вступили во Львов. 19 сентября Андрей Шептицкий был выслан в Россию. Вскоре из Киева он направляет императору Николаю II письмо, содержание которого способно вызвать, как минимум, удивление после всего сделанного митрополитом. Письмо написано, как указывает в нем Шептицкий, по поводу «успехов российской армии и воссоединения Галичины с Россией, за что трехмиллионное население Галичины с радостью приветствует российских солдат, как своих братьев». Далее он пишет: «Православно-католический митрополит Галицкий и Львовский, много лет желающий и готовый ежедневно жертвовать своей жизнью за благо и спасение Святой Руси и Вашего Императорского Величества, повергает к ногам Вашего Императорского Величества сердечнейшие благопожелания и радостный привет по случаю завершающегося объединения остальных частей Русской Земли». Возмущенный император на полях письма митрополита собственноручно начертил лаконичную визу «Аспид».

Следует учесть, что Николай II еще не подозревал о существовании изложенного выше плана переустройства Украины, черновик которого был обнаружен в тайнике под Святоюрским собором во Львове в феврале 1915 года. 27 июля 1916 года министр внутренних дел Штюрмер направил Николаю II донесение по поводу обнаруженного документа, в котором кратко из-

лагались его основные положения. В связи с этим последовала еще одна резолюция Николая II в адрес Шептицкого — «Какой мерзавец!».

Но за что же еще до всего этого выслали Шептицкого? Ответ можно прочитать в мемуарах генерала А. Брусилова: *«Униатский митрополит граф Шептицкий, явный враг России, с давних пор неизменно агитировал против нас... Я его потребовал к себе с предложением дать честное слово, что он никаких враждебных действий против нас предпринимать не будет; в таком случае я брал на себя разрешить ему оставаться во Львове для исполнения его духовных обязанностей. Он охотно дал мне это слово, но, к сожалению, вслед за сим начал опять мутить и произносить церковные проповеди, явно нам враждебные. Ввиду этого я его выслав в Киев в распоряжение главнокомандующего»*. Оказывается, через пару дней после своего «честного слова» митрополит выступил в Успенском соборе с призывом «молиться за победу австро-германского оружия»!..

Итак, 19 сентября 1914 года Шептицкого интернировали в Россию. «Мученик» и «царский узник» выехал из Львова в Киев в комфортабельном салон-вагоне в сопровождении своего духовника, ректора униатской семинарии Боцяна, личного секретаря монаха Гродского и слуги. Поселили «жестокие» власти Шептицкого в лучшей киевской гостинице «Континенталь». В Киеве за митрополитом был установлен надзор, но это его не смутило. Он сразу начал вести работу по расширению греко-католицизма в Украине. Сначала правительство было намерено оставить Шептицкого в Киеве, но ввиду продолжения его деятельности отправило в Нижний Новгород. Митрополит и там попытался заняться созданием тайных униатских пунктов. Оттуда поднадзорного отправили в Курск. Здесь Шептицкий уже действовал более осторожно, скооперировавшись с местным католическим ксендзом и используя его как легальное прикрытие.

Тем временем в защиту «пастыря» выступили его высокопоставленные покровители, приближенные к Ватикану, австрийскому и немецкому дворам. Щемящее письмо прислала теща бывшего канцлера Германии Гогенлое, княгиня Витгенштейн. Развил бурную деятельность киевский магнат граф Тышкевич. Он буквально забросал письмами различных государственных деятелей России и других стран. Ватикан и ав-

стро-немецкий блок использовали «ссылку» Шептицкого для компрометации русского правительства. Были инспирированы провокационные слухи о «мученической смерти митрополита в российской неволе». Некоторые австрийские газеты даже разместили некрологи. Но, увы, кампания по освобождению Шептицкого провалилась после того, как в тайнике Святоюрского собора были обнаружены документы, изобличающие двурушника.

Кроме записки «О мерах по отторжению Русской Украины от России», в руки русской контрразведки попали также списки лиц, которых австро-венгерское правительство должно было назначить на административные посты после оккупации Украины. Это произошло как раз в тот момент, когда Ватикан завершал переговоры с царским правительством о разрешении Шептицкому выехать в Ватикан или какую-либо нейтральную страну — или об обмене его на какого-нибудь пленного русского журналиста. Один из чиновников при военном губернаторе Галиции 28 апреля 1915 года написал начальнику канцелярии министерства иностранных дел барону Шиллингу, что найденные во Львове секретные документы безусловно подтверждают *«связь Шептицкого с Берлином и его деятельность в интересах австрийского гентаба»*. Тогда министерство иностранных дел России удовлетворило просьбу Ватикана предоставить документальные основания для дальнейшего содержания Шептицкого в качестве интернированного. «Апостольская столица» больше этот вопрос не поднимала...

Стоит отметить, что Шептицкий остался глух к ходатайствам различных церковных и государственных деятелей в защиту истреблявшихся в 1914—15 годах галичан-русофилов. За арестованных и избиваемых православных заступились даже епископы-католики. Испанский король Альфонс просил помиловать осужденных на Венском процессе. Но униаты во главе с Шептицким наотрез отказались заступаться за русских священников и мирян, гибнувших в Талергофском концлагере. Таковы были их представления о христианском милосердии.

Остается добавить, что русское правительство выделяло на содержание главы униатской церкви, уличенного как шпиона австрийской армии, четыре тысячи рублей в год, то есть столько же, сколько получал в России православный епископ.

После февральской революции Временное правительство сняло с Шептицкого все ограничения и предоставило полную свободу передвижения по стране. В середине марта министр Керенский сообщил владыке Андрею, что он может выбрать место проживания по собственному усмотрению. И тот выбрал Петербург, где лично поблагодарил за свое освобождение главу Временного правительства Львова, министров Керенского, Милюкова, Терещенко. «Пастырю» даже вернули часть обнаруженных во Львове шпионских документов...

Глава 2

ЧТО ТАКОЕ ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАДА

По мере затягивания войны и неудач русских войск на фронте, в тылу начали расти пораженческие настроения. Ряд радикальных антиправительственных партий начал пацифистскую антивоенную агитацию. Среди них были и украинские, например, Украинская социал-демократическая рабочая партия (в которой одно время состоял и Д. Донцов). Помимо антивоенных лозунгов, они требовали украинизации армии. Но и сами националисты признают отсутствие до 1917 года подлинно сепаратистских выступлений...

Современники пишут, что до конца февраля 1917-го года в Киеве ничто не предвещало близкой грозы. Первым известием о революции в Петербурге была телеграмма члена Государственной Думы Бубликова с извещением о падении правительства и с призывом соблюдать спокойствие и порядок. Никаких других официальных сообщений не было; еще целых три дня и Киев, и вся Украина питались разными слухами и ничего достоверного не знали. Только после разрешения главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Брусилова командующий Киевским военным округом генерал Ходорович позволил газетам напечатать сообщение о событиях в Петербурге. Так Киев и Украина узнали о совершившейся Февральской революции. Сразу же закипела приглушенная во время войны политическая деятельность разных легальных и нелегальных организаций.

Организационным центром новой власти оказалась городская дума, вернее, как пишет участник тех событий А. Гольденвейзер, ее залы, в которых начали собираться представители разных организаций и партий, к которым перешла власть. В образовавшемся органе были представлены все существовавшие в Киеве общественные, культурные, просветительские, национальные организации, а также советы рабочих и военных де-

путатов. При рассмотрении списка собравшихся бросается в глаза, что на этом их многолюдном собрании в столице Украины была представлена только одна украинская организация — «Товариство Українських Поступовців» (ТУП). Почему это случилось, объясняет один из будущих лидеров «самостоятельной» Украины, Дмитрий Дорошенко, в своей «Истории Украины»: *«ТУП была в то время единственной украинской организацией»*. Все другие украинцы левого, социалистического направления пребывали в рядах общероссийских партий и не ощущали потребности создания отдельных украинских партий.

Но этот орган, однако, оказался слишком громоздким, поэтому из его состава был выделен Исполнительный комитет (Исполком) из 12 членов. Пополненный впоследствии благодаря многочисленным кооптациям, в течение первых трех месяцев революции он фактически был высшей властью в Киеве, представляя Временное правительство, пока эту власть не захватила Центральная Рада.

Лозунги же о «державной суверенности» прозвучали, хотя сегодня в это трудно даже поверить, из столицы Российской империи — Петрограда. В первые дни Февральской революции в многочисленной украинской диаспоре, укrywшейся от тягот войны в различных российских бюрократических структурах, дающих право уклониться от армии, был создан «Тимчасовий український революційний комітет», который 2 марта обратился с воззванием к украинцам Петрограда. В нем говорилось: *«Гасло демократичної республіки забезпечує громадянські права кожної окремої людини, але українська демократія, українські маси потребують забезпечення не лише своїх загальногромадянських прав, але й своїх окремих національних, тих прав, які російський народ має вже віддавна. З цим гаслом національного визволення і повинні виступати українські маси в Петрограді. Найповнішим висловом ідеї національного визволення є національно-державна самостійність, і лише створення власного суверенного власного організму може забезпечити якнайширший культурний розвиток українського народу. В світлі цього ідеалу українська маса в Петрограді повинна виставити вкупі з демократією інших народів Росії лозунг перебудови Російської держави на федеративну демократичну республіку з якнайширшими правами окремих націй і спеціальною якнайширшою національно-територіальною автономією України»*.

Когда Грушевского «позвали на царство», т. е. возглавить Центральную Раду, оторвав его от издательского бизнеса в Москве, — в Киеве уже краснобайствовали, как указывает сам Грушевский в своих «Споминах», *«ті самостійники й фашисти»*, т. е. туповцы и им подобные. Поэтому сначала борьба пошла за лидерство в ЦР. Во время выборов на Всеукраинском конгрессе, в последний день заседания, когда подошло время голосования, клакеры закричали: «Виборів не треба», «Маємо голову», «Батько Грушевський наш голова»...

Центральная Рада была образована 17 (по новому стилю) марта 1917 года после Всеукраинского национального Конгресса. Гольдвейзер вспоминал: *«8 апреля 1917 года был первый смотр украинских национальных сил и первая встреча украинской и русской общественности после революции. И приветствия, и поцелуи — все это было прекрасно и даже трогательно. Но от внимательного наблюдателя не могли уже в этот день ускользнуть предвестники совсем иных встреч в близком будущем»*. Центральная Рада была избрана как чисто национальное образование наподобие «Совета объединенных еврейских организаций» и «Польского исполнительного комитета». Еврейский совет даже конкурировал с ЦР, хлопоча перед Исполкомом о предоставлении ему помещения Педагогического музея. Однако музей остался в распоряжении украинских организаций и стал их штаб-квартирой. О своем существовании ЦР сообщила в листовке как некая национальная общественная организация. О каком-либо стремлении к государственной власти в этом первом документе не говорилось ничего: *«Представники всіх українських груп, товариств і гуртків вибрали і призначили Українську Центральну раду в Києві, щоб вона орудовала усіма справами нашими. Сьогодні вона уряджає маніфестацію, на дні 6-8 квітня скликає загальноукраїнський конгрес для установлення постійних членів Центральної Української ради, відкриває збір грошей на «Український національний фонд»*. К слову, вопрос о «грошах» являлся доминирующим при принятии всех более-менее важных решений ЦР — то ли во взаимоотношениях с Временным правительством, то ли с Германией, то ли в грызне членов Рады между собой.

И хотя они сумели в короткое время создать широко разветвленную и достаточно крепкую организацию, до поры до вре-

мени все оставалось в рамках чисто национального движения. Будущий глава Директории Владимир Винниченко писал в книге «Відродження нації»: «Якийсь час Ц. Рада мала служити переважно національним центром, вона мала завдання зібрати всі сили, які мало українство, тими силами привести маси до національної свідомості, закріпити національні досягнення, а тоді, спираючись на це, творити соціальну перебудову в відповідних, наших, національних формах і в тому розумінню самої «перебудови», яке допускалося нашим розумінням суті революції».

По поводу автономии Украины Конгресс вынес следующую резолюцию: «Украинский Национальный Конгресс, признавая за Российским Учредительным Собранием право санкции нового государственного устройства Российской республики, считает, однако, что до созыва Российского Учредительного Собрания сторонники нового порядка на Украине не могут оставаться пассивными и должны, по соглашению с меньшими народностями, безотлагательно создавать основы ее автономной жизни». По вопросу о самостоятельности величайший тогда авторитет всего украинского движения, профессор Михаил Грушевский, высказался на Конгрессе так: «Украинцы не имеют намерение отрывать Украину от России. Если бы они имели такое намерение — они бы выступили искренно и открыто с таким лозунгом. Ведь теперь за это они ничем бы не рисковали».

«Батько Грушевський» — «заздрісний, нечесний дідок»

В своей брошюре «Якої ми хочемо автономії й федерації» Грушевский «простыми словами» объяснил, что украинцы хотя и имеют «широку національно-територіальну автономію України в складі федеративної Російської республіки». Широта и глубина этой автономии описывалась так: «Поодинокі держави-частини, ввійшовши в союз, не мають права виходити з нього — вони зрікають ся сього права. На зверх, щодо иньших держав, союзна держава виступає як одне тіло, — право заграничної політики належить тільки до союзнаї держави, а не держав-частей (т. е. «отцы-основатели» украинской государственности предлагали дать украинской автономии гораздо меньше прав, чем имела УССР в составе Советского Союза! — М. Б.). Так само провід військовими силами та фльотою держави. По за тим конституція звичайно вичислює ті справи, які належать до со-

юзних, федеративних органів, а все невчислене належить до місцевих органів самопорядкування держав-частей».

Находясь в Москве, Грушевский мечтал получить титул депутата IV Всероссийской Думы. *«Главным предметом разговора, — писал он в «Споминах», — была моя кандидатура при ближайших выборах до Держдумы. Київські громадяни висловляли побажання, щоб я dokonче кандидатував від м. Києва... Винниченко від себе висловляв переконання, що соціал-демократи піддержуть мене «як послідовного демократа, котрий ніколи не погрішився против демократичних принципів», як він висловився».* Самое интересное, что в личном дневнике Винниченко высказался о Грушевском иначе: *«заздрісний, нечесний дідок».* А о его научной работе — еще более резко: *«Через... безлюддя, бідність на культурні сили, і Грушевський серед деяких патріотів у генії потрапив. Написати 8 томів історії України — річ, розуміється, поважна. Правда, ні трішечки не геніальна, навіть не талановита. Читати її можна за кару... «На безлюдді і Хома дворянин», — і Грушевський геній».* Даже будучи уже председателем ЦР, он был готов был сменить мандат *«батька української нації»* на мандат депутата V Думы, которая так и не состоялась. Но в вожденное депутатство необходимо было инвестировать немалую сумму. Евгений Чикаленко, который возглавлял Центральную Раду до возвращения из ссылки Грушевского, в своих воспоминаниях упоминал о разговоре с профессором на эту тему: *«Чи безпечно тепер робити купчу на землю, яку він сторгував, щоб мати самостійний ценз по повіту до Державної Думи, щось коло ста десятин».* Сто десятин — это около одного квадратного километра; за такой участок в то время надо было выложить примерно четверть миллиона рублей — сумма умопомрачительная для скромного профессора...

Кто знает, — может, и осталась бы Центральная Рада таким себе национально-культурным центром, если бы не сыграл на амбициях профессора Грушевского приехавший вслед за ним некий Иван Маевский. С этим человеком судьба свела Грушевского в Москве, где они собирались организовать акционерный издательский союз, специализирующийся на книгах украинских авторов. О Маевском Михаил Грушевский в своих «Споминах» приводил такие сведения: *«Дитячі літа він прожив десь на Адрії, вихований по-італійськи, потім хлопцем був приве-*

зений батьком до Кременчука, тут учився в реальній школі, підлітком років 14-16 виїхав до Америки, там натуралізовався, скінчив, по його словам, медицину, але заінтересувався літературою, між іншим, був знайомий з Джеком Лондоном... мав в собі багато авантюристичного...»

И вот этот человек, который «мав в собі багато авантюристичного», приехав из Москвы, начинает уговаривать Грушевского примерить на себя роль «украинского Родзянко» (главы III и IV Думы) или «украинского Львова» (премьера первого и второго кабинетов Временного правительства). Сам Грушевский об этом пишет так: *«Вперше я почув її від вищезгаданого Маєвського, але, знаючи його ексцентричність і індивідуальність, не надав їй особливого значення, думаючи, що вона зостанеться ще надовго його індивідуальним добром. Як «давній московський знайомий», він часами заходив зі мною в довірочні розмови, ким я хочу бути — чи Родзянко, чи Львовим, а коли я висловив своє нерозуміння сього питання, пояснив свою гадку: час внести ясність і роздільність у функції нашого українського центру; Ц. Рада мусить правильно і постійно функціонувати як тимчасовий український парламент; але мусить поруч нею бути, чи нею організовуватись українське правительство; він займався пропагандою цієї ідеї, і наперед хотів би знати, яку роль взяв би я собі при здійсненні сього плану... Я, скільки памятаю, відповів йому, що мені ся справа не здається такою негайною, особливої роботи для езекутиви (исполнительной власти — М.Б.) я не бачу, і Ц. Рада може ще довго полагоджувати чергову організаційну роботу в нинішній формі, але в кожному разі не маю охоти переходити на езекутиву і краще б зістався в Ц. Раді, поскільки можу бути їй корисний».*

Грушевского устраивала роль «батька», который сидит во главе представительского органа «всієї організованої української людності». Однако он узнал, что Маевский уже обсуждал свои предложения в ЦК эсэров; поэтому, «сыграв на опережение», в мае в статье для газеты «Народна воля» написал о необходимости создать «Тимчасовий український уряд» и о его функциях: *«Він організовує при собі комісії для всяких справ наших українських — комісію організаційну, військову, освітню, правничу, фінансову й інші... повинен об'єднувати й керувати національно-політичною діяльністю всіх українських*

організацій для досягнення тих політичних завдань, для яких об'єднувались ці організації — досягнення широкої автономії України в Федеративній Російській республіці...»

Первый универсал: «Не одділяючись від всієї Росії...»

Скоро Центральная Рада, почувствовав слабость Временного правительства, перестала считаться с его властью и стала рассматривать себя как орган автономный и независимый от общероссийских учреждений. Впервые это проявилось в обращении Центральной Рады к Временному правительству с декларацией, в которой излагался ряд требований. Этот документ повезла депутация во главе с Винниченко. Депутация эта, посланная за спиной Исполкома, привела к столкновению между Исполкомом и Радой. На следующий день все киевские газеты вышли с заголовками «Украинский вопрос в Исполнительном комитете». Была послана контрдепутация. Однако она оказалась излишней, так как к этому времени Временное правительство отвергло требования Центральной Рады. Дело в том, что, как обиженно вспоминал Винниченко, Временное правительство приняло делегацию, но *«вместо того, чтобы дать простой и точный ответ, начало играть комедию: напустило на делегацию комиссию профессоров, которая набросилась на нас и начала щупать со всех сторон, стараясь сбить ее с позиций, втянуть в юридические дебри, запутать и потом взять живыми в руки»*. Здесь уместно упомянуть, что те, которые, по словам Винниченко, хотели «взять их живыми в руки», были украинцы — юристы Лазаревский и Котляровский. Временное правительство «напустило» на делегацию специалистов, желая поставить разговоры на чисто юридическую точку зрения.

После этого и началась агитация против «узурпаторского» Временного правительства. В Киеве как раз начался Второй военный съезд, на котором присутствовало украинизированное воинство, которое *«зовсім не виявляло бойової революційної енергії. Воно радо відзивалось на революційні кличі, котрі зводили його з фронту, віддаляли необхідність воюватись і битись, але дуже слабо реагувало до покликів до бою з ким би то не було»*.

И вот на Софийской площади 4 июня 1917 года это славное воинство, не желавшее «воюватись», провело митинг, на котором и был брошен клич — объявить автономию. Как вспоминал Гру-

шевский, «кульмінаційним пунктом його був момент, коли котрийсь із військових делегатів висловив тверду волю не роз'їздитися з Києва, поки автономія України не буде забезпечена».

На следующий день съезд продолжился в Киевском оперном театре. Именно там и разрабатывался проект обещанного Центральной Радой универсала. И хотя Грушевский на всякий случай избежал участия в подготовке опасного документа, ему в деталях обо всем рассказали, о чем он и написал в своих воспоминаниях. Владимир Винниченко, возбужденный эмоциональностью и театральностью события, предложил свой, радикальный вариант универсала, но умеренные и взвешенные коллеги, такие, как Ефремов, назвали предложение авантюрным. После этого, как сообщает Грушевский, Винниченко *«заявив повну готовність вигладити»*. «Гладили» так, что от первоначального текста осталось только название «универсал». Кстати, даже столь умеренный документ Грушевский так и не подписал, боясь взваливать на себя ответственность. Универсал отправили в типографию без подписи председателя Центральной Рады, хотя в правовом отношении без визы председателя все законы и постановления ЦР являлись нелегитимными.

Эмоциональные воспоминания о провозглашении Первого универсала оставили как Винниченко, так и Грушевский. Зачитывал его в оперном театре Владимир Винниченко. Но, опять-таки, утверждения полной независимости Украины в документе не было:

«Хай буде Україна вільною. Не одділяючись від всієї Росії, не розриваючи з державою Російською, хай народ український на свої землі має право сам порядкувати своїм життям...»

Ми гадали, що Центральне Російське Правительство простягне нам руку в сій роботі, що в згоді з ним ми, Українська Центральна Рада, зможемо дати лад нашій землі.

Але Тимчасове Російське Правительство одкинуло всі наші домагання, одпіхнуло простягнену руку українського народу... Всі ці домагання наші Центральне Російське Правительство одкинуло.

Воно не хотіло сказати, чи признає за нашим народом право на автономію та право самому порядкувати своїм життям. Воно ухилилось од відповіді, одіславши нас до майбутнього Всеросійського Учредительного Зібрання.

Центральне Російське Правительство не схотіло мати при собі нашого комісара, не схотіло разом з нами творити новий лад. Так само не схотіло признати комісара на Україну, щоб не могли разом з ним вести наш край до ладу й порядку.

І гроші, що збираються з нашої землі, одмовилось повернути на потреби нашої школи, освіти й організації.

І тепер, Народе Український, нас приневолено, щоб ми самі творили нашу долю. Ми не можемо допустити край наш на безладдя та занепад. Коли Тимчасове Російське Правительство не може дати лад у нас, коли не хоче стати разом з нами до великої роботи, то ми самі повинні взяти її на себе. Се наш обов'язок перед нашим краєм і перед тими народами, що живуть на нашій землі.

... І коли ми зробимо сю підготовчу організаційну роботу, ми скличемо представників від усіх народів Землі Української і виробимо закони для неї. Ті закони, той увесь лад, який ми підготуємо, Всеросійське Учредительне Зібрання має затвердити своїм законом».

А после всех високих слов «отцы нации» не забыли призвать украинский народ выворачивать карманы: «*Ми, Українська Центральна Рада, приписуємо всім організованим громадянам сел і городів, всім українським громадським установам і установам з 1-го числа місяця липня (іюля) накладати на людність особливий податок на рідну справу і точно, негайно, регулярно пересилати його в скарбницю Української Центральної Ради».*

Универсал был произнесен «року 1917, місяця червня числа 10». «*Все кількатисячне зібрання по вислуханні впало на коліна і проспівало «Заповіт» з його грізними словами про окроплення волі кров'ю. Кричали гучну славу Ц. Раді, викликано на естраду мене, але я там не був», — писав впоследствии Михаил Грушевский (опять же, профессор поосторожничал...).* Это яркое описание напоминает словеса современных витий о временах «оранжевой революции» и полутора миллионах «вставшего с колен» народа на небольшой площади Независимости в Киеве. В Киевском оперном театре не могут поместиться несколько тысяч человек. Да если бы их там и утрамбовали, как бы они в едином порыве опустили на колени в уставленном креслах зале театра?

Итак, главные действующие лица происходивших в Киеве событий бурно имитировали одержимость автономией Украины, но совершенно нечетко формулировали, какой же именно автономии они хотят. Член Центральной Рады Гольденвейзер указывал: для всех было ясно, что сила украинского движения заключается главным образом в слабости его противников. Кроме того, секрет успеха национальной украинской агитации был в том, что она отвечала желаниям и склонностям широких масс, по преимуществу сельских. Крестьянам внушали, что Центральная Рада защитит их от невыгодного общего передела земли с соседями-россиянами; говорили, что, поскольку не Украина затеяла войну, украинцам незачем воевать. Но, вызвав революционный дух, через полтора года те же Петлюра и Винниченко ничего уже не смогли противопоставить приходу Советской власти...

Тем временем слабело Временное правительство и падало в Киеве влияние Исполнительного комитета. Реальная власть перемещалась в ЦР. Ее представители начали грозить России, что оголят фронт, отзывав украинцев из воинских частей. К тому времени Рада избрала свой исполнительный орган — Генеральный Секретариат. Правда, он потеснил в музее самое Центральную раду:

«Ген. Секретаріатові приходилось розташовувати свої «столи» — забрані від Ц. Ради — в тім же коридорі Ц. Ради — один стіл означав секретаріат освіти, другий секретаріат земельних справ, де сиділи поруч міністри, діловоди і машиністки, а одна з убиралень Педагогічного музею була обернена на президіальний покій секретаріату». Но на любую, даже бессмысленную работу необходимы средства. Тем более, что на 5-й сессии ЦР, утвердившей Генеральный секретариат, он был обозначен, согласно принятой резолюции, как *«найвищий народоправний орган українського народу і його вища влада».* Ну а «владе», тем более, уже своя, национальная, имеет право требовать на свое содержание деньги. Поэтому та же сессия ЦР решила, что Генсекретариат должен внести для утверждения проект *«добровільного посімейного податку по 3 крб. на потреби Ц. Ради та її виконавчого апарату».* Это помимо налогов общероссийских, которые, естественно, Центральная Рада отменять не собиралась.

Второй универсал: «Проти замірів самовільного здійснення автономії України...»

Наконец, для налаживания контактов в Киев прибыла делегация Временного правительства в составе князя Урусова, министра иностранных дел Терещенко, военного министра Керенского, министра путей сообщения Некрасова и министра почт и телеграфов Церетели. Они заключили соглашение с украинскими лидерами. По этому соглашению, которое еще нуждалось в ратификации, Генеральный секретариат получал функции краевого исполнительного органа, а Центральная Рада становилась законодательным центром автономной провинции. Оба органа должны были пополниться представителями национальных меньшинств. Был принят Второй универсал, в котором также осуждалась чрезмерная автономия: *«Ми, Центральна Рада, яка завжди стояла за те, щоб не одділяти Україну од Росії, щоб вкупі з усіма народами її прямувати до розвитку та добробуту всієї Росії і до єдності демократичних сил її, з задоволенням приймаємо заклик Правительства до єднання... Вважаючи, що утворення краевого органу Временного Правительства на Україні забезпечує бажане наближення управління краєм до потреби місцевої людності в можливих до Учредительного Зібрання межах, і визнаючи, що доля всіх народів Росії міцно зав'язана з загальними здобутками революції, ми рішуче ставимось проти замірів самовільного здійснення автономії України до Всеросійського Учредительного Зібрання...»*

Все киевские партии одобряли достигнутое представителями Временного правительства, Исполкома и Центральной Рады соглашение, хотя и смотрели на него как на неизбежное зло. Через несколько дней состоялось торжественное заседание Рады с участием представителей национальных меньшинств. С этого дня центр политической жизни переместился из дворца, где продолжали заседать Исполнительный комитет и Советы, в Педагогический музей — место собраний Центральной Рады.

Временному правительству в соглашении от 3 июля 1917 пришлось признать Раду и Генеральный Секретариат высшим краевым органом власти на Украине. Центральная Рада признала Всероссийское Учредительное собрание верховной вла-

стью и дала обязательство, что Украина не отделится от России, если Всероссийское Учредительное собрание предоставит автономию Украине. Фактически Центральная Рада, в которую вошли представители национальных меньшинств, стала парламентом Украины. Правда, в сентябре 1917 года в Киеве состоялся Съезд народов России. Он был очень хорошо подготовлен. Делегатов снабдили материалами о федерализме: австро-венгерском, швейцарском, американском. Готовившие съезд украинцы искренне хотели оказаться у истоков подлинно свободной, подлинно демократической российской федерации народов. Но, увы, события начали развиваться так стремительно, что этот съезд постигла судьба Новоогаревского договора...

Что же представляла собой тогда Центральная Рада? Трудно вообразить себе нечто более хаотичное и далекое от нормального парламента. В своих воспоминаниях бывший член Центральной Рады В. М. Левитский пишет: *«Официально украинский парламент состоял из 600 депутатов, избранных населением и 2-миллионной армией сторонников украинской республики на фронте... Украинских депутатов в Раде оказалось 117 человек. Из них 1 священник, 20-25 представителей интеллигенции, несколько крестьян, остальные — солдатские шинели, мирно дремавшие и креслах. Мы сейчас же избрали своего представителя в мандатную комиссию. Появление его в комиссии вызвало в рядах украинцев настоящую панику. Пользуясь малокультурностью и растерянностью секретаря, наш уполномоченный завладел папкой с депутатскими документами и принялся за их внимательное изучение. Вечером мы собрались, чтобы выслушать его доклад. Доклад не вызывал никаких сомнений. Никаких выборов в Центральную Раду нигде не было. Депутаты из армии заседали на основании удостоверений, что такой-то командирится в Киев для получения в интендантском складе партии сапог; для отдачи в починку пулеметов; для денежных расчетов; для лечения и т.п. Депутаты «тыла» имели частные письма на имя Грушевского и других лидеров, приблизительно одинакового содержания: «посылаем известного нам»... В конце — подпись председателя или секретаря какой-нибудь партийной или общественной украинской организации. Наш представитель успел снять копию с полномочий депутатов г. Полтавы. Все они были избраны советом старшин украинского клуба в заседании, на котором присут-*

ствовали 8 человек. Всего депутатских документов оказалось 800. На официальный запрос секретарь смущенно ответил, что здесь все документы. Остальные депутаты (около 300) — это Грушевский, Винниченко, Порш и другие члены президиума, которым «передоверены» депутатские полномочия и каждый из них равняется 10-15-25 депутатам.

Наконец, пояснил секретарь, часть депутатов еще не успела зарегистрироваться, но таким, успокоил он, мы выдаем вместо депутатских билетов только квитки на обед.

Тайна украинского парламента была разоблачена. Мы сложили свои полномочия и ушли из Рады».

Летом 1917 года в Украине как раз проходили выборы в органы городского самоуправления. Выборы были всеобщие, прямые, равные, тайные и свободные. Любая партия или блок партий имели право выставить свой список, свободно вести пропаганду всех видов и бороться за места депутатов — гласных городских дум. Выборы примерно показали национально-политические симпатии населения в тот период. Д. Дорошенко в своей «Истории Украины» приводит данные о результатах этих выборов в восьми главнейших городах Украины с украинским населением: в Киеве из 125 гласных дум представители украинских партий получили 24 места, в Екатеринославе из 110 гласных «национально сознательные» получили 11 мест, в Херсоне из 101 — 15 мест и т.д. «Только там, где украинцы выступали в блоке с русскими социалистами, они получали более значительную часть мандатов», — признал Дорошенко. Не нашли отклика у населения и предпринятые Радой шаги к «украинизации» школ, суда и административных учреждений. Посыпались многочисленные протесты.

Киев в первые месяцы революции быстро наполнялся галичанами. Часть из них пробиралась из Австрии через фронт, который уже начал разлагаться, часть — из лагерей военнопленных, из мест расселения галицийских беженцев и интернированных в первые месяцы войны. Так в Киеве очутились австрийский полковник Андрей Мельник и Роман Сушко — будущие лидеры ОУН.

Галичане считали себя квинтэссенцией украинской культуры, «украинским Пьемонтом»; они давили на социалистов и интеллигенцию, требуя немедленной украинизации всей жизни... разумеется, по их указаниям и под их руководством. Хотя боль-

шинство населения относилось к ним в лучшем случае настороженно, в худшем — враждебно, — напористость галичан в соединении с честолюбием и жадной властью делали свое дело.

Центральная Рада также быстро распространяла свою власть. Правда, эта власть зачастую была не менее призрачной, чем у Временного правительства. В некоторых городах образовались самостоятельные местные республики. Например, в городе Переяславе Полтавской губернии председатель Совета рабочих депутатов, помощник присяжного поверенного Георгий Носарь, родом переяславский казак, устроил республику под своим управлением. Он не признавал никакой другой власти, кроме своей собственной. В республике Носаря, кстати, жилось спокойнее, чем в других местах. Существование «Переяславской республики» закончилось с занятием Переяслава большевистскими войсками в январе 1918 года. По воспоминаниям Дорошенко, вместо того, чтобы заниматься государственным управлением, *«Генеральный Секретариат продолжал оставаться оторванным от страны, изображая из себя нечто вроде наблюдательного или совещательного органа. Никто из секретарей не показывался нигде, кроме Киева, а в Киеве их энергия уходила на политику в Центральной Раде... Но всю вину за то, что автономное правительство никак не могло наладить дела и действительно взять бразды правления в руки, сваливали на Временное правительство».*

«Товарищи дезертиры! Все на митинг!»

Общие настроения не пощадили и армию — она начала быстро разлагаться. В результате падения дисциплины появились сотни тысяч дезертиров, которые наполнили тыловые города и в первую очередь Киев.

Распропагандированные солдаты записывались в «украинцы» в надежде скорее попасть домой. Другие оправдывали свое дезертирство желанием воевать только в украинских частях. К концу апреля 1917 года в Киеве накопилось несколько тысяч дезертиров. Они решили «легализоваться» путем превращения всей своей массы в «украинскую часть».

В последних числах апреля весь Киев был залеплен плакатами: «Товарищи дезертиры! Все на митинг на Сырце 30 апреля!» Пустырь в районе Сырца, на котором митинговали, за-

полнила многотысячная толпа дезертиров. На груди у многих были желто-голубые ленточки. После выступлений многочисленных ораторов была вынесена резолюция о немедленном формировании украинской части в Киеве и немедленном же зачислении солдат «на все виды довольствия».

Командующий войсками Временного правительства в Киеве полковник Оберучев в своих мемуарах «В дни революции» писал, что *«группа дезертиров с распределительного пункта — тысячи четыре человек — вышли на улицу и, во главе с избранным ими командиром полка, штабс-капитаном Путником-Гребенюком, направилась к дворцу (в это время во дворце помещались исполнительные комитеты). Они предъявили требование признать их «Первым украинским имени Богдана Хмельницкого полком».*

Мнения о том, удовлетворить ли требования дезертиров, разделились. Центральная Рада вынесла резолюцию: *«данную группу солдат признать полком и считаться с этим, как с фактом».* Совет солдатских депутатов стал на противоположную точку зрения и категорически воспротивился такому способу создания армии.

После длительных переговоров и совещаний, к которым были привлечены не только главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Брусилов, но и военный министр, дезертиры восторжествовали. Был признан факт формирования первого полка украинской армии. Правда, с оговоркой, что не все дезертиры, объявившие себя полком, будут таковым признаны, а только добровольцы; все же остальные должны быть отправлены на фронт. Но оговорку эту провести в жизнь не удалось, ибо солдаты, не попавшие в состав полка, разбежались и на фронт не поехали. Удобно расположившись в казармах, полк рос, как на дрожжах, ежедневно требуя все больше довольствия, не неся никаких караулов по гарнизону и не помышляя о фронте.

Как известно, дурной пример заразителен. Вскоре в Киеве сформировался еще один такой же полк — «имени гетмана Полуботка». На фронт его солдаты также не поехали, зато приняли активное участие в попытке захватить власть в Киеве в дни июльских предреволюционных волнений в Петрограде. Глава Генерального Секретариата Винниченко уведомил по прямому проводу Временное правительство, что *«в ночь на 5 июля груп-*

па украинцев-солдат, около 5000, которая проходила распределительный пункт и самовольно, вопреки распоряжению Генерального Секретариата, назвала себя полком имени гетмана Полуботка, захватила арсенал, вооружилась и поставила караулы около двух государственных учреждений. Генеральный Секретариат немедленно предпринял решительные меры для восстановления порядка».

И общероссийские, и украинские власти пытались урезонить бунтарей. Центральная Рада вынесла резолюцию «*призвать товарищей солдат... к национальной гражданской дисциплине*». Но все оказалось безрезультатным.

О результатах «украинизации» частей в своей «Истории Украины» Д. Дорошенко писал: «*Реальной пользы от этой «украинизации» было немного: солдаты разбежались, не доехавши до фронта, а у себя в казармах ничего не делали. Только митинговали, а в действительности не хотели даже пальцем шевельнуть, чтобы помочь Украине*».

Единственным боеспособным соединением стал 34 армейский корпус под командованием генерала Павла Скоропадского, который он превратил в 1-й Украинский корпус. Но, увы, накануне падения Центральной Рады, к началу 1918 года эта боевая часть тоже перестала существовать.

Дорошенко, которому поручили формирование первого правительства автономной Украины, считал, что «*возрожденная национальная государственность Украины должна была бы опираться на все классы населения и привлечь к делу строительства обновленной жизни все группы, все народности края, всех их заинтересовать и сделать участниками общей работы*». Но, увы, представители Центральной Рады «*предпочитали строить новую Украину на, так сказать, пустом месте, а украинскую историческую традицию в ее последней и ближайшей к нам по времени форме гетманщины предавали осмеянию и поруганию*».

Центральная Рада заявляла, что она выражает думы и чаяния всех слоев народа. Но Дорошенко хорошо знал, «*как готовились войсковые съезды и творились представители от «40 000 солдат» или иной крупной массы, и потому мало верил в прочность этой опоры, особенно в ее сознательность. Действительно, когда осенью появились большевики и бросили в*

солдатскую массу более элементарные и заманчивые лозунги, чем те, которые распространяли российские и украинские эсеры, то этот «миллион» растаял бесследно в самое короткое время. Защищать Центральную Раду оказалось некому, и умирать за нее пошла лишь интеллигентная молодежь, гимназисты и студенты — дети «буржуев».

Далее он пишет: «Со стороны господствовавших в Центральной Раде эсеров в крестьянскую массу все время бросались демагогические призывы и широкие обещания, конечно, прежде всего, обещание даровой земли. Центральная Рада держала курс на социализацию земли, причем появление большевиков заставляло ее выступать в этом направлении все более и более радикально. Автономия Украины и вообще национальные требования преподносились массам как своего рода выкуп, цена за панскую землю: хочешь получить панскую землю даром — требуй автономию! Понятно, что это не создавало прочной базы для воссоздаваемой украинской государственности. Подобно солдатской массе, крестьянство в свою очередь не шевельнуло и пальцем в защиту Центральной Рады, когда в январе 1918 года к Киеву подступили большевики».

Кроме того, стали возникать отряды Вольного казачества. Последнее сложилось, прежде всего, на правобережной Украине, как организация самообороны крестьян от банд дезертиров из старой русской армии. В деревнях на Украине были десятки тысяч людей, вернувшихся с войны и умевших стрелять. Имелись сотни тысяч винтовок, закопанных в земле, спрятанных в «клунях» и «коморах» и не сданных, несмотря на все угрозы властей; миллионы патронов в той же земле, пулеметы и трехдюймовые полевые орудия чуть ли не в каждой деревне, склады снарядов, шинелей и папах чуть ли не в каждом городишке. Так возникли банды, резервом которых была деревня. А «батьками-атаманами» этих банд стали «самостийники» — сельские учителя, фельдшеры, украинские семинаристы, ставшие во время войны 1914—1917 г. прапорщиками и поручиками. Все они вдруг сделались «украинцами», все они «широ» полюбили «нэньку Украину», все заговорили на украинском языке; все распинались «за Украину без панов, без офицеров-москалей», за такую Украину, в которой они, будут самовластными хозяевами и правителями.

Всеобщий съезд казаков в Чигирине в середине октября 1917 г. окончательно оформил эту организацию, избрав ее верховный орган — «Генеральную Раду Вольного казачества».

Октябрьская революция. Украина в свободном режиме

Временное правительство доживало свои последние дни. И когда грянула Октябрьская революция, Украине пришлось устраивать свою судьбу самостоятельно. К октябрю в Киеве оказалось три конкурирующих между собой центра власти: силы, верные Временному правительству, большевики и Центральная Рада. Политическим центром сил, верных Временному правительству, была городская дума. Но, как выяснилось, среди войск киевского гарнизона она могла рассчитывать только на юнкеров, командный состав и на отдельные небольшие части. Центральная Рада со своим Генеральным Секретариатом опирались на украинизированные части. Большевики во главе с Пятаковым и Затонским — на Совет солдатских и рабочих депутатов с несколькими воинскими частями в Киеве и артиллерией за Днепром.

После того, как Временное правительство рухнуло, а *«в Петрограде разразилась так называемая Октябрьская революция, — писал Дорошенко, — Украине уже не осталось ничего иного, как отделиться от большевистской России и начать устраивать свою судьбу совершенно самостоятельно»*. Не правда ли, это поразительно напоминает события, происходившие после августовского «путча» ГКЧП в 1991 году?

Дорошенко вспоминает, что, *«как только пришло известие о начавшемся в Петрограде восстании, в Киеве организовался «Революционный комитет по охране революции на Украине», в котором объединились представители Центральной Рады с представителями местных большевиков, объявивший себя верховной властью на все девять губерний»*. Этот альянс выпустил воззвание к населению и объявил, что *«на улицах Петрограда идет борьба между Временным правительством и Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов»* и что *«враги революции и народной свободы»* могут попытаться вернуть царский режим. Штаб Киевского военного округа попытался устроить в Киеве базу для поддержки Временного

правительства и борьбы с большевиками. Его войска окружили бывший императорский дворец, где заседал Совет солдатских и рабочих депутатов с Пятаковым во главе, и хотели этот Совет арестовать и расстрелять, — но никто иной, как представители Центральной Рады, вырвали большевиков из рук верных Временному правительству войск.

Примечательно, что Центральная Рада сначала «нащупывала пульс событий» — и выбрала позицию, когда на 3-м Украинском военном съезде во время дебатов на слова одного из ораторов «Нам надо определить, с кем мы» — зал ответил криками: «С Лениным! С Лениным!»

Через несколько дней начались сражения между военным округом и большевиками. 17 ноября Пятаков телеграфировал Ленину о полной ликвидации сопротивления сторонников Временного правительства. Во время боев войска, подчиненные Центральной Раде, периодически присоединялись к большевикам. В частности, именно они напали на подразделения чехословацкого корпуса, а представители Рады склонили чехов к нейтралитету.

На территории остальной России части, объявленные украинскими, также охотно присоединялись к большевикам, помогая последним подавлять немногочисленные очаги сопротивления. Одержав победу над сторонниками Временного правительства, большевики приступили к установлению своей власти на местах и действенной агитации в войсках Центральной Рады, грамотно избегая открытых с ней столкновений. В этой обстановке президиум Рады выпустил Третий универсал, в котором декларировал: *«Не отделяясь от Российской Республики и сберегая ее единство, мы твердо станем на нашей земле, чтобы нашими силами помочь всей России; чтобы вся Российская Республика стала федерацией равных и свободных народов»*. Генеральные секретари становились народными министрами; кроме того, в Универсал были включены заявления о предстоящих социальных реформах — отмене права собственности на землю и введении 8-часового рабочего дня.

Но альянс большевиков и Центральной Рады держался недолго. Когда большевики рассеяли защитников штаба округа, Центральная Рада заявила о своем нежелании делиться с ними властью. Хотя большинство мест в Центральной Раде и Генеральном секретариате занимали представители социалистиче-

ских партий — от эсеров до социал-демократов (меньшевиков и большевиков), однако быстро выяснилось, что социалисты в Москве и Киеве по-разному видят организацию власти. Основным камнем преткновения стал вопрос об организации выборов местных советов, которые должны были узаконить власть Центральной Рады на Украине; в результате этого московское правительство готово было признать УНР. В беседе по прямому проводу с представителем Центральной Рады министром Н. Поршем представитель Совнаркома И. Сталин 17(30) ноября 1917 года сказал: *«Центральная Рада сверху присоединяет к себе все новые и новые губернии, не спрашивая жителей этих губерний, хотят ли они войти в состав Украины. Мы все здесь думаем, что в таких случаях вопрос должен и может быть решен лишь самим населением путем опросов, референдума и проч. Поскольку Центральная Рада этого не делает, а совершенно произвольно и сверху аннексирует новые губернии, она сама разоблачает себя как организацию недемократическую. Съезд советов Украины должен дать, между прочим, мнение о способе опроса населения по вопросу принадлежности к той или иной области».*

7 ноября 1917 года было объявлено о создании Украинской Народной Республики. Хотя Третий универсал Центральной Рады, объявивший УНР, и обещал заключение мира, отмену помещичьей собственности на землю, введение 8-часового рабочего дня и даже «совместно с представителями рабочих установить государственный контроль над производством», — но окончательное решение этих вопросов предлагалось отложить до созыва Украинского Учредительного собрания. Попытки же крестьян самостоятельно разделить помещичьи земли, а рабочих — установить свою власть на предприятиях, Генеральный Секретариат Центральной Рады рассматривал, как проявление анархии. На борьбу с «анархией» направлялись войска, но сдержать ее они были не в силах. В этих условиях происходил рост влияния и численности пролетарских партий — большевиков и левых эсеров.

В конце концов руководство Центральной Рады активно поддержало идею правых эсеров и меньшевиков о формировании нового однородно-социалистического правительства России, взамен существующего «нелегитимного» правительства Ленина. Переговоры об этом ЦР начала вести с донским ата-

маном генералом А. Калединым, которому Центральная Рада помогала переправлять казачьи части на Дон. Естественно, это вызвало конфликт Центральной Рады с Советом Народных Комиссаров.

4 декабря 1917 года в Киеве открылся Всеукраинский съезд Советов, созданный Областным исполнительным комитетом Советов Юго-Западного края. Однако попытка большевиков провести его совместно с Центральной Радой провалилась. С одной стороны, большая часть Советов Донбасса и Юга Украины просто проигнорировала этот съезд, считая, что они не имеют к Украине никакого отношения. С другой, зная о планах своих оппонентов образовать украинский советский центр, аналогичный ВЦИК в России, лидеры ЦР создали в Киев массу своих сторонников, чем нарушили нормы представительства, выработанные оргкомитетом съезда. Когда мандатная комиссия отказалась выдавать мандаты этим «делегатам», они просто разгромили помещение комиссии и выдали себе мандаты сами. После этого погрома съезд большинством голосов выразил поддержку Центральной Раде, а несогласные с таким решением 127 делегатов от 49 Советов решили переехать в Харьков и создать там орган всеукраинской власти.

Несмотря на объявление еще в начале декабря 1917 года ленинского «Манифеста к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде» и отрицательный ответ на него Центральной Рады, конфликт пытались некоторое время разрешить дипломатическими методами. Но после I Всеукраинского съезда Советов в Харькове 11—12 декабря 1917 года потенциал сторонников социалистической революции на Украине стал возрастать. Обратимся снова к воспоминаниям Дорошенко:

«Украинские социалисты-революционеры, старательно углублявшие в течение лета 1917 года «революционное сознание народных масс», что сводилось к проповеди захвата и раздела панской земли и панского имущества, прекрасно приготовили почву для пришествия большевиков, которым не оставалось ничего иного, как пригласить массы немедленно и практически осуществить то, о чем толковали и торжественные универсалы Центральной Рады, и партийные эсеровские агитаторы на деревенских сходах.

От Четвертого универсала Центральной Рады, провозгласившего принцип социализации земельной собственности, к большевизму переход был неминуем. Ни обмануть, ни перехитрить те элементы крестьянства, которым улыбалась перспектива «социализации» панского имущества, точно так же, как и городской пролетариат, одинаково ожидавший всяких благ от социализации фабрик и заводов, было нельзя. И тех, и других софистика украинских социалистов лишь раздражала. В ней справедливо видели обман.

И как только Центральная Рада пошла на разрыв с большевиками, участь ее была предрешена. Увлеченная успехами национального движения, опьяненная легкими победами над бессильным Временным правительством, украинская социалистическая демократия не хотела допустить к делу государственного и социально-экономического строительства тех, кого она называла «панам» и «москалями», ибо не хотела делиться с ними властью и руководящим положением; конечно, не хотела она делиться и с претендентами на возглавление революции — с большевиками... Поманивши крестьянство своими обещаниями, разжегши классовую рознь, раззадоривши худшие инстинкты и аппетиты, Центральная Рада остановилась и стала отставать от того, что уже осуществили у себя большевики, — и влияние ее мгновенно исчезло. В решительную минуту, когда большевики нажали извне и изнутри, оказалось, что за Центральной Радой никто в сущности уже не стоит...»

В. Липинский по вопросу о характере революции на Украине пишет: «Понятие Украина подменялось понятием «десятины» земли, обещанной тому, кто запишется в украинскую партию эсеров и будет голосовать «за Украину». Вместо патриотизма героического, патриотизма жертвы и любви, создавался нигде на свете не виданный, какой-то патриотизм меркантильный, с расценкой на земельную валюту: за Украину давали десятины».

А. Гольденвейзер вспоминал, что в итоге всех этих событий Киев стал жить под знаком национальной розни. «Национальный момент был официально выдвинут на первое место: результатом не могли не стать национальное обособление, вражда и упадок общечеловеческих благ культуры... Из неукраинских национальностей политики Рады согласны были при-

завать еврейскую и польскую; «российская» же была под большим подозрением, так как уж слишком трудно было провести демаркационную черту между русскими и украинскими жителями Украины».

Спецслужбы и агенты влияния в Киеве

Пока Украина постепенно погружалась в хаос, интерес к новой «автономии» стали проявлять ведущие мировые государства — страны Антанты, США, Япония и ряд других. Как правило, сбор информации осуществлялся с помощью военных дипломатов, консульских учреждений, журналистов, разного рода гражданских миссий. Их использовали, как «крышу» для сотрудников иностранных разведок.

Иностранные информаторы изучали широкий круг вопросов: от военно-политических и общественных до проблемы украинизации вооруженных сил и состояния дел в народном хозяйстве. Кроме этого, через агентов влияния зарубежные государства делали попытки активно повлиять на руководство в Киеве в свою пользу. Нестабильность же ситуации в Украине, хаос в работе государственных институтов значительно облегчали сбор разведывательной информации, необходимой для вмешательства во внутренние дела республики.

Распад Восточного фронта, необходимость вновь укрепить его — вот что лежало в основе интереса к Украине стран Антанты и США. Они рассчитывали, что именно украинцы станут «пушечным мясом» для удержания позиций на Восточном, Западном и Румынском фронтах.

Первой проявила профессиональный интерес к Украине американская разведка. В мае 1917 года, в соответствии с решением Совета национальной безопасности США, в Украину прибыла «экономическая миссия» во главе с Руттом. Ее сменила «железнодорожная миссия» Стивенса.

Также проявила интерес к Украине и японская военная дипломатия. В июле 1917 года военный атташе Японии в России Ашида посетил Центральную Раду и генерального секретаря по международным делам А. Шульгина с целью зондирования намерений украинцев продолжать войну.

Интересы Франции обеспечивал журналист Ж. Пелисье, который в сентябре 1917 года подготовил для посла Франции

в России Нуланса доклад на 27 страницах, содержащий анализ общественно-политической и ситуации в Украине. В октябре 1917 года в Киев прибыли французские военные наблюдатели, генерал Табуи и полковник Перлье. У Табуи состоялась двухчасовая встреча с Владимиром Винниченко. Подчеркнув, что именно Франция первой признает независимость УНР, Табуи подчеркнул: *«Я приношу вам безусловное заверение в том, что Франция, первой совершая этот торжественный акт, поддержит всеми своими моральными и материальными средствами усилия, которые будет делать Украинская республика, чтобы идти тем путем, какой наметили себе союзники и каким они и далее будут неуклонно идти в полном сознании своего права и своих обязанностей перед демократиями всего мира и человечества»*. То, что украинский народ может пожелать идти каким-либо иным путем, чем тот, который «наметили себе союзники», ни французскому генералу, ни украинскому премьеру даже в голову не пришло.

Кроме сбора разведывательной информации, западные эмиссары также пытались организовать поддержку определенных политических групп, рассчитывая в дальнейшем на их лояльность. Дипломаты Антанты, как указывает в своей монографии «Українська революція 1917—1921 років. Невідомі сторінки» генерал-майор В. Сидак, пытались приобрести агентов влияния среди членов Центральной Рады. Так, через лидера УРСДРП получила 10 тысяч рублей «Робітнича газета». Деньги от Антанты получал глава Вольного казачества П. Скоропадский. Поддерживались контакты и с лидерами профсоюзов.

Правительство украинских большевиков

Мы уже говорили о Вольном казачестве.

Понимая, что надеяться на свое «войско» нельзя, видя надвигающуюся анархию, некоторые деятели Центральной Рады пришли к мысли спасти положение путем создания и поддержки этой организации. Согласно уставу, Вольное казачество имело следующие цели: *«физическое и духовное развитие своих членов, поддержка спокойствия в крае, борьба с дезертирством во время войны; охрана мира, жизни и имущества граждан, особенно во время демобилизации»*.

В селах и городах создавались отряды Вольного казачества. Они получали оружие и облачались в «историческую» форму: шапки со шлыками, жупаны, кривые сабли и т.п. Уже в половине октября в Чигирине состоялся съезд «вольных казаков» с участием 2000 делегатов от 60000 членов организации. Съезд утвердил устав организации, выбрал «Раду» и атамана — генерала Скоропадского. Возможность легально получить оружие и формировать отряды привлекала в ряды Вольного казачества разнообразные элементы. В своих воспоминаниях гетман Скоропадский об этом пишет: *«Деревенская молодежь, отчасти и пожилые крестьяне, охотно вступали в казачество; менее сознательные — ради шапок с кистью и жупанов; более сознательные увлекались романтическими картинами прошлого. Было много казачьих организаций, хотя бы на Полтавщине, которые состояли из, преимущественно, зажиточных хлеборобов. Эти последние были настроены полностью антисоциалистично и антиреволюционно. Наряду с ними некоторые сотни принимали характер разбойничьих организаций. Во главе последних обычно стояли разные авантюристы, редко идейные; в большинстве такие, которые имели свои личные интересы, а то и просто искали удобного случая поживиться чужим добром. Таким образом, все зависело от того, кто стоял во главе части, будь то сотня, полк или корпус».*

Уже через несколько дней стали возникать «комитеты гражданской безопасности» для борьбы с незаконными обысками, арестами и конфискациями имущества, которые самочинно проводили «вольные казаки». Но 60-тысячное казачество не захотело впоследствии стать на защиту Центральной Рады.

На исходе 1917 года в Украине появилось два правительства, из которых каждое претендовало на полноту власти. Харьковское — быстро взяло власть в губернских и уездных городах путем провозглашения Советской власти. К концу декабря Чернигов и Полтава уже подчинялись Харькову; в начале января была провозглашена Советская власть в Екатеринославе (Днепропетровске), на всей Екатеринославщине и Херсонщине. В течение двух-трех недель почти вся Украина стала советской. К середине января Киев уже был почти окружен; территория, подвластная Центральной Раде, сжималась, словно шагреновая кожа. Теперь она состояла из Киева, нескольких уездов Черниговской и Полтавской губерний и узкой полосы в

направлении Житомира и Коростеня. А Центральная Рада в это время лихорадочно занималась законотворчеством.

На остатках владений Рады и был провозглашен Четвертый универсал: *«Отныне Украинская Народная Республика становится самостоятельной, ни от кого не зависимой, вольной, суверенной Державой Украинского Народа»*. Предлагались в вопросе земельном — *«упразднение собственности и социализация земли»*; в вопросе торговли — *«Украинская Народная Республика берет в свои руки важнейшие отрасли торговли»*; в вопросе военном — *«распустить армию совсем и завести народную милицию»*; в вопросе экономики — *«введение государственной монополии на железо, сахар и иные продукты и товары»*. Универсал призывал за *«агитацию против самостийной УНР, за возвращение старого строя, — карать, как за государственную измену»*.

Само это «великое событие» тогда никто, за исключением немцев в Брест-Литовске, и не заметил. Ночью в здании Педагогического музея, ставшего Центральной Радой незадолго до того, как члены последней удрали под защиту немецких штыков, произошло оглашение Четвертого универсала. Грушевский вылез за трибуну и сообщил: *«Високі збори! Українські Установчі збори, призначені Третім універсалом нашим, не могли зібратись у призначений день 9 січня тому, що останніми днями виникли всякі заколоти... Народ наш прагне миру. І Українська Центральна Рада доложила всіх зусиль, щоб дати мир негайно. Але петроградське правительство, Совіт народних комісарів, оголошує нову священну війну...»*

О существовании харьковского правительства в универсале не сказано ни слова, хотя оно к моменту его провозглашения владело почти всей Украиной. Ни слова не сказано также о том, что на большинстве территории Украины уже была провозглашена Советская власть, причем в результате действий, предпринятых отнюдь не россиянами, а своими же, украинскими большевиками. Благодаря этим умолчаниям у сегодняшнего читателя Четвертого универсала и создается впечатление, что вопрос идет о нападении России на Украину и об оборонительной войне последней против агрессора с севера. Но это далеко не так. В декабре 1917 — феврале 1918-го было провозглашено несколько советских республик в составе РСФСР: Украинская Народная Республика Советов (со столицей в Харькове), Донец-

ко-Криворожская Советская Республика, Одесская Советская Республика, Советская Социалистическая Республика Тавриды (позже Крымская Советская Социалистическая Республика).

Красный полководец В. Антонов-Овсеенко, посланный В. Лениным на борьбу с мятежом генерала А. Каледина на Дону, часть своих операций вынужден был проводить на территории Украины и даже предоставить часть своих войск харьковскому правительству для борьбы с Центральной Радой. Однако попытка В. Антонова-Овсеенко назначить своих комиссаров в занятых его войсками городах вызвала резкий протест члена ВУЦИК Евгении Бош. Она распорядилась устранить назначенных комиссаров и немедленно сообщила о самоуправстве Антонова-Овсеенко В. Ленину. Ленин тут же телеграфировал Антонову-Овсеенко, что *«наше вмешательство во внутренние дела Украины, поскольку это не вызвано военной необходимостью, нежелательно»*, а в письме от 21 января 1918 года вновь потребовал: *«Ради бога, приложите все усилия, чтобы все и всяческие трения с ЦИК (харьковским) устранить. Это архиважно в государственном отношении. Ради бога, помиритесь с ними и признайте за ними всяческий суверенитет»*. Впоследствии Ленин неоднократно напоминал Антонову-Овсеенко, что на территории Украины он должен действовать исключительно с согласия украинского советского правительства. И Владимир Винниченко абсолютно справедливо писал в книге «Відродження нації»: *«Треба щиро й отверто сказати, що коли б проти нас не було повстання нашого власного селянства й робітництва, то російський совітський Уряд не зміг би нічого зробити проти нас... І не російський совітський Уряд виганяв нас з України, а наш власний народ. без якого й проти якого, ще раз кажу, російські совітські війська не могли би зайняти ні одного повіту з нашої території»*.

Армии московских интервентов: «Легенда, що її треба здати до архіву»

Сегодня школьникам и студентам рассказывают, что, «воплощая многовековое стремление украинского народа к независимости», в 1917-м году вдруг возникла молодая украинская держава. Трансформируясь в те или иные формы правления, она просуществовала до 1920-го года и была уничтожена воо-

руженными до зубов «ордами русских большевиков». Но этот миф давно уже опровергли объективные историки. Так, авторитетный в кругах диаспоры историк И. Лысяк-Рудницкий писал: *«Легенда, що її треба здати до архіву, це казка про «надчисленні полчища» ворогів, що під їх ударами буцімто завалилася українська державність. Удійсності інтервенційні московські армії під час першої та другої навали (зими 1917—18 рр. та 1918—19 рр.) були відносно малі. Кремль до літа 1919 року не диспонував великою регулярною армією».*

Значительный вклад в поражение Центральной Рады внесли восстания рабочих. Еще 27 декабря 1917 года началось восстание против Генерального Секретариата в Екатеринославе, 10 января 1918 года — в Конотопе (узловая железнодорожная станция в Черниговской губернии), 14 января в Одессе, 15 января — в Киеве. Хотя восстание в Киеве и было жестоко подавлено 22 января, оно заставило войска Центральной Рады отступить к столице.

Одной из многих причин начала гражданской войны на Украине можно назвать финансовую несостоятельность Центральной Рады. 29 ноября 1917 года генеральный секретарь труда Николай Порш обратился к комиссару Госбанка в Петрограде Пятакову с просьбой о выделении 90 млн руб. для покрытия задолженности рабочим Юго-Западной железной дороги, которые уже начали бастовать. Георгий Пятаков, бывший до начала ноября председателем Киевского комитета большевиков и, наверное, немало знавший о «руках, що ніколи не крали» борцов «за украинское дело», ответил, что деньги будут высланы непосредственно стачкому, а вообще снабжение Украины деньгами будет продолжаться лишь в том случае, если Центральная Рада допустит комиссаров Советов в Киевскую контору Госбанка. Тогда Генеральный Секретариат Центральной Рады распорядился прекратить поставки хлеба в Советскую Россию, а Совнарком прекратил присылать деньги в отделения Госбанка, бывшие под контролем Рады. После этого Центральная Рада 3 января 1918 года начала выпуск собственных денежных знаков — карбованцев, которые так любят современные коллекционеры. Но киевские обыватели предпочитали тогда или червонцы, или керенки...

Во время Январского восстания в Киеве сечевыми стрельцами Коновальца, ставшего впоследствии создателем УВО-

ОУН, и «вольными казаками» Ковенко были уничтожены около 1500 киевлян. 750 из них 4 февраля 1918 года были с почестями похоронены в Мариинском парке. Там и сегодня стоит памятник погибшим во время Январского восстания, который националисты периодически оскверняют надписью «кати України». Улицу же, названную в честь убитых киевлян, переименовали в честь преданного церковью анафеме предателя Ивана Мазепы.

Есаул 1-го Рабочего полка Вольного казачества Александр Евтухив в своих «споминах» подробно рассказывает о главном штабе казачества на Николаевской улице. Когда Евтухив вошел в штаб, там уже находились арестованные члены Центральной Рады — большевики и сочувствующие им. Они впоследствии разделили судьбу остальных арестованных. Есаул далее вспоминает: *«На заасфальтованому подвір'ї цього будинку височіли два стоси дров. Тут розстрілювали. Виводили, як правило, парами... Потім, як набиралася партія, вивозили на вантажівці»*. Расстреливали там и евреев: *«Жидкові-шпигунові дали п'ять кульок, але він, собака, все був живий, тільки схилився навколішки і ніби хотів захистити себе кривавими своїми долонями. Але гуманна куля козака-катеринославця скінчила його брехливе життя...»* С двойной радостью казаки вылавливали солдат полка имени Сагайдачного, перешедших на сторону восставших. Но больше всего было уничтожено, как уже говорилось, рабочих завода «Арсенал» и железнодорожных мастерских. Александр Евтухив в своих «споминах» пишет, что при взятии «Арсенала» *«не було пощади навіть більшовицьким се-страм-жалібницям, до того усі озвіріли»*.

Миф о «героях Крут»

В конце 1917 — начале 1918 годов Центральная Рада катастрофически теряла поддержку, а деморализованные военные части просто разбегались. Винниченко в своем трехтомнике «Відродження нації» писал: *«Це була війна впливом... Наш вплив був менший. Він був уже остільки малий, що ми з великими труднощами могли складати якісь невеличкі більш-менш дисципліновані частини й висилати їх проти більшовиків. Більшовики, правда, теж не мали великих дисциплінованих частин, але їхня перевага була в тому, що всі наші широкі маси сол-*

дательства не ставили їм ніякого опору або навіть переходили на їхній бік, що майже все робітництво кожного міста ставало за ними, що в селах сільська біднота явно була більшовицька, що, словом, величезна більшість самого українського населення була проти нас. Єдиною активною мілітарною нашою силою була наша інтелігентна молодь і частина національно-свідомого робітництва». Итак, в условиях всеобщей растерянности и паники способными защищать Раду оказались главным образом студенты.

5 января 1918 года на собрании студентов младших курсов Киевского университета св. Владимира, созванном по инициативе студентов-галичан, было принято решение приступить к созданию студенческого «курня сечевых стрельцов». К формированию курня «под угрозой бойкота и исключения из украинской студенческой семьи должны приступить все студенты-украинцы». Кроме студентов, к созданию воинской части были привлечены ученики двух старших классов 2-й украинской гимназии им. Кирилло-Мефодиевского братства.

Руководство Центральной Рады знало о порыве студентов, идейно поддержало и стимулировало его. Так, 11 января 1918 года газета «Нова Рада» опубликовала обращение «До українського студентства», в котором призывала «студентів-українців усіх вищих шкіл негайно прийти на підмогу своєму краєві і народові, одностайно ставши під прапор борців за волю України проти напасників, які хочуть придушити все, що здобуто нами довгою, тяжкою героїчною працею». Студентов призывали записуватися в «курінь січових стрільців».

«Когда со стороны Бахмача и Чернигова двинулись на Киев большевистские эшелоны, правительство не могло послать для отпора ни единой воинской части. Тогда собрали наскоро отряд из студентов и гимназистов старших классов и бросили их — буквально на убой — навстречу прекрасно вооруженным и многочисленным силам большевиков. Несчастную молодежь довели до станции Круты и высадили здесь на «позиции». В то время, когда юноши (в большинстве никогда не державшие в руках ружья) бесстрашно выступили против надвигавшихся большевистских отрядов, начальство их, группа офицеров, осталась в поезде и устроила здесь попойку в вагонах; большевики без труда разбили отряд молодежи и погнали его к станции. Увидев опасность, находившиеся в поезде поспешили дать сигнал к

отъезду, не оставшись ни минуты, чтобы захватить с собой бегущих... Путь на Киев был теперь совершенно открыт», — вспоминал Дмитрий Дорошенко в своей работе «Война и революция на Украине». При этом Симон Петлюра, находясь в нескольких километрах от Крут, вместо того, чтобы поспешить на помощь студентам, предпочел сбежать в Киев, возвещая о том, что он «разбил наголову» большевиков у Гребенки.

Что касается числа погибших, то, кроме мифических «трехсот спартанцев» Грушевского, назывались разные цифры. Так, Дорошенко приводит поименный список погибших 11 студентов, хотя и говорит, что несколько студентов погибли раньше, а, кроме того, были расстреляны 27 пленных, которые входили в разведывательную роту, подошедшую к Крутам, когда станцией уже овладели красные. В 1958 году в Мюнхене и Нью-Йорке, в эмигрантском издательстве «Шлях молоді», были напечатаны результаты исследования С. Збаражского «Крути. У 40-річчя великого чину 29 січня 1918 — 29 січня 1958». Там пофамильно названы 18 погибших.

Остается добавить, что источником легенды о двух днях ожесточенного сопротивления оказался... сам командир красных Муравьев. Стремясь приукрасить собственные заслуги в единственном бое, который пришлось ему дать на пути к Киеву, он в донесении главнокомандующему войсками на Юге России В. Антонову-Овсеенко написал: «После двухдневного боя первая революционная армия Егорова при поддержке второй армии Берзина возле ст. Круты разбила контрреволюционные войска Рады, руководимые самим Петлюрой».

Во время Гражданской войны погибли сотни тысяч, и бой под Крутами, наверное, даже не привлек бы внимания общественности, если бы не одно обстоятельство. Среди погибших студентов были дети известных и уважаемых людей, деятелей Центральной Рады и Генерального Секретариата. После возвращения в марте 1918 года Центральной Рады на немецких штыках родственники и друзья погибших поставили вопрос о перезахоронении последних, а также об ответственности виновных в их гибели.

9 марта в газете «Нова рада» появилось объявление: «Гурток родичів» звертається до всіх батьків і родичів студентів, середньошкільників і інших, що входили в склад січового стрілецького куреня і загинули в бою та розстріляні після

бою біля Крут 16 січня с. р. і пропонує піднести загальне прохання про розкопку могил, щоб розпізнати і перевезти їх тіла з Крут, а також поховати у Києві». А 16 марта в газеті появилася стаття «Трагедія на Крутах» за підписью «С.Ш.» (исследователи считают, что это был Сергей Шемет, один из лидеров Украинской партии земледельцев-демократов, которая критиковала руководство Центральной Рады). В ней говорилось: «Ми хочемо звернути увагу суспільства й української влади на ту страшну трагедію, котра відбулася біля ст. Крути в часи наближення большевиків до Києва. В Крутах загинув цвіт української шкільної молоді. Загибло кілька сот найкращої інтелігенції — юнаків — ентузіастів української національної ідеї. Така втрата для культурної нації була б важкою; для нашого народу вона безмірна. Винна в цій трагедії уся система безглуздя, весь наш уряд, котрий після блискучого соціального законодавства, після піврічного адміністрування оказався покинутим народом і армією, і в таким безнадійнім становищі рішив захиститись від добре озброєної большевицької армії кількома сотнями шкільної молоді. Узброївши на скору руку ці жертви урядової легковажності, без жодної військової підготовки одправила їх в Крути...». В статтє также требовалось наказати или хотя бы «усунути геть від справи винуватців».

Михаил Грушевский был интриганом не худшим, чем мифотворцем, и сориентировался молниеносно. На заседании Малой Рады он предложил почтить память погибших под Крутами и перенести их тела в Киев, на Аскольдову могилу, а также похоронить «юных спартанцев» за счет государства. Многолюдные похороны состоялись 19 марта 1918 года. На вокзале, куда привезли останки погибших, собрались их родные, студенты, ученики гимназий, духовенство, солдаты. Возле здания Центральной Рады процессия остановилась, и к присутствующим обратился Михаил Грушевский: «От у сій хвилі, коли провозять ся їх домовини перед Центральною Радою, де протягом року кувалась українська державність, з фронту її будинку здирають російського орла, ганебний знак російської влади над Україною, символ неволі, в котрій вона прожила двісті шістьдесят з верхом літ. Видко, можливість його здерти не давалась даремно, видко, вона не могла пройти без жертв, її треба було купити кров'ю. І кров пролили сі молоді герої, котрих ми проважаємо». Перезахоронение широко освещала вся тогдашня преса.

После того, как жертв политической безответственности и цинизма быстренько превратили в символ национального подвига, было уже как-то неудобно обличать и требовать привлечь к ответственности виновных.

Увы, революция на Украине, как и во всей России, была революцией чисто социальной, а вовсе не «споконвічною боротьбою українського народу за національне визволення», как это утверждают современные реконструкторы истории. В процессе этой революции малообразованные, уставшие от войны массы поверили радикальным социальным лозунгам и пошли за ними. Поэтому то, что сегодня называют «боротьбою українського народу на незалежність», было лишь попыткой националистически настроенной буржуазии и кучки деревенской интеллигенции удержать стремительно ускользавшую из рук власть — ту, что так удачно упала в руки в начале революции. Поэтому на защиту Центральной Рады не встал никто из мифических «миллионов украинских штыков»...

26 января (8 февраля) 1918 года Центральная Рада бежала из Киева. Дорошенко пишет: *«Эвакуация была проведена в ночь с 8 на 9 февраля. Число украинских войск, которые отступали, было около 3000 человек. С ними оставила Киев часть министров и членов Малой Рады. Об отступлении вообще мало кого успели оповестить; большинство членов Центральной Рады и лиц, близких к Правительству, не знало, что украинское войско покидает Киев и, проснувшись утром, с ужасом узнало, что город уже в руках большевиков».*

Но незадолго до того, как драпануть из Киева, 24 января (по новому стилю) беглецы разослали радиogramму «Всім, всім, всім від Ради Народних Міністрів Української Народної Республіки» (так переименовали незадолго до указанных событий Генсекретариат). Поскольку Грушевский в который раз предпочел не брать на себя ответственность, радиogramму «городу и миру» подписал сменивший отправленного в отставку Винниченко молодой премьер Голубович, о котором профессор Дорошенко отзывался очень просто — «кретинообразный субъект». Радиogramма извещала Украину и мир, что Центральная рада контролирует ситуацию, а распространяемые большевиками сведения, *«ніби совітські війська під проводом Юрія Коцюбинського зайняли Київ 16 січня і що ніби-то Київський гарнізон з усією своєю артилерією з'єднався з військами Коцюбинського»*

і оповістив Центральну Раду скинутою, а Генеральний Секретаріат ніби-то втік» — не соответствуют действительности.

На следующий день после этой оптимистической радиogramмы «совітські війська Юрія Коцюбинського» подошли к реке Лыбедь артиллерию и начали прицельный обстрел возвышавшегося над округой дома Грушевского. Это событие стимулировало Грушевского как можно быстрее оказаться под крылышком немецкой армии. В своей работе «На порозі нової України», написанной после возвращения под защитой немецких штыков в Киев, он вспоминал: *«25 січня, підчас бомбардування Київа, більшовики запальними снарядами розстріляли дім, де я жив — наш фамільний дім, побудований десять літ тому за гроші, полишені батьком. Кільканадцять запальних снарядів, що влетіли оден за другим до нашого помешкання й сусідніх, за кілька мінут обернули в одно огнище весь дім. Згоріли мої рукописи й матеріали, бібліотека і переписка, колекції українських старинностей, що зберав я стільки літ, збірки килимів, вишивок, зброї, посуду, порцеляни, фаянсу, окрас, меблів, малюнків... Перше що я вважаю пережитим і віджитим, таким, «що згоріло в моїм кабінеті», се наша орієнтація на Московщину, на Росію...»* Вот уж действительно титан мысли: перелом в истории Украины для него выразился в потере «збірки килимів, вишивок, зброї, посуду, порцеляни»...

Бежал из Киева «батько нації» молниеносно, выехав под покровом ночи с наиболее верными сторонниками на грузовиках по единственному свободному от большевиков Житомирскому шоссе. *«Выезд был произведен внезапно и без всякого предупреждения и оповещения хотя бы всех членов Центральной Рады», — вспоминал позже Дмитрий Дорошенко.*

Известный киевский адвокат и политик А. Гольденвейзер в своих мемуарах пишет: *«Они покидали Киев не так, как оставляют свой родной город и столицу, а как эвакуируют завоеванную территорию».*

Генерал Гофман: «Украина — это дело моих рук»

27 января в Брест-Литовске делегация Центральной Рады заключила договор с Германией и Австро-Венгрией о мире. «Герои Крут» защищали УНР как раз в то время, когда пославшие их на переговорах в Бресте просили кайзеровскую Гер-

манию оккупировать Украину! В 1919 году, в интервью газете «Daily Mail» начальник немецкого штаба Восточного фронта генерал Гофман признавался: *«В действительности Украина — это дело моих рук, а вовсе не плод сознательной воли русского народа. Я создал Украину для того, чтобы иметь возможность заключить мир хотя бы с частью России»*. Весной 1918 года, после того, как немцы выбили большевиков из Киева, Михаил Грушевский в интервью сотрудникам издательства «Відродження» тоже разоткровенничался: *«В німецьких політичних кругах було здавна бажаннє, щоб Україна відокремилась в самостійну, сильну державу. Вони вважали се корисним для Німеччини...»*.

Центральной Раде было необходимо восстановить свою власть над Украиной. Помощи же, кроме немцев, дать никто не мог. Делегат от Рады на переговорах в Бресте-Литовском Николай Любинский подписал обращение Центральной Рады к германскому народу с просьбой о военной помощи, в котором было сказано: *«У тяжкій боротьбі за наше існування ми шукаємо помочі. Ми глибоко переконані в тім, що люблячий спокій і порядок німецький народ не зостанеться байдужим, коли він дізнається про нашу нужду. Німецьке військo, що стоїть збоку нашого північного ворога, має силу, щоб нам допомогти і своїм втручанням охоронити наші північні межі від дальшого вдирання ворога...»*. Конечно, немцы могли тогда без всякого мира попросту оккупировать всю Украину. Но с помощью мирного договора и формального признания независимости они хотя бы формально отрывали Украину от России и получали возможность в дальнейшем, согласно своему старому плану, создать из Украины свое вассальное государство. Кроме того, из «союзной» страны легче было выкачивать столь необходимое им продовольствие, чем из оккупированной территории — части враждебной России. А ведь Германия и Австро-Венгрия, которые зимой 1917—1918 годов уже находились на грани полной хозяйственной катастрофы, остро нуждались в украинском продовольствии...

По Брест-Литовскому договору державы центрального блока признавали независимость Украины. В договоре о мире было и два тайных пункта — о предоставлении Украиной немцам миллиона тонн продовольствия и о будущем выделении украинских земель Австро-Венгрии в автономную австрийскую область. В отношении военной помощи вопрос оказал-

ся скользким. Украинские делегаты добивались от «партнеров», чтобы в республику были введены только дивизии, сформированные в Австро-Венгрии и Германии из военнопленных украинцев. Но в итоге Украину оккупировали немецкие и австро-венгерские войска. Видимо, немцы посчитали, что так надежнее. Начальник германского Генерального штаба Э. Людендорф вспоминал: *«Представителям Четверного союза представилась возможность завязать сепаратные переговоры с Украиной. Они велись на твердой почве и не терялись в области фантастических и отдаленных шагов»*. Его радость понятна — страны Четверного союза находились в очень тяжелом экономическом положении, особенно Австро-Венгрия. Мирный же договор предполагал получение практически голодавшими Германией и Австро-Венгрией больших объемов продовольствия. Именно дешевые продовольственные товары Украины подразумевались под «твердой почвой» — зерно, скот и прочее сырье в обмен на германскую «крышу» для режима УНР. Украинские делегаты так спешили стать «частью Европы», что быстро согласились на внесение в текст мирного договора пункта с прямым обязательством Украины поставить миллион тонн зерновых до 31 июня 1918 года. Более того, предусматривалось, что если немцы не получат указанных объемов зерна, то они имеют право не выполнять «политические условия соглашения».

Вскоре немцы выбили большевиков из Киева, принеся на своих плечах и Центральную Раду. О выпавших на долю столицы событиях выдающийся русский писатель, киевлянин Михаил Булгаков в рассказе «Киев-город» писал: *«Можно сказать одно: по счету киевлян, у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил. В Киеве не было только греков. Не попали они в Киев случайно, потому что умное начальство их спешно увело из Одессы»*.

Журналист газеты «Киевская мысль» С. Сумской в книге «Одиннадцать переворотов («Гражданская война в Киеве)» вспоминал: *«Вслед за немцами появились на улице верховые отряды. На лошадях сидели люди точно из малороссийской оперетки: какие-то пестрые шаровары, закрученные усы и длинные болтающиеся оселедцы... Было что-то нездоровое во всем этом гайдамачестве, и оно было бы смешно и без-*

вкусно, как всегда смешна и безвкусна бывает провинциальная оперетка, играющая для сбора «Короля Лиры», если бы у персонажей этой оперетки не было настоящих винтовок, настоящей — не театральной — ненависти и злобы, продукта того разложения и опустошения, которые приносит с собой война и гражданская война.

Немцы устраивались, а гайдамаки захватили Михайловский монастырь, где кутили, веселились, судили и казнили. Впервые показался предвестник того страшного истребления еврейского народа, которое потом в течение двух лет сопровождало всякому украинскому движению и мятежу. Гайдамаки хватили на улицах евреев, уводили их с собой в Михайловский монастырь и там убивали. Газеты пестрели траурными объявлениями, кончавшимися стереотипной фразой: «зверски убит в Михайловском монастыре». В центре города производилась расправа, и жители боялись близко подходить к монастырю. Напротив, в Софийском соборе, служились торжественные молебны об освобождении Киева, а в ворота монастыря таскали за бороды кричавших в смертельном страхе евреев». Далее Сумской пишет, что «в последовавшей затем резне повинны в полной мере и несут за это полную моральную, если не юридическую ответственность, руководители и вожди «украинского освободительного движения».

Впрочем, отношения между представителями Четверного союза и органами УНР были далеко не безоблачными. В апреле 1918 года украинцы отказались заключить с Германией военную конвенцию и угрожали приостановить отправку продовольствия. Поведение украинских социалистов раздражало немцев. Помимо держав Четверного союза, на территории Украины с весны 1918 года стали проводить боевые операции государства Антанты, которых не устраивало превращение республики в германский протекторат.

Во время так называемого «житомирского изгнания» Рада, потерявшая в январе 1918 года почти все свои украинские полки, которые перешли на сторону большевиков, приступила к формированию чисто украинских национальных частей, с исключением из них евреев, «москалей» и представителей других национальностей. Ядром Украинской национальной армии стали два полка, сформированных в Берлине еще в 1916 году из украинцев, содержавшихся в германских лагерях для воен-

нопленных. Эти полки прошли соответствующий инструктаж в отношении «духа самостоятельности» и «ненависти к Московии». Они получили военную выучку под руководством германских офицеров. Полки одели в опереточные украинские костюмы — синие жупаны. Но, увы, и немецкая выучка оказалась недостаточной. Один из этих полков, Богунский, перешел на сторону Советской власти и бился в 1919 году за Советскую власть на Украине против петлюровцев.

Другим источником формирования «чито украинской» армии стало Вольное казачество. В его униформе также соблюдались традиции «казацкой старины», выглядевшие в XX веке смешным карнавалом: жупаны, серые и синие, старинные кривые сабли, казацкие шапки из «смушек», оселедцы на выбритых головах. Но если в сентябре 1917 года «вольные казаки» были украинской самообороной, защитниками украинских сел от солдатских грабежей и погромов, то уже в январе-феврале 1918 года, после исключения из Вольного казачества представителей неукраинской национальности — русских, евреев и других, — они превратились в зачинщиков еврейских погромов.

Первое, что сделала Центральная Рада по возвращении вслед за немцами в Киев, — это объявила недействительными все законы и распоряжения, вынесенные харьковским правительством. В связи с началом полевых работ, ЦР еще раз подтвердила свой закон о социализации земли и призвала «земельные комитеты», занимавшиеся этим делом, продолжать свою деятельность. Но деятельность эта только вносила полную неразбериху в и без того запутанные вопросы о землепользовании, о правах на урожай; вызывала острое недовольство не только крупных землевладельцев, но и зажиточных крестьян, на землю которых предъявляли права «земельные комитеты».

Не лучше, чем в земельном вопросе, было положение и в остальных областях жизни. Дорошенко по этому вопросу пишет: *«Вообще — некуда правду деть — украинский хаос должен быть поразить каждого свежего человека. Чем меньше встречали немцы на своем пути порядка, тем больше росла у них мысль о необходимости, по возможности, самим брать все в свои руки, чтобы обеспечить себе транспорт, снабжение и собственную безопасность».*

Языковую политику возрожденной Центральной Рады описал в своем дневнике выдающийся ученый Вернадский: *«Сейчас в Полтаве очень тревожное чувство в связи с начинающейся насильственной украинизацией. Через три недели вывески магазинов должны быть по-украински. Новый налог и полное нарушение равенства национальностей. Всюду предписано ввести делопроизводство на украинском языке... Возбуждается ненависть к языку... Вышла газета «Вільний голос» — ярко германофильская и русофобская, очень противная по тону и направлению... Любопытно отношение к украинскому вопросу творческих сил в Полтаве — отрицательное»* (12.04.1918 г.). Не правда ли, что-то очень похожее на события наших дней?!

Главой украинского правительства был студент третьего курса Голубович, тот самый «кретинообразный субъект». Как он попал на этот пост — до сих пор «тайна великая есть»... Правительство Рады, вернувшееся в Киев вместе с немецкими войсками, к апрелю подписало все необходимые немцам экономические соглашения. Согласно им, Украина обязывалась поставить 60 млн пудов зерна и продуктов его переработки, 400—500 млн штук яиц, 2750 тыс. пудов мяса крупного рогатого скота, 1,5 млн пудов картофеля, 37,5 млн пудов железной руды. Но, как известно, аппетит приходит во время еды. По мере выполнения договоров на поставку украинского продовольствия и сырья немцы стали планировать новые методы их выкачивания. Были подняты вопросы о доле Украины в государственных долгах Российской империи, о компенсации германским и австро-венгерским подданным убытков и потерь, понесенных во время мировой войны. Еще одним источником получения материальных ценностей стали штрафы и реквизиции, проводимые австро-германскими войсками на свои «текущие нужды». Так, каждому военнослужащему было разрешено отправлять посылки до 12 фунтов весом ежедневно, причем транспортные издержки ложились на украинскую сторону. Главнокомандующий вооруженными силами Германии фельдмаршал Людендорф в своих воспоминаниях писал: *«Без Украины голод был неизбежен... На Украине надо было подавить большевизм и создать там такие условия, чтобы иметь возможность извлекать из нее военные выгоды и вывозить хлеб и*

сырье. Для этого мы должны были углубиться в страну, другого выхода для нас не оставалось».

Уже через две недели после заключения Брест-Литовского мира прусский военный министр фон Штейн писал, что крепкие связи с Германией должны быть использованы для предотвращения создания таможенного союза между Украиной и Центральной Россией. Следует *«отрезать Украину от Центра, привязать к Германии ту часть старой России, которая экономически более значительна и важна в деле снабжения Германии сырьевыми материалами».* Даже границы дружественной Германии Украины, управляемой номинально Радой, определялись в Берлине. Здесь пришли к выводу, что в это государство-сателлит входят Волынь, Подолье, Херсон, Таврида (за исключением Крыма), Киев, Полтава, Чернигов, Екатеринослав и Харьков.

Австро-Венгрия колебалась, помогать ли Германии в оккупации Украины, поскольку не хотела конфликта с поляками. Только после того, как Рада официально уступила Польше город Хелм, Вена выслала на Украину относительно небольшие воинские части. Главной целью австрийцев была Одесса.

За Украиной при германской помощи должны были быть закреплены следующие территории: *«Не только значительная часть черноземного пояса, но и важные железорудные залежи Кривого Рога, угольные месторождения Донецкого бассейна и табачные плантации Кубани».* В Киев прибыли фельдмаршал фон Эйхгорн для управления киевской армейской группой и генерал Гренер — для организации упорядоченного железнодорожного сообщения с Германией. Прибыл и посол Мумм фон Шварценштейн, имевший опыт экономических сделок с Востоком. Немцами был создан специальный «экономический отдел», координировавший германское проникновение в хозяйство региона. Под прикрытием военного щита из восемнадцати дивизий Германия начала экономическую эксплуатацию Украины. Банк Макса Варбурга в Гамбурге подготовил план полного привязывания украинского рынка к германскому. Государственный министр Пруссии Гельферих писал в конце февраля 1918 года: *«Южная Россия будет для Германии более важным рынком, чем Северная Россия, которая оказалась экономически ослабленной из-за потери производящего зерно региона и в будущем станет относительно маловажной по*

сравнению с Украиной, как потребитель германских товаров». Согласно Гельфериху и его единомышленникам, следовало изолировать Украину от России посредством контроля над ее жизненными артериями. Украинские железные дороги предполагалось включить в центрально-европейскую сеть дорог и поставить под контроль германских производителей угля и стали. Объектом особого вождения немцев стал Кривой Рог с его месторождениями железной руды. С Радой были согласованы планы эксплуатации этих природных богатств.

После того, как были изъяты запасы продовольствия в крупных центрах, немцы обнаружили неспособность правительства УНР контролировать ситуацию в сельской местности и обеспечивать поставку необходимых объемов продовольствия. Надлежало решить проблему, сформулированную генералом Гофманом: *«Все, что имеет хоть какую-нибудь ценность, отправляется на запад»*. Поэтому верховное немецкое командование решило поправить дело заменой «социалистического» правительства Рады на более управляемый режим генерала Скоропадского, объявленного «гетманом» Украины. Тем более, что предлог для переворота нашелся быстро. В ночь с 24 на 25 апреля был похищен директор Киевского банка внешней торговли, член финансовой комиссии Центральной рады Абрам Добрый. Именно он занимался вплотную составлением торговых договоров между Украиной и Германией.

Министр земледелия Ковалевский вспоминал позднее: *«Я, як і інші члени уряду, нічого не знали про цю подію... Вночі, коли Добрий був арештований, відбулось засідання кабінету міністрів під проводом Голубовича... На цьому засіданні чомусь не було Ткаченка. Десь коло півночі Ткаченко нарешті з'явився, викликав Голубовича до іншої кімнати і щось йому стурбованим голосом оповідав. Після цього ми довідалися, що сталася ця подія з Добрим. Був це, розуміється, крок дуже небезпечний в тій напруженій ситуації, яка існувала у відносинах між німецькою і українською владами»*.

Банкира Доброго похитили из его квартиры. Ему и его жене показали нечто, похожее на ордер, но без подписи и печати, после чего Доброго забрали, впопыхах забыв на столе портфель со служебными документами. Через некоторое время похитители вернулись за портфелем. Но г-жа Добрая успела ознакомиться с его содержимым. Поэтому немецкие спецслужбы

утром знали, среди кого искать незваных ночных гостей. Эту операцию, как оказалось, с ведома премьера Голубовича организовали министр внутренних дел Ткаченко и военный министр Жуковский.

Немцы стали вести себя, словно в оккупированной стране. Журналист «Киевской мысли» Сумской в своих мемуарах вспоминал: *«Уже стало невозможным не только печатание статей против немцев, но и необходимо было все военные статьи и информации, а также все, что касалось пребывания немцев на Украине, посылать в немецкую цензуру. Немцы печатали и расклеивали на улицах свои приказы, и к этим приказам относились с большим вниманием и уважением, чем к законам Рады. Министры, идя на заседание правительства, прочитывали на улицах приказы, которые совершенно нарушали намеченный ими для сегодняшнего заседания план работы»*. Так, 26 апреля 1918 года был издан приказ главнокомандующего немецкими войсками в Украине генерал-фельдмаршала Эйхгорна, согласно которому Украина без какого-либо согласования с ЦР объявлялась территорией, находящейся под усиленной охраной, с одновременным введением военно-полевых судов. Немцы теперь могли рассматривать любые уголовные дела и отдавать под суд кого угодно, включая членов ЦР. Особенно могло достаться крестьянам — за любой саботаж в обработке и за севе зерна. Кстати, — Эйгорн издал и приказ, ликвидировавший всю аграрную реформу в Украине. Приказ восстанавливал помещичье землевладение, причем, как указывал Сумской, *«в формах самых уродливых и опасных»*.

Император Вильгельм: «Я согласен на избрание гетмана»

28 апреля 1918 года в зал Киевского педагогического музея, где заседала Центральная Рада, вошел немецкий лейтенант и на русском языке скомандовал: «Именем германского правительства приказываю вам всем поднять руки вверх!» Он зачитал список лиц, подлежащих аресту немецкими «союзниками». Ими оказались Ткаченко (министр внутренних дел), Любинский (министр иностранных дел), Жуковский (военный министр), Гаевский (директор департамента Министерства внутренних дел) и Ковалевский (министр земельных дел).

На следующий день, при содействии оккупационной администрации, к власти пришло более прогермански настроенное правительство во главе с «гетманом» Скоропадским. Как раз в очередной раз собралась Центральная Рада — обсуждать проект конституции Украины и выбирать Грушевского президентом. Но ее время уже закончилось, словно песок в песочных часах. 29 апреля созванный, будто в насмешку, в здании киевского цирка съезд делегатов Союза помещиков и землевладельцев Украины вынес решение о создании гетманской (монархической) власти и провозгласил гетманом Украины генерал-адъютанта Николая II, богатого украинского помещика Павла Петровича Скоропадского. В тот же день были провозглашены законы о временном государственном устройстве Украины, согласно которым в руках гетмана сосредоточивалась исполнительная и законодательная власть. Он стал также главнокомандующим армии и флота, и только контроль над судами был возложен на Генеральный Суд. Было изменено и название страны: вместо УНР она стала называться «Украинское государство». Гетман также ликвидировал местное самоуправление.

Скоропадский был душой заговора, совершенного под защитой германских штыков. Приблизительно за месяц до переворота по инициативе генерала было создано Тайное украинское народное общество, в которое вошли Союз землевладельцев Украины и Украинская демократическая земледельческая партия. Германское командование в лице помощника Эйхгорна, генерала Гренера, поддержало заговор на следующих условиях: признание Скоропадским Брестского мира, роспуск Центральной Рады; выступления против австро-германских войск должны караться немецкими полевыми судами, земельные комитеты должны быть распущены. Должна быть восстановлена земельная собственность и введены платежи с крестьян за полученную землю. Украина оплачивает военную помощь немцев. Как раз накануне «автор» создания государства УНР, генерал Гофман, делает дневниковую запись: *«На Украине отношения несколько обостряются. Правительство создает нам трудности, и боюсь, нам придется поискать другое правительство»*. Генерал Деникин в своих мемуарах приводит текст телеграммы императора Вильгельма фельдмаршалу Эйхгорну: *«Передайте генералу Скоропадскому, что я согласен на избра-*

ние гетмана, если гетман даст обязательство неуклонно исполнять наши советы».

Гетман в течение двух дней согласовал список своих министров с немцами. Все предприятия, владельцами которых были прежде представители Антанты, становились германской собственностью. Как пишет немецкий историк Ф. Фишер, *«Германия сделала целью своей политики то, что прежде было требованием лишь отдельных индивидуумов: оторвать Украину от Великороссии и от любой другой страны с тем, чтобы привязать ее экономическую систему к Германии».* Пропаганда националистов для села сделала акцент на том, что теперь Украина тесно связана с Европой. Но пропаганда сразу потеряла всякую притягательность, как только украинские крестьяне осознали, что немцы рассматривают их лишь как источник продовольственного снабжения этой самой Европы. 10 сентября 1918 года был подписан договор с Германией о передаче ей 35 процентов урожая на Украине. Выполнение этого договора должны были обеспечить карательные отряды. Закон от 8 июля «О борьбе с разрухой в сельском хозяйстве» возобновлял своеобразную форму крепостничества: крестьян насильственно принуждали обрабатывать барские земли.

Украинский хлеб должен был спасти Германию, намеренную сокрушить Россию, а затем и Запад. Кайзер Вильгельм поставил задачу создания украинской армии под германским командованием. Солидные землевладельцы типа Скоропадского должны были помочь в этом деле более эффективно, чем потерявшая престиж Рада. Кайзер наметил пути полной интеграции Украины в германскую зону влияния. Но, как говорится, *«жадность фраера сгубила».* В решающие дни мартовского наступления 1918 года почти миллион солдат, которые могли бы оказаться решающей силой в сражении на Западном фронте, выполнял полицейские функции в Украине. Фактически, во многом из-за оккупации Украины Германия потерпела сокрушительное поражение в Первой мировой войне.

Сразу после гетманского переворота социалисты из Центральной Рады обратились за помощью к немцам, чтобы те помогли им войти в правительство гетмана Скоропадского. Но генерал Гренер их просьбу категорически отверг, сказав, что *«надо было думать об этом раньше».* А потом не без едкости добавил: *«Не можете ли вы мне объяснить, почему вас никто*

не поддержал ни в феврале, когда вы обратились к нам за помощью, ни во время гетманского переворота?»...

Немецкая оккупационная власть, а с ней и гетманское правительство, поддерживая крупных землевладельцев, начало изъятие у крестьян помещичьей земли, розданной социалистами. В правительственную полицию — «державну варту» — входило немало богатых хлеборобов-помещиков; они мстили и жестоко расправлялись с гражданами, которые во время Рады и Советов нанесли им ущерб. Была развернута политика репрессий, вызвавшая противодействие со стороны крестьян. Они начали вести вооруженную борьбу против немцев и их марионетки — гетмана. Один из деятелей того периода, Н. Могиланский, в своих воспоминаниях «Трагедия Украины» описывает экзекуции карательных отрядов. В ответ крестьяне в свою очередь устраивали акты возмездия помещикам и офицерам. Могиланский писал: *«Повстанцы распорядились с ужасающей жестокостью, напоминающей гайдамаччину. У нас были донесения, что штопорами вытягивали кишки у несчастных жертв народной ненависти и жестокого самосуда разъяренной толпы».*

Но если в селах у гетмана были сторонники среди зажиточных крестьян и помещиков, то в городах дело обстояло значительно хуже. Подавляющее большинство городского населения придерживалось пророссийских настроений, а потому было враждебно гетманскому правительству, чуждо пропаганде «самостийности» Украины и проводимой политике украинизации. Горожане, особенно интеллигенция, относились резко отрицательно к насильственному насаждению «мовы» и свое отрицательное отношение переносили на гетманский режим вообще. Сторонников украинизации можно было найти разве что среди деревенской полуинтеллигенции и приверженцев Центральной Рады. Впрочем, последние не могли простить гетману переворота.

Скоропадский также узаконил «автокефалию» украинской церкви. 30 октября (12 ноября) 1918 года министр исповеданий Лотоцкий произнес программную речь, в которой провозгласил цели новой политики по отношению к православной церкви. Главные положения этой речи были следующие: *«Основной принцип государственной власти состоит в том, что в самостийной державе должна быть и самостийная Цер-*

ковь... Автокефалия Украинской Церкви — это не только церковная, но и национальная необходимость. И кто это понимает и всем сердцем принимает интересы украинского народа, тот принимает и автокефалию Украинской Церкви». По сути, первый вариант нынешнего филаретовского раскола!..

Однако вскоре ситуация кардинально изменилась. Произошел военный разгром держав, на которые опирался режим Скоропадского; гетман был вынужден срочно менять ориентиры. 1(14) ноября 1918 года Павел Скоропадский принял «Федеративную Грамоту», провозглашавшую объединение Украины с «будущей небольшевистской Россией». Было создано русофильское правительство С. Н. Гербеля, а все министры-«самостийники» отправлены в отставку. Отставку Лотоцкого архиепископ Евлогий охарактеризовал так: *«Пал министр — пала и автокефалия. Будем теперь спокойно заниматься делами»*.

Интересны и не потеряли актуальности сегодня размышления Могилиянского о поведении немцев. С одной стороны, они препятствовали Скоропадскому в создании боеспособной армии, поскольку немцы не потерпели бы другой сколько-нибудь серьезной военной силы на Украине. С другой стороны, они сами помогали формированию офицерских отрядов Южной армии. Немцы постоянно и намеренно путали карты при переговорах Украины с Крымом, чтобы и здесь не было достигнуто какое-либо соглашение. «Разделяй и властвуй» было их лозунгом. Именно немцы потребовали у гетмана Скоропадского освободить арестованного им Петлюру. Скоропадский сознался, что освободил Петлюру, несмотря на доказательства его подрывной деятельности против гетманата, поскольку немцы угрожали освободить его силой...

Очутившись в политической изоляции, гетман попытался найти поддержку среди украинских социалистов. 24 октября 1918 года в состав его правительства вошли четыре социалиста, однако это уже не помогло. Немцы терпели поражения... Социалистические оппозиционные партии начали подготовку восстания против гетмана. Для руководства был создан управляющий орган — Директория, в состав которой вошли Владимир Винниченко, Симон Петлюра, Федор Швец, Андрей Макаренко. Их главной военной силой стали «сечевые стрельцы» под руководством полковника австрийской армии Евгения Конавальца, которые находились в Белой Церкви. Скоро к стрель-

цам стали присоединяться восставшие крестьяне. Они хорошо запомнили все обиды: и развороченные артиллерийским огнем хаты, и крестьянские спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков, и расписки немецких офицеров на клочке бумаги вроде «Выдать русской свинье за купленную у нее свинью 25 марок», и реквизированных лошадей, и отобранный хлеб, и многое другое. Началось наступление на Киев. Немцы, в обмен на беспрепятственный пропуск на родину, объявили о своем нейтралитете. 14 декабря гетман отрекся от власти и передал ее своему правительству, которое, в свою очередь, передало власть Директории. Ночью германское командование, одев гетмана в форму немецкого офицера и забинтовав наглухо ему голову, чтобы не могли узнать, вывезло его в немецком поезде из Киева. 19 декабря войска Директории вошли в Киев. Правда, продержались они еще меньше, чем гетман. Уже через полтора месяца Директории пришлось бежать из столицы.

Шесть недель Директории

Когда Директория со товарищи подняла в Белой Церкви восстание против Скоропадского, сначала с ней были только галичане Коновальца. По воспоминаниям современников, Петлюра начал распускать через своих агентов слухи, что он — сторонник «радянської влади»; скоро к нему начало стекаться революционизированное крестьянство. Именно этим объясняется то обстоятельство, что 50-тысячная крестьянская армия «головного атамана» Петлюры вступила в Киев под красными знаменами, и на этих знаменах красовались большевистские лозунги: «За владу Рад», «За радянську владу» и т. д. Винниченко объяснял это так: *«Инициаторы предвидели, что главной силой революционного движения будет сельский и городской пролетариат. И действительно, повстанческая армия пополнялась главным образом пролетарским элементом... Само собой разумеется, что этот элемент не мог удовлетвориться теми неопределенными лозунгами, которые выставлялись Директорией, и «самочинно» начал их расширять, организуя повсюду революционные комитеты, носившие, преимущественно, характер Советской власти».*

После вступления Петлюры в Киев через спешно построенную триумфальную арку реальная власть оказалась, по сло-

вам Винниченко, «в штабе сечевых стрельцов, с которыми Петлюра совершенно солидаризировался и всякими способами искал у них ласки. Они вводили осадное положение, они ставили цензуру, они запрещали собрания». Единственное, что успели сделать петлюровские войки, кроме цензуры, вырезания офицеров и еврейских погромов, — это полностью украинизировать все вывески. «Приказ о немедленной украинизации вывесок частным образом мотивировался тем, что галицийские войска, которые Петлюра призвал освободить Украину, были весьма сконфужены, когда они, овладев, наконец, Киевом, оказались в совершенно русском городе», — писал А. Гольденвейзер. Как вспоминает этот же автор, в свое время бывший членом Центральной Рады, «время владычества Директории, каких-нибудь шесть недель, было временем самого необузданного национализма и русофобства. И вместе с тем, это было время неслыханно-кровавых и жестоких еврейских погромов». Недаром во время вступления в Киев петлюровских войск сказал украинский эсдек Чикаленко: «Они задушат украинскую свободу в еврейской крови...»

Начавшиеся еще 14 декабря убийства офицеров, юнкеров и молодежи, служившей в гетманских отрядах, продолжались все время господства Директории в Киеве. Педагогический музей, в котором в 1917—1918 гг. заседала Центральная Рада, превратили в тюрьму, где были заключены около трех тысяч человек. На улицах Киева каждое утро находили десятки трупов убитых офицеров. Ни одна ночь не проходила без убийств. А в местечках и городах вокруг Киева шли еврейские погромы.

Формально Директория захватила власть на всей Украине, но фактически эта власть была не большей, чем власть Центральной Рады за год до того. Директория сумела поднять огромную вооруженную массу для свержения немецко-гетманского режима, но эта масса очень быстро растаяла. Большая часть крестьян сразу же вернулась в села для реализации своей победы и занялась дележом земли и разгромом еще уцелевших или восстановленных во время гетманства имений, а также мезтью за шомпола, полученные при гетмане. Другая часть имела очень сильные пробольшевицкие настроения и также не желала успокаиваться.

Украинский хаос как нельзя лучше характеризуется положением Екатеринослава (ныне Днепропетровск), о кото-

ром генералу Деникину пришла такая сводка: *«Город разделен на пять районов. В верхней части укрепились добровольческие дружины; в районе городской думы — еврейская самооборона; далее — кольцом охватывают немцы; добровольцев, самооборону и немцев окружают петлюровцы и, наконец, весь город в кольце большевиков и махновцев».*

Свою «преданность демократии» Директория проявила по словам также и тем, что, *«сразу была введена беспощадная цензура для прессы, запрещены съезды и собрания, — словом, населению не было позволено даже свободно вздохнуть и почувствовать хотя бы какую-нибудь разницу между гетманщиной и Директорией».*

Внешняя политика Директории характеризовалась пресмыкательством перед Антантой и другими странами, которым новая власть предлагала по дешевке «неньку-Украину». Винниченко пишет: *«Еще организуя восстание, мы вступили в неофициальные сношения с представителями Антанты и Румынии, и последние горячо нас поддерживали и обещали помочь против гетманщины и немцев».*

Уже после того, как в феврале 1919 года ее выгнали из Киева, Директория издала следующую ноту: *«Правительство Украинской республики в лице Директории, получив отзыв от Антанты и Соединенных Штатов Северной Америки... счастливо тем, что может вступить в соглашение с представителями Антанты и Соединенных Штатов Северной Америки в деле помощи Украине для отпора натиска русского большевизма, пресечения большевизма на украинской территории, появившегося под влиянием русского большевизма, и общей борьбы с другими державами против большевизма до победы».*

Далее Директория объявляла: *«Мы вручаем Антанте и Соединенным Штатам защиту нашего законного права на весь флот Черного моря».* В ноте было также сказано: *«Мы уверены, что наши высокие союзники помогут нам как в техническом отношении, так и в деле укрепления нашей валюты на мировом рынке... Пользуясь случаем, обращаемся к французскому народу и иным народам держав Антанты с призывом помочь нам в деле окончательного освобождения нашей украинской нации и строительства украинской государственности».* непонятно только, почему «украинская народная власть» в «деле строительства украинской государственности» обращалась не

к своему народу, а к французскому и другим? Но с тех пор каждая «самостийная» власть предпочитает «вручать законные права» не собственному народу, а представителям других держав... например, государств НАТО!

Деникин в своих воспоминаниях приводит документ, появившийся уже после ухода Винниченко из украинского правительства. Если бы эта просьба «патриотов» была удовлетворена, Украина превратилась бы фактически в колонию Франции! *«Директория, признавая сделанные ею ошибки, просит французское командование о помощи в борьбе против большевиков. Директория отдает себя под покровительство Франции и просит представителей Франции взять на себя руководство управлением Украины в областях военной, дипломатической, политической, финансовой, экономической и судебной в течение всего времени, пока будет продолжаться борьба с большевиками».*

Однако и в «прозападных» настроениях Директория не была тверда. Исчерпывающую картину настроений и общей обстановки на рубеже 1918—19 годов дает в своей книге «Украина в огне и буре революции» бывший украинский премьер Исаак Мазепа: *«В правительстве Директории шла борьба между двумя направлениями: одни стояли за соглашение с Антантой, другие — за союз с Москвой. Винниченко был за мир с Советской Россией, но часто колебался и не знал, как поступить. Глава Правительства, Чеховский, твердо стоял за соглашение с Москвой. Большинство эсеровских лидеров, как Грушевский, Шаповал, Любинский и другие, солидаризировались с Винниченко и Чеховским и склонялись больше к союзу с советской Москвой, чем с Антантой.*

Вообще внутренняя ситуация на Украине была неблагоприятна для успешной обороны Украины. Помимо тяжелого положения, в котором находилась армия, среди самих украинских руководящих кругов происходил глубокий процесс разъединения на два лагеря: одного — противобольшевистского и другого, который склонялся к идеологии большевиков. Неудачи Центральной Рады в предыдущий период революции и расширение симпатий к большевикам среди украинских масс — все это на многих повлияло так, что они считали, что нужно и нам, украинцам, стать на позицию советов, чтобы не разойтись со своим народом. Усилению этих настроений весьма содействовали тогдашние события в Австро-Венгрии и Герма-

нии, где создавались правительства с социалистами во главе. Было почти общее мнение, что началась мировая социалистическая революция, и потому и на революцию на Украине смотрели, как на «начальную фазу мировой революции».

Заслуживают особого внимания признание Мазепой «расширения симпатий к большевикам украинских масс» и того, что ряд украинских лидеров «склонялся к большевистской идеологии», а также полное умолчание о «борьбе за национальное освобождение» и о «завоевании москалями» Украины. То есть, о вещах, которые сегодня беспрерывно встречаешь если не в ток-шоу, то в книге, если не в книге, то в школьном учебнике, если не в учебнике, то в речи президента. Ибо это — мифы, сложившиеся потом...

«Злука» была. Государство не состоялось

Сегодня много говорят об одном событии, произошедшем во время правления Директории, — о так называемом «Акте злуки». В 2006 году Виктор Ющенко обратился к «своій нації»: *«22 січня є одним з найвеличніших днів української історії. В цей день, 86 років тому, відбулося прийняття Акту злуки Української Народної Республіки та Західноукраїнської Народної Республіки. Розділений кордонами чужих держав, наш народ не тільки вистояв, а й відродився, воз'єднався в єдине ціле... Акт злуки продемонстрував стирання штучних меж, накреслених чужими імперіями, став вагомим кроком до утвердження України на політичній карті Європи».*

Что же это была за акция, которая, по словам сегодняшних историков, «навечно закарбувалася в історії України величним національним святом», и почему этой дате придается сегодня такое внимание? Раньше ее или не вспоминали вообще, или — в контексте очень нелестном, а именно, как свидетельство многовековых свар и дразг украинцев, их неумения договариваться. Хотя из современных учебников истории складывается впечатление, что, кроме УНР и ЗУНР, никаких иных республик в Украине не существовало, — в действительности, как известно, все было иначе.

«Акт злуки» был провозглашен на так называемом «Всеукраинском конгрессе трудового народа» 22 января 1919 года. Правда, к этому времени уже почти вся Украина была под властью

харьковского советского правительства, а украинские советские части, во главе с Таращанской и Богунской дивизиями, подходили к Киеву. Но несмотря на это Директория провозгласила именем свой конгресс «выразителем воли украинского народа».

Тогда партии не смогли договориться даже о составе президиума конгресса. В результате президиум почти полностью составили делегаты-галичане, а возглавил его галичанин С. Витик. *«В напряженной обстановке происходили заседания конгресса в городском театре, битком набитом публикой, в солдатских шинелях и, конечно, при оружии. Умногих на поясах бомбы. Публика бурно реагировала на выступления ораторов, начиная от «Слава!» и кончая свистом и матерной руганью... Волны махорочного дыма, шум, угрозы, одобрение... А издалека доносится канонада — к Киеву подходят большевики. Генерал Греков сообщает конгрессу, что они уже в Семиполках»,* — так описывал заседание конгресса один из его участников.

Но все же конгресс вынес решение о слиянии Украинской Народной республики с Западно-Украинской Народной республикой в одно государство — «Соборную Украину», что и было оглашено на Софийской площади, под канонаду из-за Днепра... и при полном равнодушии жителей столицы к этому «историческому акту». К моменту слияния правительства обоих сливающихся государств уже готовились к бегству: киевское — на Запад; западно-украинское — на Восток. Вскоре они и встретились в районе бывшей русско-австрийской границы. Как отдельные правительства с отдельными армиями...

Но провозглашение «Акта злуки» 22 января 1919 года было лишь завершающим аккордом. Главное происходило «под ковром», во время многочисленных переговоров руководства страны с западными представителями.

Несмотря на то, что в знаменитых «14 пунктах Вильсона» Соединенные Штаты провозгласили одной из целей своей европейской политики сохранение многонациональной Австро-Венгерской империи, в октябре 1918 года президент США потребовал признания независимости народов последней. Открылась возможность к провозглашению независимости западноукраинских земель. 18 октября 1918 года во Львове члены Украинской Парламентской репрезентации (украинцы — депутаты имперского парламента, а также галицкого и буковинского сеймов), при участии отцов греко-католиче-

ской церкви, создали «конституанту українських земель Австро-Угорщини» — Украинскую Национальную Раду из 56 человек, во главе с Евгением Петрушевичем. Большинство, за исключением социал-демократов, выступало за провозглашение западноукраинских земель коронным краем в составе Австро-Венгрии. Именно эту идею Петрушевич предложил 19 октября участникам собрания. Но социал-демократ Николай Ганкевич предложил другой вариант — «злуку» с Надднепрянской Украиной.

Сам договор между ЗУНР и УНР «об имеющем состояться слиянии обеих украинских держав в одну государственную единицу» был подписан 1 декабря 1918 года в Фастове под Киевом. Кстати, в этом документе есть очень примечательный пункт: *«Западно-Украинская Народная республика, ввиду созданных историческими обстоятельствами, особыми правовыми институциями, а также культурными и социальными отличиями особенностей жизни на своей территории... получает территориальную автономию, границы которой в момент слияния обеих республик определит особая комиссия, решения которой подлежат ратификации. Тогда же будут установлены и детальные условия слияния обеих держав».* То есть, в 1919 году западные украинцы соглашались на создание «сборной Украины» только на условиях своей автономии. В наше время их потомки своих восточноукраинских братьев лишь за мысли вслух о чем-то подобном объявляли «врагами украинской государственности» и бросали в тюрьмы...

Объединенное лишь на бумаге государство просуществовало недолго. 9 июня 1919 года ЗУНР дала полномочия диктатора Петрушевичу. Но глава Директории Петлюра не признал диктаторских полномочий Петрушевича и создал отдельное министерство по делам ЗУНР, что фактически перечеркнуло право на ее существование, как государственного образования.

Формально «сборное» государство просуществовало 175 дней — с 22 января по 16 июля 1919 года. Оно прекратило свое существование ввиду непримиримых противоречий между руководством ее составных частей — буржуазными демократами ЗУНР и радикальными национал-социалистами УНР. Руководство ЗУНР считало первоочередной задачей борьбу с Польшей, не отрицая союза с Деникиным. Симон Петлюра же предпочитал воевать с большевиками даже за счет интере-

сов Галичины, возможность союза с Деникиным отбрасывая. Так был утерян хоть и не слишком верный, но все же шанс на создание Украинской державы, а ее осколки стали составными частями других государств.

В ночь на 22 апреля 1920 года, накануне начала польско-советской войны, в Варшаве был подписан тайный договор, согласно которому эмигрантское «правительство» УНР во главе с Петлюрой в обмен на признание Польшей «украинской самостоятельности» и активную помощь с ее стороны в борьбе с Советской Россией передавало Речи Посполитой часть Украины, включая восточную Галицию, Полесье и часть Волыни с общим населением около 10 млн человек. Кроме того, по военной конвенции от 24 апреля того же года, части так называемой армии УНР (две дивизии — более 20 тысяч штыков) переводились под управление польского командования.

За время гражданской войны в Украине, которое сегодня патетически называют «початком визвольних змагань», погибло намного больше украинцев, чем во время голода 1932—1933 годов. Вся вина за это ложится на тех, кого очень метко бывший министр и член Центральной Рады С.Шелухин назвал «господствующей демагогической частью украинской интеллигенции». Вот его слова:

«Работа этой части интеллигенции, хотя и незначительной, но благодаря духовной дефективности и патологической жажде власти над народом и всем — была разрушительной. На деле они показали себя бездарной и разрушительной силой, лишенной от природы конструктивного мышления. Я два раза, по необходимости, был министром юстиции и оба раза отказался после попытки работать продуктивно в составе неспособного партийного большинства. Проявив жажду власти, эти люди создавали негодные правительства, которые уничтожали свободу нации и не выявляли ни малейшей способности к конструктивной работе. Узость понимания, свойство думать по трафарету, недостаток критики, самохвальство, нетерпимость к инакомыслящим, упрямство, неспособность разобраться в фактах, непригодность предвидеть и делать выводы из собственных поступков, неустойчивость и недостаток чувства настоящей ответственности за работу — их отличительные свойства...»

Именно демагоги от националистической интеллигенции ввергли Украину в огромную воронку противостояния, поднявшего брата на брата, сына на отца, нацию на нацию... А сегодня этих патологических болтунов величают отцами-основателями нашей государственности.

Митрополит Шептицкий и украинская революция

Вернемся к авантюрной биографии Андрея Шептицкого. После Февральской революции Временное правительство сняло с него все ограничения и предоставило ему полную свободу передвижения. Сообщить об этом приехал к митрополиту лично министр юстиции Керенский. В середине марта 1917 года он сказал Шептицкому, что тот может выбрать место жительства по собственному желанию. Тогда владыка решил ехать в Петроград, тем более, что получил уже оттуда приглашение будущего петлюровского министра по делам исповеданий Лотоцкого. Там Шептицкий провел совещание со шпионами Ватикана Роопом и Цепляком, а потом, лично поблагодарив за свое освобождение главу Временного правительства князя Львова, отбыл в Киев.

Центральная Рада встретила его хоть и торжественно, но достаточно келейно. Руководители ЦР говорили, что видят в Шептицком духовного руководителя, но совсем не спешили демонстрировать свои чувства на православной публике. Правда, не торжественные мероприятия интересовали владыку. Свое время он проводил в официальных и конфиденциальных встречах.

О содержании одной из таких встреч в 1925 году рассказывал выдающемуся советскому разведчику, Сергею Карину-Даниленко, бывший член Центральной Рады и премьер-министр Директории Владимир Чеховский. Историк по профессии, член Украинской социал-демократической партии (УСДРП), он был премьером и министром иностранных дел в первом правительстве Директории. После ликвидации петлюровщины остался в Украине; в 1921 году стал идеологом и организатором так называемой «Украинской автокефальной православной церкви», или, как ее еще называли, — «самосвятской». Чеховский называл себя марксистом, а когда его спрашивали, как он

это согласовывает со своей принадлежностью к УАПЦ, серьезно отвечал, что хочет соединить марксизм с учением Христа.

Он пишет: «Це було навесні 1917 року, після Лютневої революції. Яюсь під час перерви між засіданнями Центральної Ради до мене підійшов професор Грушевський і запитав: «Володимире Мусійовичу, ви студіюєте церковні питання. Чи не варто було б вам зустрітись і побесідувати з митрополитом греко-католицької церкви Андрієм Шептицьким?»

Я відвідав Шептицького, не пам'ятаю, на другий чи на третій день. Це була висока на зріст, огрядна людина з кокетливо підстриженою бородою, на цілу голову вища за мене, у вбранні католицького чи то монаха, чи то ксьондза. Мене зразу ж вразила його рухливість, енергійність. Він закидав мене запитаннями. Говорив він поганою українською мовою, пересипаючи її полонізмами і латинізмами. Найбільш часто митрополит вживав, очевидно, своє улюблене слово «квестія». Його цікавило все: і настрої різних верств населення України в зв'язку з поваленням царату в Росії, і національна відбудова України, і церковні справи, і навіть військові. Пригадую, мені довелося докласти чимало зусиль, щоб спрямувати бесіду в річище церковної проблеми...

Шептицький з запалом розвивав ідею з'єднання української православної церкви з католицькою в сучасних умовах. Він запевняв, що в цій справі Ватикан піде так далеко, наскільки це буде потрібно. «Більш як триста років справа з'єднання наших церков не тільки була і є головним предметом найповажніших дослідів наших учених,— говорив уніатський митрополит,— а й найпалкішим прагненням греко-католиків»...

Вислухавши всі аргументи Шептицького, я щиро йому сказав, що як історик мушу розчарувати його. З'єднання церков — це значить унія з Римом. Ніколи українська людність навіть слухати про унію не схоче. Унія — це цілий період історії нашого народу, період страшний, повний крові, страждань, прокльонів і сліз народних. Того, хто підніме гасло злуки з Римом, народ змете і заплямує. Полишимо цю тему.

Митрополит скипів од моєї відповіді. Зірвавшись з крісла, накинувся на мене, але, ніби схаменувшись, заспокоїливо сказав: «Забудьте все, що ми давно забули і не бажаємо згадувати. Дійте в інтересах майбутнього. Зрозумійте, для державного відродження України необхідна національна єдність, а для

єдності національної конче потрібна єдність релігійна. Будучина українського народу в злуці із Заходом, з західно-християнською культурою. Прилучити український народ до християнської культури може тільки релігійний зв'язок із Заходом — з'єднання з Римом!...

Поривайте з московитами. Будьте єдиними із здоровими колами Росії в поборюванні анархії, безвір'я і злочинності в народі, але самотійно прямуйте на Захід. На цьому шляху ви завжди знайдете повне розуміння з нашого боку, добру пораду, всіяку підтримку і наше благословення...»

Такі бесіди митрополит провів не лише зі мною, а й з багатьма членами Центральної Ради».

Чеховский заметил, что униатский владыка пребывал в Киеве для изучения обстановки и изложения программы действия своим сторонникам (вспомним, что среди членов Центральной Рады почти половина была гражданами Австро-Венгрии). В конфиденциальных разговорах Шептицкий продвигал идею создания пронемецкой «самостийной Украины». В это же время он начал создавать греко-католические очаги на территории Надднепрянской Украины; в Галичине основал сеть греко-католических экзархатов, а в Киеве — генеральный викариат во главе с Цегельским. Отдельный униатский экзархат митрополит также создал и в России, с центром в Петрограде; во главе поставил экзарха Федорова.

Центральная Рада усиленно ублажала Шептицкого. В центре Киева ему выделили четверть десятины земли для строительства униатской церкви, которая и была возведена сторонниками владыки в рекордно короткие сроки. По указанию ЦР легализуется деятельность генерального викария униатов в Киеве, дается разрешение на организацию парафий в Одессе, Екатеринославе, Виннице, Каменце-Подольском.

Но эта открытая, официальная деятельность забирала у деятельного Шептицкого только часть времени. Особую активность он проявил как духовный шеф и наставник обеих организаций, созданных австро-немецкой разведкой — «Союза освобождения Украины» и «Главной Украинской Рады». В это же время владыка создает сеть секретной агентуры в Надднепрянской Украине, проводит тайные совещания с влиятельными деятелями Центральной Рады на тему об устройстве будущей «самостоятельной» державы; выступает (как знакомо!) с

проектом создания «украинского патриархата», который по его мнению, должен был стать духовной основой «украинской державности».

Вернувшись в Петроград, Шептицкий пытается добиться от Временного правительства права на легализацию «униатской церкви в пределах всей России». Одновременно пытается вести переговоры с представителями русского православия о том, не будет ли возможности в условиях революции «приблизить православную церковь к католической». Правда, вести эти переговоры на равных митрополиту мешало одно обстоятельство: он не имел на руках секретного акта, которым Ватикан уполномочил его действовать в пределах всей России. Этот документ лежал в архивах российской контрразведки. Однако с помощью своих влиятельных друзей и некоторых приверженцев из Временного правительства владыке удалось достать не только этот ценный документ, но и большинство бумаг, изъятых у него из львовского тайника во время войны.

Едва легализовав свою деятельность, Шептицкий тут же, без согласия Временного правительства, созывает в Петрограде так называемый «собор униатских деятелей в России».

По завершении этого мероприятия владыка обратился к Временному правительству с официальным заявлением, где указал: *«Со времен Петра Великого Россия неуклонно приближается к западной культуре, и это для нее является не вредным, а наоборот — полезным. Несмотря на то, что Россия использует достижения западной культуры, она и далее до сих пор является русским государством. Одно дело не завершено до сих пор, а именно: церковное. Никто не разобрался до сих пор в вопросе, — приближение к западной церкви связано для России с пользой или вредом. Если это дело рассмотреть всесторонне, можно убедиться, что для России не будет никакой опасности от приближения к западной церкви...»* После этого Временное правительство не только легализовало греко-католическую церковь в России, но и стала приглашать Шептицкого на все официальные совещания по церковным вопросам.

И все же владыка оставался представителем враждебной державы... Чтобы тем временем облегчить его положение, австрийское правительство устроило провокационный розыгрыш. Военный суд приговорил к смертной казни православного священника Рыжова, настоятеля церквей в Праге и Карлс-

баде, якобы как «русского шпиона». А через прессу австрийцы дали понять российскому правительству, что отменяют решение, если Шептицкий выедет в какую-нибудь нейтральную страну. Временное правительство не только поспешило срочно выдать Шептицкому все необходимые для выезда документы, но и предоставило правительственный вагон. 9 июля 1917 года он прибыл в столицу нейтральной Швеции.

Оказавшись там, Шептицкий пишет на имя министра иностранных дел детальную секретную записку о состоянии дел в революционных России и Украине, а также просит разрешения посетить Рим. Тем временем к нему прибывает ряд «надежных людей» из СОУ («Союза освобождения Украины»). Стоит также учитывать, что именно в Швеции размещался имевший самые тесные отношения с СОУ «Институт изучения социальных последствий войны», который в странах Антанты называли немецким шпионским центром. После инструктажа у митрополита «надежные» люди были направлены в революционную Украину в качестве резидентов разведки...

Наконец, Шептицкого торжественно встретили в Вене. Через несколько дней его пригласил к себе император Карл I и наградил Большим крестом ордена Леопольда с военным отличием. Но на этом торжества не закончились. По дороге из Вены во Львов всем приходским священникам и местным светским властям было приказано прибывать на станции, которые будет проезжать митрополит, для того чтобы отдать ему соответствующие почести. С наибольшей помпой Шептицкого встречали во Львове, где для этого были созданы соответствующие комитеты, печатались газеты, провозглашались проповеди. На церемонию встречи Шептицкого монарх прислал своего личного представителя Вильгельма Габсбурга, известного впоследствии под опереточным именем Василя Вышиваного, «кандидата на украинский трон».

В львовской газете «Дело» о приезде митрополита сообщалось так: *«Тепер приїздить він до Львова на свій престол. Тут чекає на нього не лише величава привітна маніфестація, підготовлена заходами закладеного з цією метою комітету, але також нове найвище визнання: при в'їзді в митрополічу столицю має його повітати від імені монарха член династії — архікнязь Вільгельм. Очевидячки, що найвище визнання для митрополита Шептицького є рівночасно визнання для українського на-*

роду Габсбурзької монархії, заповіддю його ліпшої будучини під скіпетром Карла I».

Доклад Шептицького о ситуации в России и Украине вызвал сенсацию в Ватикане. Выполняя приказ Бенедикта XV, конгрегация по чрезвычайным церковным делам анализировала положение церкви в Российской империи с политической точки зрения, конгрегация по пропаганде веры разрабатывала планы обращения россиян и украинцев в католицизм; консисторская конгрегация, своего рода отдел кадров Ватикана, готовила кандидатов для «апостолизации» территорий Российской империи.

Но тут 25 октября (7 ноября) 1917 года Временное правительство было свергнуто. Государственная власть в России перешла в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Тогда Габсбургская империя сосредоточила свое внимание на Украине. Вена с воодушевлением восприняла подписание Центральной Радой сепаратного мира с кайзеровской Германией. Об этом свидетельствует письмо Карла I главе делегации Австро-Венгрии на переговорах — графу Чернину: *«Глубоко взволнован и обрадован известием о подписании мира с Украиной, выражаю вам от всего сердца свою благодарность за целенаправленный и успешный труд».*

Через несколько недель владыка уже выступал в австрийском парламенте, где уверял всех, что *«украинцы смогут лучше всего обеспечить свое национальное развитие только под крыльями Габсбургской империи».*

Митрополит Шептицкий считал, что даже после того, как немцы «трагически» оставили земли Украины, еще не все утеряно. Гетмана сместили, но власть попала в руки «національних елементів». *«Важливо те, — писал митрополит Шептицкий, — що уряд Директорії не залишився осторонь і церковної справи. 1 січня 1919 року цей уряд оголосив закон про автокефалію української православної церкви, наслідки якого матимуть для нас велике значення. Закон про автокефалію кладе край згубному впливові на Україні з боку російського православ'я. Але виняткове значення для нас має таке питання: за нашою порадою український уряд Директорії вирішив порушити клопотання перед апостольським престолом про встановлення дипломатичних стосунків...»*

Докладывал Шептицкий папе римському и об «Акте злуки». «Керуючись інтересами святої нашої церкви, — сообщал папе Шептицкий, — я дав благословення і на оголошення акту про з'єднання України, хоч і вважав це з'єднання передчасним. Треба було вичекати, поки на Україні буде повністю зліквідована загроза більшовизму і зміцніє влада здорових українських національних сил... У справі створення української державності поки що не доводиться жалкувати за жодним кроком, що я зробив у вихорі подій, може, і не завжди обережно, але завжди з єдиною метою сприяти поступуванню нашої святої церкви. Про це свідчить таке виняткової ваги секретне повідомлення з Києва, щойно мною одержане: «Скоро, скоро на Україні восторжествує унія. Українські державні провідники, прагнучи відгородити Україну від згубного впливу Москви, обмірковують питання про введення унії урядовим порядком згори, шляхом створення українського патріархату. На патріарха всієї України буде покликано вашу екселенцію... (то єсть Шептицького — М. Б.)»

Директория во главе с Винниченко и Петлюрой поспешила установить с Ватиканом дипломатические отношения. Послом от Директории в папскую столицу поехал друг митрополита, магнат граф Михаил Тышкевич, представитель высших кругов польской аристократии.

Владыка не ошибся, докладывая о готовности дорвавшихся до власти националистов ввести унию и назначить самого Шептицкого «патриархом всея Украины». Это подтверждает и рассказ бывшего премьер-министра Директории Владимира Чеховского:

«У Директорії і в її уряді не було розбіжностей у тому, як розв'язати церковну проблему на Україні. Всі сходились на тому, що нам необхідно зробити церкву автокефальною. Проте в цьому питанні ми натрапили на великий спротив православних єпископів України. В 1918 році собор єпископів України категорично висловився проти автокефалії української православної церкви, заявивши про свою вірність новообраному всеросійському патріархові. З огляду на це уряд Директорії вирішив ввести автокефалію державним законом. Державний акт про автокефалію ми оголосили в Києві 1 січня 1919 року, зазначивши, що українська автокефальна церква з її духовною ієрархією ні в якій залежності від патріарха всея Русі не стоїть. Але православні єпископи України ігнорували державний акт

про автокефалію. В зв'язку з цим в урядових колах Директорії у декого виникла ідея створення українського патріархату з покликанням на патріарха львівського митрополита Шептицького. Розуміється, по суті мова йшла про введення унії, але слово унія якось випадало у тих, хто обстоював ідею створення українського патріархату на чолі з Шептицьким. А обстоювали цю ідею наші брати галичани — урядові представники ЗУНР, яких з часу договору у Фастові понаїздило в Київ багато. Особливо відзначався в цьому галицький діяч Лонгин Цегельський, який після з'єднання ЗУНР з УНР увійшов в уряд Директорії як заступник міністра закордонних справ... Ідеєю створення українського патріархату на чолі з Шептицьким, тобто введенням унії, були захоплені і Петлюра, і Винниченко, які вбачали в цьому найкращий засіб позбутися впливу «чорносотенно-го російського православного духовенства».

Именно «галицький діяч» Лонгин Цегельский, который работал в созданном австрийской разведкой «Союзе освобождения Украины», уже в качестве заместителя министра иностранных дел Директории настойчиво рекомендовал направить послом в Ватикан друга Шептицкого, Тышкевича, что и было исполнено.

Почти через 20 лет в своем панегирике Шептицкому, изданном в 1937 году в Филадельфии, Цегельский сделал ценное признание: «Українські державні провідники думали над введенням унії згори, з уряду, по всій Україні та над покликанням митрополита Андрія на патріарха всієї України. Унією вони думали раз і назавжди відгородити Україну від Москви й азійства, наблизити її до Заходу і до його культури».

Цегельский приводит запись своего разговора с главой Директории, Винниченко, от 19 декабря 1918 года. Вот отрывок из этого диалога:

«— А що ви сказали б на те, якби ми забрали Шептицького до Києва на митрополита всієї України?

— Шептицький на православного митрополита не піде, — відказав я.

— На якого там православного!... Очевидно, що на уніатського. Православ'я скасуємо. Це ж воно нас завело під царя східного, православного, то воно проводило обмосковлення України. Православ'я завжди буде гравітувати до Москви. Ваша унія добра для відрізнення і від Польщі, і від Москви. Уніат із природи

стає українцем. Скличемо синод єпископів, архімандритів та представників мирян з України і порадимо їм прийняти унію, а Шептицького поставимо на чоло. Ще й порозуміємося з Римом, щоб його зробив патріархом України. Чи не добре це звучить?.. Ви думаєте — я жартую?..

У душі я радів цьому планові,— продовжує Цегельський, — та все-таки висловив побоювання щодо труднощів із православним духовенством та з протиуніатським наставленням, створеним і культивованим Москвою.

— Єрунда! — гарячився Винниченко. — Це — революція, і все старе ломиться. А хто незгідний, нехай посміє... Заарештуємо яких два-три десятки заїлих старозаконників, збавимо парафії і хліба цього чи того, то решта присяде. А український сантимент доконає решти. Відгородимо Україну муром унії від Москви раз назавжди».

Комментарии, как говорится, здесь излишни. Увы, сегодня слышим призывы, словно под копирку списанные с речей бездарных демагогов, 90 лет назад ввергнувших Украину в братоубийственную рознь.

Глава 3

МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

«Гетман Украины в изгнании»

После бегства в Германию в декабре 1918 года Павел Скоропадский получил аккредитацию, как «гетман Украины в изгнании». Ему была назначена ежегодная пенсия в размере 10 тысяч марок и предоставлена роскошная вилла в центре Берлина, получившая название резиденции экс-гетмана Украины. Вокруг Скоропадского группировались бывшие члены Украинской хлеборобско-демократической партии (УХДП). Правда, политические собрания приносили экс-гетману мало пользы, а еще меньше дивидендов. И он стал сотрудничать с немецкой разведкой, имевшей интересы не только на Украине, но и в украинской диаспоре — прежде всего, в Великобритании, Польше, США и Канаде.

Уже после прихода к власти Гитлера в письме, адресованном криминальному советнику гестапо Шредеру, внешне-политическому отделу НСДАП и имперской рейхсканцелярии, Скоропадский предложил Германии создать фашистскую «великоукраинскую державу», которая навсегда сохранит «свой сельскохозяйственный характер», а техническую помощь будет получать от «третьего рейха», т. е. фактически превратится в сельскохозяйственный придаток империи. Но намного ранее гетманский центр стал одной из резидентур германской разведки. При ее помощи и по ее заданию гетманцы создали ряд националистических организаций, которые действовали под видом научных и культурных обществ. Одним из них был так называемый «Украинский научный институт» (УНИ) в Берлине. Его деятельность направляли генералы рейхсвера Гренер и Келлер, а также внешнеполитическая разведка министерства иностранных дел Германии. Она же и финансировала этот институт. Не случайно ведь среди сотрудников УНИ ока-

зались такие люди, как агент немецких спецслужб во время Первой мировой войны А. Скоропис-Йолтуховский. В составе института находились также бывшие министры гетманского правительства на Украине Д. Дорошенко и И. Марчук. Гетманцы создали свои организации в США и Канаде — разветвленную сеть «Союза хлеборобов-державников» и военные формирования «Сечи».

Интересно, что Скоропадский не ограничивал себя сотрудничеством с официальными кругами Германии. Уже в начале 20-х годов он предусмотрительно завязал контакты с нацистами. В частности, знакомство гетмана с Розенбергом состоялось в 1921 году, а в 1923 году, в Розенвале, Розенберг и его помощник Шейбнер-Рихтер отрекомендовали Скоропадского Гитлеру. И что примечательно, гетман, сам получавший деньги из немецкой государственной казны, вдруг решил сделать взнос в фонд НСДАП, а также некоторое время финансировал ее печатный орган «Фёлькишер беобахтер».

А в это время конкуренты Скоропадского на право «законно представлять» Украину перед Западом, деятели из «министерства иностранных дел УНР», сообщали иностранным торгово-экономическим представительствам, что долговые обязательства и гарантии на концессии в Украине, которые раздавал гетман, *«будуть вважатися урядом УНР незаконними і будуть переслідуватися по силі обов'язуючих карних законів уряду УНР»*. И смех, и слезы...

С поляками против Украины

В конце 1919 года Петлюра вместе с бывшим министром правительства УНР Андреем Левицким, генералом Сальским и другими окопался в Польше. Затем они перебрались последовательно в Чехословакию, Болгарию и Францию, где создали широко разветвленные звенья организации под названием «Украинский центральный комитет» (УЦК). В Румынии и Югославии ими были учреждены «Украинские комитеты помощи» (УКП). Тем не менее, основная часть петлюровцев до 1939 года оставалась в Варшаве. Она вела работу против СССР по заданию и при непосредственной помощи Польши и ее разведки, а также при активном содействии английской и французской разведок.

Поляки, вернув себе независимость, начали что есть силы расталкивать локтями соседей. В этом их активно поддерживала Антанта, особенно Франция. В декабре 1919 года, на заседании премьер-министров в Лондоне, союзники решили предоставить Польше роль своего рода «заграждения из колючей проволоки» вокруг России. Лорд Керзон подчеркнул при этом, что в пределы «проволочного заграждения» Антанта вмешиваться не будет: пускай *«все государства вокруг России борются за свою свободу и самостоятельность»*. Польша начала воплощать концепцию так называемого «прометеизма». Главными целями этого направления были: распарывание СССР по национальным швам, сведение территории России до размеров Московии XVI века, а также расширение сферы политического и экономического влияния Польши на Востоке путем создания федерации в составе Финляндии, балтийских государств, Белоруссии, Украины, крымского и казачьего государств, союза государств Кавказа. Идеологи этой программы предполагали использовать как национальную эмиграцию, так и сепаратистские круги внутри СССР, отводя Польше роль координатора в будущей федерации государств-лимитрофов.

Предусматривалось, что в результате распада СССР при помощи Польши возникнет самостоятельное украинское государство — Великая Украина. Она, во-первых, откажется от Западной Украины, а, во-вторых, заключив унию с Польшей, войдет в польскую федерацию. По мнению прометеистов, создание так называемой Великой Украины во всем соответствует польским государственным интересам, «как средство укрепления Польши»

В начале февраля 1920 года народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин сообщал В. И. Ленину и в Политбюро ЦК РКП: *«Французское радио из Варшавы говорит о том, что польское правительство собирается потребовать от нас независимости Украины, Белоруссии, Литвы и Латвии, причем Петлюра подал меморандум Польше и Антанте о необходимости независимости Украины. По всему видно, что Польша собирается предъявить великодержавные требования и окружить себя кольцом вассальных государств. Или мы должны отказаться от Украины, или в результате борьбы за Украину поляки пойдут на Москву, или же надо локализовать борьбу путем немедленного отделения от нас красной независимой Украины»*.

«Национальные герои» типа Петлюры и Левицкого, — писал Юрий Тютюнник, один из бывших петлюровских атаманов, — торговали землями украинской нации, душами миллионов украинских рабочих и крестьян, торговали, прячась, как ворюги, от народного глаза, и никого ни о чем не спрашивали. Потому как считали себя признанными освободителями украинского народа. Вот и «освобождали», отдавая Галицию и Волынь с Холмщиной заодно под господство польского магната».

Вся деятельность Петлюры и его «правительства в эмиграции» была направлена на то, чтобы спровоцировать вооруженное выступление поляков против Украины. *«На протяжении всего лета 1921 года, — пишет Николай Любченко в предисловии к книге Юрия Тютюнника «3 поляками проти України», — эмигрантская и европейская пресса в один голос кричали, что Петлюра готовит поход на Украину, что его штаб во Львове находится в полной боевой готовности, что ему, наконец, обеспечена материальная помощь со стороны союзных держав — и в первую очередь, Польши и Франции. Перебежчики и беженцы из польского «демократического рая» сообщали, что на польской территории создаются формирования интернированных украинцев, которые вскоре будут брошены на Украину под видом повстанцев».*

В 1926 году жизнь Петлюры оборвали выстрелы Самуила Шварцбарда. Присяжные его оправдали. Смысл этого оправдания был ясен. Адвокат Шварцбарда А. Торрес рассказала о свидетелях, выступавших на этом судебном процессе: *«Большинство из них спаслись от погромов Петлюры. Некоторые приехали из США, Канады, Уругвая и Аргентины специально для того, чтобы рассказать перед судом о пережитых страданиях, об убийстве их детей, чтобы показать свои искалеченные руки, переломанные ноги...»*

Несколько месяцев спустя, в 1928 году, Анри Барбюс написал книгу, одна глава которой посвящена услышанному во время процесса над Шварцбардом. Барбюс пишет: *«Петлюровские казаки... евреев раздевали догола и подвешивали за руки к потолку комнаты над горящими дровами. Одному старику сбрили бороду и заставили ее съесть, а потом, насладившись зрелищем, его зарезали... Людям отсекали руки, ноги, вырезали губы, выкалывали глаза; беременным женщинам вспарывали животы. И если в домах бандиты вершили свои казни толь-*

ко холодным оружием, то на улицах беглецов, выбрасывавшихся из окон, расстреливали из винтовок и пулеметов... С 1917 по 1920 год, по самому приблизительному подсчету, были убиты сто тысяч ни в чем не повинных людей. Атаман Петлюра решал и даже поощрял подобную массовую резню...»

Вакантное место «президента УНР» занял Андрей Левицкий, вице-президентом стал «председатель совета министров» Прокопович.

Руководители украинского националистического лагеря получали деньги со стороны панской Польши, платившей им мзду за предоставленные шпионские услуги. Тесно сотрудничал с разведслужбами Польши разведцентр УНР в Ровно, которым руководил бывший петлюровский полковник Иван Литвиненко. Основной задачей этого центра было ведение подрывной работы против Советской Украины.

Чехословацкими спецслужбами было установлено, что Андрей Левицкий, называвший себя «президентом УНР в эмиграции», с паспортами на имя Андре Корнелиуса и Андрея Полтавского, с разведывательной целью побывал в Чехословакии. Там он проводил встречи с руководством своей организации, замаскированные под конференции историков, социологов или экономистов. Польское военное министерство ежемесячно выплачивало содержание Левицкому, генералу Змиенко, Сальскому и 75 другим офицерам. Так, зарплата Левицкого составляла 2000 злотых ежемесячно. Генерал Змиенко стоил польским налогоплательщикам 1200 злотых в месяц. Генералы Змиенко, Куш, Безручко, профессор Лотоцкий и другие — по 800 злотых. Из фондов министерства иностранных дел центр Левицкого в Варшаве получал ежемесячно 20000 злотых; Украинское агенство прессы и пропаганды и дипломатическая миссия в Варшаве — 80000 злотых. Филиал украинского центра в Париже получал в четыре раза больше, чем варшавский. Согласно сведениям чехословацких разведчиков, «контора Левицкого» вела разведывательную деятельность не только среди украинцев, осевших в Польше, но и в среде эмиграции за ее пределами. Именно этим объяснялась щедрость польского правительства.

Сотрудник 2-го (разведывательного) отделения генерального штаба чехословацкой армии майор Дите через своего агента в Генштабе польской армии в 1935 году выяснил, что ге-

нерал Змиенко из петлюровской контрразведки передал польской «двуйке» (разведке) двести своих бывших агентов и что они уже работают на польский генштаб в Чехословакии, Румынии и Франции. Следует отметить, что это как раз было время «любви» между Польшей и нацистской Германией.

Надо отдать должное украинским эмигрантам: они знали, что «ласкаве телятко дві матки ссе»... Чехословацкая разведка проявляла к ним такой интерес именно потому, что сама тоже использовала в своих целях. 16 мая 1922 года в министерство иностранных дел Чехословакии, президиум министерства внутренних дел и генеральный штаб чехословацких вооруженных сил ушло такое сообщение от районного жандармского начальника в Подебрадах капитана Йозефа Ржегака: *«Население серьезно обеспокоено с появлением украинских студентов, которые ходят в военной форме, здороваются на военный манер (салютуют), шумят в общественных местах... Население боится, что студенты что-нибудь устроят в городе, поскольку есть сведения, что они принадлежат к террористической организации «украинские сечевики». Необходимо увеличить число жандармов или прислать в город военную помощь».*

Что же произошло? Во второй половине мая 1922 года, согласно приказу министерства сельского хозяйства, была переведена из Табора и размещена в Подебрадах так называемая Украинская хозяйственная академия. На содержание этой организации из бюджета министерства иностранных дел выделялось ежемесячно 17000 крон — только на преподавательский состав. Студенты получали стипендии по 600 крон. Но, судя по всему, военизированная «академия», она же — «украинские сечевики», занималась чем угодно, кроме сельского хозяйства...

Активную деятельность, направленную против Советской Украины и Советского Союза, вели петлюровские «представительства» и в других, пограничных с СССР, странах — Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии, Румынии. Так, например, военный представитель УНР при боярском правительстве Румынии, генерал-хорунжий А. А. Гулий-Гуленко, разместил свой штаб в Кишиневе. Штаб вел вербовку агентуры в Бессарабии, Буковине и в самой Румынии, координируя свои действия с польской, английской и французской разведками. Всестороннюю помощь атаман получал от французского генерала Ниссея, польского генерала Сосновского, а также от правительства Турции.

К 1939 году «президент УНР в эзиле» Левицкий перешел от польской разведки к более сильному хозяину — абверу. Он в специальной группе готовил шпионов для отправки в Советский Союз. Во время Великой Отечественной войны, как официальный представитель нацистского министерства пропаганды, Левицкий руководил пронемецкими передачами на Украину из Кёнигсберга. Позже работал в специальном институте под названием «Винета», разрабатывавшим различные программы и пропагандистские кампании для оккупированных территорий.

После окончания войны «президент» также не остался забытым. Началось его плодотворное сотрудничество с американцами. Восстановил Левицкий и связи с поляками, вернее, с окопавшимися на туманном Альбионе польскими эмигрантами, так называемым «польским правительством в Лондоне». В 1957 году он провел переговоры с этим «правительством» о правомерности соглашения Петлюры с Пилсудским от 1920 года о передаче западных областей Украины Польше и... согласился передать под юрисдикцию польского эмигрантского правительства в Лондоне западные области УССР! Право, не знаешь, плакать над этим или смеяться...

Но вернемся в 1920 год. После подписания 22 апреля договора между Петлюрой и Пилсудским, согласно которому Речи Посполитой передавалась часть Украины, включая восточную Галицию, Полесье и часть Волыни с общим населением около 10 млн человек, 24 апреля того же года была подписана также военная конвенция, согласно которой две дивизии так называемой армии УНР, более 20 тыс. штыков, переводились под польское командование. Соответственно устанавливалась и подчиненность всей агентуры генерального штаба армии УНР польской «двуйке» (II отделу генштаба Войска Польского), связь с которой осуществлялась через конспиративные штабы петлюровцев во Львове, Вильно, а также в Дубно, Изяславе, Киеве, Харькове, Житомире и других городах.

УВО: «войско, принудительно одетое в гражданскую одежду»

В 1921 году в Праге была организована «Группа украинской националистической молодежи» во главе с Иваном Гутый, а затем Осипом Бойдуником, бывшими старшинами войск УГА

(Украинской галицкой армии). Вскоре были созданы и другие организации подобного типа: «Легія українських націоналістів» во главе с инженером Николаем Сциборским; во Львове — «Союз української націоналістичної молоді», во Франции — «Український Національний Союз» (УНС), в США — «Об'єднання друзів звільнення України».

На год раньше в эмиграции возникла так называемая «Украинская войсковая организация» (УВО) во главе с бывшим петлюровским полковником Евгением Коновальцем. Основу ее составляли офицерские кадры осадного корпуса «сечевых стрельцов»: Андрей Мельник, Василий Кучабский, Роман Сушко, Емельян Сенник и другие. *«Это было войско, — вспоминает участник и очевидец тех событий Зиновий Кныш, — принудительно одетое в гражданскую одежду. Внешне оно ничем не отличалось от своего гражданского окружения: студентов, чиновников, учителей, крестьян, ремесленников. Но если бы какая-то таинственная сила позволила заглянуть им в душу, мы снова бы увидели стрельцов, десятников, поручиков и сотников».* Интересно, что название, как и гимн, украинцы «одолжили» у Польской военной организации, созданной сторонниками Пилсудского немногим раньше для борьбы за независимость Речи Посполитой. Сначала руководство организацией осуществлялось из Львова, позднее — из Берлина и Вены.

При создании УВО разгорелась острая борьба за руководящие посты. Но вскоре все стало на свои места. После вмешательства влиятельных кругов Веймарской республики «проводниками» стали Евгений Коновалец и Андрей Мельник, который совмещал этот пост с должностью управляющего именными митрополита Шептицкого. И хотя после неудачного покушения на Пилсудского Коновалец вынужден был выехать за границу, оставаясь там до самой смерти в 1938 году, он оставался во главе организации, приложив максимум усилий для расширения ее деятельности.

Один из теоретиков ОУН, Р. Борковский, писал впоследствии, что *«введение воинской дисциплины и практики индивидуального террора должно было исказить нормальное развитие и деятельность массовой политической организации, на роль которой амбициозно претендовала УВО».* По этой причине далеко не все украинские эмигрантские организации сотрудничали с ней. Так, президент Западно-Украинской Народной рес-

публики (ЗУНР) Е. Петрушевич, который изначально и возглавил УВО, вскоре разошелся с Коновальцем. Кроме того, между ними шла конкуренция за влияние на Галичине и Волыни.

С первых же дней существования организации стали выходить многочисленные печатные издания УВО. Официальным органом была «Сурма». Широко распространялись печатный орган «Розбудова нації», а также молодежное издание «Юнак». УВО издало брошюры «Нарис націоналізму», «Ревізія ляхів». В 1922 году, благодаря финансовым вливаниям УВО, возобновился выпуск «Літературно-наукового вісника» под редакцией Дмитрия Донцова. Через два года во Львове при финансовой поддержке УВО была основана газета «Наш час».

Откуда же черпали деньги «скромные эмигранты»? Канадский историк Орест Субтельный в своей книге «Україна. Історія» пишет: *«Организация, которая, по приблизительным данным, насчитывала две тысячи членов, имела связи как с восточно-, так и с западноукраинскими эмиграционными правительствами и получала тайную финансовую помощь от западно-украинских политических партий»*. Он сообщает, что в 1923 году, когда положение УВО резко изменилось в связи с признанием Антантой законности присоединения Галиции к Польше, *«Коновалец обратился за финансовой и политической помощью к чужеземным государствам, прежде всего к врагам Польши — Германии и Литве»*. За свою сравнительно короткую жизнь лидер УВО успел вступить в «деловые отношения» с целым рядом зарубежных спецслужб — германской, австрийской, литовской, финской, английской, итальянской, японской... Во всех этих «играх» одно было общим — активное участие Коновальца в агентурной и диверсионно-террористической деятельности против СССР.

Кроме того, члены УВО занимались обычным бандитизмом: грабили почты, кассы и другие учреждения, где находились деньги, необходимые для финансирования террористической деятельности. Так, летом и осенью 1922 года было проведено 2300 поджогов поместий, хозяйственных помещений, скирд и т. д. УВО развязала террор не только против поляков, но и против украинцев, не согласных с действиями этой организации. Девять лет польское правительство пыталось бороться с террористами при помощи полиции и судов. Когда же террор принял угрожающие размеры, поляки в 1930 году начали

пацификацию (умиротворение). В 1930 году в некоторые регионы Галиции были введены военные и полицейские силы, которые искали оружие и террористов.

Но ограбления банков и почт, нападения на курьеров не покрывали и десятой доли необходимых расходов. В начале тридцатых годов стали поступать деньги от украинской диаспоры в США, но и они были весьма невелики. Самую существенную помощь УВО оказала немецкая военная разведка — абвер. Еще в 1921 году состоялись первые контакты УВО с германской разведкой. Они показали общность интересов будущих партнеров в тайной борьбе против Польши и Советской России. Среди трофейных немецких бумаг, закупленных СССР у «Американской ассоциации по изучению военных документов», есть и «Справка-доклад по украинскому вопросу» от 19 ноября 1933 года, в которой пишется: *«Около 10 лет тому назад было заключено соглашение между прежним начальником контрразведки Германии и нынешним руководителем ОУН полковником Коновальцем. Согласно этому договору, украинская организация получила материальную поддержку, за которую она поставила контрразведке данные о польской армии. Позднее организация взяла на себя также подготовку боевых и диверсионных заданий. Ежемесячные выплаты достигли 9000 рейхсмарок».*

Поначалу Польша сама оказывала помощь УВО. В июле 1921 года Коновалец приехал во Львов для реорганизации руководства организации. Была организована «начальная команда», в которую вошли М. Матчак, И. Навроцкий, Ю. Полянский, В. Целевич, Я. Чиж. Уже к концу 1922 года в Галиции было создано 13 округов УВО. Они делились на уезды и сельские ячейки. Коновалец, по указанию Петлюры и с одобрения польских властей, начал готовить своих людей к вторжению на территорию Украины. Целью вторжения было — поднять на Украине «всенародное восстание против большевиков». Для этого во Львове создали «повстанческий штаб», возглавил его генерал УНР Юрий Тютюнник. Коновалец предложил Тютюннику помощь живой силой, а также разведывательной информацией о положении за Збручем. К тому времени разведывательная секция УВО во главе с Романом Сушко уже располагала некоторыми данными о положении на «той стороне».

«Повстанческим штабом» были сформированы две группы. Одна, численностью 880 человек, под командованием пол-

ковника УНР Палия, в ночь с 27 на 28 октября перешла Збруч и вторглась на территорию Советской Украины с севера Тернопольской области. Вторая группа, численностью в 990 человек, под командованием генерал-хорунжего Янченко, вошла с Ровенского направления. В ее состав входили Тютюнник, а также 170 военных и гражданских лиц, которым предписывалось ни много ни мало — развернуть министерства и другие управленческие структуры после захвата власти на Украине. Правительство Польши и Франции заверили Петлюру и Тютюнника, что в случае первого же успеха их вооруженных отрядов они готовы направить на Украину свои регулярные войска.

В целях организации шпионской и иной подрывной деятельности на территорию Советской Украины вместе с бандами Палия и Янченко были направлены начальник разведки УВО Роман Сушко и начальник штаба УВО Ю. Отмарштейн. Польская разведка отрядила «в поход» и своих представителей — майора Флерека, поручиков Ковальского и Щалина. Об этом советским органам контрразведки стало известно от внедренного в штаб Тютюнника сотрудника ВЧК Сергея Карина-Даниленко. Благодаря ему впоследствии украинским спецслужбам удалось выманить Тютюнника на Украину и обезвредить его.

Отряды Палия и Янченко, встреченные советскими войсками под командованием Виталия Примакова и Григория Котовского, были наголову разбиты. По этому поводу Г. И. Котовский в газете «Пролетарская правда» за 27 ноября 1921 года писал: *«17 ноября банда Янченко была нашими группами окружена со всех сторон. Рискавя быть полностью уничтоженной, банда была вынуждена сложить оружие. Нами захвачен штаб армии, штаб дивизии, 22 пулемета, большой обоз, свыше 250 человек убиты и 517 взяты в плен... Захвачен начальник гражданского управления Куриленко, министр торговли и промышленности Красовский... Часть командного состава, видя свою гибель, застрелилась или подорвалась на гранатах. В числе тех, кто покончил жизнь самоубийством, был кандидат в министры внутренних дел М. Белинский. Сам же Тютюнник со своими ближайшими соратниками позорно бежал к своим хозяевам в панскую Польшу...».*

По признанию Юрия Тютюнника, с апреля по ноябрь руководимые им отряды нанесли народному хозяйству Украины убытков примерно на сумму 25 млн долларов. В 20-е годы со-

ветские спецслужбы сумели обезвредить целую сеть подпольных националистических организаций, созданных с помощью УВО петлюровцами и финансировавшим их польским генштабом. Среди них — «Братство української державності», «Козацка рада», «Всеукраїнський козачий комітет» и другие.

После провала петлюровской военной авантюры Советское правительство заявило Польше протест, ссылаясь на мирный договор, заключенный между Украиной и Польшей в марте 1921 года. В связи с этим, правительственные круги Польши официально отказались помогать Петлюре в его деятельности против Украинской ССР. В скором времени «главный атаман» покинул Польшу и подался в Париж. Здесь в мае 1926 года его настигла смерть от руки Самуила Шварцбарда.

Тем временем УВО в Галиции создало референтуры (отделы): организационную, боевую, политическую и финансовую. Особое место в УВО занимала разведывательная рефертура. Возглавлял ее бывший сотник УСС Осип Думин. Вокруг его личности было немало разных слухов. Одни считали, что он работал на польскую и советскую разведки, другие — что на немецкую. Скорее всего, как и его шеф Евгений Коновалец, он служил и немцам, и полякам.

Назначив Андрея Мельника руководителем УВО в Галиции, Коновалец выехал за границу. Весной 1922 года он встречался в Берлине с руководителем абвера Фридрихом Гемпом. Он подписал письменное обязательство передавать в распоряжение немецкой разведки всю собранную УВО разведывательную информацию. За это УВО стала ежемесячно получать от абвера девять тысяч рейхсмарок.

На службу к немцам...

По требованию абвера УВО перенесла центр своей деятельности на западноукраинские земли. Коновалец определил текущие задачи организации следующим образом: *«Теперь, когда Польша подписала мирный договор с Советской Украиной, ситуация заставляет нас поднять знамя борьбы против Польши. В противном случае мы потеряли бы влияние не только на Родине, но и в лагерях военнопленных, где каждый наш солдат горит огнем мщениия за оккупацию пилсудчиками Восточной Галиции и Волыни. Однако нашим смертельным врагом оста-*

ется большевизм. Борьбу с поляками мы будем вести постольку, поскольку они сами будут вынуждать к этому».

Итак, вчерашние покровители стали врагами... Уже в 1922 году УВО развернула в Галиции террористическую и диверсионно-подрывную деятельность. На одном только железнодорожном транспорте было совершено 38 диверсионных актов. Также были сожжены воинские складские помещения и магазины возле города Перемышляны, на станции Львов-Бибрка была испорчена система телеграфно-телефонной связи, повреждены железнодорожные станции в Сопотове, возле Кут и Городка. Было предпринято восемь попыток взрыва железнодорожных путей, сожжены помещения полиции в Яворове, Городке, Угневе и Судовой Вишне. В том же году предпринято 20 покушений на тех, кого УВО назвало предателями и польскими пособниками. Было совершено 10 покушений на полицейских и их агентов, семь — на польских военнослужащих. Летом-осенью 1922 года, как уже было сказано, УВО осуществила 2300 поджогов польских помещичьих усадеб, фольварков, других польских объектов. Широкий резонанс вызвал рейд группы боевиков в Тернопольскую область с целью уничтожения и разрушения хозяйств польских колонистов. Следует отметить, что крайних антипольских позиций не разделяли украинцы из умеренных националистических организаций в Польше (их насчитывалось около 90). В некоторых случаях «умеренные» становились жертвами терактов со стороны боевиков УВО. Так, 16 октября последние убили в Каменце известного украинского поэта и общественного деятеля, кандидата в депутаты сейма Сидора Твердохлеба, выступавшего за мирное сосуществование с польским режимом.

Польские власти отвечали адекватно и с террористами не церемонились. Боевиков вешали, приговаривали к пожизненному заключению, бросали в тюрьмы и концлагеря. Особой «популярностью» пользовался польский концлагерь в Картуз-Березе, где содержались представители всех оппозиционных партий. В конце 1922 года, при проведении акций так называемой пачификации, польская полиция задержала около 20 тысяч манифестантов, оказавшихся украинцами. По утверждению В. Мартынца (одного из приближенных Коновальца), поляки арестовали всех активистов УВО, не успевших выехать за границу или перейти на нелегальное положение. От нане-

сенного удара УВО не могла опомниться долгое время. Спад активности этой организации отмечали и немецкие источники. В частности, подчеркивалось, что в 1923 году постоянные аресты и разгромы ее звеньев, систематически осуществляемые поляками против украинцев, парализовали всю ее работу. Только единственное подразделение УВО еще подавало признаки жизни — это ее разведывательная служба.

Кроме того, после принятия Антантой 14 марта 1923 года решения о праве Польши на владение западными областями Украины в рядах УВО началась изрядная растерянность. В одном из конфиденциальных отчетов руководству организации сообщалось: *«Из всех областей приходят отчеты о расширении деятельности коммунистов... В некоторых центрах самые лучшие члены ВО перешли в коммунистический лагерь».*

В связи с угрозой распада УВО в западных областях Украины, с потерей ее разведывательных возможностей, летом 1923 года Коновалец собрал в Праге совещание руководящего состава своей организации. Об этом событии один из сподвижников Коновальца, подполковник М. С. Курах, отозвался следующим образом: *«Коновалец... сделал доклад о создавшейся ситуации на международной арене. Существо доклада сводилось к тому, что ориентация на Польшу окончательно провалилась и необходимо искать более реальные силы, на которые могло бы опереться украинское националистическое подполье в борьбе против СССР...»*

Коновалец сказал, что, находясь в Берлине, он заключил соглашение с германскими правительственными кругами и генеральным штабом германской армии о помощи украинским националистам в осуществлении ими планов по созданию самостоятельного украинского государства. Его информировал генерал Гренер о том, что Германия готовится к предстоящей войне с целью сбросить с себя тяжесть Версальского договора и планирует в недалеком будущем агрессию против СССР и Польши. Коновалец поставил вопрос о необходимости ориентироваться на Германию, как на единственную страну, которая осуществит агрессию против СССР и Польши. Правительственные круги Германии, завершил Коновалец, согласны оказать помощь украинским националистам, если они примут активное участие на стороне Германии в борьбе с ее врагами».

В докладе Коновальца говорилось также о том, что «УВО полностью подпадает под влияние германской разведки и представляет в ее распоряжение свой разведывательный аппарат, средства пропаганды, кадры террористов и боевые силы, находящиеся в Польше, Советской Украине и в других странах».

Непосредственная связь УВО в Галиции с германской разведкой осуществлялась через проживающего во Львове полковника абвера Альфреда Бизанца и часто приезжавшего во Львов Ганса Коха, также являвшегося сотрудником абвера. Со стороны УВО за связь с немцами отвечал Михаил Матчак, который концентрировал у себя собранные членами УВО материалы и передавал их Бизанцу.

Как следует из пояснений Кураха, Коновалец поставил перед участниками совещания задачи: учесть всех украинских националистов, которых можно будет использовать для вооруженного нападения на СССР, сконцентрировать кадры УВО таким образом, чтобы их можно было быстро привести в состояние боевой готовности и использовать в военных целях; реорганизовать разведывательную службу применительно к условиям военного положения, для работы под руководством германского генштаба. «После совещания в Праге, — продолжает Курах, — Коновалец вызвал меня к себе в гостиницу «Бараник» и предложил подписать обязательство о сотрудничестве с немецкой разведкой. Я спросил, чем вызвана необходимость такого шага, и не является ли это недоверием к моей работе в УВО. Коновалец ответил, что он лично дал такое же обязательство... и того же требует от своих ближайших сотрудников, т. е. руководящего состава УВО. В доказательство сказанному Коновалец показал отобранные им аналогичные обязательства от Иосифа Навроцкого, Михаила Матчака, Ярослава Барановского, Петра Баковича, Богдана Билинкевича...».

Из всего этого следует, что Коновалец пользовался полным доверием абвера и выполнял в нем функции резидента, ибо вербовать агентуру германская разведка поручала только своим официальным сотрудникам или резидентам. В этом качестве Коновалец руководил агентурной сетью абвера из числа украинских националистов на территории Польши, Чехословакии, Румынии и других стран.

Далее Курах рассказал, как он действовал после вербовки. Вернувшись во Львов, он через Михаила Матчака связался

с Альфредом Бизанцем, проживавшим там под видом арендатора имения. Тот познакомил его с агентом немецкой разведки Францем Миллером, агрономом Малопольского крестьянского общества во Львове. «Узнав, что я уже дал подписку о сотрудничестве с абвером, Миллер... дал мне новый псевдоним — «Сичовер Шидер-1895» — для связи с абвером». Этим псевдонимом Курах подписывал добытые им данные о политических настроениях населения, о деятельности различных политических партий и культурно-просветительных обществ, о поведении и деятельности отдельных лиц, — в общем, обо всем, что поручали немцы.

Евгений Коновалец — Мата Хари в мужском варианте

Вообще, создается впечатление, что Евгений Коновалец был этакой «украинской Матой Хари», разведчиком-профи, готовым за деньги служить кому угодно. В 1922 году он вступает в отношения с немецким рейхсвером, в то время сильно заинтересованным в контактах с УВО для ведения военного шпионажа, саботажа и диверсионных актов на территории восточной Галиции. В это же самое время, по данным немецкой полиции, Петрушевич и Коновалец провели совместные переговоры... с представителями советского полпредства в Берлине, во время которых якобы заявили о своей готовности признать власть большевиков на Украине и встретиться с их представителями в Галиции в обмен на денежную субсидию в размере 5000 американских долларов! Это подтверждает протокол Политбюро ЦК КП(б)У, где сохранилась запись от 7 апреля 1924 года: «Предложение Коновальца и других (гр. Петрушевича) об их субсидировании отклонить». В Российской Федерации был недавно снят гриф секретности с документа, подтверждающего попытки УВО завязать отношения с советской разведкой, или вернее, сказать, с ее деньгами...

«В ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б)
О галицкой группе
2 февраля 1923 г.
5342/с

В связи с переговорами НКВД с находящимися в настоящее время в Москве представителями галицкой группы Петрушевича ГПУ считает необходимым указать на нижеследующее:

1) В свое время в конце декабря н. г. по представлению ГПУ ЦК РКП разрешил вопрос о финансировании группы Петрушевича отрицательно, исходя из соответственной оценки этой группы как возможного орудия английской политики.

2) По имеющимся в ГПУ агентурным сведениям Коновалец, являющийся агентом польской дефензивы, продолжает находиться в тесных сношениях с группой Петрушевича.

Учитывая сложность и остроту международной обстановки и исходя из оценки группы Петрушевича как возможной агентуры Антанты (связь Петрушевича с Англией, а по линии Коновальца связь со II отделом польского Генштаба), ГПУ, считая отношения НКВД с указанными выше представителями этой группы таящими в себе опасность неизбежного разоблачения этих сношений и, следовательно, возможность создания для Советской республики если не катастрофического, то, во всяком случае, чрезвычайно затруднительного положения, решительно высказывается против каких-либо официальных соглашений с группой Петрушевича в лице присланных им своих агентов гр. Брейтера и Ивана Коссака.

Зам. пред. ГПУ Уншлихт».

В обзоре деятельности ОУН, составленном в свое время министерством национальной обороны ПНР на основании подлинных документов, находящихся в Польше, приводятся такие данные о нашем герое. В 1923 году, находясь в Берлине, Коновалец установил связь с германским штабом через бывшего офицера сечевых стрелцов «Карпата» (он же — Рико Ярый). С этого времени сотрудничество УВО с немецкой разведкой только расширялось. Уже с 1925 года резидентура УВО действовала в Данциге. Начальник тайной полиции Дильс в том же году поручил Коновальцу расширить число своих людей на Балканах, в государствах Малой Антанты, в Швейцарии, Польше и Прибалтике. Коновалец это задание выполнил. Взамен организация получила от немцев вознаграждение приблизительно в 80 000 рейхсмарок.

Кроме того, что украинскими националистами была создана разведывательно-диверсионная сеть на территориях УССР и Польши, с 1923 года ими была установлена связь со спецслужбами Литвы, которая имела территориальные притязания к Польше, т. к. в 1920 году к последней отошла часть литовской

территории. В Каунасе находилась база боевиков УВО, действовавших под прикрытием литовских документов. В 1926 году люди Коновальца передали литовцам военные планы Польши по оккупации Литвы и содействовали переброске в Литву двух подлодок, купленных литовцами в Германии. Представителем Коновальца в Литве был Осип Ревюк (псевдоним «Бартович»). Ежеквартально он получал от литовского правительства около 2000 американских долларов. Ревюк находился в непосредственном контакте с МИД Литвы. С 1925 года в Ковно (Каунасе) под руководством «Бартовича» действовала резидентура УВО, субсидируемая литовской разведкой. Он также заведовал в Ковно головным издательством ОУН «Сурма», выпускавшим в основном статьи и брошюры антипольского и антисоветского содержания.

Литовские власти снабжали УВО фальшивыми документами (паспорта, визы и пр.) и забрасывали разведчиков этих организаций в другие страны. Роттердамской полицией при Коновальце после его гибели был обнаружен чехословацкий паспорт на имя Йозефа Новака.

По агентурным сведениям за 1936 год, Коновалец пытался создать базу для подрывной антисоветской деятельности и на территории Буковины, оккупированной Румынией. В случае войны УВО (в дальнейшем ОУН) должна была поднять восстание украинского населения на территории всех европейских стран, в первую очередь — СССР и Польши.

Примечательно, что с целью организации шпионско-диверсионной деятельности на землях Советской Украины боевики УВО активно использовали в качестве прикрытия Коммунистическую партию Западной Украины. Именно под видом курьеров КПЗУ они пересекали польско-советскую или румынско-советскую границу, а затем, установив контакты с местными националистами, проводили акции саботажа, диверсий, убийств и расширяли сеть своих референтур. С таким же успехом для проведения разведмероприятий и диверсий в самой Польше, а также в Венгрии и Румынии, оуновцы использовали документы и каналы связи компартии Закарпатской Руси (КПЗР). КПЗР, возглавляемая Иваном Мондоком, Иваном Туряницей и Олексой Борканюком, выступала за полную автономию Закарпатской Руси, находившейся тогда в составе Чехословакии.

Первые шаги ОУН

К концу двадцатых годов в украинских националистических кругах, благодаря инициативе «шефов», наметилась тенденция к объединению сил. Тем более, что теперь военный характер УВО становился препятствием и возникла необходимость изменить его путем расширения структуры организации. Главную роль отныне собирались отдавать не террору, а психологической обработке населения (впрочем, не отказываясь, при необходимости, и от террора).

В ноябре 1927 года в Берлине прошла первая конференция украинских националистов, на которой было принято решение о слиянии различных групп в одну организацию. Для этой цели был избран единый координационный орган — провод украинских националистов (ПУН), главой которого стал Евгений Коновалец. Окончательное объединение произошло на первом конгрессе националистов, проходившем с 28 января по 3 февраля 1929 года в Вене. Впоследствии официальные документы ОУН—УПА именовали этот конгресс «Первым Великим Сбором». Здесь проголосовали за создание единой Организации украинских националистов (ОУН). На конгрессе была разработана структура новой организации и выдвинут лозунг, которым оуновцы руководствовались последующие десятилетия, — «За Українську Самостійну Соборну Державу!» (сокращенно УССД).

Из 30 делегатов 10 представляли «Легию украинских националистов» из Подебрада во главе с Николаем Сциборским, 5 — УВО во главе с Евгением Коновальцем, 3 — Группу украинской национальной молодежи (из Праги) и 2 — Союз украинской националистической молодежи (из Львова). Съезд принял постановления о создании и устройстве ОУН, ее целях и задачах, избрал руководящие органы. Возглавил провод ОУН сам Коновалец, его заместителем стал Николай Сциборский, секретарем — В. Мартынец. Членами ПУН были избраны: Д. Андриевский, Д. Демчук, Ю. Вассиян, М. Капустянский, П. Кожевников, Л. Костарив. Главным судьей ОУН стал Я. Дуб (М. Кушнир), а главным контролером — Я. Моралевич. В составе провода были созданы рефертуры: организационная, политическая, связи, финансов, секретариат.

Коновалец оказался во главе ОУН, несмотря на то, что УВО представляла меньшинство на Сборе, потому что решения последнего были заранее подготовлены соратниками Коновальца, а сам «проводник» восседал в президиуме в председательском кресле и задавал тон всему собранию. Соратники звали его «вождем» и отзывались о нем, как о самом заслуженном борце за «незалежну Україну». Руководил ОУН он до своей смерти в 1938 году.

ОУН должна была играть роль гораздо более значительную, чем УВО. В решениях съезда подчеркивалось, что организация не будет ограничивать свою деятельность какой бы то ни было конкретной территорией, а станет стремиться овладеть всеми украинскими землями, также и теми, где проживают украинцы. ОУН заявила, что будет проводить «политику всеукраинского державництва» и противостоять всем партийным и классовым группировкам украинства. В постановлениях Первого Великого Сбора ОУН украинский национализм охарактеризован, как «духовное и политическое движение», а украинская нация как «исходная основа каждого действия и целевого предназначения каждого направления украинского национализма».

В сфере военной политики ОУН исходила из постулата: «Лишь военная сила, которая опирается на вооруженный народ, готовый настойчиво и энергично бороться за свои права, может освободить Украину от захватчиков и сделать возможным создание украинского государства».

Формы и методы деятельности ОУН более четко выписаны во второй программе, принятой в 1939 году, т. е. уже после утверждения в Германии фашистского строя. *«Основная цель в программе ОУН, — говорится в этом документе, — это борьба за возрождение УССД и обеспечение ей — путем конструктивной работы, ее внутреннего устройства и огромных потенциальных сил — имперских позиций на Востоке Европы».* Кроме того, акцентировалось, что *«устройство и социальную жизнь государства украинский национализм будет строить на здоровых принципах «провідництва».* Началом и воплощением этого принципа будет Глава Государства — Вождь Нации как носитель ее суверенитета, символ ее духовного и политического единства, как ее наивысший авторитет и руководитель».

Дмитрий Донцов, чью доктрину интегрального национализма взяла на вооружение ОУН, назвал ее «орденом», говоря: *«Будучи своего рода «штурмовой бригадой», отрядом избранных, орден должен лепить своих членов из особого теста. Он фильтрует их более тщательно, нежели это делают со своими членами партии, в которые можно вступить и выйти, как из кабака, когда кто вздумает, даже не заплатив по счёту».*

К Дмитрию Донцову и его детищу, идеологии интегрально-го украинского национализма, мы чуть позже вернемся. ОУН не только декларировала «вождизм», но и воплотила этот принцип в жизнь. Решениями Первого Великого Сбора ОУН глава ПУН наделялся такими же полномочиями, как и фюрер нацистской партии. Ему предоставлялась неограниченная власть в отношении руководства ОУН и ее членов. Она распространялась на все стороны жизни ОУН и позволяла «вождю» нещадно карать за провинности. В частности, уже Первый Великий Сбор определил, что глава ПУН или, в случае его отсутствия, заместитель принимают все решения от имени ПУН. Члены ПУН были лишь «советниками главы».

Позднее, в августе 1939 года на Втором Великом Сборе ОУН был принят новый «Устрій ОУН». В нем подчеркивалось, что *«глава ПУНа обладает всей полнотой власти по руководству украинским националистическим движением».* Далее указывалось: *«За свою деятельность и решения глава ПУН отвечает перед Богом, нацией и собственной совестью».* Широкие полномочия предоставлялись и нижестоящим «провідникам». На своем уровне они также имели неограниченное право «окончательного и безотлагательного решения».

К чему привел принцип вождизма, показали последующие события, когда после гибели Коновальца внутри ОУН началась борьба за власти между Мельником и Бандерой, и каждая из фракций ОУН сводила кровавые счета не только с членами другой фракции, но и со своими «однопартийцами», заподозренными в предательстве. Указания «провідника» было достаточно, чтобы уничтожить любого «врага» или даже заподозренного.

Создание новой объединенной и разветвленной структуры, естественно, увеличило и разведывательно-диверсионные возможности организации. Польская резидентура сообщала, что в случае войны ОУН должна поднять восстание украинского населения на территории всех европейских стран, в первую очередь — СССР и Польши.

В донесении от 12 декабря 1936 года резидентуры польской разведки «Капри», действовавшей в Риме, высказывается предположение, что болгарская фашистская партия также поддерживала Коновальца деньгами.

В ряде донесений других польских резидентур отмечается, что, ввиду временного ослабления помощи немецкой разведки, Коновалец выезжал в 1935—1936 гг. в Австрию, Францию, Бельгию, Чехословакию и Японию для установления контактов с официальными кругами этих стран. Он стремился создать украинское государство при поддержке чужих стран, в ущерб территориальной целостности Польши и СССР.

В нескольких донесениях резидентуры «Капри» за 1937 год упоминается проживавший в Женеве деятель ОУН Макогон, он же — Махонин, гражданин Великобритании украинского происхождения, женатый на богатой американке. Макогон подозревался польской резидентурой в сотрудничестве с английской разведкой СИС. Во время Первой мировой войны он служил офицером в ВМС США. Макогон называл себя потомком гетмана Мазепы и поэтому часто выступал под именем Мазепы-Розумского, а также — под именами Махонин, Мак-Огон, Мак-Оган и другими. Основал целую сеть информационных пресс-бюро в Европе, с центром в Лондоне. Известно, что руководство и агентура ОУН снабжала пресс-службу Махонина обильными материалами, которые позднее служили основой для различных спекуляций и скандалов. «Капри» считала Макогона близким сотрудником Коновальца, финансировавшим организацию последнего. Именно Макогон прибыл, как английский разведчик, в 1943 году в Западную Украину с целью изучить деятельность оуновцев на оккупированной немцами территории. В это время он неоднократно встречался с председателем УГКЦ Андреем Шептицким и информировал его о заинтересованности западных стран в создании «самостийной Украины» под их протекторатом.

По картотекам французской контрразведки и полиции Евгений Коновалец проходил как официальный агент-пропагандист рейхсвера по украинским вопросам.

В берлинском фонде имперского комиссара по наблюдению за общественным порядком имеется агентурное донесение от 20.VIII.1928 года, озаглавленное «К польско-украинскому движению». В донесении указывается Коновалец, бывший

комендант украинского легиона, «зачисленный в чине полковника в германскую армию», который, «вероятнее всего, будет командовать украинскими вооруженными силами».

Далее, в этом же фонде есть ряд сообщений некоего Гуманского. Александр Гуманский, бывший офицер царской армии, поддерживал тесные контакты с украинской политической эмиграцией, при этом являясь секретным агентом отдела А1 германской политической полиции и параллельно — сотрудником берлинского разведцентра.

Так вот, Гуманский сообщает, что во время пребывания английского лорда Биркенхеда в Берлине произошла его встреча с Коновальцем. Биркенхед был членом английского парламента, праворадикалом, активным антикоммунистом, а также агентом СИС; владельцем влиятельной газеты «Морнинг пост», членом правления военно-химического концерна «ИКИ» («Империэл кемикл индастрис»). Лорд являлся также деловым партнером и идейным сподвижником главы крупнейшего англо-голландского нефтяного треста «Ройял дач шелл», сэра Генри Детердинга, и не раз предоставлял ему страницы своей газеты для скандальных антисоветских заявлений провокационного характера. В 1927 году Биркенхед, как и Детердинг, принял активное участие в подготовке налета агентов Скотланд Ярда на советскую внешнеторговую организацию в Лондоне «Аркос» и последующего разрыва англо-советских отношений. С такими политиками завязывал контакты Коновалец.

В 1933 году канадская газета «Ди Бордер Сити Стар» сообщила, что русские и украинские эмигранты в Германии приступили к созданию «легиона», который должен будет выступить на стороне Гитлера в случае его интервенции в СССР. В газете указывалось, что записавшиеся 12 тыс. человек были помещены в специальный лагерь, а для штаба было выделено помещение гостиницы «Виктория» в Берлине. Финансировать «легион» обязался все тот же нефтяной магнат Детердинг, тесно связанный с гитлеровцами и владевший до революции бакинскими нефтепромыслами.

Сегодняшние «украиноцентричные» историки пишут (бумага стерпит): мол, украинцы рассчитывали, что при поддержке немцев освободят Украину и будут вести диалог с Германией на равных. Однако уже тогда ни для кого не были секретом «восточные планы» Гитлера вообще и в отношении Украины в

частности. О намерениях Германии вторгнуться в Советский Союз писала мировая пресса. Широко освещался визит Геринга 13 февраля 1933 года к французскому послу Франсуа-Понсе со следующим предложением: если Франция окажет Германии помощь в вопросе «польского коридора», то Германия «поделится» с Францией «кусочком» захваченной в результате интервенции Украины. 5 мая 1933 года в английской газете «Дейли телеграф» вышло интервью с Гитлером, который говорил, что Германия будет целиком занята поиском «жизненного пространства» на Востоке. Планы захвата Украины так громко обсуждались на европейской политической кухне и на страницах немецкой прессы, что 26 сентября 1933 года Советский Союз обратился к Германии с нотой протеста.

В июне 1933 года в Лондоне была созвана международная конференция, посвященная экономическим и финансовым вопросам. Во главе германской делегации был министр хозяйства гитлеровского правительства Гугенберг. Там он от имени правительства зачитал меморандум. В меморандуме содержались призыв общими усилиями добиться ликвидации *«революции и внутренней разрухи, которые нашли свою исходную точку в России»* и претензия на захват русских территорий для расселения на них немцев. В частности, Гугенберг потребовал передать нацистам Украину *«для более рационального использования этих плодородных земель»*.

Столь наглое публичное требование на Лондонской конференции вызвало сдержанную реакцию западных кругов. Зато восторг от речи Гугенберга высказала... оуновская газета «Наш клич». В номере за 25 июня 1933 года она написала: *«Одним із важливих питань, що вимагають для добра Німеччини негайної розв'язки, є справа колоній»*. А газета «Діло», комментируя речь Гитлера на нацистском съезде в Нюрнберге в 1936 году, где снова прозвучали претензии на превращение европейской части СССР, включая и Украину, в колонию, в редакционной статье под названием «Підсумки Нюрнбергу» открыто солидаризировалась с требованием Гитлера о колонизации советских (и украинских!) земель.

В начале 1930-х годов уже была окончательно выработана схема и порядок действия боевиков ОУН-УВО на землях Западной Украины, входивших тогда в состав нескольких государств. Руководством ОУН принимается решение о разделении этих

земель на военные округа, во главе каждого из которых был поставлен «головний старшина». Тогда же при берлинском центре УВО-ОУН был создан «Союз украинских старшин» под личным председательством Коновальца.

В 1932 году создается военный штаб ОУН во главе с генералом Виктором Курмановичем. В том же году под эгидой ОУН возникает европейское объединение украинских заграничных организаций. Оно называлось «Європейська федерація українців за кордоном» и располагалось в Брюсселе. Под контролем этой оуновской организации находился Украинский Красный Крест, а также собранные им благотворительные средства. Так, к примеру, именно «Федерация» была инициатором создания по всему миру «комитетов спасения Украины» от голода 1932—33 годов. В одном из тогдашних документов рассказывается, на что именно были направлены собранные средства: *«Собранные деньги должны в первую очередь идти на пропагандистскую деятельность, на издание соответствующей пропагандистской литературы, а также на пропагандистские поездки соответствующих деятелей за границу»*. Как видим, не на хлеб для голодных...

После 1929 года ОУН, приняв эстафету от УВО, работала на германскую разведку на территории Польши, Румынии и Чехословакии. В Чехословакии ОУН имела мощную поддержку со стороны властей, поскольку у президента Бенеша с Коновальцем были личные отношения еще со времен Первой мировой войны. После прихода к власти Гитлера сотрудничество ОУН с немецкой разведкой еще более усилилось. В начале 1930-х гг. Коновалец дважды лично встречался с фюрером, который предложил, чтобы несколько сторонников Коновальца прошли курс обучения в нацистской партийной школе в Лейпциге. А из секретной информации польской резидентуры в Швейцарии следует, что первая встреча «вождя» с Гитлером произошла еще до прихода последнего к власти — в сентябре 1932 года.

Именно по заданию немецкого штаба ОУН организует разведывательные центры на территории балканских и прибалтийских стран, а также стран Малой Антанты, в Швейцарии и США. Боевики ОУН во многих странах получают от немцев конкретные разведзадания.

Правда, такая «взаимная любовь» со спецслужбами Германии не помешала ветреному Коновальцу послать в Лондон своего резидента Евгения Ляховича. В архивах СБУ хранится так называемая «Записка Ляховича», копию которой иностранный отдел ОГПУ сумел достать в 1935 году. В ней, в частности, есть такие предложения англичанам: *«Отделение Украины будет иметь положительное влияние на европейские дела, потому что она как в духовном, так и в природном отношении вполне подходит к тому, чтобы быть потребителем европейских товаров. Кроме того, существование такого государства имело бы громадное значение для развития связи между Европой и Азией, потому что Украина является ключом к обеим сторонам. Она, наконец, будет играть, немаловажную роль в прогрессе европейской цивилизации».*

Начиная с июня 1934 года, ОУН регулярно получала ежемесячно от заграничного отдела НСДАП (нацистской партии) по 40 000 рейхсмарок (помимо выплат от германского генштаба и гестапо). С этого же времени при оперативном штабе УВО постоянно находился офицер связи из немецкого генштаба — майор Кнауэр, начальник отдела военной разведки во Вроцлаве.

Особые отношения с Муссолини

В агентурном донесении, полученном руководством польской разведки от одного из агентов в мае 1933 года, сообщается: «В украинской колонии в Вене уже распространяются слухи о переговорах Коновальца с итальянскими фашистами... к переговорам в Италии привлечен и Полтавец-Острияница из Мюнхена, величающий себя гетманом... Коновалец якобы поддерживает контакт с Острияницей потому, что он, имея деньги, в свое время помогал Гитлеру, поэтому Гитлер и теперь поддерживает дружеские отношения с Острияницей». Весьма важную роль в этих переговорах играл представитель ОУН при итальянском правительстве, бывший неофициальный посол УНР в Италии Евгений Онацкий. Онацкий состоял в добрых отношениях с самим дуче, который поручал тому размещать различные отчеты и статьи по украинским вопросам на страницах фашистского печатного органа «Anti-Europa». Кроме того, Онацкий, как друг и доверенное лицо митрополита Андрея Шептицкого, поддерживал живые связи с Ватиканом. Важнейшую информацию он

получал из германского посольства в Риме, связь с которым имел через пресс-аташе посольства — журналиста Ганса Меллера. В благодарность за свои «особые» отношения с Муссолини и правительством, Онацкий запросил у итальянского министерства народного просвещения 100 университетских стипендий для обучения молодых украинских националистов в итальянских военных училищах. Однако же выделено было только четыре стипендии в кадетском корпусе Болоньи — по 3600 лир в год каждому стипендиату, в числе каковых оказались Бандера, Мушинский, Турчманович и Бачинский.

Используя интерес дуче к Востоку, в частности, к Украине, Коновалец в сентябре 1935 года обратился к итальянскому правительству с просьбой о финансовой помощи возглавляемой им ОУН. Для обсуждения условий предстоящей сделки с Коновальцем в Швейцарию выезжал специальный посол МИД Италии д-р Энрико Инсабато.

Затем Коновалец побывал в Риме. Здесь он обсуждал финансовые вопросы и просил выделить места для обучения будущих украинских офицеров. Коновалец также встретился с представителем итальянской разведки, «специалистом по СССР» доктором Майнарди. По данным польской агентуры в Италии, Майнарди вместе с Инсабато активно разрабатывал планы территориального расчленения Союза с помощью различных националистических и сепаратистских организаций.

Стоит отметить, что у Бенито Муссолини, кроме геополитического интереса, был к Украине и интерес личный. В 1912 году он познакомился с редактором газеты итальянских социалистов «Аванти», украинкой Анжеликой Балабановой. Между ними вспыхнул роман. По мнению многих биографов Муссолини, она оказала на формирование его личности огромное влияние. Как раз Анжелика познакомила Бенито с работой «Размышления о насилии» французского инженера Жоржа Сореля, презиравшего псевдодемократические «свободы» и признававшего только прямое действие, революционное насилие. Как писал Вадим Скуратовский, *«черниговчанка Балабанова сделала из итальянского деревенского увальня высокопрофессионального революционера-интеллектуала, не лезущего в карман за словом. Лезущего туда — разве лишь за пистолетом».*

Украинская «прекрасная Анжелика» призывала своего героя поджечь ненавистный «буржуазный Рим», чтобы на его

месте возник совершенный мир, справедливый и человечный. А после крушения гнилой либеральной демократии в новом обществе должен воцариться бескомпромиссный пацифизм. Простодушной женщине не пришло в голову, что дуче использует аппарат насилия вовсе не для того, чтобы облагодетельствовать страну и человечество. В начале Первой мировой войны между Анжеликой и Бенито происходит разрыв, и их пути расходятся. Бенито покидает «Аванти» и с ноября 1914 начинает издавать собственную газету — «Иль Попполо д'Италия».

Итак, Муссолини расстался с прекрасной украинкой, но не потерял интереса к Украине.

31 августа 1919 года в газете «Иль Попполо д'Италия» появляется его статья, посвященная взятию войсками УНР Киева. *«Украина в будущем может стать главным стратегическим союзником Италии в Европе»*, — писал лидер итальянских фашистов. Статьи, посвященные Украине и интересам Италии в этом регионе, выходили впоследствии у дуче неоднократно.

После прихода фашистов к власти, в 1922 году, в Рим переехали много украинцев. Здесь возник большой украинский центр, во главе которого стоял представитель ОУН при итальянском правительстве, все тот же Евгений Онацкий. У него сложились дружеские связи с секретарем Муссолини, графом Инсабато. В 1937 году последний писал: *«Италия, как средиземноморская нация, не может не принимать во внимание огромный экономический вес Черного моря, через которое Италия, подобно средневековым морским итальянским республикам, должна распространять свое экономическое и духовное влияние на прибрежные нации — то есть Украину, Северный Кавказ и Грузию, находящиеся на пути к самому сердцу Азии»*.

Из секретных досье разведки: между Токио и Берлином

Вот пункты интересного соглашения, которое Германия в лице руководителя абвера Канариса заключила с представителем японской разведки (он же посол в Берлине) генералом Ошимой:

«а) руководство контрреволюционными украинцами в Европе — дело абвера, но японцев будут информировать о состоянии дел;

б) японцы, со своей стороны, активизируют связи на Дальнем Востоке с украинскими поселенцами в «Зеленом клину» (район юго-западнее Владивостока, пограничный с Кореей и Китаем. — М. Б.).

В донесении польской разведрезидентуры «Кулис», действовавшей в Маньчжурии, во II отдел генштаба Польши (декабрь 1937 года) указывается, что в 1935 году Коновалец заключил соглашение с японцами и *«в настоящее время, на основе сотрудничества между Германией и Японией, контроль над украинской колонией [в Маньчжурии] был доверен немцам, а они на этой территории используют для своей работы также группу Коновальца».*

О работе ОУН на германскую и другие разведки достаточно много написано. Но о том, как усердно служили разведкам различных стран другие украинские эмигрантские деятели, почти ничего не известно. В 2003 году служба внешней разведки России в книге «Неизвестный сепаратизм: на службе СД и абвера (из секретных досье разведки)» опубликовала неизвестные ранее документальные материалы ОГПУ — НКВД — КГБ и спецслужб некоторых зарубежных государств. В них рассказывается об использовании иностранными разведками до и во время Великой Отечественной войны националистической «диаспоры» для дестабилизации обстановки на Кавказе, в Средней Азии и других регионах СССР. Вот один из эпизодов, связанных с украинскими «патриотами».

Во времена правления Пилсудского министром внутренних дел Польши был Юзефский. Шестой отдел его ведомства имел агентуру из числа руководителей эмигрантских организаций. Из украинцев пан Юзефский предпочитал иметь дело с последователями Симона Петлюры, поскольку во времена УНР Петлюра успел заключить договор с Польшей, признававшей «независимость» Украины в обмен на уступку полякам части Галичины, Волыни и Полесья.

По Рижскому договору 1921 года, завершившему неудачный поход Красной Армии на Варшаву, Луцк отошел к Польше. Туда в 1930 году Пилсудский направил воеводствовать пана Юзефского. И бывший министр, пользуясь тем, что значительная часть петлюровцев обитала именно на Волыни, решил создать в ее главном городе Луцке оперативный центр для работы с эмиграцией и использования последней в польских интересах.

Проще говоря, пан Юзефский по поручению своих варшавских начальников готовил украинскую эмиграцию, главным образом, ее петлюровскую часть, к интервенции на Советскую Украину. Близость Луцка к границе СССР делала его удобным плацдармом для польско-украинских сил, предназначенных проводить войсковые операции на нашей территории. Польская сторона также подтвердила, что заключенный ранее между УНР и Польшей договор остается в силе. В конце декабря 1930 года между польским генштабом, «правительством УНР» и луцким центром была достигнута принципиальная договоренность об организации объединенной группировки из украинских и польских соединений. Армии УНР предписывалось иметь корпуса — пехотный, конно-артиллерийский и сечевых стрельцов. Польская сторона предоставляла в распоряжение объединенных сил пехотный и ударный добровольческий корпус, технические и вспомогательные части, а также финансировала всю группировку. Более того, МИД Польши даже наметило в Украине так называемый «польский район», где могли свободно действовать добровольцы-поляки, если бы там началась борьба за освобождение от большевизма. На помощь им должны были прийти силы луцкого центра. В случае же неуспеха локальных военных действий предполагалось избежать большой войны с СССР, списав все на «самостийность» эмигрантов-сепаратистов...

Мало того, генерал Сальский, «военный министр УНР», с ведома поляков планировал вступить в контакт с английским адмиралтейством. Он хотел добиться демонстративного присутствия британского военно-морского флота на Балтийском и Черном морях, что, по его представлениям, могло бы содействовать успеху операции. Но «не так сталося, як гадалося», — в 1935 году умер Пилсудский... Да и европейские события развивались совсем не по тому сценарию, которым руководствовались в Варшаве. Словом, из луцкого «эксперимента» ничего не получилось, и он остался в истории лишь как одно из свидетельств готовности националистов пожертвовать украинскими землями ради своих властных амбиций.

Внешняя разведка НКВД СССР отслеживала и деятельность сторонников бывшего гетмана Скоропадского. Из поступавшей в то время разведывательной информации вырисовывалась следующая картина. Во главе гетманской организации

стояла управа, председателем которой был сам Скоропадский. При управе существовала военная коллегия, в состав которой входили гетман и несколько офицеров. Организация поддерживала связи с рядом иностранных государств. В Варшаве ее представлял граф Монтезор, женатый на дочери Скоропадского, во Франции полковник Дубовой. Гетман, будучи ставленником кайзеровской Германии, воспринял в целом и нацистскую линию в отношении Украины. Не надеясь на освобождение Украины от большевиков изнутри, он целиком полагался на иностранную интервенцию, причем главенствующую роль в этом отводили Германии. С согласия немцев организация Скоропадского поддерживала связи с другими европейскими государствами, которые разделяли германские подходы к решению «восточного вопроса».

Гетман налажил также и контакты с японцами. У него были встречи с японским военным атташе в Берлине полковником Банзаем. После оккупации японскими войсками Маньчжурии гетман командировал в Харбин своего представителя для помощи японцам в работе с тамошней украинской эмиграцией. Скоропадского посетил офицер японского генштаба Акацуки, который заверил гетмана, что как его личный авторитет, так и деятельность руководимой им организации высоко оцениваются в Японии. Из высказываний гостя следовало, что столкновение Японии с СССР неизбежно — и потому японское военное командование заинтересовано в формировании в Маньчжурии гетманских отрядов из числа украинских эмигрантов и перебежчиков, готово взять на себя их вооружение и выделить средства для ведения разведывательно-диверсионной работы внутри Советского Союза. Японец пояснил: после начала японско-советской войны надо инспирировать восстания в различных советских регионах, а что касается Украины, то в Японии видят ее как буферное государство, на манер Маньчжоу Го.

Впоследствии переговоры со Скоропадским вели сотрудники японской разведки майор Танака и помощник военного атташе в Берлине Ишими. Все сводилось к желанию японцев видеть украинские национальные части на Дальнем Востоке. Гетман обещал предоставить до двух тысяч волонтеров из Западной Европы и даже передал поименные списки — для отправки своих людей в Маньчжурию в момент, который японские власти сочтут наиболее подходящим.

Не остались без внимания японской разведки и представители петлюровской УНР. ИНО (иностранный отдел) ГУГБ НКВД СССР 20 января 1935 года передал советскому руководству спецсообщение «О планах «правительства УНР» на случай войны СССР с Японией». В сообщении указывалось, что в ноябре 1933 года представителем УНР в Турции Мурским был передан некий документ японскому военному атташе Канда. По мнению разведчиков, *«документ... составлен с ведома «правительства УНР» в Варшаве, служит базой для дальнейшей совместной работы японской разведки с указанной организацией и содержит программу действия УНР за границей и на Советской Украине (проведения террористических, диверсионных и вредительских актов)»*. Далее в сообщении сказано: *«С разгромом петлюровской армии и интернированием ее на территории Польши «правительство УНР» во главе с А. Левицким продолжает существовать в Варшаве до настоящего времени на субсидию правительства Польши и является орудием МИД Польши... и 2-го отдела Польского генерального штаба, использующего генералитет и аппарат разведки УНР в повстанческой, диверсионной деятельности на территории УССР»*.

При освоении дальневосточных земель, писал в указанном документе Мурский, большая часть переселенцев прибывала с Украины. Уже до мировой войны в бассейне Амура, городах Уссурийске, Хабаровске и Верхнеудинске проживали немало украинцев. Эту местность в обиходе они и называли Зеленым клином. По мнению представителя «украинского правительства в изгнании», оттеснение России от берегов Тихого океана пошло бы на пользу Японии. Для этого, рекомендовалось в записке, японские политики должны основательно изменить свой подход к России, как евроазиатской стране, и содействовать ее расчленению. Национализм и сепаратизм приведут, в конце концов, к восстанию, и окончательно сломленная империя, как бы она ни называлась, не сможет более выжить как самостоятельное государство. Независимая Украина хотела бы участвовать в этих событиях.

Представитель УНР писал, что народы, заинтересованные в расчленении России, следят с глубокой симпатией за японской политикой на Дальнем Востоке. Они надеются, что предстоящий японско-советский конфликт окончится распадом России на несколько самостоятельных государств: Украину,

Кавказ, Туркестан и другие. В случае начала военных действий немедленно вспыхнут этнические восстания; правительство УНР, поддержанное Японией, Польшей, Румынией и другими странами, окажет повстанцам помощь оружием, боеприпасами и военными инструкторами из числа офицеров национальной армии. Будут также организованы для участия в боевых действиях добровольческие отряды из украинцев, проживающих за рубежом, в том числе в США и Канаде.

В документе говорится, что на территории самой Украины руководство УНР считает необходимым осуществление диверсионно-террористических действий: разрушение железнодорожных путей и мостов, уничтожение воинских складов и бензохранилищ, массовые и индивидуальные акции террора. Реализация этих мер потребует денежных средств, без помощи иностранных государств осуществить диверсии будет невозможно. Сотрудничество с Японией позволяет рассчитывать на помощь с ее стороны в виде финансовых и товарных займов. Отделение же Украины от России должно будет стимулировать национальные движения на Кавказе и в Туркестане, создав тем самым новую политическую ситуацию на Востоке Европы и облегчив Японии ее миссию в Азии.

Обращение националистов к японской разведке немцы встретили с одобрением; их сотрудничество с украинскими радикальными движениями стало принимать все более конкретные формы.

Покушение на Сталина

К этому периоду времени относится неизвестная до сего времени попытка германской разведки организовать руками украинских националистов покушение на Сталина. Службе безопасности ОУН удалось завербовать одного из руководящих работников Компартии Западной Украины, действовавшей на территории, которая вплоть до начала Второй мировой войны входила в состав Польши. Этот человек должен был по линии КПЗУ поехать в Москву в качестве приглашенного на VII конгресс Коминтерна, который прошел в Москве с 25 июля по 31 августа 1935 года. Как только об этом стало известно, с ним встретился личный представитель руководителя ОУН Коновальца Поливчак.

Будущий исполнитель сразу же понял, что ему отводят роль смертника, и попытался уклониться от почетного поручения. Тогда ему популярно объяснили, что лучше умереть героем, чем в безвестности... Дальнейшие события складывались следующим образом. За неделю до выезда была устроена встреча «закарпатского коммуниста» с одним из чинов гестапо, Шульцем, который с таким же успехом мог назваться Мюллером или Брауном — фамилия явно была вымышленной. Тот в довольно высокопарных выражениях говорил о дружеских чувствах германского народа к украинскому; подчеркивал, что история возложила на Германию миссию по освобождению Украины. Сценарий покушения был следующий: «гость Коминтерна» должен сделать несколько выстрелов, как только Сталин и Димитров появятся в президиуме, а затем, воспользовавшись замешательством и паникой, скрыться. Но даже непрофессионалу-западноукраинцу стало понятно: находясь далеко от президиума, рассчитывать на прицельные выстрелы ему не приходится. Заказчикам просто нужна была громкая политическая акция, способная в какой-то мере дезорганизовать работу конгресса и оживить оппозиционные группировки в коммунистическом движении. Концовка оказалась тривиальной — несостоявшийся киллер сбежал из гостиницы незадолго до запланированного акта, объяснив это внезапным расстройством здоровья. Но, видимо, не только «ухудшение здоровья» агента сорвало планы покушавшихся, если эти материалы оказались в архивах советской разведки...

Похищения и убийства в Америке

Из многочисленных источников, как отечественных, так и зарубежных, известно, что Коновалец и его соратники Е. Сенник-Грибивский, В. Курманович, Р. Сушко в 1930-е годы побывали в США и Канаде, оставив после себя достаточно скандальный след.

Документы из тайного архива ОУН, изъятого чешской полицией у Сенника-Грибивского, дают некоторое представление о финансовых делах ОУН. Согласно этим документам, в 1931 году расходы ОУН на содержание зарубежного руководства, на прессу, на обеспечение боевиков, на помощь заключенным, на адвокатские услуги составили 22143 доллара. Для

революционной работы в Галиции передано 7425 долларов. В Галицию от сторонников ОУН из Америки было передано 24 тысячи долларов, но... дошло только 5 тысяч.

Немалую часть средств украинские националистические организации, созданные в США визитерами из ОУН Е. Сеником-Грибивским, В. Курмановичем и Р. Сушко, добывали преступным путем. Кроме «заработка» на шпионаже и пропаганде в пользу гитлеровской Германии, эти организации похищали американских граждан и взимали с их близких родственников огромные суммы выкупа. Так, в ноябре 1938 года в Нью-Йорке разразился грандиозный скандал, подхваченный средствами массовой информации. Полиция и ФБР нашли виновников таинственного исчезновения американских граждан. Один из них, чудом оставшийся в живых Норман Миллер, указал дом, в котором похитители подвергали его пыткам, требуя выкуп в сумме 15 тысяч долларов. Оказалось, что камера пыток находилась в помещении «Украинского национального центра», имевшего маскировочное название «Общество взаимопомощи». В «обществе» были обнаружены пулемет германского производства и другое огнестрельное оружие, а также обугленные человеческие останки. Как выяснилось, это было тело умершего под пытками другого американского гражданина — Артура Фрида. Похитителями и убийцами оказались длительное время проживавшие в США украинцы Дмитрий Гула, Иосиф Сакода, Василий Декниса и Дмитрий Варга. Все они были членами созданной Сеником-Грибивским «Організації державного відродження України» (ОДВУ), занимавшейся не только шпионажем в пользу нацистской Германии, но и сбором денежных средств на нужды ОУН. Для этого националисты незаконно облагали поборами эмигрантов-украинцев. Более солидные суммы они получали от родственников выкраденных ими американцев, а в случае отказа — уничтожали похищенных.

Как пишут Майкл Сейерс и Альберт Кан в своей книге «Тайная война против Америки», изданной в 1942 году, в ходе следствия по этому делу вскрылись любопытные детали, касающиеся деятельности ОУН. Дмитрий Гула совместно с сообщниками занимался сбором денежных средств в кассу ОУН путем страхования людей на большие суммы; затем застрахованных убивали и получали за них страховку. В 1930 году Гула «унаследовал» две тысячи долларов от П. Келлигера, сгоревшего «при

невьясненных обстоятельствах». В январе 1931 года страховая компания выплатила Гуле страховку за человека, убитого «неизвестными» лицами. Через полгода Гула получил страховку в сумме 35 тысяч долларов за рабочего Павольского, погибшего при «случайном» наезде автомобилем.

Кроме Артура Фрида, банда Гулы похитила и несколько других американцев, в частности Б. Фабера и У. Миллера. Фабер был похищен утром 18 апреля 1930 года, когда он выходил из помещения городского банка в Нью-Йорке. Ему скрутили руки, завязали глаза и доставили в помещение ОДВУ, где заставили написать родственникам послание с просьбой прислать 25 тысяч долларов. Родственники собрали лишь десятую часть этой суммы. Но и этих денег, к счастью, хватило, чтобы бандиты отпустили Фабера на свободу, пригрозив убийством в случае обращения в полицию.

Деятнадцатилетний У. Миллер был похищен на Лонг-Айленде вместе со своим приятелем. Их также привезли в резиденцию ОДВУ, где Миллера закрыли в одной из комнат, а его товарища отпустили с условием, что он будет посредником в переговорах с родителями похищенного. Родители Миллера были вынуждены заплатить шантажистам 13 тысяч долларов.

Банда Гулы «зарабатывала» большие деньги и на незаконном изготовлении самогона, который «гнала» тут же, в здании ОДВУ.

Через некоторое время ФБР арестовало капитана армии США украинского происхождения (фамилии его американские публицисты не называют) за передачу секретных сведений агенту иностранной державы. Этот агент возглавлял ячейку ОДВУ в Пенсильвании. В начале 1931 года капитан был осужден американским судом, и тогда стало известно, что иностранным германским агентом был Сенник-Грибивский, правая рука Коновальца по организации террористической и шпионской деятельности. В те годы шпионской работой Сенника-Грибивского руководил начальник абвера Николаи. Периодически шпион посещал США под предлогом возрождения украинской культуры в среде эмигрантов, а фактически — для выполнения заданий абвера. Даже в момент ареста Гулы и его сообщников Сенник-Грибивский находился в США, но, как пишут Сейерс и Кан, «организатор террора и шпионажа поспешил уехать в Берлин».

Для тех своих людей в Соединенных Штатах, которые не имели возможности пройти выучку в учебных заведениях германской разведки, Сенник-Грибивский составил специальную инструкцию. Один экземпляр ее попал в руки авторов книги «Тайная война против Америки». Они привели некоторые выдержки из нее, свидетельствующие о том, что инструкция в целом писалась с участием консультантов из абвера.

В 1933 году, когда нацисты пришли в Германии к власти, «организатор террора» снова появился в США, чтобы активизировать подрывную деятельность ОДВУ, охватить шпионскими щупальцами все американские штаты. На германские деньги Сенник-Грибивский организовал ячейки ОДВУ в тех промышленных городах США, где проживали украинцы. Некоторые из этих ячеек действовали под вывеской «украинского Красного креста», другие назывались «страховыми обществами» или «спортивными клубами». У лидеров ячеек была единая цель — помочь нацистской Германии в ее борьбе против всех демократических стран, за построение «нового порядка» во всем мире. Многие американцы украинского происхождения, являвшиеся членами ОДВУ, даже не подозревали, что являются в то же время орудием в руках гитлеровцев.

В начале Второй мировой войны в нью-йоркской газете «Hour» появилась публикация о националисте Григорьеве: *«Коли в 1938 році Григоріїв прибув до Сполучених Штатів, він розгорнув енергійну кампанію серед американських українців за створення антирадянського блоку і підтримку ідеї «незалежної України»... Коли в листопаді 1941 року на Кубі була викрита українсько-нацистська шпигунська група, гаванська преса заявила, що «активний агент гестапо» Никифор Григоріїв приїжджав на Кубу 1940 року і радився з керівниками «п'ятої колони». Кубинська преса опублікувала фотографії Григорієва, подавши їх під заголовком, що він привіз інструкції для провідних нацистів-українців у Гавані. Один з учасників «п'ятої колони», які зустрічалися з Григорієвим, Юрко Федорко, недавно написав своєму приятелю: «Нацистська Німеччина допоможе нам. Вона допоможе нам, бо помагає кожному доброму ділу, яке відповідає її і нашим інтересам». Коли Григоріїв повернувся до Сполучених Штатів після поїздки на Кубу, він написав статтю, в якій хвалився своїми зустрічами з нацистами-українцями в Гавані. Григоріїв писав статті до подривної газети «Батьківщина», яка виходить українською мовою в Детройті.*

Через пронацистський зміст ця газета була заборонена для поширення в Канаді. Публікації були підготовлені німецьким шпигуном, капітаном Леонідом Клименком, одним із співпрацівників Григорієва. В «Батьківщині» імена Клименка і Григорієва з'являлися разом. Серед нацистів-українців у цій країні, з якими співпрацює Григоріїв, є Джон Кус з Детройта, штат Мічиган. Кус є професійним промисловим шпигуном і лідером гетьманців на Середньому Заході; в 1938 році він телеграфував Адольфу Гітлеру, поздоровляючи його з вирішенням «проблеми меншостей».

Підготовка покушення на Рузвельта

Недавно стали достоянием гласности сенсационные архивные документы о подготовке оуновцами и немецкими спецслужбами теракта против президента Рузвельта. Эти документы были собраны Генри Филдом, руководителем специальной разведслужбы при президенте Рузвельте, и секретной службой США, охраняющей американских президентов. Они описывают покушение на президента США, которое готовило руководство ОУН вместе с немецкими спецслужбами в годы Второй мировой войны.

Исполнителем теракта должен был стать Григорий Мацейко, известный тем, что в 1934 году по приказу Степана Бандеры убил министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого. После этого убийца бежал в Аргентину. А оттуда, по американским данным, он планировал выехать в США. За устранение Рузвельта убийца должен был получить миллион марок.

В случае успеха резонанс от теракта был бы значительным не только в пределах Польши, как это произошло с убийством польского министра (последнее сейчас нередко представляют как одно из доказательств «величия» Бандеры); акция имела бы мировое значение. Более того, она могла бы повлиять на ход Второй мировой войны.

Показательно, как рассекреченные документы американских спецслужб характеризуют ОУН, а также Бандеру, Мацейко и других деятелей организации. Исходя из материалов этого дела, объемом в несколько десятков страниц, ОУН определялась американцами как «украинская террористическая организация», которая сотрудничает с нацистской Германией про-

тив США. И это не просто заявление — документы содержат агентурные и дипломатические донесения об этом сотрудничестве с конкретными именами и примерами.

Первая информация о подготовке покушения на Рузвельта датируется весной 1941 года. При содействии агентов гестапо и немецких дипломатов в Латинской Америке Мацейко должен был въехать в США с паспортом на чужое имя. В сообщении от 24 марта 1941-го указывается, что эта группа «украинских террористов» организована немецким дипломатом Кристианом Зинсером. Именно Зинсер был ведущим агентом гестапо в Аргентине и других странах Латинской Америки. Ранее он имел чин штурмбаннфюрера в штурмовых отрядах нацистской партии.

В документах упоминается и освобождение немцами осужденного за участие в убийстве министра Перацкого Николая Лебеда — в 1941-м он стал заместителем Бандеры в ОУН. Показана и ведущая роль Бандеры в выборе Мацейко для устранения польского министра — глава ОУН характеризовал Григория как «умелого террориста». В начале 1942 года американские спецслужбы создали группу, которая за несколько месяцев собрала детальную информацию об этих и других оуновских террористах и их сторонниках в Южной и Северной Америке. Агенты открыто следили за украинскими иммигрантами, связанными с Мацейко и ОУН, чтобы дать понять, что американскому правительству известно о подготовке покушения.

После того, как американцы получили информацию о подготовке оуновского теракта против Рузвельта, паспортного размера фотография Григория Мацейко была увеличена. Несколько тысяч ее фотокопий разослали вместе с описанием террориста полицейским подразделениям США и американским агентам в странах Латинской Америки. Всех пассажиров из Южной Америки стали тщательным образом проверять на границе, чтобы обнаружить Мацейко.

Разведслужба Генри Филда собрала сведения о Мацейко и других оуновцах, причастных к организации покушения. Как видно из одного из документов, американские спецслужбы собирали информацию и о Степане Бандере, в частности, о его руководящей роли в убийстве Перацкого, а также о связях ОУН в Латинской Америке с представителями немецкой разведки. В поле зрения американских спецслужб, занимавшихся делом

покушения на Рузвельта, попали среди прочих Григорий Герман, офицер резерва армии США и в то же время один из лидеров филиала ОУН в Северной Америке, и Иван Бучко, униатский священник, вынужденный из-за своей противозаконной деятельности оставить США осенью 1941 года. Данные о покушении американцы получили из нескольких источников, в частности, от Алексея Пелипенко, униатского священника, эмигрировавшего после падения УНР в Польшу, Германию, а затем в Аргентину. Взгляды последнего характеризовались американцами как националистические и «очень антисоветские».

В конце концов оуновский теракт против президента Рузвельта так и не был совершен, а след Мацейко спецслужбы потеряли.

Но спецслужбы США не забывали об оуновской попытке теракта против президента Рузвельта. Даже в 1964 году очередной руководитель охраны президента интересовался документами по этому делу, переданными Генри Филдом. А другая рука спецслужб в это время использовала оуновцев для шпионажа и диверсий против Советской Украины и СССР...

На службе абверу и гестапо

С 1922 года, когда Коновалец со своим штабом перебрался в Берлин, по 1928 год УВО получила за свои услуги немецким спецслужбам свыше двух миллионов марок. С приходом же нацистов к власти — украинских националистов и, в частности, оуновцев немцы стали использовать гораздо активнее. Многочисленные документы, донесения резидентур различных стран своим центрам, мемуары свидетельствуют, что в решении этих вопросов нередко принимали участие Гитлер, Геринг, Канарис, Риббентроп и другие. *«После прихода Гитлера к власти, — пишет майор Шот, — отношения между ОУН и Германией становятся еще теснее. С 1934 года резиденцией ОУН делается Берлин. Под влиянием существовавших в то время в Германии условий идеологически ОУН все больше становится фашистской организацией... Германия экипирует украинских националистов, снабжает их оружием, боеприпасами, взрывчаткой...».*

С этого времени и по 1941 год действовали различные курсы и школы подготовки членов УВО-ОУН к разведыватель-

ной и диверсионной деятельности. Из них формировались отряды и группы диверсантов, которые участвовали в нападении гитлеровской Германии сначала на Польшу, а несколько позже — на Советский Союз.

Английский журнал «Нешнл» по этому поводу писал так: *«Имеется много доказательств, что Гитлер весьма интересуется украинским вопросом: 1) он подобрал себе ближайших советников, которые очень хорошо знают Украину и издавна выступали за то, чтобы Германия ее аннексировала; 2) в Берлинском университете создан специальный отдел, который изучает украинский вопрос; 3) Германия помогает финансовыми и другими средствами группе украинских авантюристов, которые ей служат и охотно готовы отдать свой край под ее господство, как только им будут гарантированы выгодные посты. Им безразлично, какая власть будет над ними».*

Естественно, что, беря на содержание УВО-ОУН, гитлеровские спецслужбы начали с того, что тщательно проверили досье своих наемников. Масштабную работу по сбору данных проводил внешнеполитический отдел национал-социалистической партии во главе с Альфредом Розенбергом. Отдел собирал подробные сведения не только о лидерах националистических организаций, но и о тех, с кем они имели непосредственные контакты в абвере, в частности о сотрудниках так называемого «Бюро по подготовке войны с помощью национальных меньшинств», занятого использованием украинских националистов в интересах фашистской Германии. В целях конспирации «Бюро» размещалось не в общем здании рейхсвера, а в другом помещении. Во главе «Бюро» стоял майор фон Фоссе, а его помощником был Рико Ярый, который в то же время являлся правой рукой Коновальца.

В справке о сотрудничестве Коновальца и Ярога с компетентными органами Германии за подписью помощника Розенберга, А. Шикеданца, содержится информация о том, что в апреле 1933 года редакцию фашистского официального партийного органа, газеты «Фелькишер беобахтер», главным редактором которого был А. Розенберг, посетил Коновалец. Сопровождали его функционер нацистской партии фон Цанген и ротмистр Р. Ярый. После посещения А. Розенберга разговор с Е. Коновальцем и Р. Ярым был продолжен у А. Шикеданца. Коновалец доложил о своей антисоветской деятельности и попро-

сил, чтобы внешнеполитическое ведомство национал-социалистской партии поддержало ОУН.

В справке об этой встрече содержится несколько любопытных замечаний. *«Коновалец, — подчеркнул в документе Шикеданц, — не произвел впечатления народного вождя или в какой-то мере значительного человека. Его можно отнести к типу украинца средних способностей с определенной долей крестьянского лукавства. Его заместитель в Берлине Ярый произвел неприятное впечатление».*

В приложении к справке о встрече с лидерами ОУН говорится, что последняя выдает себя за единственное спасительное объединение и не брезгует никакими доступными ей средствами для дискредитации и прекращения деятельности других украинских организаций. Она, в частности, *«ведет борьбу против гетмана и его сторонников».* Логика лидеров ОУН *«очень проста: если им удастся устранить всех конкурентов, то Коновалец останется единственным, с кем Германия будет иметь дело. Тогда украинский вопрос будет монополизирован ими».*

Но германские спецслужбы принимали меры, чтобы исключить взаимное истребление националистов и направить всех их против Польши и Советского Союза. При этом предпочтение все же отдавали ОУН, которая, по оценке гитлеровцев, была наиболее организованной и мобильной силой.

Во все тонкости деятельности ОУН был посвящен только узкий круг лиц. На всех документах, отражающих сотрудничество спецслужб с националистами, стоит гриф «Строго секретно».

О том, что ОУН являлась обыкновенным филиалом гитлеровской военной разведки, свидетельствуют архивы. Так, в «Справке-докладе по украинскому вопросу» от 19 ноября 1933 года (№ 10) утверждается: *«Около 10 лет тому назад было заключено соглашение между прежним начальником контрразведки Германии и нынешним руководителем ОУН полковником Коновальцем. Согласно этому договору, украинская организация получила материальную поддержку, за что она поставила контрразведке данные о польской армии. Позднее организация взяла на себя также подготовку боевых и диверсионных заданий. Ежемесячные выплаты достигли 9000 рейхсмарок».*

В документе упоминается также о том, что в 1932 году сотрудники германской разведки фон Фоссе и капитан Патциг встретились с Коновальцем. На этой встрече было разработа-

но соглашение о расширении сотрудничества. «ОУН, — отметил составитель справки-доклада, — обещала сотрудничать с нами и в военной области в случае войны с Польшей. Это соглашение, названное капитаном Патцигом «джентльменским», было принято в устной форме и гласности никогда не предавалось. Во время этой встречи Коновалец заявил, что он берет на себя обязательства относительно Германии, выделяет для этих целей своих людей и связывает себя с получением денег». На этот раз размер денежных субсидий на содержание ОУН составил 200 000 рейхсмарок.

В 1933 году в составе ОУН находилось «1500 функционеров — испытанных членов, выполняющих особые задания». Число рядовых оуновцев не установлено.

С приходом Гитлера к власти, по согласованию с Коновальцем, в предместьях Берлина были построены казармы специально для украинских националистов, обучение которых велось по немецким образцам. Эти отряды имели свою форму и приравнивались к гитлеровским штурмовым отрядам. Руководил ими офицер гестапо Ярыга-Рымгарт, он же «Карпат», известный среди членов ОУН как Рико Ярый. В одном документе подчеркивается, что забота Гитлера об украинцах вызвала у последних «чувство светлого восторга по отношению к национал-социализму».

Сотрудничество оуновцев со спецслужбами Германии не ограничивалось осуществлением шпионажа, диверсий, саботажа. Часть оуновцев работала в германской информационной службе, овладевая методами и технологией фашистской пропаганды. Впоследствии подготовленные там специалисты совместно с власовцами и другими коллаборационистами из «восточных легионов Гитлера» работали в созданном для целей пропаганды на оккупированных восточных территориях институте «Винета», а также в качестве пропагандистов, переводчиков и посредников. В составе походных групп ОУН эти «спецы» вместе с гитлеровцами пришли на Украину с началом немецкого вторжения.

Во второй половине 30-х годов, как свидетельствуют архивные материалы германских спецслужб, немцы заметно активизируют подготовку украинских националистов к осуществлению подрывных акций против Советского Союза. Вопросы использования националистов в интересах Германии обсуж-

дались на двух совещаниях. Одно из них состоялось в управлении тайной полиции 7 октября 1938 года. Присутствовали представители гестапо, главного управления полиции безопасности, главного штаба вермахта, министерства иностранных дел и министерства пропаганды. Выступил с докладом на совещании штандартенфюрер Г. Мюллер.

В своем докладе он, в частности, заявил: *«Следовало бы объяснить полякам, что именно Германия отвлекла группу Коновальца от Польши и направила ее против большевизма»*. Капитан Дюринг к этому добавил, что *«группа Коновальца дала верховному главному командованию обязательства ничего не предпринимать в Польше, а работать исключительно против большевизма»*.

Второе совещание провел 21 декабря 1938 году рейхсляйтер А. Розенберг. В работе совещания приняли участие адмирал В. Канарис, подполковник Э. Лахузен, майор Э. Штольце и штабслайтер А. Шикеданц. На совещании лидеры спецслужб обсудили тактику использования украинских националистов в деятельности против СССР. Прозвучала информация о том, что *«группа Коновальца уже дала обещание главному штабу вермахта приостановить акции в Польше и свои подрывные действия направить против большевиков»*.

На этом же совещании выявилось весьма существенное обстоятельство. Руководитель абвера, адмирал Ф. Канарис, в своем выступлении сравнил ОУН с группой К. Генлейна — главаря фашистов Судетской области Чехословакии. А. Розенберг назвал это сравнение неудачным, так как Генлейн *«действовал в своей стране, ОУН — в иных условиях, и потому распространить свои действия на Большую Украину ей весьма затруднительно»*. Розенберг, получивший образование в Российской империи и хорошо разбиравшийся в ментальных особенностях различных групп украинцев, имел в виду, что в Судетской области преобладало немецкое население, настроения которых выражал Генлейн, ОУН же — порождение галичан, а потому в других частях Украины большого влияния иметь не будет.

На совещании 7 октября 1938 года капитан Дюринг заявил, что *«существует приказ готовиться к полному разгрому России»*. В осуществлении этой задачи лидеры спецслужб гитлеровской Германии по-прежнему рассчитывали на ОУН. В докладной записке, подготовленной фон Фоссом для министер-

ства рейхсвера накануне германского вторжения в Польшу, возможность использовать ОУН оценивались так: «ОУН представляет собой блестящую организацию, способную в случае войны с Польшей с помощью методов саботажа и партизанской войны отвлечь на себя по меньшей мере два польских армейских корпуса».

В своем выступлении на этом совещании А. Розенберг указал на настоятельную необходимость тотального привлечения всех украинских националистов к внешнеполитическим акциям Германии. Благодаря этому накануне нападения на СССР спецслужбы Германии снова «стряхнули пыль» со Скоропадского и его последышей.

Изгнанный гетман публично продемонстрировал свою приверженность гитлеровцам. Его личные связи с Герингом и Розенбергом продолжались до последних дней гитлеровского рейха. В 1933 году типография в Мюнхене выпустила массовым тиражом две открытки: на одной из них Скоропадский был сфотографирован в фашистском мундире, на другой красовалось фото принца Вильгельма с сыном П. Скоропадского, одетым в фашистскую форму.

Но основной упор руководство специальных органов Германии делало опять-таки на ОУН. Сотрудничество немецкой разведывательной службы с ОУН было тем эффективнее, чем теснее становилась связь Евгения Коновальца с новым начальником абвера, Вильгельмом Канарисом, назначенным на этот пост в 1935 году. К служебным взаимоотношениям примешивалась еще и личная симпатия. Но 23 мая 1938 года Коновалец погибает, получив от советской разведки коробку шоколадных конфет с «сюрпризом» — взрывным устройством...

ОУН после Коновальца

После убийства во Львове советского дипломата Майлова, совершенного террористом ОУН Лемиком в 1934 году, чтобы обострить отношения Польши с Советским Союзом, председатель ОГПУ В. Менжинский отдал приказ о нейтрализации террористических акций украинских националистов.

Вскоре в ОУН был введен советский агент Павел Судоплатов, впоследствии — начальник службы разведки и диверсий органов безопасности. 23 мая 1938 года по поручению Стали-

на Судоплатов ликвидировал в Роттердаме лидера ОУН Коновальца.

Двадцать седьмого августа 1939 года, на втором съезде ОУН в Италии, преемником Коновальца назначается Андрей Мельник. Впрочем, это удалось только потому, что отсутствовал главный соперник Мельника, Степан Бандера, который за террористическую деятельность отбывал наказание в польской тюрьме. В результате ликвидации Коновальца возник вызван раскол в ОУН. В ходе борьбы за власть внутри ОУН между Бандерой и официальным преемником Коновальца Мельником погибли видные боевики. А после разгрома польской армии и оккупации Польши гитлеровцы перестроили всю работу оуновцев в узко антисоветском направлении. Перед последними была поставлена задача: готовиться к нападению на Советский Союз.

Андрей Мельник, как и Коновалец, был привлечён к работе с немецкими разведывательными органами. Начальник отдела абвера Берлинского округа полковник Эрвин Штольце во время допроса 29 мая 1945 года подробно рассказал, при каких обстоятельствах был завербован Мельник. *«Еще при жизни Коновальца Ярый был известен А. Мельнику и другим националистам как лицо, близкое к Коновальцу, и как активный националист, поэтому Канарис поручил начальнику абвера-2 полковнику Лахузену через Ярого связаться с Мельником, который к этому времени переехал из Польши в Германию.*

Таким образом, в конце 1938 года или в начале 1939 года Лахузен организовал встречу с Мельником, во время которой последний был завербован и получил кличку «Консул». Поскольку работать с Мельником, как агентом немецкой разведки, было поручено мне, то я также присутствовал во время его вербовки.

Должен сказать, что вербовка прошла очень гладко, так как о деятельности Мельника мы знали в достаточной мере, и он, по сути, являлся агентом Коновальца в работе против поляков во время его проживания в Польше... После вербовки, состоявшейся на конспиративной квартире (угол Берлинерштрассе и Фридрихштрассе)... Мельник изложил свой план подрывной деятельности. В основу плана он поставил налаживание связей украинских националистов, проживавших на территории тогдашней Польши, с националистическими элементами в Советской Украине, проведение шпионажа и диверсий на территории СССР, подготовку восстания. Тогда же по

просьбе Мельника абвер взял на себя все расходы, необходимые для организации подрывной деятельности.

На последующих встречах Мельник просил санкционировать создание при ОУН отдела разведки. Он утверждал, что создание такого отдела активизирует подрывную деятельность против СССР, облегчит его связь с оуновским подпольем, а также со мной как сотрудником абвера. Предложение Мельника было одобрено. Такой отдел был создан в Берлине во главе с петлюровским полковником Романом Сушко».

Для того чтобы понимать роль и место ОУН в системе различных немецких спецслужб, сделаем небольшое отступление и расскажем подробнее о последних. С приходом Гитлера к власти руководство страны осуществило реорганизацию всей разведывательной системы, рассматривая ее деятельность как неотъемлемую часть общего плана установления мирового господства.

Были созданы новые разведорганы и усовершенствованы старые. Так, в 1937 году подверглась централизации военная разведка. Все соответствующие службы военных ведомств, сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил объединились в один орган — абвер, контрразведывательный отдел при военном министерстве. А после ликвидации министерства и создания ОКВ (верховного командования вооруженных сил) абвер из отдела контрразведки превратился в службу разведки и контрразведки.

Одно из управлений этой службы называлось «заграница-абвер». Оно состояло из четырех основных отделов: аусланд (заграница), абвер-1, абвер-2 и абвер-3. Отдел «заграница» поддерживал связь с атташе германских вооруженных сил, находившихся в других странах, и руководил их подрывной деятельностью; обрабатывал поступающую от них разведывательную информацию, которую докладывал верховному командованию вермахта; осуществлял официальные контакты с иностранными военными атташе, аккредитованными в Германии; поддерживал постоянную связь с министерством иностранных дел страны, информируя его о состоянии вооруженных сил иностранных государств, а также о важнейших мероприятиях военного характера, проводимых за границей. Абвер-1 проводил активную агентурную работу за границей. В его задачу входили: сбор разведанных о состоянии войск

иностранных государств, выполнение шпионских операций, осуществление контактов с разведывательными и специальными службами союзных государств.

Наиболее засекреченным подразделением был абвер-2. В его ведении были: подготовка агентуры, ее переброска в тыл других государств для совершения диверсионных и террористических актов, организация повстанческих выступлений на территории стран, с которыми воевала Германия, разработка и изготовление средств для совершения диверсий и террористических актов.

Для выполнения этих и других задач абвер-2 в своем распоряжении, кроме агентуры, имел специальные воинские подразделения: дивизию «Бранденбург-800», батальон «Бергман», полк «Курфюрст» и другие. Наиболее мощным из них была дивизия «Бранденбург-800», которая выросла из роты специального назначения. В ее функции входило: проводить войсковую и агентурную разведку переднего края обороны Красной Армии, осуществлять диверсионно-террористические акции в ближнем тылу войск, захватывать так называемых «языков» из числа военнослужащих, а также распространять панику среди местного населения.

В период наступательных операций в СССР вооруженные группы дивизии «Бранденбург-800», как правило, в военной форме Красной Армии, выбрасывались в тыл оборонявшихся частей советских войск, захватывали стратегические объекты и старались удержать их до подхода главных сил немецкой армии, сохраняя от разрушения. В своем подчинении дивизия имела три разведывательно-диверсионные школы, где готовили шпионов, диверсантов, террористов, организаторов вооруженных банд и повстанческих выступлений в советском тылу. В полк специального назначения дивизии «Бранденбург-800» входил специаль-батальон «Нахтигаль», которым с украинской стороны руководил один из главных «героев» нашего рассказа, Роман Шухевич.

Полковник абвера Альфред Бизанц во время допроса 23 ноября 1949 года, рассказывая о Шухевиче, показал: *«С ШУХЕВИЧЕМ я познакомился в декабре месяце 1939 года в городе Кракове, в комитете украинских националистов, который возглавлял заместитель главаря украинских националистов Андрея МЕЛЬНИКА — Роман СУШКО... В здании указанного коми-*

тата я принимал группу украинских националистов во главе со Степаном БАНДЕРОЙ, освобожденных в сентябре того же года немецким командованием из польских тюрем. В этой группе националистов был и ШУХЕВИЧ, с которым я поздоровался и при этом вспомнил, что близко знал его отца... После этой встречи с ШУХЕВИЧЕМ я его не видел и не слышал о нем ничего вплоть до августа 1940 года. В 1940 году я встретил ШУХЕВИЧА в городе Криница, известном курорте в Краковском воеводстве Польши, где он обучался в созданной немецкой разведкой диверсионно-разведывательной школе... В мае 1940 года немецким разведывательным органом в городе Кракове «Абверштелле-Краков» были созданы три разведывательно-диверсионные школы в городах Краковского воеводства: Криница, Ясло и Вислок-Вельки. Официально эти школы назывались «рабочими школами»...

Руководителем всех трех школ являлся капитан немецкой армии Эрнст цу ЭЙКЕРН, который одновременно был начальником отдела «абвер-2» в разведывательном органе «Абверштелле-Краков». Заместителем ЭЙКЕРНА был профессор экономики, он же оберлейтенант немецкой армии ОБЕРЛЕНДЕР... Школой в городе Криница руководил немецкий фельдфебель, фамилии которого не помню. Кроме этого фельдфебеля, ни одного немца в школе не было; все преподаватели, так же как и личный состав школы, были из украинцев, уроженцев и жителей Галиции. В школе обучалось 50 человек украинцев-галичан, которые были отобраны для учебы заместителем главаря украинских националистов Андрея МЕЛЬНИКА — СУШКО Романом. Преподавателями школы были также украинцы-галичане, которые еще до 1939 года прошли подготовку в созданных немцами школах. Таких преподавателей было пять. Кроме них, в школе было человек 4—5 инструкторов из числа обучавшихся, которые занимались с личным составом ежедневной строевой подготовкой. Таким инструктором являлся и ШУХЕВИЧ. Одновременно, как имеющий высшее юридическое образование и за националистическую деятельность содержавшийся до 1939 года в польской тюрьме, ШУХЕВИЧ выделялся среди остальных учащихся школы и был там доверенным лицом. В школе в гор. Криница ШУХЕВИЧ находился с момента ее организации, т. е. с мая 1940 года, и до июля того же года прошел там начальную подготовку. Начиная же с 1 июля по 31 сентября 1940 года ШУХЕВИЧ

вместе с остальными учащимися прошел трехмесячный курс обучения. В школе преподавали следующие предметы: военное дело, включая тактику, топографию, знание оружия, а также организацию, тактику и вооружение Советской Армии, разведывательное и диверсионное дело. Кроме того, преподавались немецкий язык, география, история Украины в националистическом духе и украинская литература... От заместителя ЭЙКЕРНА, обер-лейтенанта ОБЕРЛЕНДЕРА, я хорошо знал, что окончившие школу украинцы-галичане направлялись затем с разведывательно-диверсионными заданиями за линию советско-германского фронта для подрывной деятельности в тылу Советской Армии, а также вели контрразведывательную работу среди рабочих польских фабрик и заводов и в лагерях среди польских военнопленных. ШУХЕВИЧ же... некоторое время еще находился в школе в Криницах, а затем в составе большой группы учащихся школы был направлен в высшую специальную разведывательную школу немецкого абвера под Берлином. Последующую встречу с ШУХЕВИЧЕМ я имел во Львове, где я с августа 1941 году работал начальником отдела «по делам населения и обеспечения в Галиции». Перед самым нападением Германии на Советский Союз, в начале 1941 года, немцами был создан и направлен в состав действующей немецкой армии батальон украинцев-галичан, который затем участвовал в боях против Советской Армии в направлении Львов — Тернополь — Проскуров — Винница. В составе этого батальона служил и ШУХЕВИЧ, в чине капитана немецкой армии, командуя ротой».

Первое боевое задание диверсионный батальон «Нахтигаль» (в переводе — «Соловей») получил в 3 часа 15 минут 22 июня 1941 года. Абвергруппы полка «Бранденбург-800» появились на участках Августов — Гродно — Колынка — Рудинка — Сувалки и захватили десять стратегических мостов. Сводная рота батальонов «Бранденбург-800» и «Нахтигаль» при форсировании реки Сан заняла плацдарм и сумела воспрепятствовать эвакуации и уничтожению документов советских военных и гражданских учреждений в Брест-Литовске и в Литве.

После этого батальон двинулся на территорию Украины. Одна из операций «Нахтигалья» по его журналу боевых действий описана в книге Е. Шафранского «Восемь тайн — восемь этажей «Вервольфа». После своих «геройских подвигов» во Львове и других местах, где они пронесли кровавым смер-

чем, — «соловьи», переодетые в красноармейскую форму, вместе с 1-м батальоном «Бранденбурга-800» совершают нападение на штаб одной из частей РККА в лесу под Винницей. За эту операцию несколько нахтигалевцев получают нагрудные железные кресты. Правда, диверсанты понесли большие потери, настолько большие, что остатки батальона пришлось расформировать. Но, поскольку диверсант с такой подготовкой — «товар» штучный, оставшиеся в живых были зачислены в 201 шуцманшафтбатальон.

Кроме того, в составе «Бранденбурга-800» был подготовлен белорусский штурмовой взвод (50 человек). Уже перед началом военных действий против СССР абвер привлек к сотрудничеству также грузинских эмигрантов (пятая рота полка). Согласно секретному распоряжению № 53/41 отдела иностранной контрразведки, немцы готовили силами грузин восстание на территории Грузии. Эта организация разделилась на две агентурные группы: первая — «Тамара 1» (16 грузин для саботажа) и вторая — «Тамара 2» (80 грузин — оперативная группа). Так что не впервые пытаются натравить украинцев и грузин на Россию в одной упряжке. Была также подготовлена группа «Эрна» в составе 14 агентов и 70 бывших военнослужащих эстонской армии. Одним словом, такой себе гитлеровский вариант современного ГУАМ...

Готовясь к войне против Советского Союза, нацистское руководство стремилось собрать как можно более полную шпионскую информацию об СССР — военно-экономического характера, а также о морально-политическом состоянии народа. С этой целью разведывательный аппарат ОКВ был значительно расширен. Наряду с центральным аппаратом абвера, разведкой ОКВ к моменту нападения фашистской Германии на Советский Союз было создано около 60 так называемых территориальных разведывательно-диверсионных органов: абверштелле, абвернебенштелле, аусенштелле и т.д. По своей активности подрывной работе против Украины особое место среди них занимали: абверштелле «Краков», абверштелле «Вена» и абверштелле «Кенигсберг».

Как известно, аппетит приходит во время еды. После мюнхенского сговора гитлеровская милитаристская машина стремительно набирала обороты. 1 сентября 1939 года совершив нападение на Польшу, нацистская Германия развязала Вторую

мировую войну. И здесь помощниками гитлеровцев выступили украинские националисты. Конкретные установки об использовании националистов на данном этапе войны В. Канарис получил от генерал-фельдмаршала В. Кейтеля на совещании у Гитлера 12 сентября 1939 г. Как свидетельствовал на Нюрнбергском процессе генерал Э. Лахузен, Канарису было дано задание вызвать в западных областях Украины повстанческое движение с целью истребления евреев и поляков.

Вот отрывок из стенограммы допроса Эрвина Эдлера фон Лахузена-Вивремонта, третьего (после Канариса и Пикенброка) человека в германском абвере, на заседании Нюрнбергского трибунала. Допрос вели полковник Джон Харлан Эймен, заместитель главного обвинителя от США на Нюрнбергском процессе, и главный обвинитель от СССР генерал Р. А. Руденко.

«Эймен. Что говорилось, если говорилось вообще, о возможном сотрудничестве с украинской группой?»

Лахузен. Да. Канарису было поручено Кейтелем в виде директивы от Риббентропа... организовать на Галицийской Украине повстанческое движение, целью которого было истребление евреев и поляков.

Эймен. Какие еще имели место совещания?»

Лахузен. После этих бесед в рабочем вагоне тогдашнего начальника штаба ОКБ Канарис покинул вагон и затем имел еще один короткий разговор с Риббентропом, который, еще раз возвращаясь к теме «Украина», сказал, что тот должен инсценировать восстание или повстанческое движение таким образом, чтобы все крестьянские дворы поляков оказались объатыми пламенем, а все евреи перебиты».

После этого главный обвинитель от СССР генерал Р. А. Руденко задал Лахузену более конкретные вопросы:

«Руденко. Свидетель, я хочу поставить вам несколько вопросов в порядке уточнения. Правильно ли я вас понял, что повстанческие отряды из украинских националистов создавались по директиве германского верховного командования?»

Лахузен. Это были украинские эмигранты из Галиции.

Руденко. И из этих эмигрантов создавались повстанческие отряды?»

Лахузен. Да. Может быть, не совсем правильно называть их отрядами, это были люди, которые брались из лагерей и проходили полувоенную или военную подготовку.

Руденко. И какое же назначение имели эти отряды?

Лахузен. Это были организации, как я уже говорил, укомплектованные эмигрантами из Галицийской Украины, которые работали совместно с отделом разведки за границей.

Руденко. Что они должны были выполнять?

Лахузен. Задача их состояла в том, чтобы с началом военных действий выполнять распоряжения соответствующих офицеров германских вооруженных сил, то есть те директивы, которые получал мой отдел и которые исходили от ОКБ.

Руденко. Какие же задачи ставились перед этими отрядами?

Лахузен. Эти отряды должны были производить диверсионные акты в тылу врага и осуществлять всевозможный саботаж.

Руденко. То есть на территории тех государств, с которыми Германия находилась в состоянии войны, в данном случае на территории Польши. А помимо диверсий, какие еще задачи ставились?

Лахузен. Также саботаж, то есть взрывы мостов и других объектов, которые в какой-либо степени представляли важность с военной точки зрения. Эти объекты определялись оперативным штабом вооруженных сил.

Далее Лахузен говорит: «Смысл этого приказа, или директивы, исходившей от Риббентропа и переданной Кейтелем Канарису, а затем в краткой беседе еще раз обрисованной Риббентропом Канарису, был следующий: организации украинских националистов, с которыми управление «Заграница/абвер» сотрудничало в военном смысле, то есть в проведении военных операций, должны вызвать в Польше повстанческое движение украинцев. Повстанческое движение должно было иметь целью истребить поляков и евреев, то есть прежде всего те элементы и круги, о которых все время стоял вопрос на совещаниях. Когда говорилось о поляках, имелись в виду, в первую очередь, интеллигенция и те круги, которые называют носителями воли к национальному сопротивлению. Такова была задача, данная Канарисом... Идея была отнюдь не убивать украинцев (то есть украинских националистов), а напротив, вместе с ними осуществить задачу, имевшую чисто политический и террористический характер... То, что на самом деле было совершено управлением «Заграница/абвер» и этими людьми (их

насчитывалось примерно 500 или 1000 человек), ясно видно из дневника. Это была подготовка к выполнению военной диверсионной задачи». Здесь уместно напомнить, что руководимому Лахузенем отделу «абвер-2» как раз и подчинялся полк особого назначения «Бранденбург-800», в который входил специальный батальон «Нахтигаль»..

ОУН имела свои отделения во многих странах мира. В Париже резидентом был Бойко, в Вене — Сушко, в Риме — Онацкий, в Брюсселе — Андриевский, в Люксембурге — Рогозный, в США — Мишура, в Аргентине — Примак и т.д.

Для оуновцев были созданы специальные школы, в которых слушателей обучали методам узнавания военных тайн, изготовления бомб, устройства диверсий и совершения убийств. Военное обучение строилось по программе, принятой в гитлеровской армии. В Берлине действовал центральный вуз для оуновцев. Он был укомплектован квалифицированными кадрами преподавателей и оснащен «научной аппаратурой». Выпускников этих школ направляли в западноукраинские земли, и они создавали там сеть организаций ОУН. Для украинских националистов были созданы школы офицеров, унтер-офицеров, танкистов, летчиков, шоферов.

Позже Бандера и другие лидеры ОУН с гордостью похвалялись, что немецкая военная разведка получила от ОУН шпионские сведения с территории Западной Украины, благодаря которым вермахту удалось в первые дни войны против СССР добиться крупных успехов.

Обе группировки ОУН финансировались Берлином. Об этом заявил на следствии Ю. Д. Лазарек: *«В марте-апреле 1941 года руководство «ААА» при немецком главном командовании вооруженных сил в Берлине поручило Эрнесту цу Айкерну в Кракове вести переговоры с уполномоченным Бандеры. Лебедь принял все требования Айкерна и заявил, что бандеровцы дадут необходимые кадры для школ подготовки диверсантов и переводчиков и что бандеровцы согласны на использование немцами всего их подполья в Галиции и Волыни в разведывательных и диверсионных целях против СССР..»*

От Эрнста цу Айкерна я в апреле 1945 г. узнал, что С. Бандера получил от немцев 2,5 миллиона марок, т.е. столько, сколько получает и Мельник...»

Раскол ОУН. Бандеровцы и мельниковцы

Как раз накануне нападения Германии на СССР в руководстве ОУН происходит раскол. Возникают две группировки — Мельника и Бандеры. Правда, раскол созрел уже давно. Вот что вспоминал генерал Николай Капустянский, один из лидеров ОУН: *«Полковник Мельник реформує наше політичне представництво в Німеччині, яке очолює сотник Ріко Ярій, жадає докладного звіту від нього в господарюванні сумами, що були зібрані за океаном... Все це, а також непризначення до президії сотн. Ярого викликало з боку цієї... занадто амбітної людини велике невдоволення. Ярій нам в кулюарах з обуренням кинув: «Ну, тепер буде війна!» З того часу він і почав монтувати опозицію та, спираючись на німецькі чинники, довів до розколу в ОУН».* Ну, а «монтировать оппозицию» было несложно, особенно при наличии таких амбициозных, агрессивных и к тому же молодых конкурентов, как Бандера и его группа. Бандера к этому времени был освобожден немцами из польской тюрьмы и появился в Кракове.

Согласно характеристике абверовца Эрвина Штольце, Бандера был «карьеристом, фанатиком и бандитом». Поводом для раскола в ОУН послужило заявление Бандеры и его единомышленников, высказанное в адрес руководства краковско-го провода ОУН.

Барановского, Сушко, Грибивского и других членов провода обвинили в сотрудничестве с польской разведкой. От Андрея Мельника потребовали отстранения этих оуновцев от занимаемых ими руководящих постов в проводе. Мельник отказался выполнить эти требования. В ответ на это Бандера и его сторонники объявили Мельника неспособным далее возглавлять «национальную борьбу за независимость Украины», обвинив его в потворстве провокаторам, медлительности и неумении использовать ситуацию для ведения активной борьбы против Советского Союза, а также запретили ему проводить любую акцию под «фирменным» названием ОУН. Бандеровцы подчеркивали: *«Кожне відхилення від тієї перестороги Організація поборюватиме, як диверсію».*

Мельниковцы, в свою очередь, приняли решение об исключении С. Бандеры, Я. Стецька, Р. Ярого из ОУН и обязали их

прибуть в созданий Мельником «революційний трибунал». *«Ми довго мовчали, бо багато справ, що їх старанно крила верхівна кліка, просто не знали, а щодо інших — були збаламучені цією ж клікою, до якої мали тоді беззастережне довір'я, — писалось в одній из листовок А. Мельника. — Але згодом нам стало ясным, що кліка злочинних дурнів веде ОУН до загибелі... Вона морально розкладається. Деморалізували її гроші, реквізиції і злодійства. Деморалізував її масовий вплив різних злочинно-кримінальних елементів. Деморалізував її злочин супроти своїх же братів, який ліг в основу діяльності людей, витворюючи з-між них донощиків-провокаторів та душоубних братовбивників».*

«Рік 1941, — писав один из ближайших к Мельнику членов руководства ОУН, З. Кныш, — записався назавжди в історії нашого руху, як початок жорстокої ери, що не закінчилась ще й сьогодні. Започаткував він диявольський танець пристрастей, розбудив сковану моральними ланцюгами людську бестію та озброїв руку Каїна, що тужила за донцовським «щастям ножа».

В своїх воспоминаннях прежний адъютант Р. Сушко, Иван Бисага, который находился в Кракове с первых дней раскола, вспоминает, какими позорными средствами пользовались националисты в борьбе за руководящее положение в организации. *«Тільки набагато пізніше я зрозумів, що і Мельник, і Бандера служили Гітлеру з собачою відданістю, але гризли між собою за провідне місце... Члени ОУН-бандерівці вбивали членів ОУН-мельниківців, вбивали один одного, братів по крові, заради високого крісла, в яке повинен був сісти один з двох: Мельник чи Бандера. Не знаю чому, зараз важко пояснити, я став на сторону Мельника і пізніше дізнався, що близько 400 чоловік з нашого боку було вбито бандерівцями. Мельниківці не залишились у боргу і, в свою чергу, винищили сотні дві з лишком бандерівців... Працюючи разом з Капустянським, Сушком, Бойдунником, Барановським та ін., я почав розуміти, що ОУН (і мельниківці, і бандерівці) проводять свою роботу з дозволу і при допомозі фашистів».*

Но кровавые расправы продолжались и позже. *«У партійному засліпленні та в ненависті до вірних Проводові націоналістів боївки Степана Бандери вимордували зрадливим способом тисячі українців. Жертвою бандерівського терору впали: О. Сенік-Грибівський, М. Сціборський, Р. Сушко, Я. Ба-*

рановський, У. Соколовський, І. Шубський, два брати Пришляки, сотні нижчого організаційного активу та близько 4000 рядових членів, симпатиків та бійців. Відповідальність за смерть тих людей тяжить на Степані Бандері та його помічниках».

Основные кровавые акции против мельниковского актива планировались и возглавлялись Николаем Лебедем. Как руководитель СБ бандеровского провода, он лично определял будущие жертвы и добивался их ликвидации. По личному указанию Лебеда были уничтожены Роман Сушко, Ярослав Барановский и много других. Лебедь вместе со своим заместителем М. Арсеничем детально обсуждали каждую «истребительную операцию». Исходя из интересов бандеровской верхушки, через свою агентуру Лебедь ревниво следил за отношениями между конкурентами-мельниковцами и немецкой военной разведкой. Незадолго до нападения Германии на СССР в письме к члену своего провода И. Гамбрусевичу Лебедь писал: *«Мельниківці говорять між собою таке: нім. ком. (немецкое командование — М. Б.) запропонувало проводові ОУН творити зав'язки укр. вій. (української військової — М. Б.) сили. Вій. провід обняли ген. Кап. (генерал Капустянский — М. Б.), Сінклер, Ом.-Пав.-старший (Омелянович-Павленко-старший. — М. Б.) і Курманович. Вишкіл відбувається в одній місцевості на терені генерал-губернаторства. Що на ділі — фактично не знаємо ще».*

Мельниковцы также усилили террористическую работу против бандеровцев. Об этом обстоятельно рассказал заброшенный перед самой войной в советский тыл агент абвера и эмиссар Мельника Александр Куц. Подготовку тайных убийств бандеровских вожаків Андрей Мельник поручил Ярославу Гайвасу. Его помощниками были назначены Яцура («Ворон») и Куц. Физическому уничтожению подлежали Бандера, Лебедь, Улитка, Старух и Габрусевич.

Эти убийства должны были быть списаны на НКВД и поляков. Куц пишет: *«Підготовка терористичних актів велась дуже обережно, бо вони мали виглядати як здійснені від імені НКВД або польських терористичних груп. Для ефективної зашифровки мельниківців і переконання еміграції, що терористичні акти проти Бандери і його однодумців здійснені НКВД і польськими терористами, я і Гайвас заготовили спеціального листа. Цей провокаційний лист містив погрози Бандері і найближчим йому учасникам організації. Передбачалось розмножити*

цей лист та надіслати його особам, яких ми намітили знищити. Одночасно, щоб це не впадало в очі, ми вирішили направити такі ж листи на адресу деяких видатних українських діячів «небандерівців».

З тією ж метою ми намітили здійснити провокаційний напад і від імені поляків вбити одного з відомих українських націоналістів, який не належав би до бандерівців, але був відомий як ворог поляків. За вказівкою Гайваса терористичний акт проти Бандери ми намітили на початок весни 1941 року, після того, як зійде сніг і відтане земля. Це було передбачено для того, щоб на випадок потреби без перешкод можна було закопати трупи».

Раскол в ОУН завершився образованием так называемого «революционного провода» (РП ОУН). Во главе отколовшейся части стали Степан Бандера и его приближенные Николай Лебедь, Ярослав Стецько и другие. По имени Бандеры эту фракцию стали еще называть ОУН-б или просто бандеровцы.

ОУН-м с А. Мельником во главе прибрала к рукам тайная полиция — гестапо, а ОУН-б оказалась под крылом абвера. Однако это условное разделение не мешало гестапо пользоваться услугами бандеровцев, а абверу — услугами мельниковцев.

Борьба между ними велась, прежде всего, за руководство националистической эмиграцией и за монопольное право выступать перед фашистскими властями в качестве единственных представителей «украинского движения», с целью получить от своих покровителей побольше субсидий. В ходе этой борьбы обе фракции совершали убийства бывших своих единомышленников, захватывали друг у друга помещения, транспорт и т. д.

Нацисты тоже были заинтересованы в этом расколе, так как посредством его получали возможность прибрать оуновцев к своим рукам.

Бывший шеф безопасности и СД в городе Ровно Миллер, касаясь этого раскола, цинично пояснил: *«Мы выдали миллионы рублей и приложили большие усилия, чтобы вместо Мельника поставить Бандеру. Мы не пожалеем ничего, чтобы сделать десять Бандер».*

Правда, уже перед началом Великой Отечественной войны, при подготовке нападения на СССР, немцы пытались примирить обе враждующие стороны.

Бывший начальник отдела абвера Берлинского округа Эрвин Штольце 29 мая 1945 года во время допроса показал: «В процессе активизации украинской националистической деятельности, которую мы проводили через свою агентуру, уже в начале 1940 года нам стало известно о трениях в руководстве националистического подполья, в частности, между нашими агентами Мельником и Бандерой, и о том, что эти трения ведут к расколу националистического движения.

Немецкой разведке в период подготовки к войне против СССР, когда необходимо было все для подрывной деятельности, эти трения, тем более раскол, были невыгодны. Поэтому по указанию Канариса летом 1940 года мною принимались меры к примирению Мельника с Бандерой, чтобы собрать всех украинских националистов для борьбы против советской власти.

Летом 1940 г. я принял Бандеру, который в разговоре со мной обвинял Мельника в пассивности, доказывал, что он, Бандера, является избранным вождём украинских националистов, — однако для пользы дела он примет все меры, чтобы помириться с Мельником.

Через несколько дней я принял Мельника, с которым провёл аналогичный разговор. Мельник обвинял Бандеру в карьеризме, доказывал, что он своими необдуманными действиями погубит подполье, созданное на территории Советской Украины, особенно в западных областях.

Мельник доказывал, что он, как преемник, получил от Коновальца руководство националистическим движением, и просил помочь ему остаться руководителем для единства организации. Мельник также обещал принять все меры для примирения с Бандерой.

Несмотря на то, что во время моей встречи с Мельником и Бандерой оба они обещали принять все меры к примирению, я лично пришел к выводу, что это примирение не состоится...

С нападением Германии на Советский Союз Бандера активизировал националистическое движение в областях, оккупированных немцами, и привлек на свою сторону особо активную часть украинских националистов, по сути, вытеснив Мельника из руководства. Обострение между Мельником и Бандерой дошло до предела. В августе 1941 года Канарис поручил мне прекратить связь с Бандерой и, наоборот, во главе националистов удержать Мельника...

Вскоре после прекращения связи с Бандерой он был арестован за попытку сформировать украинское правительство во Львове.

Для разрыва связи с Бандерой был использован факт, что последний в 1940 г., получив от абвера большую сумму денег для финансирования созданного подполья в целях организации подрывной деятельности, пытался их присвоить и перевёл в один из швейцарских банков, откуда они нами были изъяты и снова возвращены Бандере».

Как показал на допросе Штольце, Мельник ознакомил Лазузуна с планом усиления диверсионной и шпионской работы националистов в СССР и Западной Украине и вручил ему перечень денежных затрат, которые просил возместить из фондов абвера. При встречах со Штольце Мельник просил разрешить ему организовать при ОУН специальный отдел разведки, который, по его мнению, активизирует подрывную деятельность оуновцев и обеспечит связь с немецкими разведчиками. Просьба Мельника была удовлетворена. Руководителем разведотдела немцы поставили своего агента — бывшего полковника УГА Романа Сушко.

После войны советские органы выяснили, что Мельник был не только агентом абвера, но одновременно сотрудничал и с Главным управлением имперской безопасности (РСХА). Об этом рассказал на допросе лейтенант Зигфрид Мюллер. Во время допроса 19 сентября 1945 года он показал: *«В 1940 году, во время моей работы в 4-ом отделе (гестапо) Главного управления имперской безопасности Германии, один из лидеров украинских националистов, Мельник, посещал начальника 4-го отдела Шройдера в служебном помещении гестапо, где получал необходимые указания по работе.*

Мельника я сам часто видел в стенах гестапо, а со слов Шройдера мне было известно, что он предложил Мельнику создать в Берлине «Управление по украинским делам», деятельность которого направлялась бы немецкой разведкой.

От Шройдера я также знал, что гестапо старалось путем создания «Управления по украинским делам» в Берлине консолидировать украинское националистическое движение и через Мельника поставить его под свой постоянный контроль».

На вопрос — *«Какие были отношения между Мельником и Бандерой в «Управлении по украинским делам?»* — лейтенант

Мюллер ответил, что «во время беседы Мельника со Шройдером последний предложил Мельнику договориться с Бандерой о его участии в работе «Управления по украинским делам». Шройдер говорил, что кадры украинских националистов нужны будут Германии для использования их на Востоке, под общим руководством Главного управления имперской безопасности Германии, по работе среди украинского населения.

В ноябре 1940 года я перешел работать в абвер, где узнал, что Мельник, кроме связи с гестапо, работает в германской военной разведке. Он являлся резидентом «Абверштелле-Берлин». Об этом я знаю, поскольку сам работал в должности референта по разведке против СССР в «Абверштелле-Берлин».

Далее Зигфрид Мюллер рассказал, что, когда он работал в 1-м разведывательном отделе «Абверштелле-Берлин» на должности референта по разведке против СССР, «вместе со мной в одном кабинете работал капитан Пулюю, у которого Мельник был на личной связи и представлял ему разведывательные данные о Советском Союзе. Все шпионские сведения про СССР Мельник получал от своих сторонников — украинских националистов на территории Западной Украины, а также от резидентуры в г. Новый Золь (Чехословакия).

В делах Пулюю я видел личное обязательство Мельника о сотрудничестве с «Абверштелле-Берлин» с приложением его фотографии. Пулюю работал с Мельником под псевдонимом «Доктор Кухерт».

1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, развязав тем самым вторую мировую войну. Вместе с немцами границу Польши перешел и отряд Романа Сушко. Сразу же после оккупации Польши гитлеровцы пригласили украинских националистов на работу в созданную ими так называемую «украинскую полицию». А незадолго до нападения на Советский Союз немцы приступили к массовой подготовке из оуновцев полицейских кадров для будущего оккупационного аппарата в Украине. В этих целях были созданы в городах Холме, Перемышле и Берлине школы «украинской полиции». Их возглавили офицеры гестапо Мюллер, Ридер, Вальтер и другие. До начала военных действий против СССР эти школы успели подготовить около 400 полицейских.

Одновременно с этим немецкая военная разведка развернула в широком масштабе подготовку агентов для шпионско-

диверсионной и повстанческой деятельности на советской территории. Так, в специальном лагере на озере Химзее, в Германии, из украинских националистов готовили диверсантов, а в военно-тренировочном центре Квинцгуте проходили подготовку шпионы.

Наряду с этим из оуновцев создавались специальные воензированные отряды и группы для подрывной деятельности в советском тылу. Одно из таких формирований, в количестве 200 человек, было создано летом 1939 года в городе Винер-Нойштадте, Австрия.

О финансировании ОУН гитлеровской разведкой свидетельствовал также бывший руководитель референтуры связи и СБ центрального провода ОУН Мирон Матвиейко. Он писал: *«Уже тогда Бандера, Лебедь, Стецько, Щухевич, Ленкавский продали свои души, а тем самым и всю ОУН гитлеровскому абверу. Все тогдашние «освободительные» акции, которые проводились под руководством Бандеры, щедро финансированы гитлеровской военной разведкой».*

«Очаг пожара в украинских районах дал бы Германии повод для военного вмешательства»

В 1939 году население западной Украины встречало Красную Армию хлебом-солью и цветами. Со временем там начались репрессии НКВД. Вот только современная литература умалчивает о причинах этих репрессий и о роли ОУН в их провоцировании...

Влиятельный оуновец Кость Паньковский в своей работе «Роки німецької окупації» (1965 год, Торонто) пишет, что накануне нападения гитлеровцев на Польшу *«провод ОУН планировал вызвать вооруженное восстание в тылу польских войск и сформировал военный отряд — «Украинский легион» — под командованием полковника Романа Сушко».* После оккупации Польши гитлеровцы пригласили их на работу в так называемую «украинскую полицию», предназначавшуюся для борьбы с польским сопротивлением.

Деятельность «украинских полицейских» «на теренах» Польши немецкими хозяевами была оценена высоко. Потому незадолго до нападения на Советский Союз немцы приступили к массовой подготовке из оуновцев полицейских кадров для будущего оккупационного режима в Украине.

После воссоединения западных областей Украины, Бессарабии и Северной Буковины с Украиной, а также прихода туда частей Красной Армии, значительная часть националистического руководства ОУН и других организаций перебралась на оккупированную фашистскими войсками территорию Польши. Главным центром ОУН-б стал Краков.

После бегства руководителей Львовской экзекутивы с территории Западной Украины многие ее организации распались. Однако значительная часть оуновского актива осталась. Руководство его нелегальной деятельностью осуществлял Краковский провод ОУН, состоявший в то время из шести основных отделов, в том числе:

- отдела пропаганды, который занимался пропагандой идеи украинского национализма среди населения, изготовлял и распространял националистическую литературу среди членов ОУН и местных жителей, готовил пропагандистские кадры;
- организационного, который руководил всей практической подрывной деятельностью ОУН;
- иностранных дел, ведавшего всеми вопросами дипломатических сношений с другими государствами.
- экономического, отвечавшего за бюджет;
- технического, занимавшегося разработкой шифров и кодов для ведения секретной переписки с представителями других «проводов» оуновского подполья;
- военного, в обязанности которого входила организация вооруженного восстания в Западной Украине, для чего при отделе был создан «оперативный штаб».

В начале 1940 года состоялось заседание Краковского провода, на котором было принято решение о подготовке и переброске в кратчайшие сроки на Украину руководящих оуновских кадров с целью создания во Львове и на Волини штабов по подготовке вооруженного восстания. Также предлагалось в двухмесячный срок освоить территорию, чтобы иметь ясную картину о наличии повстанческих сил, вооружения, военнотехнического снаряжения. Было также принято решение усилить вербовку в организацию ОУН, активизировать пропаганду под лозунгом «Звільнення України».

Для осуществления этих задач ОУН с помощью германской разведки в пограничной полосе с Украиной создала специальные комитеты, которые занимались переброской курье-

ров и агентов Краковского провода на советскую территорию. Архивные документы показывают, что ОУН должна была обеспечить нацистское вооруженное вмешательство во внутренние дела СССР по тому же сценарию, который ранее был осуществлен этническими немцами в Судетской области. Одним из условий успеха гитлеровцы считали вооруженное выступление формирований местных ОУН на Западной Украине. *«Очаг пожара в украинских районах, — указывалось в одном из документов внешнеполитического ведомства Риббентропа, — дал бы Германии повод для военного вмешательства в крупных размерах».*

Во время действий Красной Армии на Западной Украине, а также в первые месяцы после воссоединения западных областей с Советской Украиной руководство Краковского провода ОУН дало указание своим подпольным звеньям не проявлять себя враждебно по отношению к Красной Армии, сохранять кадры, готовя их для будущих активных действий против Советов. Оуновцам также было предложено собирать оружие, используя распад польской армии.

Вначале оуновцы использовали тактику заигрывания с местными органами Советской власти. Эта тактика давала возможность оуновскому руководству внедрять своих активистов в органы местного самоуправления. Например, член Львовской исполнительной Луцкий сумел пробраться в аппарат одного из райисполкомов Станиславской области и даже добиться своего избрания депутатом в Народное собрание западных областей Украины. Но все-таки, опасаясь возможного разоблачения и ареста, он, по указанию своего руководства, в конце 1939 года бежал в Краков. Во время выборов в органы самоуправления в Западной Украине оуновцам удалось провести в их состав немало своих единомышленников. Когда советские органы власти спохватились и начали проводить «чистку», только по Станиславской области были выведены из состава органов самоуправления более 156 оуновцев.

Наряду с этим националисты вели активную пропагандистскую работу среди молодежи, стараясь привить у нее чувства ненависти к «москалям» и другим «чужакам». Бывший лидер бывшей Украинской республиканской партии Михайло Горынь в одном из своих интервью с гордостью рассказывал, что еще в детстве разучивал песню: «Породила ляха жаба, москаля — кобила, українця молодого мама чорнобрива». Откуда на Запад-

ной Украине взялась такая ненависть к иным народам, как не от оуновской пропаганды?..

При каждой националистической ячейке, начиная от крайнего провода, были созданы референтуры «юнацтва». Руководство ОУН требовало от «юнаков» вступать в комсомольские и другие молодежные организации. И в этом отношении оуновцы добились определенных результатов: в ряде сел западных областей Украины в комсомоле оказалось значительное количество националистов, а отдельные организации целиком состояли из ОУН-«юнаков».

Так, находившийся на нелегальном положении оуновец Федченко стал секретарем комсомольской организации с. Бышна Козовского района. Курьером между окружной экзекутивной и надрайонным проводом ОУН был член комсомольской организации Федор Гурай, и т. д.

Кроме того, в этот период оуновцы большое внимание уделяли пропагандным мероприятиям, распространению разного рода слухов среди местного населения, пытаясь вызвать у него недовольство инициативами властей. Например, органы власти предложили многим незанятым людям выезд на работу в угольных шахтах Донбасса. Оуновцы извратили этот акт и распространили слух о том, что всех будто бы отправят в ссылку в Сибирь и на Дальний Север.

Когда проходила подготовка к выборам в Народное собрание западных областей Украины, ОУН предпринимала меры к срыву выборов. В этих целях она, с одной стороны, развернула активную деятельность, выдвигая своих единомышленников кандидатами в депутаты Народного собрания; с другой стороны, проводила работу по компрометации альтернативных кандидатов в депутаты этого органа или запугивала их физической расправой.

Через некоторое время ОУН перешла к организации саботажа во всех основных сферах жизни — торговле, промышленности, сельском хозяйстве — и подстрекала местное население к выступлениям против властей, то есть к возникновению «малых очагов пожара».

Проникнув в торгующие организации, оуновцы срывали обеспечение населения продуктами питания и товарами первой необходимости. Например, только в Станиславе в первом квартале 1940 года по плану должны были завезти в торгую-

щие пункты круп — 200 тонн, а фактически было поставлено всего лишь 38 тонн; картофеля планировалось поставить 300 тон, было завезено 33 тонны; животного масла, вместо 10 тонн, завезено 1,2 тонны и т. д. А с сентября 1939 года в Станиславе и Станиславской области государственная торговля промышленными товарами вообще прекратилась. В то же самое время на базах госторга и обллегпрома лежали в большом количестве обувь, меховые изделия и другие товары. Подобное в торговле происходило и в других областях Западной Украины.

А примерно с июля 1940-го года начинается открытый саботаж ОУН против Советской власти. Так, по неполным данным, только за несколько месяцев оуновцами было совершено 30 террористических актов. К примеру, были убиты инструктор Стусивского райкома КП(б)У Тернопольской области Рыболовка, прокурор Монастырский района той же области Дорошенко и другие.

В июле 1940 года во Львове была брошена граната в кинозал во время демонстрации кинофильма. В результате взрыва ранены 28 человек...

В канун гитлеровской агрессии против Советского Союза террористическая деятельность оуновцев усилилась. По имеющимся неполным данным, только за май 1941 года на территории западной Украины было совершено 58 террористических актов, в результате которых убиты 57 и ранены 27 человек. Одновременно с этим оуновцы разбрасывали в ряде городов и населенных пунктов западной Украины значительное количество антисоветских националистических листовок, в которых призывали местное население к вооруженной борьбе против власти.

С присоединением к Украине западных территорий, принадлежавших ранее Польше, советское руководство получило как западноукраинекий пролетариат в качестве своего союзника, так и сильную, хорошо организованную оппозицию — оуновское подполье. Борьба с ним велась в предвоенные годы с ожесточением. Атмосфера в предвоенной Европе была накалена до предела, и советское руководство небезосновательно рассматривало ОУН в качестве потенциальной германской «пятой колонны».

До начала военных действий оуновское подполье, руководимое из-за рубежа, стремилось создать сеть своих первичных территориальных ячеек, организовать связь и снабжение

подпольщиков документами, оружием, боеприпасами и медикаментами. Близость советско-германской границы и возможность организации переходов через нее также способствовали активности оуновцев в западных районах УССР.

Опиралось националистическое подполье в основном на сельское население. Недаром в так называемой «майской директиве», подготовленной Бандерой и его ближайшим окружением, именно к сельскому населению был обращен призыв: *«Масу зрушити із засиджених місць. Села кинути на міста, де головні нерви ворожої влади, пропагуючи клич: «Селянська Україна здобуває міста і нищить ворогів!»*

Попытки властей накануне войны в патриархальных селах Галиции выстроить жизнь, подобную той, что была в городах восточных районов Украины, наткнулись на непонимание. Зачастую положение усугубляли непродуманные экономические и политические мероприятия новой власти. Каждый ее промах в полной мере использовался оуновскими агитаторами для раздувания ненависти к «москалям» и «жидам».

Стандартным методом «борьбы за построение Украинской Соборной Самостийной Державы» стали убийства не только присланных коммунистов и руководителей, но и тех местных, кто выказывал хоть малейшее сочувствие мероприятиям Советской власти. «Борцы за свободу» стреляли в окна хат, рубили из-за угла топорами активистов и «симпатиков москальских», стреляли из лесных зарослей в спины участковым и фин-агентам. Не щадили ни женщин, ни детей — облить керосином и сжечь заживо сельскую учительницу было проще простого. В действие приводился лозунг «Наша власть должна быть страшной»...

Когда профилактические мероприятия не дали результатов, власти решились на беспрецедентный шаг, приняв политическое решение о проведении выборочного выселения семей скрывавшихся в лесах бандитов. Это мероприятие провели весной 1941 года. Операция принесла результаты: активность бандитов снизилась, в ряде мест были зафиксированы выход оуновцев из леса и их добровольная сдача властям. В таких случаях их семьи освобождались от выселения. Но такие приемы не могли снискать популярности у местного населения, что также использовалось в оуновской пропаганде. В последние годы стал распространенным миф о миллионах депорти-

рованных селян Западной Украины. Но даже в своем тенденциозном «Выводе о деятельности ОУН-УПА» группа «историков» под руководством Кульчицкого указывает, что *«комісія експертів, яка за завданням Міністерства юстиції Польщі опрацювала російські архіви, дійшла висновку, що в 1940-1941 рр. з Західної України було депортовано не більше 192 тис. осіб, переважно прийшлих поляків-осадників і євреїв-біженців»*, а оппонент Кульчицкого, канадский ученый Виктор Полищук, в своей работе «Гора породила мышь. Бандеровскую» называет следующие цифры депортированных: поляков — 95 процентов, украинцев — 3 процента, евреев — 2 процента.

Опять же, до миллионов далеко... Ближе к началу реализации плана «Барбаросса» центральный провод ОУН по требованию немцев активизировал подрывную деятельность. Для ее руководства был создан «повстанческий штаб» при краковском проводе бандеровцев. Такие же штабы были организованы на территории Тернопольской и Станиславской областей.

В Берлине функционировала школа шпионажа, диверсий и террора для подготовки специальной агентуры из числа украинских националистов. На сопредельной стороне действовали десятки подготовительных пунктов. Разведкой советских погранвойск было выявлено на территории оккупированной немцами Польши 95 таких... В 1977 году в Мюнхене была опубликована статья Косановского, бывшего оуновца, о школе в польском городе Закопане. В статье говорится, что на протяжении 1934—1940 годов из оуновцев готовили повстанцев для засылки на территорию Украины. Косановский писал: *«Украинским комендантом этой школы был Николай Лебедь, начальником школы — немецкий офицер Крюгер. В школе было введено приветствие «Хайль Гитлер». Эта школа называлась «Украинская учебная сотня». После окончания этого заведения выпускники должны были работать на немецкую службу безопасности»*. Бывший курсант школы В. Кистев сообщил: *«На собрании в школе Лебедь объявил, что немцы ее переименовали в «СС-школу» и что выпускники будут использоваться для повстанческой работы на Западной Украине»*.

Мельниковцы активизировали свою работу в таких националистических организациях, как «Луги» и «Пласт», в которых они имели большое влияние. Из их состава готовили командные кадры для будущих «украинских войсковых формирова-

ний». На территории Галиции легально существовало до 100 различных звеньев организации «Луги». Перед германо-польской войной она насчитывала в своих рядах около 15 тысяч человек, сведенных в военизированные формирования. Из них руководство ОУН и отбирало потом кадры для террористической и диверсионной работы на землях Украины.

Накануне присоединения Западной Украины руководители ОУН, при участии «отца интегрального национализма» Дмитрия Донцова, создали в городе Львове весьма специфическую организацию под названием «Сила». Ее главари Клименко, Мурачевский и другие формировали группы террористов, занимались их подготовкой и переброской на территорию Украины для совершения террористических и диверсионных актов.

Именно из такого контингента различные немецкие спецорганы готовили свои украинские части. В Кракове нацистами был создан двухтысячный отряд «сечевых стрельцов». А в одном из документов ОУН сообщается: *«Шухевич Роман здесь в Кракове организовал и проводит обучение десяти тысяч наших людей, в том числе двух тысяч волынчан. Слава Украине!»*.

Бывший сотрудник абвера, фельдфебель Альфонс Паулюс, работавший накануне вторжения нацистов в Советский Союз на пункте абвера в Кракове, в подгруппе II (диверсии, восстания, террор), во время допроса 24-29 сентября 1945 года свидетельствовал: *«Начальником подгруппы II был подполковник Эрнст цу Айкерн, которому я и подчинялся... Через меня осуществлялась связь с мельниковцами и бандеровцами. Несколько раз я выезжал как инспектор учебных лагерей. В Кракове важнейшей задачей было использовать бандеровцев и мельниковцев в работе против России.*

Группы бандеровцев назывались именем их начальника. Для достижения своих целей они действовали совместно с немецкими войсками. Связь с ними осуществлялась II управлением абвера и краковским пунктом абвера, который по указанию Главного штаба вооруженных сил использовал бандеровцев на заданиях.

Сам Бандера находился в Берлине при Главном штабе вооруженных сил. Я его однажды видел в Кракове на совещании, а со временем сопровождал его при переводе в Берлин, где я передал его в абвер II Восток в августе 1941 года... Подполковник Эрнст цу Айкерн позднее сообщил мне, что Бандеру арестова-

ла СД, но потом его освободили и направили в ОКВ для дальнейшей совместной работы...

...Впервые мне довелось иметь дело с бандеровским отрядом в первый месяц моей работы в Кракове. Ко мне был направлен какой-то Фабер, который должен был ежемесячно получать деньги для бандеровцев. Для уточнения я спросил подполковника Айкерна, что это за люди и какое отношение они имеют к абверу. Мне было сказано, что бандеровские отряды работают по заданию абвера, предоставляют своих людей для выполнения отдельных заданий на территории Западной Украины и для охраны заводов в генерал-губернаторстве...

Фабер осуществлял связь между бандеровцами и пунктом абвера. Ежемесячная сумма составляла 5000 рублей, 10000 злотых, 4000 крон. Украинцы, подобранные Фабером, направлялись в учебные лагеря в Кринице, Дукле, Барвинске, Комаце. Эти лагеря маскировались под лагеря трудовой повинности. Для большей конспирации от польского населения людей, которых содержали в этих лагерях, часто выводили на работы по прокладке грунтовых дорог, выкорчевывания леса и для производства других работ...

Лагерь в Барвинске был наименьшим. Руководителем его был унтер-офицер Кирхнер. В этом лагере было 100-150 человек. Бандеровцев направляли в лагерь Дукла, Команец, Барвинск, а мельниковцев — в Криницу.

В этих лагерях обучение было исключительно пехотного порядка. После окончания обучения всех отпускали на предыдущее место работы. Неженатых отправляли на охрану заводов генерал-губернаторства, в подчинение абвера.

Особое обучение проходили украинцы из Западной Украины... Для них были организованы четырёхнедельные курсы абвера в Аленцее (Бранденбург). После этого их использовали на особых заданиях — по выявлению важных военных предприятий, для перехода через демаркационную линию и т.д. Если этих людей обеспечивали радиоаппаратами, то с этой целью они проходили ещё специальный курс радиодола в подгруппе абвера I. Переброской через демаркационную линию и сбором данных руководили резиденты пункта абвера подгруппы II Егер, Дюрр и Флейшер.

Переброска в основном происходила через Словакию и Венгрию.

В начале войны с Россией бандеровцы, которые обучались в лагерях, были направлены в Нойгаммер (Заган) и там приданы частям полка «Бранденбург». Таким образом, были созданы два отряда — «Нахтигаль» и «Роланд». Начальниками этих отрядов были обер-лейтенанты Герцнер и Оберлендер. Под Винницей оба отряда понесли громадные потери, вследствие чего были отозваны с фронта и расформированы.

Использование других бандеровцев поручалось подполковнику Айкерну и его заместителю капитану Лазареку. Оба они вели переговоры с представителями бандеровцев. Встречи осуществлялись на пункте абвера или на конспиративной квартире. Во время встреч обсуждались вопросы о местах и методах выполнения наших заданий. Сюда же поступали от Фабера списки людей, входивших в состав отрядов, направлявшихся на территорию России.

Для выполнения заданий по использованию бандеровцев было еще три резидента. Они находились на связи у подполковника Айкерна. Им следовало, прежде всего, поддерживать связи с отдельными бандеровскими группами и находить местность, пригодную для переброски людей...

Во время моей деятельности на пункте абвера в Кракове существовала еще одна группа, которая использовалась абвером, — это группа под руководством полковника Мельника. Она состояла главным образом из эмигрантов, которые с приходом русских бежали в Польшу. Её центр находился в Кракове, на Грюгенштрассе, 12. Эта группа для маскировки имела название «Комитет помощи украинцам». Она имела связь с эмигрантами в Праге, Вене и Берлине... Полковник Мельник был руководителем этой группы. Я его никогда не видел. Как рассказывал подполковник Эрнст цу Айкерт, Мельник жил в Берлине и был связан с ОКВ. Его заместителем и руководителем «Комитета помощи украинцам» в Кракове был подполковник Сушко. Он и его заместитель доктор Сулятицкий работали в тесном контакте с подполковником Эрнстом цу Айкерном и получали от него задания. Их люди проходили обучение в лагере в Кринице.

...После начала похода против России группа Мельника регулярно поставляла в пункт абвера переводчиков, которых передавали в войсковые части. Группа Мельника всегда работала по заданиям немцев...

После занятия Львова Сушко создал там филиал «Комитета помощи украинцам» и с того времени постоянно ездил из Кракова во Львов и назад. Филиал находился недалеко от помещения воеводства.

В Кракове главным связным между пунктом абвера и «Комитетом помощи украинцам» был украинец Кобзарь. Группа Мельника имела связь с управлением генерал-губернаторства через полковника Бизанца и правительственного советника д-ра Феля. Оба были в управлении руководителями отделов: заселения и обеспечения.

Встреча этих лиц с представителями группы происходила в помещении пункта абвера или на конспиративной квартире...

Кроме групп Бандеры и Мельника, пункт абвера, а также команда абвера 202 использовали украинскую православную церковь (имеется в виду УГКЦ — М. Б.). В учебных лагерях генерал-губернаторства проходили подготовку и священники украинской униатской церкви, которые принимали участие в выполнении наших заданий наряду с другими украинцами. Все это проводилось с согласия церкви. Подполковник Эрнст цу Айкерн однажды рассказал мне, что украинская униатская церковь стоит на стороне украинских националистов и придерживается их политической жизни.

Прибыв во Львов с командой 202-Б (подгруппа II), подполковник Айкерн установил контакт с митрополитом украинской униатской церкви. Митрополит граф Шептицкий, как сообщил мне Айкерн, был настроен пронемецки; он предоставил свой дом в распоряжение Айкерна для команды 202, хотя этот дом и не был конфискован немецкими воинскими властями. Резиденция митрополита находилась в монастыре во Львове. Вся команда снабжалась из запасов монастыря. Я короткое время был в монастыре, чтобы поговорить по военным делам с профессором д-ом Кохом и правительственным советником Фелем. Профессор д-р Кох сказал мне при этом, что Айкерн и митрополит советуются каждый день между собой и он бывает на этих совещаниях как переводчик.

Обедал митрополит, по обыкновению, вместе с Айкерном и его ближайшими сотрудниками. Позднее Айкерн как начальник команды и руководитель отдела ОСТ, приказал всем под-

чиненным ему отрядам устанавливать связи с церковью и всецело поддерживать её...

Ст. лейтенант Оберлендер до моего прибытия в Краков уже работал в подгруппе. Главным образом, он занимался вопросами, связанными с группами Бандеры и Мельника... вместе с обер-лейтенантом Гарцнером руководил на Украине работой по подготовке группы «Нахтигаль». Позднее, как мне известно, он руководил отрядом абвера на Востоке».

Выполняя задание нацистов, центральный провод ОУН в 1940 году перебросил нелегально через советскую государственную границу несколько своих эмиссаров на Львовщину, Станиславщину, Волынь и в другие районы Западной Украины. Большинство присланных было захвачено пограничниками и сотрудниками госбезопасности УССР, в их числе — член Краковского провода ОУН-б Владимир Гринев («Креминский»). На допросе 11 апреля 1940 года он показал: «Организация украинских националистов тесно сотрудничает с немецкой разведкой и выполняет ее задания. Всеми связями с гестапо на территории Польши, оккупированной немцами, руководит участник ОУН Ребет Левко («Лысый»). Он занимается вербовкой людей для шпионской работы, в первую очередь участников ОУН, которых забрасывает для выполнения шпионских заданий в СССР».

Другой оуновский эмиссар, Е. Стибайло, был направлен летом 1940 года во Львов с директивой, в которой Краковский провод требовал от всех звеньев ОУН, действовавших в Западной Украине, полностью переключить разведывательную работу на сбор информации для абвера, главным образом, военного характера. В директиве, в частности, говорится: «Направьте людей на Буковину, Бессарабию и Литву для разведки этих районов. Подготовьте точный отчет. Кроме того, дайте людей и связь в восточные области. Передавайте военные книги, карты, газеты, копии документов, политическую информацию об отношении к немцам».

Наряду с этим, оуновцы по заданию нацистов выбирали объекты для диверсий и места для высадки немецких диверсантов в советском тылу. «Руководители ОУН Лебедь, Стецько, Ленкавский, Кравцов и другие, — пишет член ОУН Богдан Степишин, — уже тогда знали, что Гитлер готовится к нападению на СССР.... Мы готовили топографические карты, на которых

в подробнейших деталях были обозначены места для высадки немецких десантов».

Для сбора разведывательной информации бандеровское подполье на западе Украины располагало разветвленной сетью шпионских звеньев. В аппарате центрального провода ОУН было создано специальное подразделение, возглавлявшее всю разведывательно-диверсионную работу. При львовской экзекутиве существовал разведывательный отдел. В каждом окружном и уездном проводах ОУН также были разведывательные подразделения. В состав районных проводов ОУН входили руководители разведки, каждый из которых имел на личной связи от пяти до 20 разведчиков. Эти руководители поддерживали непосредственную связь с окружными или уездными проводами ОУН, и перед ними отчитывались о выполненной работе. Разведчики не имели права поддерживать организационную связь с другими оуновцами.

Перечень объектов разведывательной деятельности оуновцев довольно обширен. Это, прежде всего, воинские части Красной Армии, расположенные на Западной Украине, их вооружение, дислокация, командный и личный состав, места жительства, военные объекты. Изучались возможности подхода проникновения в части с целью совершения диверсий. Интересовали разведку также органы НКВД, подходы к зданиям, в которых они размещались, данные об их руководителях и личном составе...

На разведорганы ОУН также были возложены функции проверки благонадежности оуновцев. Позже, после второго съезда ОУН, состоявшегося в 1941 году, эту задачу вменили в обязанности созданному при Краковском проводе ОУН отделу (референтуре) СБ (служба безопасности) и его низовым звеньям, которые фактически стали контрразведывательными подразделениями. В задачу этой службы также входило: выявление агентуры НКВД, изучение форм и методов работы чекистских органов, их обобщение с целью предупреждения провалов.

Сотрудники СБ допрашивали и пытали как оуновцев, так и местных жителей, заподозренных в связях с НКВД, а также совершали убийства активистов советской власти. Референтуры СБ, кроме центрального провода ОУН, были созданы при Львовской экзекутиве, в окружных, уездных, надрайонных и районных оуновских проводах.

В каждой кустовой ОУН был информатор СБ, который занимался сбором данных о передвижениях войск НКВД, о встречах оперативных работников с местными жителями. Эти данные передавались в СБ районного провода ОУН.

Разведывательный аппарат ОУН активно использовала германская разведка против Украины. О масштабах этого использования свидетельствуют такие цифры: из общего количества выявленной органами НКВД УССР в предвоенный период немецкой агентуры 30 процентов составляли оуновцы.

В мае 1940 года в Кракове был организован «Украинский центральный комитет» («УЦК»), во главе которого нацисты поставили В. Кубийовича. Одним из руководителей комитета стал дядя Романа Шухевича, Степан Шухевич. УЦК являлся профашистским объединением украинских националистов, оказывавшим гитлеровцам значительную помощь в подготовке войны против нашей страны. Для этого он создал разветвленную сеть периферийных пунктов, которые назывались «украинскими комитетами помощи». Они были расположены в приграничных с Украиной польских городах — Люблине, Закопане, Холме, Перемышле, Грубешеве и других.

Участники УЦК и его периферийных органов активно занимались профашистской пропагандой среди украинской эмиграции, строительством вдоль границы с УССР стратегических объектов вермахта, а также шпионской деятельностью. Так, бывший полковник абвера Альфред Бизанц на допросе в 1945 году показал: *«Украинский центральный комитет» был основным поставщиком разведывательной информации. Руководили этим комитетом агенты абвера — украинский националист доктор Кубийович и его заместитель Панькивский. Кроме того, 40 местными комитетами генерал-губернаторства, подчинявшимися Кубийовичу, руководили люди, которые поддерживали непосредственные агентурные контакты с местными отделами гестапо и абвера.*

А 22 июня 1941 года, в день нападения фашистской Германии на нашу страну, в оккупированном Кракове состоялся съезд «української політичної еміграції», созданный, по словам участников, с целью «усунення внутрішніх міжусобиць і об'єднання української еміграції». На этом съезде был создан еще один «репрезентативный» орган — «Украинский национальный комитет» (УНК), который в тот же день провел свое первое заседание. В протоколе значилось:

«2. Український національний комітет об'єднує представників усіх визнаних українських груп, приналежних до національного руху, а також усі професійні угруповання, що перебувають поза теренами Советської Росії...»

5. Український національний комітет, як результат об'єднання всіх українських національних груп, є єдиним і незалежним представництвом українського народу за кордоном...

7. На засіданні було вирішено вислати телеграмму вождеві Великонімецького рейху Адольфові Гітлерові...

8. Український національний комітет висловлює урядові Великої Німеччини через генерального губернатора міністра рейху д-ра Франка свої найсердечніші почуття і готовність до співробітництва в справі завоювання свободи України і встановлення нового порядку в самостійному державному житті України.

9. Український національний комітет виявляє готовність знищити більшовизм у всіх галузях...»

Накануне війни немці с допомогою обоих фракцій ОУН почали формувати так називані «українські армії» на території польського генерал-губернаторства с последующим использованием их для организации повстанческого движения на Западной Украине. Для координации работы и практического руководства при Краковском проводе ОУН был создан так называемый «повстанческий штаб». По заданию абвера оуновцы организовали аналогичные «штабы» и многочисленные повстанческие группы в Тернопольской, Станиславской и других областях. Основные усилия этих формирований были направлены на то, чтобы спровоцировать вооруженные выступления на Западной Украине и таким образом создать ситуацию, которая, по мнению немцев, могла бы по примеру Судетской области стать предлогом для вторжения в СССР.

Оуновцы сумели спровоцировать ряд вооруженных акций против органов власти и небольших гарнизонов советских войск. Так, в декабре 1939 года в городе Збараже и некоторых прилегающих к нему селах Тернопольской области оуновцы организовали вооруженное выступление. Его руководители планировали отдельными повстанческими группами захватить город Збараж, разоружить там местный гарнизон, войска НКВД, а затем распространить выступление на другие города Западной Украины.

Только в селе Кобылье активом местной ОУН была организована повстанческая группа числом около 400 человек. В селе Лубенки была сформирована другая группа, в составе более чем 100 участников. Обе эти группы двинулись на Збараж, но при подходе к нему были рассеяны милицией и войсками НКВД. *«Вооруженное выступление украинских националистов в Збараже, — заявили по горячим следам на конференции Тернопольской областной партийной организации, — было организовано по прямому заданию закордонного проводника ОУН».*

Такие же выступления были организованы и в других городах и населенных пунктах Западной Украины. Так, в январе 1940 года в городе Черткове Тернопольской области оуновцы совершили вооруженные нападения на ряд военных объектов и учреждений. В результате трое красноармейцев было убито и несколько ранено.

Вооруженные выступления готовились также в Копычевском, Бучачском, Залещицком районах Тернопольской области, Журавковском, Николаевском, Жидачевском и других районах Дрогобычской области. Однако и эти попытки были пресечены.

Для подготовки восстания на Западной Украине провод направил несколько доверенных лиц в оуновское подполье на советской территории. В их числе был член центрального проводка ОУН А. Луцкий («Богун»), который организовал подрывную работу на Станиславщине. Члены войсковой референтуры Краковского проводка Харкевич и Петречко для выполнения таких же заданий прибыли во Львов. Задержанный в январе 1945 года агент абвера и заместитель Шухевича по службе в 201 шцумашафтбатальоне А.Луцкий признал, что *«основным заданием, поставленным перед проводом, было подготовить до конца лета 1940 года по всей территории Западной Украины восстание против Советской власти. Мы провели срочную войсковую подготовку членов ОУН, собрали, сконцентрировали в одном месте оружие. Предусмотрели захват военно-стратегических объектов: почты, телеграфа. Составили так называемую «черную книгу» — список работников партийных и советских органов, местных активистов и работников НКВД, которых немедленно надо было уничтожить, когда начнется война... Если бы спровоцированное нами в Западной Украине восстание продолжилось хотя бы несколько дней, то к нам на помощь пришла бы Германия».*

Однако летом 1940 года по указанию Канариса подготовку вооруженного восстания прекратили, поскольку Германия еще не была готова к нападению на Советский Союз. Было принято решение использовать любые возможности сохранения кадров, вплоть до вывода их в Польшу путем вооруженного прорыва через советскую государственную границу. Организованные группы оуновцев неоднократно пытались прорваться на Запад. Так, 3 сентября 1940 года пограничники Рава-Русского погранотряда вели бой с вооруженной бандой националистов в количестве 10 человек; 7 октября того же года работниками госбезопасности и погранвойск в районе села Стоянов Радеховского района на Львовщине была ликвидирована банда в составе 32 человек, которая собиралась переходить через границу. В период с сентября 1940 года по февраль 1941 года пограничными войсками зарегистрировано 86 попыток вооруженного прорыва националистов через границу СССР.

В директиве командования пограничных войск Украинского округа от 28 ноября 1940 года отмечено: *«Организация украинских националистов» широко используется немецкой разведкой для прорыва в Германию или Венгрию; с мая по октябрь 1940 года пограничники уничтожили 38 банд численностью 486 человек, чем нанесли серьезный удар по националистическим организациям, их бандам. Уничтожено много гитлеровских агентов».*

С осени 1940 года националистическое подполье на территории Западной Украины усиленно собирало оружие, укрывая его в специальных районах. Только в одном из них, на участке Ломжанского погранотряда, пограничники обнаружили 5 станковых пулеметов, миномет, 25 винтовок, свыше 16 тысяч патронов. Подобные укрытия с оружием были найдены и во многих других приграничных районах.

В конце августа 1940 года в руки НКВД попал связной от краковского провода Т. Мельник, у которого нашли детальные военные инструкции для краевой экзекутивы. Изучив захваченные документы, следователи госбезопасности пришли к выводу о том, что ОУН готовит общее восстание на осень того же года. Их предположения подтвердились после задержания «инспектора» от бандеровского провода, который объезжал регион с проверкой боевой готовности низовых оуновских структур. Задержанный «Максим» во время допросов дал

развернутые показания о руководстве подполья и расшифровал найденные при нем записи, в которых указывались места расположения секретных составов с оружием и амуницией. Благодаря этому сотрудники НКВД раскрыли 96 националистических групп и низовых организаций, во время ликвидации которых были арестованы 1108 оуновцев. В ходе облавы энкаведисты захватили 2070 винтовок, 43 пулемета, 600 револьверов, 80 тысяч патронов и другое военное имущество.

Вот некоторые документы, представляющие накал борьбы в 1940—1941 годах на нашей западной границе.

Из циркуляра Народного комиссариата государственной безопасности УССР № А-1282
«Об усилении борьбы с националистическим подпольем в западных областях Украины»

10 апреля 1941 г.

Поступившие за последнее время в НКГБ УССР материалы свидетельствуют о том, что ОУН по заданию Краковско-го провода ведет на территории западных областей УССР усиленную работу по подготовке к вооруженному выступлению против Советского Союза, намеченному на весну 1941 г.

По имеющимся в УНКГБ Дрогобычской, Тернопольской и Ровенской областей данным, вооруженные выступления намечены на период между 20 апреля и 1 мая сего года.

В связи с этим деятельность оуновских организаций во всех областях значительно активизировалась; проводится усиленная вербовка и подготовка новых кадров, развернута работа по приобретению боеприпасов, санитарного имущества, отрабатываются мобилизационные планы, увеличилось количество террористических актов против советских и партийных работников, распространяются листовки и воззвания, призывающие население к вооруженной борьбе, и т.д.

Для руководства вооруженным выступлением на территорию СССР из-за кордона нелегально перебрасываются руководящие кадры ОУН с заданием возглавить вооруженное восстание.

Так, в селе В. Гнилицы Тернопольской области руководитель местной оуновской организации Процик Ярослав на инструктивном совещании участников организации заявил, что вооруженное выступление назначено на 22-25 апреля с.г. и пре-

дупредил присутствующих, чтобы они были на своих местах и готовились к этому выступлению.

Процик поставил в известность участников организации, что 16 апреля из-за кордона должны прибыть активные члены ОУН Савчук Ярослав и Гевко Иван, которые дадут дополнительные указания о подготовке к выступлению и проведут обучение партизанской войне, направленной на ослабление тыла и затруднение продвижения частей Красной Армии...

Арестованный активный оуновец Водвуд Иван в беседе с камерным источником сообщил последнему о том, что 20 апреля сего года оуновская организация готовит вооруженное восстание в западных областях УССР, но ожидает дополнительных указаний от руководства ОУН, которые будут даны в зависимости от выступления Германии.

Водвуд также сообщил, что организации ОУН получили ряд указаний от заграничного провода ОУН по подготовке продуктов и оружия, а также «Манифест», призывающий население к выступлению.

23 марта сего года источник УНКГБ по Дрогобычской области «Хмурый» представил полученное им для размножения от надрайонного руководителя Тебенко оуновское воззвание, призывающее население к вооруженному выступлению против Советской власти.

Аналогичное воззвание было найдено в Жидачевском районе Дрогобычской области.

Ведя подготовку к вооруженному выступлению, ОУН мобилизует все враждебные нам силы, устанавливает контакт с другими контрреволюционными украинскими и польскими националистическими организациями и остатками антисоветских политпартий...

Народный комиссар государственной безопасности УССР Мешик.

Докладная записка НКГБ УССР секретарю ЦК КП(б) Украины
Н. С. Хрущеву с предложениями по ликвидации базы ОУН
в западных областях Украины

Не ранее 15 апреля 1941 г.

...Материалы, добытые в процессе агентурной разработки и следствия по делам участников ОУН, в том числе воззва-

ния и листовки организации, свидетельствуют о том, что во время войны Германии с СССР роль «пятой колонны» немцев будет выполнять ОУН.

Эта «пятая колонна» может представить собой серьезную силу, так как она хорошо вооружена и пополняет свои склады путем переброски оружия из Германии.

Так называемый «Революционный провод ОУН», руководимый Степаном Бандерой, не дожидаясь войны, уже сейчас организует активное противодействие мероприятиям Советской власти и всячески терроризирует население западных областей Украины.

Об этом свидетельствует ряд известных Вам террористических актов против сельских активистов, работников милиции и советских работников.

Основную силу ОУН составляет ядро нелегалов, которых в настоящее время лишь в западных областях УССР учтено около 1000 человек.

Днем нелегалы скрываются в лесах, бродят по дорогам, вечерами являются в села и находят приют в домах кулаков, в семьях репрессированных и в своих собственных домах.

Население некоторых сел настолько терроризировано, что даже советски настроенные люди боятся выдавать нелегалов.

Например, террористический акт против председателя сельсовета села Лапшин Бережанского района Тернопольской области Ковара В. М. был совершен в его собственной хате двумя бандитами в присутствии шести соседей. Эти соседи не только не воспротивились убийству, но даже «не опознали» бандитов.

Председатель сельсовета с. Козивка того же района Тернопольской области Гороховский, будучи преследуемым бандитами, вбежал в хату своего родного брата, где и был зверски убит. Будучи запуган, брат Гороховского не выдал бандитов.

Изложенное выше вынуждает наряду с проводимой операцией по изъятию нелегалов и актива ОУН поставить вопрос о ликвидации базы ОУН — семей нелегалов, кулачества и семей репрессированных.

Считал бы целесообразным возбудить перед ЦК ВКП(б) и СНК СССР ходатайство о применении к перечисленным категориям лиц следующих санкций:

1. Распространить Закон об изменниках Родины на участников антисоветских вооруженных организаций, находящихся на нелегальном положении в западных областях УССР, Черновицкой и Измаильской областях УССР.

2. Семьи нелегалов согласно указанному закону репрессировать, имущество конфисковать.

3. Семьи арестованных оуновцев выселить в отдаленные места Советского Союза.

4. Учитывая, что основной базой ОУН является кулачество, произвести выселение кулаков в отдаленные области СССР, а имущество их передать колхозам.

Прошу Ваших указаний.

Нарком государственной безопасности УССР Мешик.

Из директивы НКВД СССР № 1254/Б народным комиссариатам внутренних дел и государственной безопасности Украины «Об усилении мероприятий по пресечению террористической деятельности подпольных оуновских организаций и ликвидации политического бандитизма в западных областях УССР»

29 апреля 1941 г.

За последнее время в западных областях УССР наблюдается активизация подпольных оуновских организаций, участники которых провели ряд террористических актов против сельского советского актива.

Предпринятые органами НКВД и НКГБ оперативные мероприятия сопровождались убийствами и ранением оперативных сотрудников. Это указывает на то, что операции по оуновцам готовились недостаточно продуманно, без должной тщательности.

ПРЕДЛАГАЮ:

1. Усилить проведение мероприятий, направленных к ликвидации политбандитизма, в частности по линии оуновцев.

2. Все мероприятия по преследованию и изъятию бандитов из числа оуновцев обязательно согласовывать с соответствующими органами НКГБ, оказывать последним всемерное содействие в проведении операций, выделяя в распоряжение органов НКГБ на операции необходимое количество работников милиции.

3. По запросам начальников органов НКГБ незамедлительно передавать в их распоряжение арестованных оуновцев, материалы следствия, агентурные сообщения и проч., учитывая, что задача разгрома оуновских организаций в первую очередь возложена на органы НКГБ...

Народный комиссар внутренних дел СССР Берия.

Из отчета о работе внешней разведки НКГБ СССР
за период с 1939 г. по апрель 1941 г.

Апрель 1941 г.

...Агентурными материалами, поступившими в течение 1939—1941 гг., установлено, что:

1) На территории Генерал-губернаторства активизировалась деятельность украинских эмигрантских организаций, политическое руководство в отношении которых осуществляет ОУН, используя их в разведывательных целях по заданиям германской разведки.

2) Все шпионские сведения по СССР передаются германской разведке, оказывающей техническое содействие ОУН при переброске ее агентуры в СССР. На границе СССР с Генерал-губернаторством созданы переправочные пункты для переброски немецком агентуры в Союз.

3) Под руководством ОУН из украинцев на территории Генерал-губернаторства создаются формирования военного типа, так называемые сотни и отряды «сечевых стрельцов». «Сечевые стрельцы» должны будут составить основной костяк будущей Украинской армии.

4) Немецкие власти предоставляют украинским организациям денежные средства, помещения для клубов, театров, бывшие польские костелы.

5) В Генерал-губернаторстве, протекторате Чехия и Моравия и в Словакии создаются школы старшин, подстаршин, летчиков, танкистов, шоферов, полицейских, разведчиков и диверсантов. Комплектованием этих школ руководят штаб ОУН и немецкие военные власти.

6) Руководство ОУН засылает специальных эмиссаров на территорию западных областей УССР с заданиями по организации нелегальных диверсионных и повстанческих центров и отдельных групп в целях подготовки свержения Советской власти путем вооруженного восстания.

Идея создания «самостийной» Украины путем отторжения ее от СССР продолжает немцами усиленно культивироваться и поощряться...

Из ориентировки НКГБ УССР № А-1760
«О подрывной деятельности украинских буржуазных националистов и мерах по усилению борьбы с оуновским подпольем»

31 мая 1941 г.

...Агентурными материалами и рядом следственных дел, имеющих во всех управлениях НКГБ западных областей, устанавливается, что как мельниковцы, так и бандеровцы работают в тесном контакте с германской разведкой и создание так называемой «великой соборной Украины» мыслят себе не иначе, как с помощью немцев.

Разница между мельниковцами и бандеровцами в этой части заключается только в том, что мельниковцы считают целесообразным сохранить силы и кадры «Организации украинских националистов» до того момента, когда Германия начнет войну против СССР, с тем чтобы во время этой войны выступить против Советского Союза и с помощью немцев создать «самостоятельное украинское государство» под протекторатом Германии.

Бандеровцы же считают целесообразным помогать немцам уже в настоящее время путем саботажа мероприятий Советской власти, активной шпионской работой, диверсионной деятельностью и организацией терактов, которые, по их расчетам, должны деморализовать население западных областей УССР.

Мельниковцы открыто поддерживают связи с гестапо. Немцы сами переправляют эмиссаров Мельника на нашу сторону.

Бандеровцы же не разрешают своим членам, помимо провода, связываться с немцами. Все разведанные и задания диверсантам, шпионам и террористам, перебрасываемым на нашу сторону, немцы передают через бандеровский провод.

Немцы, в отличие от мельниковцев, не перебрасывают бандеровцев на нашу территорию, а лишь открывают для них границу в заранее обусловленном месте.

Необходимо указать, что низовка ОУН и некоторая часть среднего руководящего звена не знают о шпионской деятельности Бандеры и Мельника, не знают, что по существу работают на немцев.

Имеющиеся в НКГБ УССР данные свидетельствуют о том, что и внутри Советского Союза за последнее время начинается раскол ОУН.

Объясняется это, с одной стороны, работой мельниковцев, а с другой стороны — проведенной за последнее время операцией по изъятию актива и руководящего состава организации и выселению семей нелегалов.

Некоторые крупные националисты заявляют, что НКГБ за последнее время нанес чувствительные удары ОУН, и обвиняют в этом тактику бандеровцев, которая вызвала со стороны Советской власти массовые репрессии против ОУН.

Это веяние, исходящее от националистов «старой генерации», постепенно начинает проникать в среду организаций, находящихся под влиянием Бандеры.

Подтверждением изложенного выше обстоятельства является, в частности, тот факт, что за последнее время многие нелегалы, представляющие собой основную базу организации, убедившись в бесполезности борьбы с Советской властью, являются с повинной. За короткое время, прошедшее с момента последней операции по выселению семей нелегалов, в западных областях УССР явились с повинной 252 нелегала.

Изложенное выше подтверждает наш первоначальный тезис о наличии благоприятных условий для глубокой агентурной работы в ОУН.

Однако произведенной лично мною проверкой оперативных планов областных управлений НКГБ по разработке и ликвидации оуновского подполья установлено, что уровень нашей работы по этой линии не стоит на должной высоте.

Составленный НКГБ УССР и утвержденный народным комиссаром госбезопасности СССР план оперативных мероприятий по линии ОУН ставит перед чекистами западных областей три основные задачи:

1. Оперативная ликвидация руководящего состава и актива ОУН.

2. Глубокая разработка руководящих оуновских центров и внедрение в эти центры наших проверенных источников.

3. *Перехват в свои руки руководства отдельными организациями ОУН и в частности краевой исполнительной ОУН с тем, чтобы таким образом парализовать активную работу этой организации...*

Народный комиссар госбезопасности УССР Мешик.

«Правящая каста должна составлять особую группу»

Украинское националистическое движение возникло после поражения Западноукраинской Народной Республики (ЗУНР) в войне с Польшей в 1918—1919 годах. Возникновению движения способствовали также зарождение фашизма в Западной Европе — и тот факт, что именно там после 1920 года находилось много украинских политических эмигрантов. Движение окончательно оформилось в 1929 году на I конгрессе украинских националистов в Вене, когда произошло соединение действовавших на западе Европы, а также в Галичине украинских организаций фашистского толка и Организации украинских националистов (ОУН).

В 1940 году ОУН раскололась на сторонников Андрея Мельника (ОУН-м, мельниковцы) и Степана Бандеры (ОУН-б, бандеровцы). Причины раскола сводились к расхождению взглядов на тактику действий и к борьбе за лидерство. В 1954 году от ОУН-б отделилась часть ее членов, которые образовали ОУН за границей (ОУН-з), называемую также «двійкарями». Сегодня в Украине ОУН-м действует как легально зарегистрированная, а ОУН-б выступает под именем «Конгресса украинских националистов» (КУН). ОУН-з оказывает влияние через своих членов на украинские университеты, ее агенты становятся советниками властных структур.

Эти организации, а также УРП, «Собор», «Свобода» и другие, словно в насмешку, называющие себя демократическими партиями, руководствуются в своей деятельности идеологией, почерпнутой из доктрины Дмитрия Донцова, и стремятся к цели, намеченной ОУН еще в 1929 году.

На I Конгрессе ОУН в 1929 году в Вене (называемом порою I Великим Сбором Украинских Националистов, ВСУН) были приняты постановления и воззвания, содержавшие программу ОУН. Вот ее суть: *«В украинском народе окончательно сложился идеал Независимого Соборного Украинского Государства*

(...) *Этот идеал представляет собой фундамент нового украинского мировоззрения и нового творческого деяния — фундамент украинского национализма*. Под понятием «соборное» ОУН понимает такое украинское государство, которое включает в себя все украинские этнические территории, т. е. земли, где расселились за много столетий украинцы. Таким образом, Украина, согласно мнению ОУН, имеет территориальные претензии к соседям — Польше, России и др.

Документы 1929 года также наметили путь к построению «соборного» государства: *«Только полное устранение всех оккупантов с украинских земель создаст возможности для широкого развития Украинской Нации (...) Отвергая ориентацию на исторических врагов Украинской Нации, но оставаясь в союзе с народами, которые враждебно относятся к оккупантам Украины, национальная диктатура, которая возникнет в ходе национальной революции, обеспечит в тяжёлый период борьбы силу Украинского государства»*.

П. Коваль, украинский националистический деятель, в 1942 году в Киеве опубликовал статью «Украина — какой она была, какая есть и какая будет». Там сказано следующее: *«Охватит она земли от Волги до Карпат, от гор Кавказа и Чёрного моря до истоков Днепра, занимая пространство в 1.000.000 кв. километров. Будет она решающим фактором в восточных проблемах, которые будут касаться России, прибалтийских стран, Польши, Кавказа, черноморских государств, а также путей в Африку и Индию через Босфор и Дарданеллы. (...) Украина для украинцев! Это будет Великое Соборное Национальное Государство»*.

Создателем идеологии украинского национализма был Дмитрий Донцов, который сформулировал ее в своей работе «Национализм» (1926 г.).

Сегодня ищут, что Донцов «выступал против любого иностранного вмешательства в дела украинского народа». Но все обстояло с точностью до наоборот. В своих «Підставах нашої політики» он писал: *«Среди всех империализмов можем служить тому, который будет нам полезен»*. Кстати, другой «идол» современных националистов, Симон Петлюра, в плане иностранного вмешательства был вполне солидарен с Донцовым. Он писал: *«Треба знайти... серед впливових міжнародних чинників такі, яких би можна було заінтересувати ідеєю української дер-*

жавності та які мали б реальну вигоду від цього для себе, чи то політичну, чи матеріальну».

О Донцове Вацлав (Вячеслав) Липинский, бывший с ним некоторое время «побратимом» по службе у гетмана Скоропадского, написал: *«Син одного з московських колоністів у Новоросії зрадив своїх заможних батьків, став соціальним революціонером. Потім зрадив московських революціонерів і пішов до українських есдеків, прийняв кличку «Іржавий Цвях». Потім зрадив есдеків і з невідомих причин переїхав до Австрії, де в 1913 р. став крикливим самостійником, знищуючи при цьому самостійність всіх, крім своєї власної. На початку війни зрадив самостійницьку організацію «Союз визволення України», перейшов на службу до Василька і пропагував приєднання України до Австрії. Потім зрадив Василька. Потім зрадив Австрію. Скориставшись революційною завірюхою, перекинувся до гетьманців, став начальником пресбюро, у якому не займався нічим, окрім інтриг. Потім найпідлішим чином зрадив гетьмана, написав на нього пасквіль, за який дістав вигідну посаду в швейцарській місії Директорії, де займався в основному інтригами проти своїх товаришів. Коли фонди Директорії були вичерпані, Митько Щелкопоров написав книжку «Підстави нашої політики». В ній він виматюкав і гетьмана, і Директорію і почав вихвалити орієнтацію на Польщу. Тоді дістав польську візу і виїхав до Галичини».*

Во Львові Донцов став видавати «Літературно-науковий вісник» (со временем «Вісник»), а также редактировать журнал «Заграда». В это время из-под пера Донцова выходят или отдельными книгами, или в виде приложения к журналу «Вісник» биографические издания «Муссоліні», «А. Гітлер», «Вогнистий хрест (полковник де ля Рок)», «Франко — іспанський каудільо», «Володар» (апологія маккиавелізма). Донцов переводит на український язык «Майн Кампф», а в 1926 году и сам пишет нечто подобное — работу «Национализм», ставшую культовой в среде украинских националистов. Его идеи сильно напоминают социал-дарвинизм. По Донцову, общество — это хаос, в котором непрерывно происходит борьба за существование и между людьми, и между нациями. Положение и тех, и других определяется тем, насколько они сильные, волевые, инициативные и жестокие. Но лучше обратимся к первоисточнику.

Исходя из принципов социального дарвинизма, Донцов утверждает, что «нация является видом в природе». Как вид в природе, нация существует в постоянной борьбе с другими нациями за жизнь и пространство. *«У здоровых видов (наций) — фактор воли ничем не ограничен. Подтверждение права на жизнь, продолжение рода имеет для них аксиоматический характер и опережает все иное. Это вечное иррациональное право нации на жизнь превышает всего земного, феноменального, рационального; выше жизни данной личности, крови и смерти тысяч, выше благосостояния данного поколения, выше абстрактного умственного расчета, выше общечеловеческой этики, выше воображаемого понятия добра и зла».*

Донцов утверждает, что существуют «нации-завоеватели, которое творят историю. (...) Главной целью наций-завоевателей является царствование, устройство жизни согласно собственным представлениям, невзирая на то, сколько усилий народа понадобится в это вложить, не считаясь со связанными с этим жертвами». Далее он пишет: *«То, что мы называем выносливостью в борьбе за существование, просто монополия сильного, она означает уничтожение слабого. (...) Тот же процесс, какой мы наблюдаем в органическом мире, мы видим также в отношениях между высшими и низшими расами людей. (...) Право природы — это право силы».*

Донцов пишет: *«Стремление к жизни и власти превращается в стремление к войне. (...) Стремление к войне между нациями вечно. Война вечна. (...) Международная жизнь построена на борьбе, на постоянном движении, которое сменяет мир на войну и войну на мир. (...) Война существует между видами, а из-за этого между людьми, народами, нациями и т. д.»*

Далее он призывает: *«Будьте агрессорами и захватчиками, прежде чем сможете стать властителями и обладателями. (...) Общечеловеческой правды не существует».*

Но если кто-то думает, что отвоевавшая себе «шмат» чужих территорий Украина будет жить большой дружной семьей, тот глубоко ошибается. Согласно доктрине «Митька», нация иерархически поделена на касты. Иерархическую структуру возглавляет инициативное меньшинство. Его Донцов называет «аристократией», «орденом», тогда как остальную часть народа (нации), по его мнению, составляет «масса». А «массу» украинской нации Донцов часто называл «толпой», «плебсом», «уп-

ряжным скотом», «*который шел туда, куда ему было указано, и выполнял то, в чём заключалось его задание*». Сравните: однажды Юлия Тимошенко назвала народ «биомассой»...

Согласно Донцову, нацию должна представлять не «трудо-вая интеллигенция», не «класс крестьян», не «монопартия», а особый слой «лучших людей», задачей которых является применение «творческого насилия» над «массой». Этим инициативным меньшинством в практике украинского националистического движения была и остается Организация украинских националистов. Донцов называл ее орденом, говоря: «*Будучи своего рода «штурмовой бригадой», отрядом избранных, орден должен лепить своих членов из особого теста. Он фильтрует их более тщательно, нежели это делают со своими членами партии, в которые можно вступить и выйти, как из кабака, когда кто вздумает, даже не заплатив по счёту*».

Донцов утверждал: «*Правящая каста (...) должна составлять особую группу, вылепленную, во-первых, из другой глины, выкованную из другого металла, нежели покорная, равнодушная, неустойчивая масса. (...) Эта каста должна демонстрировать совершенно особые свойства духа и души; принадлежащий к этой касте член не знает ни милосердия, ни человечности в отношении личности, руководствуется исключительно пламенной жадой сохранения целостности. Такому человеку свойственна нетерпимость ко всему, что противоречит идеалу, ибо нельзя быть апостолом, не испытывая желания решительно расправиться с кем-либо или что-то разрушить*».

Во главе «ордена» и всей нации Донцов ставит «вождя» с неограниченной властью.

Инженер Сциборский развил идеологическое «наследие» Донцова в «Конституцию ОУН», предназначенную для самостоятельной Украины. Артикулом 3 вводится фюрер-принцип: «*Вся повнота влади в Українській Державі належить Українській Нації. Цю владу Українська Нація здійснює через Голову Держави — Вождя Нації, що уособлює її суверенітет і єдність*».

В свете сегодняшних потуг руководства страны, пытающегося вести себя сообразно учению о «фюрерстве», представляет особый интерес третий раздел: «ГОЛОВА ДЕРЖАВИ—ВОЖДЬ НАЦІЇ». Вот артикул 6: «*В руках Голови Держави спочиває вся повнота верховної влади Української Держави, за здійснення якої він відповідає перед Богом, Нацією і власним сумлінням*».

Свою владу виконує Голова Держави через відповідальний перед ним Державний Уряд, на чолі якого він стоїть особисто.

Голова Держави має вищий догляд над чинністю законодавчих, виконавчих і судових органів Держави».

Обратим внимание, что последняя часть этого артикула — глава государства (он же вождь нации) стоит над законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти — совсем недавно была у нас реализована. «Гарант конституции» четырежды незаконно разогнал Верховную Раду, фактически ликвидировал Конституционный Суд; подмята судебная ветвь власти.

А вот еще о том же... «Артикул 7. Голова Держави скликає, відкриває, замикає і розв'язує Державний Соїм та Верховну Раду Національної Праці»... «Соїм» — это что-то типа парламента, который, по замыслу идеологов ОУН, глава государства сам, по своему усмотрению, мог открывать-распускать.

Насчет правительства то же самое: «Артикул 8. Голова Держави іменує й звільняє членів Державного Уряду».

Сам Донцов «Вождя» наделял неограниченной властью, говоря, что «не является пороком предводителя, если порою он будет вынужден спустить гнилую кровь (...) чтобы заставить разбушевавшуюся стихию смиренно склонить голову».

II Великий Сбор Украинских Националистов (ВСУН), который состоялся в Риме 27 августа 1939 года, в принятом постановлении подтвердил: «Председатель ПУН (Проводу Українських Націоналістів — М. Б.), как предводитель и представитель освободительной борьбы Украинской Нации, является ее Вождем».

Для того чтобы стать нацией-«добытчиком», у Донцова (и ОУН) есть свой рецепт: «В такие переломные моменты (...) основная задача: не допустить разложения общества, не допустить, чтобы ядовитые бактерии (демократии — М. Б.) прогрызли его. Необходимо цементировать его снова в цельный, мощный и устойчивый ударный организм огромной силы (...) безжалостно расправляясь с сомневающимися».

Донцов сформулировал задачу постоянного развития нации, в частности, принцип неограниченного расширения ее территории путем неустанной борьбы с другими нациями за пространство (главным образом, с соседями). Силой, ориентирующей нацию в этом направлении, является инициативное меньшинство, применяющее в отношении якобы пассивной

массы народа «творческое насилие». Инициативное меньшинство, в данном конкретном случае — организованное украинское националистическое движение в облике ОУН, побуждает нацию к действию. Но и само инициативное меньшинство поворачивается неким основным силам.

Прежде всего, по Донцову, это — воля, понимаемая, как ничем не ограниченное желание. *«Воля — это стремление, вечная неустанная гонка, которая может удовлетворяться лишь на миг, чтобы затем снова устремляться вперёд. Это стремление абстрактно, иррационально, оно представляет счастье само в себе, в нём заключена человеческая жизнь, и только в нём, в переходе от желания к удовлетворению, а от него снова к новому желанию. (...) В этой жажде жизни, экспансии, борьбы и заключается существо жизни, а не в его результатах; в слепом динамизме, который не имеет ни названия, ни облика. (...) Главным двигателем действия является слепая деятельность. (...) Мотивы приходят потом».*

Затем, всем сущим движет сила. Донцов говорит, что *«сила в истории является единственным критерием значения. (...) Сильнейший всегда прав».* Он учил: *«Теория Дарвина объясняет прогресс победой сильного над слабым в неустанной борьбе за существование. (...) Падающего следует ещё и подтолкнуть. (...) Слабый должен погибнуть, чтобы мог выжить сильнейший».*

Следующий, необходимый для успешного развития украинского государства, принцип — насилие. Эта движущая сила украинского национализма играет роль не только вне, но и внутри нации. Донцов писал: *«Без насилия и железной беспощадности ничего в истории не было создано. (...) Насилие, железная беспощадность и война — вот методы, при помощи которых избранные народы шли путем прогресса. (...) Насилие — это единственный способ, остающийся в распоряжении (...) народов, оскотинившихся благодаря гуманизму. (...) Никакие принципы не могут воспрепятствовать тому, чтобы слабый уступил насилию сильного. (...) Поэтому только обыватели могут абсолютно отвергать и морально осуждать войны, убийства, насилие, — обыватели, а также люди с отмершим инстинктом жизни».*

Говоря о консолидации нации, Донцов писал: *«Никакое механическое соглашение ничего не даст, а только увеличит ма-*

разм и разложение. (...) Обязательно должно произойти столкновение, должны появиться носители новой, объединяющей, привносящей дисциплину идеи, должна появиться их целая группа, чтобы увлечь одних, увести других и — убрать третьих. Других путей сплочения не существует».

Еще одна движущая сила украинского национализма — экспансия. Донцов говорит о ней: *«Жажда величия своей страны равнозначна жажде упадка своим соседям. (...) От экспансии своей страны отрекается только тот, у кого полностью отмерло чувство патриотизма. (...) Ибо овладение — это, прежде всего, жажда покорения».*

Для воспитания настоящего украинца необходим также расизм. По Донцову, украинский народ является избранным. Он пишет, что украинцы *«созданы из той глины, из какой Господь создает избранные народы».* Фанатизм, беспощадность и ненависть также играют в украинском национализме огромную роль. *«Непоколебимая вера в лозунги, которые провозглашает фанатик (...) глубокая ненависть ко всему, что является препятствием (...) вот гамма чувств, которые обуревают каждого революционера, фанатика».* В разработанном на основе идей Дмитрия Донцова Степаном Ленкавским «Декалоге украинского националиста» говорится: *«Ненавистью и обманом ты будешь встречать врага твоей Нации».*

Донцов также утверждал, что *«борьбе за существование чуждо моральное понятие справедливости. (...) Хорошо всё, что укрепляет силу, способность и полноту жизни данного вида; плохо же то, что его ослабляет».*

К движущим силам украинского национализма следует отнести и его стратегическую цель, а также определение врага. Донцов писал: *«Украинская идея состоит из двух частей: из ясно определённой цели и образа идеала, к которому она стремится. (...) Украинская идея желает вступить в борьбу с другими за властвование, идеалом является экспансия».*

Развивая идеи Донцова, Николай Сциборский писал: *«Украинский национализм стремится к созданию мощного и крупного государства. (...) В этом стремлении он руководствуется прежде всего принципами здоровой, эгоистичной народной морали, которая не ограничена никакими «принципиальными» условиями; исключительность национального интереса для него превыше любой «общечеловеческой доктрины».*

Описанный здесь украинский национализм в западной литературе характеризуется как интегральный (всеобъемлющий), следовательно — как национализм фашистского типа, который не признаёт политического плюрализма.

Сегодня многие и на Востоке, и на Западе задаются вопросом: на самом ли деле партии, выросшие из шинели фашистской ОУН, изменили свои программы, перешли на путь демократии? Ни одна из современных националистических партий не предприняла никаких шагов, чтобы осудить или отмежеваться от действий своих предшественников. Наоборот, все они прославляют действия украинского националистического движения от момента его возникновения, включая преступления периода нацистской оккупации; героизируют членов военных и полувоенных структур виновных в геноциде. Более того, сегодня труды Донцова, Михновского, Сциборского характеризуются в школах как учения, сформировавшие настоящих патриотов и защитников Украины.

«Профессор Мориарти» националистического движения

Как известно, судьбу Галичины решил верховный совет Антанты, 19 ноября 1919 года утвердивший устав, согласно которому Галичина была отдана Польше. Но Шептицкий в это тяжелое время не остался со своей паствой. Он направил свои стопы в Ватикан. Сегодня, описывая этот вояж, националисты велеречиво рассказывают, как перед папой и королем Италии в Риме, перед президентом Мильераном, Пуанкаре и маршалом Фошем в Париже, перед бельгийским кардиналом Мерсье в Брюсселе, перед руководством США владыка Андрей страстно отстаивал независимость Галичины. Увы, вместо этого он только осуществлял политику Ватикана и стран Антанты. А для них Галичина была всего лишь стратегическим плацдармом для наступления на Советский Союз...

Германские военные круги обратились к французскому правительству с предложением создать объединенную франко-немецкую армию — специально для уничтожения Советского государства. Во главе этой армии предлагалось поставить маршала Фоша и генерала Людендорфа. А Шептицкий сообщил будущим «завоевателям», что в Украине существуют

«патриотические силы», которые в нужный момент поддержат вторжение, и что руководит ими единый центр, «генеральный повстанческий штаб» во Львове. (Имелся в виду штаб под руководством Тютюнника, фактически подчиненный польской разведке и УВО Коновальца).

После провала похода Тютюнника Шептицкий направил свои стопы в США — для встречи с президентом Гардингом и госсекретарем Юзом. Им за поддержку владыка обещал сказочные прибыли на Украине... Встречался он также с Гербертом Гувером, который в 1919 году возглавлял «Американскую администрацию помощи» (АРА), под крышей благотворительности занимавшейся шпионажем. О том, как Шептицкий с Гувером «защищали» Галичину, 24 декабря 1921 года написала газета «Наша правда»: *«До кого ж тоді звертався Шептицький, до кого йшов на побачення і в кого шукав оборони від польських панів? Митрополит Шептицький пішов на побачення до найлютіших ворогів робочого люду, до тих, що будують кораблі і готуються до війни, до тих, що підтримували Польщу в її війнах проти галицьких масс, до тих, що пхали ті маси на боротьбу з робітниками й селянами України і Росії, до тих, що закували Галичину в кайдани економічної і національної неволі...»*

Дальше путь Шептицкого пролег через Бразилию в Канаду, где он со своим резидентом (и по совместительству агентом английской разведки), епископом Никитой Будкой, провозглашал речи о «сатанинской власти советов», которая совсем скоро будет свергнута наступлением «цивилизованных народов». При этом владыка не забывал призывать «жертвовать на святое дело». Интересный факт: на аудиенции у бразильского президента на вопрос, считает ли митрополит, что Галичина будет независимым государством, тот ответил: «Нет, такого государства не будет». При этом конфиденциально добавил, что Галичина — это земля, исторически принадлежащая Польше. Об этом следовало бы помнить сегодняшним воспевателям Шептицкого...

Изучая настроения галичан, Шептицкий убедился, что прямые антисоветские акции не приносят особого успеха. Поэтому он решил пойти круглым путем. В 1925 году им была создана «Українська християнська організація» (УХО). Она декларировала свою аполитичность, но одновременно провозгласила «перевоспитание украинского гражданина в духе борьбы с сектантством и большевизмом». Ватикан благословил эту инициа-

тиву, а польское правительство даже разрешило открыть издательство «Библиотека УХО» и издавать газету «Нова зоря».

Через несколько лет в Польше Пилсудского, и не в последнюю очередь благодаря террору украинских националистических организаций, начинается жестокая политика «пацификации». А что же митрополит Шептицкий? Газета «Нова зоря» публикует его верноподданническое обращение: *«Підкреслюємо з притиском, що ми за найтяжчих обставин для нашого народу в цій державі ніколи не бажали і тепер не бажаємо собі відірвання від Польщі з метою приєднання до більшовицької держави»...*

Разрабатывая планы борьбы против Советского Союза, папа Пий XI создал «Комиссию про Руссия», в работе которой самое активное участие принимал Шептицкий. Чтобы создать специальное учреждение, которое бы готовило кадры для подрыва большевистской России, иезуит д'Эрбиньи объехал Европу и Америку — собирал средства. Почти половину этих средств пожертвовала американская фашистская католическая организация «Рыцари Колумба». И вот, в 1929 году был торжественно открыт институт, который назвали «Руссикум». Но еще за год до этого Шептицкий основал во Львове «Украинскую богословскую академию», которую возглавил Иосиф Слепой. Кроме того, появилась семинария Иосафата Кунцевича, где проходили обучение боевики УВО-ОУН. Наиболее способных из них впоследствии принимали в «Руссикум».

Желание финансировать «Руссикум» проявил британский нефтяной магнат Генри Детердинг, который во времена Российской империи владел почти всеми нефтепромыслами России. Именно он оплатил подготовку интервенции в СССР по плану генерала Гофмана. Незадолго до этой провальной акции, в номере от 5 января 1926 года, газета «Морнинг пост» поместила письмо магната, в котором он обещал: *«Через несколько месяцев Россия вернется к цивилизации (т. е., Детердингу вернут бакинские нефтепромыслы — М. Б.), но с новым, лучшим правительством, чем царское... С большевизмом в России будет покончено еще в текущем году, а как только это случится, Россия... откроет свои границы для всех».* Тогда не вышло. Но именно Детердинг, используя свое влияние, поспособствовал разрыву дипломатических и торговых отношений между Великобританией и СССР.

В 1929 году в Германии была накрыта банда фальшивомонетчиков, которая фабриковала советские червонцы. «Экономическая газета» со ссылкой на агентство «Вольф» сообщила, что во Франкфурте-на-Майне были обнаружены фальшивые деньги, отпечатанные в небольшой типографии. Это были купюры достоинством от 1 до 10 червонцев. Кроме этой типографии, фальшивые банковские билеты печатались в Будапештском военном картографическом институте и в мюнхенской типографии Шнейдера. Немецкая пресса приводила сведения о предполагаемом выпуске фальшивых банковских билетов на сумму 50 миллионов рублей. Причем, разрабатывалась не только техника массового изготовления фальшивок, но и методы их внедрения в денежный оборот России. Предполагалось распространение фальшивых червонцев во многих регионах Европы, включая Балканы и Турцию. Все вскрытые по делу о фальшивомонетчиках факты показали: идет подготовка международной финансовой диверсии, направленной на подрыв российской экономики. Следствие по делу международной организации фальшивомонетчиков продолжалось в течение двух лет. Оно проводилось немецкими юристами при участии представителей следственных органов России, Франции и Португалии. Со стороны обвинения по делу было привлечено более сорока свидетелей, а следственные материалы составили 30 томов. Виновным ввиду того, что они совершали это тяжкое преступление с «благой целью» — обрушить экономику «красной» России, присудили очень мягкие сроки. Берлинский суд не вынес никаких частных определений в отношении лиц или организаций, финансировавших эту преступную акцию. Однако дотошные журналисты докопались до истины — и установили, что средства выделялись доверенным лицом Детердинга и что фамилию последнего не упоминали на берлинском процессе по договоренности между английскими и немецкими дипломатическими кругами.

После этого, естественно, у сэра Генри Детердинга появились «свободные» 20 миллионов долларов — на поддержку призыва папы начать «крестовый поход» против СССР. Символично, что первым днем «молитвенного крестового похода против безбожной России» был выбран день рождения Пилсудского — 19 марта 1930 года.

А перед Шептицким Ватикан поставил задание — создать украинскую католическую партию. И в октябре 1930 года была организована «Украинская католическая народная партия» (УКНП). Тогда же появился и «Украинский католический союз». Именно в печатном органе новой партии — газете «Мета» — 17 апреля 1932 года было напечатано: *«Український націоналізм мусить бути приготований на всякі засоби боротьби з комунізмом, не виключаючи масової фізичної екстермінації, хоч би й жертвою мільйонів людських фізичних екзистенцій»*. После проповеди подобной «любви к ближнему» неудивительно, что из воспитанников этих «христоролюбцев» повыврастали жестокие убийцы!

Митрополит Шептицкий был с самого начала в курсе создания УВО. После провала общего похода войск Пилсудского и Симона Петлюры он предложил создать «Украинский военный комитет». Но в результате совещания в пражской квартире Андрея Мельника остановились-таки на УВО, о чем Коновалец уведолил митрополита.

Вскоре после создания УВО ее руководители направили из Чехословакии в Польшу группу из шести человек с разведывательной миссией. Шпионов задержала польская военная контрразведка. За агентов УВО заступился митрополит Шептицкий, утверждая, что они должны были идти на Украину, а не шпионить в Польше. Однако разведчиков все равно казнили.

С ведома польской разведки отправляли на Украину и других эмиссаров. А в случае, если их пошлют против поляков и они будут теми взяты в плен, — в качестве пароля для своей безопасности разведчики должны были назвать... фамилию Шептицкого! Действовать в Украине, правда, им всем довелось недолго. Летом 1921 года органы безопасности ликвидировали так называемый «всеукраинский повстанком». Среди арестованных были агенты Коновальца и Шептицкого.

Интересно, что именно владыка Андрей еще в самом начале деятельности УВО посоветовал организации обратить пристальное внимание на Германию и искать контакты с ней. Шептицкий высоко ценил историческую роль своего друга генерала Гофмана в создании украинской и польской государственности. Он прекрасно понимал, что Версальский мирный договор, по которому Германия была разоружена, а ее армия распущена, на деле не мешал созданию союза немцев с Англи-

ей и Францией против СССР. Как объяснили Шептицкому в Ватикане, в случае формирования такого союза немецкий генералитет на базе рейхсвера из своих скрытых резервов за несколько месяцев сможет развернуть армию.

Хотя, выполняя версальские решения, Германия формально ликвидировала свою разведку, — но фактически, мечтая о реванше, руководство рейхсвера, офицеры бывшего кайзеровского генштаба, с конца 1919 года начали процесс объединения разведслужб отдельных войсковых соединений в единую организацию. В 1921 году она вошла в состав министерства обороны и была названа «абвер» (Abwehr — оборона, отражение). Название было выбрано в качестве уступки требованиям Версальского договора, но с самого начала абвер планировался как полнопрофильная спецслужба, в функции которой входили и разведка, и контрразведка. Возглавил новую спецслужбу майор Фридрих Гемп, бывший заместитель начальника кайзеровской разведки Вальтера Николаи. Сам Николаи, официально находясь в отставке, втайне был не только консультантом, но и фактическим создателем новой спецслужбы. Он начал активно восстанавливать связи с законсервированной агентурой в странах Восточной Европы, в том числе и с украинскими националистами.

До 1924 года Коновалец почти регулярно сообщал Шептицкому о деятельности УВО. Но международное положение изменялось быстро; германская разведка поставила перед Коновальцем задачу расширить деятельность УВО путем создания ее ячеек во всех странах, где существуют колонии украинцев. Итак, Коновалец стал заниматься «высокой политикой». Тогда Шептицкий предложил его заместителю Андрею Мельнику вернуться из Праги в Галичину — для укрепления руководства УВО и усиления ее деятельности на «Советчине». Чтобы легализовать положение Мельника, владыка предложил ему... занять место управителя митрополичьих имений. Мельник принял это предложение, да и германскую разведку устраивал такой вариант. К этому времени сам Мельник значительно укрепил свои позиции в УВО, став родственником Коновальца — он женился на родной сестре его жены.

В 1929 году на I Великом Сборе УВО превращается в ОУН. Коновалец так мотивировал митрополиту необходимость этой перестройки:

«Підготовка до священного хрестового походу проти СРСР піде посиленими темпами. До цього походу мусимо підготуватись і ми. Німецькі друзі переконують нас, що доки УВО буде тільки конспіративною терористичною організацією, годі думати про широку політичну акцію в українській справі. Терор мусить бути, твердять німці, не метою, а засобом, засобом, який при вдалих атентатах сприяє підкоренню мас, при невдалих відштовхує маси від невдач. Маси являють не суб'єкт політики, а об'єкт, який треба завоювати всіма засобами, а завоювавши, треба тримати в руках, використовуючи їх у своїх політичних цілях. Отже, з цього випливає той перший висновок, що УВО треба перетворити на таку організацію, яка буде спроможною користуватися в боротьбі за маси і для своєї політики всіма, а не одним терористичним засобом. Українську проблему слід брати в цілому. В розв'язанні цієї проблеми жодна держава не зацікавлена так, як зацікавлена Німеччина... Отже, з цього випливає другий висновок, а саме: та українська організація, яка бореться за розв'язання української проблеми в цілому, мусить діяти в повній згоді з відповідними політичними чинниками Німеччини і йти у фарватері її політики...»

В январе 1933 года к власти в Германии пришли нацисты с Гитлером во главе. Примечательно, что, как и приход к власти Виктора Ющенко, захват страны гитлеровцами тоже официально назывался «национальной революцией»... К слову, фюрер, как позднее и Виктор Андреевич, получил диплом пропагандиста на курсах «гражданского мышления», которые он посещал после окончания Первой мировой войны. Ещё параллели: после смерти президента Германии, бывшего кайзеровского генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга, вооруженные силы 2 августа 1934 года приняли присягу на верность не Отечеству, как прежде, а лично Гитлеру — как верховному главнокомандующему. Ющенко тоже перманентно пытается подчинить лично себе различные силовые ведомства, включая внутренние войска. И, наконец: когда Гитлер пришел к власти, в Германии был создан Аненэрбе — «Институт наследия предков». Ющенко, в свою очередь, учредил «Институт национальной памяти». Правда, в отличие от Аненэрбе, на которую работали более 50 институтов и вся машина СС, последний плодотворно сотрудничает пока только с СБУ, совместно разрабатывая «ук-

раиноцентрическую» концепцию истории и собирая материалы о «терроре времен советской оккупации»...

Но вернемся в прошлое. После того как в 1933 году был в Риме подписан «Пакт согласия и сотрудничества» между четырьмя державами — Великобританией, Германией, Францией и Италией, — многим стало ясно, что произошел створ английского и французского правительств с германским и итальянским фашизмом, уже тогда не скрывавшим своих агрессивных намерений. Примерно в это же время Шептицкий получил тайный доклад от Евгения Коновальца — первый с момента прихода нацистов к власти. *«Все йде на добре, — отчитывался Коновалец. — Щасливий початок 1933 року створив умови, за яких наша визвольна акція кожного дня набирає все більшого розвою і сили. Час випробував нашу дружбу і співробітництво з німцями і, випробувавши, показав, що... ми обрали єдино правильну орієнтацію. Цим ми зобов'язані виключно вашій екселенції. З почуттям глибокої поваги і синівської любові я часто згадую той день, коли почув від вашої екселенції слова про те, що рано чи пізно міжнародні чинники доручать саме німцям знищити більшовицьку Росію. «Німці є найщирішими друзями України, — радили ви мені тоді, — з ними треба шукати контакту і співробітництва». Слова вашої екселенції були віщими... Так, Німеччина під проводом свого фюрера Адольфа Гітлера перед усім світом взяла на себе цю місію... На нас покладена не остання роль...».*

Далее посланец сообщил об успехах ОУН за четыре года ее существования; о том, что нет почти ни одной страны в Европе и Америке, где живут украинцы и где бы не была создана ячейка ОУН.

21 октября 1934 года произошло убийство секретаря советского консульства во Львове, Андрея Майлова. Убийцей был оуновец Лемик. По многим данным, теракт готовила германская разведка — с целью расстроить дипломатические отношения между Советским Союзом и Польшей. После убийства преступник спокойно сдался полиции. Суд приговорил Лемика всего к нескольким годам лишения свободы...

Еще раньше, в декабре 1933 года, Бандера и Мельник получили недвусмысленные указания Коновальца: прекратить любые акции против польской администрации, поскольку Германия и Польша ведут переговоры. В конце 1934 года в Бер-

лине был подписан договор о дружбе и ненападении между Польшей и гитлеровской Германией (к слову, никто это соглашение Польше в вину и не ставит — в отличие от германо-советского «пакта Молотова-Риббентропа»). С тех пор Польша, уничтожившая под руководством диктатуры маршала Пилсудского остатки собственной парламентской демократии, начала постепенно отходить от Франции, на помощь которой она опиралась с момента своего возрождения в 1919 году, и все теснее сближаться с нацистской Германией. Этот путь и привел ее к гибели задолго до того, как истек срок договора о «дружбе и ненападении»...

А через полгода после подписания договора в центре Варшавы был убит министр внутренних дел Польши Перацкий. Убийца бросил бомбу, но Перацкий остался в живых. Тогда террорист хладнокровно добил министра несколькими выстрелами — и бесследно исчез. Возмущенный Шептицкий вызвал «на ковер» Мельника, но тот поклялся, что и для него это было сильнейшей неожиданностью. Мельник был уверен, что это было «дикое самоуправство» Бандеры. *«Це його властивість, — говорив Мельник. — Бандера — садист, від якого годі вимагати додержання дисципліни і реального погляду на перспективи нашої боротьби. Своєю дикою акцією він не тільки порушив дисципліну, але й зірвав нав'язаний було нами контакт з польськими урядовими чинниками в справі безперешкодного перекинення наших людей через польський кордон на Радянщину... Дикий вчинок Бандери спричинився до того, що він сконає на шибениці. Але ми не будемо жалкувати за ним...»*

Как раз в это время в Галичине, как и во всей Польше, происходили постоянные забастовки, бурлило рабочее движение. При подавлении народных выступлений польская полиция и оуновцы находили полное взаимопонимание. Так, в 1936 году при поддержке польской полиции в селе Двирцы Львовского воеводства оуновцы, ворвавшись в дом активиста левого движения Михаила Белецкого, убили его на глазах пятилетнего сына. На лице Белецкого вырезали крест... В этом же году националисты напали на крестьян во время вечера памяти Ивана Франко в его родном селе Нагуевичи.

Участник и очевидец событий тех лет, публицист Ярослав Галан, свидетельствовал: *«1935 рік. Агентура гітлерівської розвідки — ОУН... найтісніше співпрацює з «двуйкою».*

Проінструкована гітлерівцями, польська поліція діє тепер у повній згоді з ОУН; вона вишукує революційних діячів, оунівці вбивають їх... Терор набирає жахливих розмірів. Людей витягують з ліжок і тут же на очах родичів по-звірячому убивають... Західну Україну придавила п'ята стопроцентного фашизму». А нас тепер уперваю, що это поляки и украинцы враждовали между собой!

Однако Шептицкого заботило совсем другое. В 1936 году он издает «Осторогу» («Предупреждение»), где призывает: *«Хто помагає комуністам в їх роботі, навіть чисто політичній, зраджує церкву... хто допомагав більшовикам у творенні «народних» чи «людових» фронтів, той зраджує не тільки церкву й батьківщину, але зраджує справу вбогих, терплячих і скривджених...»*

Особое внимание митрополит уделял воспитанию молодежи. О создании молодежных католических партий уже сказано выше.

«Кроткий слуга Христа» повторял призывы «до массовой физической экстерминации миллионов людских физических экзистенций», т. е., попросту говоря, к массовому уничтожению. В 1936 году, когда гитлеровская Германия и фашистская Италия топили в крови республиканскую Испанию, униатский владыка обратился к галичанской молодежи брать пример со «львов Альказара», т. е. с головорезов диктатора Франко.

Как известно, 20 июля 1933 года Ватикан фактически поддержал набравший силу немецкий нацизм. Кардинал Пачелли (позднее ставший папой Пием XII) подписал в Риме конкордат между Ватиканом и гитлеровской Германией. Министр фон Папен, подписавший документ как представитель Гитлера, получил от князя церкви почетный знак отличия — Большой крест ордена папы Пия... Конкордат был для фашистов великой победой — первым случаем, когда их режиму была оказана моральная поддержка за пределами Германии, и притом поддержка со стороны столь видного института. 14-я статья конкордата гласила: *«Рукоположения архиепископов, епископов и других священнослужителей будут производиться только после того, как официальное лицо, назначенное Рейхом, надлежащим образом подтвердит, что кандидат не вызывает сомнений с точки зрения общих политических соображений»...*

Далее произошли: перевооружение Германии, оккупация Рейнской области, интервенция в католическую Испанию. Ан-

шлюсу Австрії немало спосібствовав кардинал Інницер, давши указання австрійському духовенству вивесити на костелах фашистські прапори і употреблявший в своїх посланнях і публичних виступленнях привітання «Хайль Гітлер!». Мюнхенський змовор, расчленення католицької Чехословаччини... Нарешті, настала черга Польщі — східного оплоту католицизму! Казалося б, Ватикан повинен був хоч її взяти під свою захисту. Но...

К митрополиту Шептицькому, в порушення церковної субординації, був посланий той самий кардинал Інницер. «*Велика Німеччина приступає до здійснення взятої на себе святої місії — знищення безбожницької Росії,*» сказав посланець «святого» престолу. — *Фюреру потрібна допомога або, може, й жертва з боку інших держав в ім'я здійснення ним великої святої місії. Така допомога і жертва була потрібна фюреру від Польщі. Спочатку фюрер щиро умовляв польських державних мужів піти на згоду з ним: віддати Німеччині Верхню Сілезію, Данціг, Польський коридор. Це було б передумовою спільної участі Польщі в хрестовому поході проти червоної Росії. З боку Польщі це було б і допомога, і жертва, але в майбутньому Польща отримала б за це багатократну компенсацію на Сході. Польські державні мужі, керуючись своїми егоїстичними спонуками, не послухали фюрера. Тим гірше для них. Зараз становище склалося так, що, по суті, Польща стоїть на перешкоді здійсненню фюрером своїх планів щодо Росії. І цю перешкоду фюрер мусить змести. Можна вважати, що Польща як держава доживає свої останні дні. Для успішного здійснення великої святої місії фюреру потрібно мати безпосередній кордон з Росією. Інакше кажучи, ми напередодні війни. Ця війна буде коротка, бо Польща неспроможна чинити опір. Може статися, що в перші ж дні війни уряди Франції і Англії прозріють, зрозумівши всю глибину тисячекратно твердження фюрера, що головна загроза християнському цивілізованому світу — загроза апокаліпсична — це комунізм. Якби ж то господь просвітив голови державних мужів Англії та Франції! Тоді переможний марш батальйонів фюрера закінчився б далеко за Москвою, за Уралом, мабуть, аж у Тобольську, а на півдні — за Кубанню і Кавказом, під стінами давніх наших недругів — ісламістських держав... А поки що апостольська столиця наказує українській католицькій церкві приготувати своїх віруючих прийняти неминучі грядущі зміни з радістю і надією,*

умовити їх, що під великою Німеччиною життя краю буде щасливішим, ніж було під Польщею. Мине деякий час, і велика Німеччина, знищивши безбожницьку владу більшовизму в Росії, допоможе українцям відбудувати свою власну державу... На випадок виняткового стану, коли армія фюрера, дійшовши до радянських кордонів, ринула б у глиб Росії, українська католицька церква, пам'ятаючи про покладений на неї святий обов'язок, подбає про те, аби її душпастирі першими проголосили в духовній пустелі України: «Тебе, бога, хвалимо...»

Но события развернулись иначе. Когда Германия начала войну с Польшей, Советский Союз взял под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии. 1 ноября 1939 года внеочередная сессия Верховного Совета СССР включила, по просьбе Народного Собрания Западной Украины, эти земли в состав Украины и СССР.

Кстати, Народное Собрание Западной Украины провозгласило конфискацию помещичьих и монастырских, а также и митрополичьих земель. Последние же составляли — ни много ни мало — 62 942 гектара, включая 36 063 гектара леса! Сверх того, Шептицкому принадлежали 28 сел и большая часть акций «земельного ипотечного банка» во Львове. Было что терять владыке Андрею, было за что ненавидеть «красных»...

Глава 4

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ. 1941—1945

«Наши боевики подвергли нападению все города и села еще до прихода немецкой армии»

15—19 января 1941 года во Львове состоялся «Процесс пятидесяти девяти», который имел широкий общественный резонанс. Сорока двум подсудимым оуновцам был вынесен смертный приговор, семнадцать получили по 10 лет лагерей и по пять лет ссылки.

7 мая 1941 года в Дрогобыче начался новый, на этот раз еще более массовый процесс — над шестьюдесятью двумя оуновцами. По решению суда тридцати националистам был вынесен смертный приговор, двадцать четыре получили по десять лет, дела остальных восьми человек отправили на дополнительное расследование. Впоследствии президиум Верховного Совета СССР смягчил приговоры: смерть теперь ожидала 26 подсудимых (четырем осужденным, среди которых были три женщины, была сохранена жизнь), 13 арестантам подтвердили их десятилетние приговоры, а 19 назначили сроки наказаний от семи до восьми с половиной лет.

Там же, в Дрогобыче, 12—13 мая состоялся суд еще над тридцатью девятью украинскими националистами. Его итог — 22 расстрельных приговора, восемь десятилетних и четыре пятилетних срока, а также пять пожизненных ссылок.

Материалы всех этих процессов содержат много сведений о подготовке националистами вооруженного восстания. Из обвинительных документов мы узнаем, что к 1 сентября 1940 года «краевой экзекутиве» ОУН во Львове подчинялись 5500 боевиков, которые готовились выступить. Были составлены конкретные планы действий, готовилась материально-техническая и кадровая база восстания. Разрабатывались деталь-

ные мобилизационные планы для всех звеньев организации. Разведка ОУН собирала информацию о военных частях наших войск, об их вооружении, важных хозяйственных объектах, о биографиях командиров.

За первые четыре месяца в 1941 года активность националистического подполья резко выросла. Нелегалами было осуществлено 65 убийств и покушений на представителей советского административного аппарата, руководителей НКВД, усилен саботаж.

«Украинские интегральные националисты, — пишет в своей работе канадский историк О. Субтельный, — с энтузиазмом приветствовали нападение немцев на СССР, рассматривая его как многообещающую возможность установления независимой украинской державы». В оуновской брошюре под названием «За українську державність» читаем: *«Перед началом немецко-советской войны ОУН, несмотря на неимоверные трудности, организовала в селах сеть подпольщиков, которые... в целом ряде районов Тернопольской области организовали вооруженные выступления повстанческих отрядов, разоружили много воинских частей... Наши боевики подвергли нападению все города и села области еще до прихода туда немецкой армии».* Аналогично действовали украинские националисты и на территории Львовской, Станиславской (ныне Ивано-Франковской), Дрогобычской, Волынской, Черновицкой областей.

В советских документах о действиях оуновских диверсионных групп в июне—июле 1941 года, после начала войны с нацистской Германией, говорится: *«Они создавали диверсионно-террористические банды, которые разрушали коммуникации в тылу советских войск, затрудняли эвакуацию людей и материальных ценностей, наводили световыми сигналами враждебные самолеты на важные объекты, убивали партийных и советских работников, представителей правоохранительных органов. Переодетые в красноармейскую форму оуновские банды нападали с тыла на мелкие подразделения и штабы Красной Армии, обстреливали их с чердаков домов и предварительно оборудованных огневых пунктов».*

Об этом же вспоминает и генерал-майор немецкого механизированного корпуса Н. К. Попель: *«В восемь утра 24 июня 1941 года, когда мотоциклетный полк вступил на обычно людные улицы Львова, нас встретила недобрая тишина. Только по*

центральной магистрали непрерывным потоком ехали и шли беженцы. Изредка раздавались одиночные выстрелы.

По мере того, как машины втягивались в город, выстрелы звучали все чаще. Мотоциклетному полку пришлось выполнять не свойственную ему задачу — вести бои на чердаках. Именно там были оборудованы наблюдательные и командные пункты вражеских диверсионных групп, их огневые точки и склады боеприпасов.

Мы с самого начала оказывались в невыгодном положении. Противник контролировал каждое наше движение, мы же его не видели, и добраться до него было нелегко.

Схватки носили ожесточенный характер и протекали часто в самых необычных условиях. Вот несколько человек, перестреливаясь, выскочили на крышу пятиэтажного дома. Понять, где наши, где враги, никак нельзя: форма на всех одинаковая — красноармейская. Здание стояло особняком, побежденным отступить некуда. Раненый покатился по наклонной кровле, попытался зацепиться за водосточный желоб, не смог и с диким криком полетел вниз. Мы подбежали. Изуродованное, окровавленное тело конвульсивно вздрагивало. Кто-то растегнул гимнастерку. На груди синел вытатуированный трезубец — эмблема бандеровцев».

Легко заметить, что «нашими» немецкий генерал называет переодетых в советскую форму диверсантов из ОУН. Гитлеровцы их и забросили за линию фронта...

Следует коснуться еще одного щекотливого момента. В современной националистической литературе много пишется о расстрелах заключенных в нескольких западноукраинских тюрьмах накануне отступления советских войск. Смакуются такие детали, которые могут присниться разве что поклоннику маркиза де Сада, да и то после солидной дозы героина, — вроде поджаривания живых узников, подвешенных за ноги над костром, отрезания по кусочкам частей их тел, а напоследок — набивания вспоротых животов трупами недоношенных младенцев (вопрос — откуда столько недоношенных младенцев?). Впрочем, некоторые из этих варварских «методик» впоследствии применяли как раз уповцы в отношении мирного польского населения...

Подумаем о другом. Отряды оуновских диверсантов, переодетых в красноармейскую форму, 24-26 июня совершили на-

падения на тюрьмы в Бережанах, Львове, Золочеве, Кременце, Самборе. В одной из тюрем Львова им удалось освободить до 300 человек. Кого же освобождали бандеровцы? Так ли уж были невинны заключенные?..

На сайте СБУ размещен список оуновцев, расстрелянных в львовских тюрьмах. Напротив каждой фамилии — дата суда и статья, по которой они были осуждены. Практически все арестованы за диверсии и теракты. Да и, наверное, если бы эти люди были невиновны, за 16 лет независимости их бы давно уже реабилитировали...

Более того: именно нападениями оуновцев на тюрьмы и были спровоцированы расстрелы! Согласно документам, первоначально сотрудники НКВД собирались эвакуировать заключенных. Но пришлось срочно ликвидировать последних, чтобы они — хорошо обученные и подготовленные солдаты, знающие местность, — потом не оказались дополнительными помощниками гитлеровцев.

Кроме того, имеются свидетельства, что немцы в провокационных целях уродовали тела заключенных. Потом это варварство выдавалось за действия НКВД. Так, в книге «Холокост евреев Украины» написано: *«Знищення євреїв в місті Львові почалося з першого дня приходу німців, тобто 30.VI.41 р. Проте на перших порах німці проводили це знищення провокаційно. Користуючись відходом радянських військ, деяку частину єврейського населення німці завели до тюрем і там постріляли, причому цей розстріл провадився у супроводі екекуції, з тим щоб не можна було впізнати замордованих. Разом з тим переслідувалась і друга мета, подати це як приклад «звірств» НКВД...»*

В фондах Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины) хранятся отчеты «краевой экзекутивы» перед проводом ОУН-б в Кракове. «Экзекутиве» удалось мобилизовать около 12 тысяч членов ОУН. Незадолго до начала войны они концентрировались в разных по величине подпольных лагерях, размещенных в труднодоступной местности. Часть националистов работала легально в советских и партийных органах власти, не стесняясь при этом совершать акты диверсий и саботажа.

«Экзекутива» сообщала о событиях во Львове: *«25 июня в казарме на Клепарове стрелял в большевиков отряд партизан числом пять человек. Никто не пойман. 26 июня из дома*

на улице Перацкого, № 8, украинские партизаны обстреливали колонну красных войск. Большевики поставили напротив дома пушку и разрушили крышу и второй этаж. Партизаны, по-видимому, погибли... 24 июня открыт был по марширующим большевистским колоннам скорострельный огонь одновременно из нескольких пунктов: с Лычаковского кладбища, из нескольких домов по улице Курковой и из башни костела Елизаветы... Со вторника до субботы оттуда несколько раз открывался огонь по большевистским колоннам».

28 июня 1941 года вблизи города Перемышляны на Львовщине несколько оуновских банд напало на небольшие отряды Красной Армии и на автомашины, которые эвакуировали женщин и детей. Над красноармейцами и беззащитными людьми бандиты учинили жестокую расправу. Эти же банды помогли гитлеровцам захватить Перемышляны. В районе местечка Рудка подразделение фашистской армии нарвалось на мужественное сопротивление советских войск. Нацисты попросили помощи у оуновцев, и те, как говорится в бандеровской брошюре, «приняли живу участь в найзавятіших боях». Так же активно действовали националисты в Волынской и Ровенской областях.

О деяниях оуновских банд сообщается в донесении штаба Юго-Западного фронта от 24 июня 1941 года: «В районе Усть-Луга действуют диверсионные группы врага, переодетые в нашу форму. В этом районе горят склады. В течение с 22 и утра 23 июня противник высадил десанты на Хиров, Дрогобыч, Борислав, последние два уничтожены». В Луцке действовал отряд из 300 оуновцев. Сумев захватить стратегически важные мосты и железнодорожные станции, он удерживал их до подхода немцев.

На территории пограничного Рава-Русского района Львовской области располагались мощные укрепления и дислоцировались значительные силы пограничных войск. Оуновцы здесь занимались разведкой пограничных военных объектов, а оперативную информацию немедленно передавали наступающим на Рава-Русский укрепрайон немцам.

Согласно официальным архивным данным, потери Красной Армии в столкновениях с националистами составили тогда 2100 человек убитыми и 900 пленными.

Вслед за наступавшими частями фашистской армии главы ОУН направили на Украину несколько так называемых «по-

ходных групп». Эти подразделения, по определению оуновских «проводников», являлись «своеобразной политической армией», в состав которой входили националисты, имевшие опыт борьбы в условиях глубокого подполья. Маршрут их движения был заранее согласован с абвером. Северная «походная группа» в составе 2500 человек двигалась по маршруту Луцк — Житомир — Киев; средняя, из 1500 оуновцев, — в направлении Полтава — Сумы — Харьков. Южная «группа» в составе 880 человек следовала по маршруту Тернополь — Винница — Днепропетровск — Одесса.

Деятельность этих отрядов сводилась к выполнению функций вспомогательного оккупационного аппарата на захваченной территории. Они помогали гитлеровцам формировать так называемую украинскую полицию, городские и районные управы. Одновременно участники «групп» устанавливали контакты с разного рода уголовными элементами, используя их для выявления местного советского подполья.

С самого начала «украинские органы самоуправления» были под властью гитлеровской оккупационной администрации. Имеющиеся в архивах Украины материалы подтверждают это. Например, в указе рейхскомиссара Украины Эриха Коха за № 119 «Об отношении воинских частей к украинскому населению» подчеркивается: *«Украинские национальные местные управления или районные управы должны рассматриваться не как самостоятельные управления или уполномоченные от высших властей, а как доверенные для связи с немецкими военными властями. Задача их заключается в том, чтобы выполнять распоряжения последних».*

Когда немцы вторглись в Советский Союз, для Гитлера и его генералов стало чрезвычайно важным узнать о том, что происходит в тылу русских войск. Для решения этой задачи в распоряжение штабов немецких армий направлялись группы агентов из коренного населения данной местности, то есть из русских, украинцев, финнов, эстонцев и т. д. Каждая группа насчитывала 25 (или более) человек. Во главе такой группы стоял немецкий офицер. Группы использовали трофейное русское обмундирование, военные грузовики и мотоциклы. Они должны были проникать в советский тыл на глубину 50 — 300 километров перед фронтом наступающих немецких армий с тем, чтобы сообщать по радио результаты своих наблюдений. Особое внимание при

этом обращалось на сбор сведений о русских резервах, о состоянии железных и прочих дорог, а также обо всех оборонных мероприятиях, проводимых противником.

Одной из таких диверсионно-террористических групп руководил Юрий Стельмашук. Во время допроса он показал следующее: «Я был направлен в специальную школу диверсантов-разведчиков, которая помещалась в г. Нойгаммере. По окончании школы я возвратился в Краков...

В Кракове к нам, выпускникам школы, приехал заместитель Бандеры — Стецько, а также другие представители центрального провода ОУН. Прежде всего, нам дали назначения. Я получил назначение в Волинскую область к областному руководителю ОУН «Закоштуя». Стецько говорил, что мы должны вести подрывную работу против Советской власти, также говорил, что скоро начнется война между Германией и СССР и что эту войну нужно использовать в интересах ОУН.

По линии диверсионной работы я от начальника немецкой разведки, немца-майора, фамилии которого не помню, получил задание в первый день войны взорвать железнодорожное полотно и стрелки в г. Сарны. Из Кракова мы выехали 16 июня 1941 года и должны были перейти границу в Венгрии. Из Кракова мы направились к Ужгороду, а из Ужгорода в Мукачево, где ночевали в немецкой школе, директор которой был резидентом немецкой разведки.

Границу мы перешли в районе с. Волово, на границе Венгрии с СССР. До самой границы нас провожали Стецько и начальник немецкой разведки. Нас на границе снабдили пистолетами, взрывчатыми веществами и деньгами. Перейдя границу, мы прошли в первую ночь 20 км, а затем двигались такими же переходами, и война нас застала в Синевицкой Вишне».

Далее Стельмашук показал, что возле села Труханов Славского района Дрогобычской области их группа была замечена и обстреляна колонной советских войск. Им пришлось, бросив всё снаряжение, спасаться бегством в направлении Стрыя. «В Стрые мы пробыли два дня и выехали во Львов.

Во Львове я связался с заместителем Бандеры «Лебедем» и от него уже должен был выехать в Волинскую область в распоряжение областного руководителя ОУН «Закоштуя». Когда я был в штабе «Лебеда», туда пришел начальник немецкой разведки, с которым я встречался в Кракове, который сказал, что

я поеду не в Волынскую область, а в советский тыл за Днепр. То же самое он сказал о других оуновцах, которые закончили диверсионную школу».

Кровавый маршрут «соловьев»

Кроме таких разведывательно-диверсионных групп, немецкая военная разведка организовала небольшие украинские штурмовые отряды. Такие подразделения в красноармейском обмундировании должны были действовать далеко впереди наступающих немецких войск, стараясь захватить мосты, туннели и военные склады. В конце октября 1941 года начальник штаба немецкой группы армий «Север» высоко оценил работу этих подразделений.

Одной из подобных частей как раз и был «специаль-батальон «Нахтигаль» (в переводе «Соловей»). Немецким командиром батальона гитлеровцы назначили представителя абвера, обер-лейтенанта Альбрехта Герцнера, а политическим руководителем — представителя НСДАП, обер-лейтенанта Теодора Оберлендера. С украинской стороны батальон возглавил капитан абвера Роман Шухевич, который к тому времени стал уже и одним из руководителей ОУН-б. В оперативном плане «Нахтигаль» прикрепили к первому батальону полка «Бранденбург-800», подчиненного непосредственно начальнику «абвер-2» Лахузену. («Абвер-2» — отдел немецкой разведки, который занимался осуществлением диверсий).

Специальный батальон абвера «Нахтигаль» имени Степана Бандеры был сформирован в марте-апреле в 1941 года из бандеровцев и прошел военную подготовку в Нойгаммере (Силезия).

Другой подобный батальон, «Роланд» имени Евгения Конавальца, был сформирован в апреле того же года и прошел военную подготовку в Зауберсдорфе вблизи Вены. Им руководили Рико Ярый с немецкой стороны и майор Евгений Побигущий («Рен») — с украинской.

Об организации этих формирований Степан Бандера писал: *«В начале 1941 года открылась возможность провести при немецкой армии выучку двух украинских отделов, приблизительно размеров куреня».*

Вернемся к «Нахтигалю». Набор в батальон производило краковское бюро ОУН. Входили в его состав примерно 350 че-

людей. Батальон был разделен на четыре сотни (роты), командирами которых были назначены немецкие офицеры, сотрудники абвера. «Соловьи» носили стандартную армейскую униформу вермахта. Только после вступления во Львов личный состав нацепил желто-синие ленточки.

За четыре дня до вторжения в СССР батальон был передислоцирован к границе. В 3 часа 15 минут 22 июня 1941 года первый батальон «Бранденбурга» и «Нахтигаль» получили задание наступать на Перемышль и перешли реку Сан, а с 29-го на 30-е июня «соловьи» заняли Львов...

Фактически, немцы помогли реализовать давний план националистов.

Еще в сентябре 1940 года захваченный органами НКВД руководитель организационного отдела Львовской «краевой экзекутивы» ОУН И. Максимов показал на допросе, что в июне 1940 года «краевая экзекутива» разработала план восстания, который был направлен в Краков и утверждён Бандерой. Предполагалось, что успех может быть достигнут лишь в случае войны Германии против Советов, а потому *«провід ОУН порішив стояти твердо на стороні Німеччини до часу, коли вона зірве союз із Совітами, або відносини дипломатичні погіршаться»*. В этот момент и предполагалось поднять восстание в западных областях УССР.

Далее Максимов среди прочего показал, что провод учитывал *«людей, що негативно ставилися до визвольної акції ОУН по приході Червоної Армії, і провідники мали завдання створювати т. зв. «чорні листи» — прізвища і місця замешкання тих людей, яких на час зриву мали зразу ж зліквідувати»*.

В «Едином генеральном плане повстанческого штаба ОУН», в разделе «Выступления» указывалось: *«Важно выступление первой ночи. Оно решает всё... Надо в ту же ночь ликвидировать всех, занесенных в черные списки, чтобы лишить врага людских резервов (донсочиков, организаторов вражеской диверсии и т. д.), а также углублять панику»*. В разделе «Основные задания штабам соединений» говорилось: *«необходимо организовывать «панику, разложение в среде врагов (поголовные расстрелы врагов)»*. А раздел «Инструкция безопасности» прямо призывал:

«1. Зібрати персональні дані про всіх визначніших поляків, членів підпольних організацій, які у відповідний час пробували б

зорганізувати відповідний виступ. Тут в міру потреби і спроможностей примінювати офензивну тактику.

12. Уложити «чорну листу» всіх ревних комуністів, НКВД-истів, сексотів, провокаторів й інших вислужників комуністичного режиму. На «чорній листі» повинні знайти місце в першу чергу керівні особи.

13. Уложити «чорну листу» поляків, згідно з даними інструкціями під т[очкою] 11.

14. Уложити «чорну листу» всіх визначних українців, що у відповідний час пробували б вести «свою політику», розбиваючи цим одностайну поставу укр[аїнського] народу».

В Лондоне опублікована книга польського автора Александра Кормана «Из кровавых дней Львова 1941 года». Исследователь утверждает однозначно: с 3 июня до 6 июля в 1941 года (время пребывания батальона «Нахтигаль» во Львове) польских ученых, евреев и коммунистов уничтожали гитлеровцы, нахтигальцы, солдаты «гехаймефельдполицай» (немецкая полевая полиция безопасности) и члены боевок из ОУН-бандеровцев.

Убийства происходили по «чорній листі» — списку, подготовленному службами Е. Врецьоны (СБ ОУН-б) и «Легенды» (И. Климива), руководителя «краевой экзекутивы» ОУН-б. Аресты проводили отделы абвера, фельдполиции и «Нахтигалья». Расстрелы также осуществляли они. Сам Е. Врецьона лично принимал участие в расстрелах польских ученых.

Особенно жестоко расправлялись националисты с еврейским населением.

В первые месяцы оккупации западных областей Украины оуновцы вместе с гитлеровцами устраивали так называемые «кристальные ночи» — убивали и сжигали во Львове, Золочеве, Тернополе, Надворной десятки тысяч евреев. В одном только Станиславе с июля 1941 по июль 1942 гг. гитлеровцы вместе с оуновцами уничтожили 26 тысяч евреев. Это подтвердил в Мюнстере (ФРГ) суд над бывшим руководителем полиции безопасности и СД в Станиславе Г. Кригером, состоявшийся в 1966 году.

Недавно израильский мемориал «Яд ва-Шем» заявил о причастности батальона «Нахтигаль» и лично гауптмана Шухевича к массовым убийствам еврейского населения Львова в первые дни оккупации.

Страшные преступления нацистов и их пособников описал Юлиан Шульмейстер в книге «Гитлеризм в истории евреев», опираясь на свидетельства тех, кому повезло остаться в живых после этой трагедии. Вот свидетельство Ф. Фридмана: «В первые дни немецкой оккупации, с 30 июня по 3 июля... украинские националисты и только что организованная украинская полиция (вспомогательная полиция) начали на улицах Львова охоту на еврейских жителей. Вламывались в квартиры, хватали мужчин, иногда всю семью, не исключая детей». Свидетельство Янины Хешелес: «Развешаются желто-голубые флаги. На улицах полно украинцев с палками и железяками, слышатся крики... Вблизи почты стоят люди с лопатами, украинцы их бьют, кричат: «Жиды, жиды!..» На улице Коллонтай ребята бьют евреев метлами, дубинками, камнями. Ведут в тюрьму «бригидки», на Казимировку. На бульваре опять бьют...» Говорит свидетельница Рубинштейн: «На следующий день (после оккупации Львова — М. Б.) немцы вместе с украинцами устроили погром. Убили тогда около трех тысяч евреев...» Из дневника украинки Казимиры Порай: «То, что увидела сегодня на Рынке, могло произойти в древние времена. Возможно, такое совершали дикие люди... Вблизи Ратуши дорога засыпана битым стеклом... Солдаты с эмблемами эсэсовцев, которые разговаривают по-украински, мучают и издеваются над евреями. Принуждают подметать площадь своей одеждой — блузами, платьями, даже шапками. Поставили две ручных тележки, одну на углу Краковской, вторую на улице Галицкой, принуждают евреев собирать стекло и нести голыми руками к тележкам... Бьют палками и кусками провода. Путь от Галицкой к Краковской залит кровью, которая течет из человеческих рук...». Из свидетельств польки Станиславы Гоголевской: «На Русской увидела полицейев-украинцев, они вели каких-то людей, которых били кольями и железными ломками... На улице Коперника попала в адскую круговерть, господствовал ужасный грохот, крик и плач. Люди шли с выражением отчаяния и страха. Украинские полицейи стояли шпалерами вдоль тротуара, кричали: «Жиды, жиды!» Били; если кто-то пытался защищаться или кричал, что не еврей, над ним совершали ужасное. Передо мной затоптали молодого мужчину...»

И подобных свидетельств множество.

Поводом для второго погрома, 25-28 июля 1941 года, была выбрана месть за убийство Соломоном Шварцбардом в 1926 году в Париже Симона Петлюры. Эти так называемые «дни Петлюры» проводились в соответствии с постановлением ОУН-б: *«Организация украинских националистов уничтожает жидов как опору московско-большевистского режима»*. Националисты устроили ужасающую кровавую оргию. Выживший в те кровавые дни раввин Давид Кагане свидетельствовал: *«26 июля украинские полицаи врывались в еврейские дома, хватали молодых мужчин и отвозили на улицу Лонцкого. Подобное повторялось два дня, пока тюрьма на Лонцкого не переполнилась. Даже двор был забит евреями... Берет ужас, когда вспоминаю, что происходило. Есть не давали. Каждый раз, когда заходила банда украинских националистов, издевались, убивали, кричали: «Это вам за нашего атамана Петлюру!»* Свидетельство Ф. Фридмана: *«В дни 25, 26, 27 июля опять на улицах и в квартирах хватали евреев. Мужчин и женщин, будто взятых на работу, чаще всего убивали. Эти убийства и издевательства происходили, как «акция Петлюры». В основном это дело украинской вспомогательной полиции...»*

Подобные массовые расправы происходили не только во Львове, а в каждом городе, местечке и селе на Галичине и Волыни, везде, где ступала нога фашистов и их подручных. Но об истреблении евреев в западной Украине мы еще поговорим. Теперь же вернемся в наш «героям» из батальона «Нахтигаль».

Прокуратура Бонна (Германия), которая в 1960 г. расследовала дело Теодора Оберлендера, тогдашнего министра в правительстве Аденауэра, а летом 1941 года — политического руководителя батальона «Нахтигаль», установила, что *«с большой вероятностью украинский взвод 2-й роты батальона «Нахтигаль» имел отношение к актам насилия в отношении согнанных в тюрьму НКВД евреев и виновен в смерти многочисленных еврейских граждан»*.

Члены батальона «Нахтигаль» по собственной инициативе участвовали и в расстрелах вне тюрьмы. Один из бывших членов оперативной команды СД «Львов» на допросе в 1964 г. показал: *«Здесь я был свидетелем первых расстрелов евреев членами подразделения «Нахтигаль». Я говорю «Нахтигаль», так как стрелки во время этой казни... носили форму вермахта... Я установил, что участвовавшие в этой казни стрелки в немецкой форме говорили по-украински»*.

Не последнюю роль в уничтожении оуновцами евреев играл нынешний Герой Украины, а тогда гауптман абвера и командир «Нахтигалья» Роман Шухевич. Даже современный апологет бандеровщины В. Сергийчук в своей вступительной статье к сборнику документов из архивов СБУ под названием «Роман Шухевич у документах радянських органів державної безпеки (1940—1950)», изданной в Киеве, отмечает, что накануне вступления печально известного батальона «Нахтигаль» во Львов (29 июля 1941 года) Р. Шухевич в обращении к его войскам назвал поляков и евреев «нашими врагами».

Американский исследователь Кристофер Симпсон в книге «Откат: вербовка Америкой нацистов и ее влияние на холодную войну», опровергая доводы современных адвокатов ОУН, утверждает: *«Какими бы ни были ее конфликты с нацистами, собственная роль ОУН в антисемитских погромах, таких, как массовые убийства во Львове в 1941 году и ликвидация по образцу Лидице целых сел, обвиненных в сотрудничестве с советскими партизанами, полностью установлена».*

29 октября 1959 года в Берлине состоялась пресс-конференция для корреспондентов немецких и иностранных газет по поводу прошлых злодеяний боннского министра Теодора Оберлендера. На пресс-конференции выступил профессор Берлинского университета А. Норден, который на основании многочисленных свидетельских показаний, собранных «Комитетом германского единства», заявил: украинские националисты из батальона «Нахтигаль», управляемого Оберлендером, Герцнером и Шухевичем, убили во Львове три тысячи поляков и евреев. В убийствах жителей Львова принимали участие не только солдаты и офицеры-украинцы из батальона «Нахтигаль», но и украинская полиция. *«Эта акция, — отмечается в выводе суда, — была направлена, согласно с подготовленными планами, против еврейских жителей Львова, против членов и сторонников коммунистической партии и против некоторого количества польской интеллигенции, в том числе и в первую очередь против профессоров Львовского университета. Массовые аресты были произведены с помощью украинской полиции... Большую часть узников... расстреляли... Расстрелы происходили в двух лесах на окраинах Львова».*

5 апреля 1960 года Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немец-

ко-фашистских захватчиков была созвана пресс-конференция для того, чтобы ознакомить общественность с результатами расследования преступлений, совершенных Теодором Оберлендером в годы Второй мировой войны на временно оккупированных территориях Украины и Северного Кавказа. В частности, в стенограмме пресс-конференции указывается: *«В ходе расследования были допрошены многочисленные свидетели, собраны документальные доказательства, изобличающие Оберлендера в совершении им злодеяний».*

Оберлендер — старый нацист, пользовавшийся полным доверием главарей НСДАП. В 1934 году лично Гессом он был назначен руководителем «Союза немцев Востока». Позднее являлся сотрудником военной разведки — абвера; как «специалист по Востоку», проводил шпионско-террористическую деятельность против Советского Союза и других стран Восточной Европы. Задолго до нападения фашистской Германии на Советский Союз Оберлендер комплектовал и обучал специальные отряды, предназначенные для выполнения преступных заданий на территории СССР. 5 ноября 1943 года Оберлендер сообщил своему командованию: *«Перед началом похода на Россию я получил задание подготовить и обучить украинское подразделение».* Таким подразделением и был созданный им из числа украинских буржуазных националистов особый батальон «Нахтигаль».

В первые же дни появления батальона во Львове из состава «Нахтигаля» было выделено несколько особых групп, на которые возлагалась задача уничтожения советских работников, лиц еврейской и польской национальностей. Немецко-фашистские бандиты и их пособники руководствовались при этом списками жертв, заранее подготовленными во втором отделе абвера в Кракове. А референтом этого отдела по украинским вопросам был Теодор Оберлендер.

На балконе оперного театра были повешены 12 советских граждан; на Стрелецкой площади на глазах жителей города расстреляны 15 человек; на углу улиц Дзержинского и Ивана Франко убиты старик и две женщины; на улице Зыбликевича выброшен на мостовую из окна третьего этажа грудной ребенок; из района дрожжевого завода вывезено на автомашинах большое количество людей, которых гитлеровцы затем уничтожили.

Одним из кровавых злодеяний, которые учинили бандиты «Нахтиталья» во Львове, было уничтожение большой группы из-

вестных польских ученых, в том числе профессоров Бартеля, Бой-Желенского, Ломницкого и других. В ночь с 3 на 4 июля эти ученые, содержащиеся под арестом в здании так называемой бурсы Абрагамовича, были выведены на близлежащую Вулецкую гору и там расстреляны.

Все эти факты подтверждаются показаниями свидетелей Сулима, Гресько, Ломницкой, Рудницкого, Гроера и материалами расследования, проведенного чрезвычайной комиссией в 1944 году.

Для сокрытия своих преступлений немецко-фашистские захватчики сжигали трупы умерщвленных ими людей. Так поступили они и с останками ученых, уничтоженных во Львове.

В 1943 году из числа заключенных Яновского лагеря была создана особая бригада, которая производила на Вулецкой горе раскопки могил, а затем вывозила трупы за город и там их сжигала. Во время раскопок могил лицами, входившими в состав бригады, были найдены в карманах одежды личные документы профессоров Бартеля, Островского и других; автоматическая ручка фирмы «Ватерман» с надписью на кольце: «Доктору Витольду Новицкому».

Установлено, что батальон «Нахтигаль» и его особые команды совершили расстрелы советских граждан в населенных пунктах Золочев, Сатанов, Юзвин, Михамполь.

Один из свидетелей, Григорий Мельник, в 1940 году вовлеченный в ОУН, а потом завербованный в «Нахтигаль», показал следующее: *«30 июня 1941 г. наш батальон вступил во Львов. Проходя по улицам, по приказанию командования, мы распевали песни, в том числе и погромную песню, призывающую к уничтожению коммунистов, евреев и поляков.*

В городе Львове батальон размещался в разных местах. Из нашего взвода и из других взводов в тот же день по приказу Оберлендера и Шухевича была отобрана группа легионеров общей численностью около восьмидесяти человек. Среди них были Луцик Григорий, Панькив Иван, Панчак Василий и другие. Через 4-5 дней эти люди возвратились и рассказывали, что они арестовали и расстреляли много жителей города.

Панькив и Луцик говорили, что они вместе с участниками ранее заброшенных диверсионных групп получили от Оберлендера и Шухевича списки подлежащих аресту людей. Арестованных свозили в определенные места, среди которых я запомнил

названную ими бурсу Абрагамовича, а затем по приказу Оберлендера и Шухевича арестованных расстреливали. Мне Луцик и Панчак говорили, что они лично расстреляли на Вулецкой горе польских ученых, и назвали их фамилии, среди которых мне хорошо запомнилась фамилия профессора Бартеля, известного мне как бывшего министра панской Польши.

По окончании этой акции батальон был собран в казармах по Стрыйскому шоссе. Примерно 6 или 7 июля выступил перед батальоном Оберлендер и заявил, что задание в городе Львове выполнено правильно, но поставленные перед нами задачи требуют дальнейшего продвижения вперед.

После этого мы выступили из Львова по направлению к городу Золочев.

Командный состав батальона... отличался большой жестокостью по отношению к советским людям. Я лично видел, как один фельдфебель из нашего батальона возле Стрыйских казарм застрелил ни в чем не повинную молодую девушку.

В городе Золочев мы находились несколько дней, охраняя военнопленных. Командованием батальона было приказано выявлять среди военнопленных коммунистов, а затем уничтожать их».

Другой свидетель, Теодор Сулим, бывший узник Освенцима и Маутхаузена, дал показания об увиденном во Львове в первые дни оккупации: «В ночь с 29 на 30 июня 1941 г. этот город был занят немецко-фашистскими войсками. Вместе с ними в город ворвались и вооруженные украинские националисты, которые были одеты в полевую форму немецкой армии и имели на погонах знак отличия в виде желто-голубой ленточки. Вскоре стало известно, что эти националисты составляют батальон «Нахтигаль», находившийся под немецким командованием.

После захвата города немецкие бандиты, гитлеровцы и их подручные, украинские националисты из «Нахтигалья», стали жестоко расправляться с мирным населением. Начались массовые аресты, расстрелы, пытки и глумления над жителями города. В городе не было улицы, на которой не валялись бы трупы людей.

30 июня 1941 г. я видел, как солдаты «Нахтигалья» выволокли из дома № 65 по ул. Потоцкого моего соседа, 23-летнего студента Трояновского, и тут же в овраге за домом расстреляли

его. В этот же день на улице Коперника я был свидетелем расстрела большой группы людей, которых фашисты конвоировали в направлении улицы Сталина. Истекавших кровью раненых фашистские изверги добивали прикладами и каблуками сапог.

Кровавую расправу фашистские палачи учинили над интеллигенцией Львова. В первые же дни оккупации по городу разнеслась весть о том, что гитлеровцами арестованы такие видные ученые, литераторы, юристы и медики, как Бартель, Бой-Желенский, Вайгель, Гилярович, Домасевич, Мундт, Новицкий, Островский, Пилят, Ренцкий, Серадский, Стожек и другие. Стало известно, что их содержат в застенках бурсы Абрагамовича под охраной гитлеровцев и украинских националистов.

И вот мне лично пришлось быть свидетелем расстрела людей, содержащихся гитлеровцами в бурсе Абрагамовича... 3 июля 1941 г., под вечер, из окон моей квартиры я увидел следующую картину: группа вооруженных солдат со стороны бурсы Абрагамовича вниз по Вулецкой горе вела под конвоем семь человек гражданских лиц, несших на себе лопаты. Дойдя примерно до половины Вулецкой горы, конвоиры остановились и, как было видно по их жестам, заставили этих людей копать яму. Когда они выкопали могилу, я увидел, как фашисты расстреляли их, зарыли трупы и удалились в направлении бурсы Абрагамовича. В ночь с 3 на 4 июля я несколько раз слышал выстрелы и автоматные очереди, доносившиеся с Вулецкой горы.

На следующий день утром я встретил своего соседа, поляка по национальности, Пионтека Станислава, и рассказал ему о происшедшем. Пионтек подтвердил, что он тоже все это видел и слышал и что прошедшей ночью гитлеровские варвары совершили чудовищное злодеяние. «На склонах Вулецкой горы,— заявил со слезами старик Пионтек, — фашистские палачи расстреляли цвет польской интеллигенции».

Гитлеровцы и их подручные, украинские националисты из «Нахтигалья», продолжали творить свои чудовищные злодеяния и в последующие дни. Много невинных граждан они повесили на балконах разных зданий Львова. На балконе Оперного театра были повешены 12 человек, среди которых находился и мой друг, студент университета Сергей Глебовицкий. Злодеяния, которые были совершены фашистами и их сподручными — украинскими националистами из «Нахтигалья» в первые

дни оккупации Львова, по своей жестокости превосходили до того известные в истории человечества».

Список выдающихся ученых, подлежащих уничтожению, по поручению Н. Лебеда составили оуновцы Евгений Врецьона и Иван Климов, пользуясь довоенным телефонным справочником. Они включали в него людей, против фамилии которых в справочнике значилось «профессор» или другое ученое звание. Всего в список были внесены фамилии более 300 человек.

Далее путь бандеровских «соловьев» пролегал на Золочев. Как свидетельствует «Акт государственной комиссии по расследованию преступлений, совершенных фашистскими палачами в городе Золочеве Львовской области от 4.IX.1944 г.», батальон «Нахтигаль» принимал активное участие в массовых расстрелах мирного населения этого го рода. Так, 3 июля 1941 года каратели, в том числе «соловьи», согнали свыше 3200 золочевских евреев в парк, заставили свои жертвы выкопать яму и в ней расстреляли их. Одной из жертв, Абраму Розену, получившему ранение, удалось ночью выбраться из ямы и спастись. По его словам, оуновцы, среди которых Розен узнал Сагатого, Воронкевича и Алешкевича, принудили евреев лечь рядами на дно ямы, после чего стали хладнокровно убивать их из автоматов и пулеметов. 4 и 5 июля 1941 года каратели согнали во двор местной тюрьмы около 1200 советских военнопленных, большинство которых имели огнестрельные ранения. К ним нацисты и их подручные присоединили местных советских активистов — сотрудников бывших районных и городских учреждений, рядовых коммунистов и комсомольцев, простых горожан, сочувствовавших советской власти, и расстреляли их. Члены государственной комиссии обнаружили в девяти ямах около пяти тысяч трупов. Всего же в Золочеве были убиты свыше 12 тысяч человек. Подобное оуновцы творили в Тернополе, Кременце, Сатанове и других городах Украины.

Бывший солдат батальона «Нахтигаль» Григорий Мельник рассказывал впоследствии:

«В Сатанов взвод прибыл ночью. Вокруг были выставлены патрули с приказом никого не выпускать, расстреливать на месте. Руководил «операцией» заместитель Шухевича Василий Сидор. У него в руках списки. Он врывается в квартиры и стреляет во всех, кто попадает на встречу. Помилования нет никому. Из хаты выбежала испуганная девочка, бежит по дво-

ру, ищет место, где бы спрятаться. Из дому выходит Сидор. Он спокойно приближается к ребенку, прижавшемуся к стене. На малышке только рубашонка. Маленькие босые ножки выделяются на черной земле. Сидор медленно надвигается. Девочка видит в руке его пистолет, кричит «Мама!», и в этот миг Сидор стреляет прямо в ее открытый ротик».

Польский исследователь Александр Корман подчеркивает, что украинские солдаты из «Нахтигаль» тысячами трупов отметили свой «боевой путь» от Львова до Винницы.

Как было сказано выше, во время нападения в красноармейской форме на штаб одной из частей РККА в лесу под Винницей диверсанты понесли настолько большие потери, что остатки батальона «Нахтигаль» пришлось расформировать. Но, поскольку диверсант с такой подготовкой — «товар штучный», оставшиеся в живых «соловьи» были отправлены на переподготовку и после заключения контрактов зачислены в 201 шуцманшафтбатальон. Эта воинская часть входила в состав карательного корпуса под командованием обергруппенфюрера СС Эриха фон дем Бах-Залевски. На протяжении года бывшие «соловьи» уничтожали партизанские села в Белоруссии и делали это столь «исправно», что Бах-Залевски называл оуновских карателей «лучшим из всех подразделений, находившихся под его командованием».

За эту операцию несколько «нахтигалевцев», в том числе Ю. Лопатинский-«Калина», получили от «рейха» нагрудные железные кресты.

Чего хотел «Нахтигаль»

Сегодня апологеты бандеровщины пытаются доказать, что после «почетного ареста» Степана Бандеры и других лидеров националистов (об этих событиях мы еще поговорим) «нахтигалевцы» вместе с Шухевичем были обезоружены и расформированы. Однако это опровергается не только записями в походном журнале батальона, но и следующими показаниями полковника абвера Альфреда Бизанца: *«В сентябре месяце 1941 года немецкое гестапо произвело аресты руководителей так называемого «правительства Ярослава Стецько», созданного украинскими националистами в городе Львове. В связи с этими арестами в декабре месяце 1941 года из района Вин-*

ницы, где дислоцировался вышеуказанный украинско-немецкий батальон, ко мне прибыл в качестве делегата Шухевич. О приезде во Львов делегата украинско-немецкого батальона я был перед этим поставлен в известность немецким представителем при этом батальоне — Оберлендером, который в тот момент имел чин капитана немецкой армии. Присланный ко мне Оберлендером Шухевич в начале декабря был принят мною в помещении бюро отдела «По делам населения и обеспечения в Галиции», в доме бывшего галицийского воеводства Польши.

С Шухевичем я беседовал около одного часа. Он передал мне списки военнослужащих вышеуказанного батальона с адресами их семей и просил меня оказать содействие в охране членов этих семей от возможных арестов со стороны гестапо и от вывоза на работы в Германию. Кроме того, он просил обеспечить эти семьи положенным им пайком и денежным содержанием, что было предусмотрено в свое время немецким командованием (выделено автором).

Во время беседы Шухевич сообщил мне, что произведенные немцами аресты украинских националистов во Львове, а также арест немцами в городе Кракове известного украинского националиста Бандеры Степана вызвали среди военнослужащих украинского батальона большое беспокойство за свою судьбу.

Оказывается, все весьма прозаично! «Соловьи» беспокоились лишь о своем обеспечении пайками и денежным содержанием, а также о том, чтобы в связи с арестом Бандеры не пострадали их семьи. Кроме того, как следует из показаний бывшего «нахтигалева», а впоследствии инспектора штаба ВО УПА «Буг» Виктора Харкива — «Хмары», «некоторые немцы старались нас утешить тем, что скоро мы поедem в Киев и станем основой украинского полицейского корпуса. В это же время, а было это в первой половине августа, офицер Герцнер сообщил нам, что мы возвращаемся назад в Германию, к месту нашего обучения». То есть, «соловьи» уже живо представляли себя киевскими полицаями, когда их отправили «доучиваться», а затем в Белоруссию, к «злым партизанам»...

В заключении комиссии под руководством профессора С. Кульчицкого, призванном обелить репутацию ОУН-УПА, говорится: «У липні 1941 р. Р. Шухевич дізнався про арешт більшості лідерів ОУН(б) і звернувся безпосередньо до Верховного командування вермахту з повідомленням: очолюваний ним батальйон

не може далі перебувати у підпорядкуванні німецької армії. Результатом цього нечуваного демаршу стало негайне роззброєння батальйона і переведення його в столицю Генерального губернаторства Територія Польщі... Краків». Как видим, лукавят «национально сознательные» ученые!..

Но все-таки заявление Шухевича было. Правда, не протест и отказ «перебувати у підпорядкуванні німецької армії». Об этом детально говорится в выписке из протокола допроса обвиняемого Якова Кравчука от 23 декабря 1948 года. Он был переводчиком в зондеркоманде, которая в начале сентября 1941 года двигалась по направлению к Киеву.

«Вопрос: *Расскажите подробно о Вашей встрече с ШУХЕВИЧЕМ Романом.*

Ответ: *Даты сейчас не припоминаю, помню, что это было в первых числах сентября 1941 года, примерно в 16 часов. Меня к себе вызвал начальник зондеркоманды капитан ФЕРБЕК. Когда я явился в комнату, служившую рабочим кабинетом ФЕРБЕКА, — там находился неизвестный мне мужчина лет 30—35, выше среднего роста, подробных примет за давностью времени сейчас уже не помню.*

ФЕРБЕК познакомил меня с указанным мужчиной и представил его, как ШУХЕВИЧА, командира батальйона «Нахтигаль»... Мы познакомились с ШУХЕВИЧЕМ. Я ему кратко сообщил данные о себе, а о нем, ШУХЕВИЧЕ, и особенно его отце, как видных украинских националистах, я и ранее был хорошо осведомлен.

После того, как мы познакомились, ШУХЕВИЧ около часа вел переговоры с ФЕРБЕКОМ. Я участвовал в этих переговорах в качестве переводчика. После переговоров ШУХЕВИЧ ушел и больше я с ним не встречался, но много слышал о его националистической антисоветской деятельности на Украине до последнего времени.

Вопрос: *По какому вопросу и в связи с чем велись переговоры между ФЕРБЕКОМ и ШУХЕВИЧЕМ?*

Ответ: *Как видно было, инициатором переговоров был ШУХЕВИЧ. Кроме того, в этих переговорах он выступал не как командир батальйона, а как представитель и уполномоченный центрального руководства ОУН.*

ШУХЕВИЧ предлагал ФЕРБЕКУ договориться с командованием немецких вооруженных сил о том, что он согласен свой батальйон, условно именовавшийся «СОЛОВЕЙ», перебросить в тыл

советских войск и действовать там партизанскими методами, координируя эти действия с немецким командованием.

В процессе переговоров ШУХЕВИЧ выдвинул ряд требований, при удовлетворении которых он соглашался со своим батальоном выполнять задания немецкого командования в тылу советских войск.

ШУХЕВИЧ, в частности, поставил условия: батальон будет действовать от имени «самостоятельного украинского государства» и что по мере захвата немецкими войсками территории Украины там будут создаваться органы власти Организации украинских националистов. Немецкое командование, по условиям ШУХЕВИЧА, должно было предоставить батальону необходимое оружие, боеприпасы, экипировку и продовольствие. Речь также шла о самостоятельности батальона и его командования в части способов выполнения им заданий...

Я понял, что идея посылки в тыл Советской Армии целого батальона для ФЕРБЕКА была очень заманчивой, даже только из личных корыстных целей. Осуществив это, ФЕРБЕК, безусловно, повысил бы свой авторитет, но поскольку решать такие вопросы было не в его компетенции, — он заявил ШУХЕВИЧУ, что в основном одобряет предложенное им мероприятие и пойдет с ходатайством к вышестоящему командованию. О результатах обещал сообщить ШУХЕВИЧУ после окончательного решения этого вопроса.

Вопрос: Каковы же окончательные результаты этих переговоров?

Ответ: Об окончательных результатах переговоров между ШУХЕВИЧЕМ и ФЕРБЕКОМ я узнал позже. В конечном результате они не увенчались успехом.

Уже в конце сентября 1941 года, когда «зондеркоманда» передислоцировалась в г. Киев, к нам прибыл из армейской группы доктор Ганс КОХ, и уже он вместе с ФЕРБЕКОМ закончил переговоры с представителем ШУХЕВИЧА, поручиком ЗАХВАЛЬНСКИМ.

О том, что немецкое командование не приняло условий ШУХЕВИЧА, мне лично рассказал ЗАХВАЛЬНСКИЙ... Он сильно был расстроен отрицательным ответом немецкого командования и всячески ругал немцев».

Стоит обратить внимание на то, кому Шухевич предлагал услуги. Так называемые зондеркоманды были спецчастями, предназначенными для уничтожения в завоеванных «восточ-

ных областях» всех политических противников, прежде всего коммунистов и «расово неполноценных элементов». Судя по всему, речь идёт о зондеркоманде 4а, входившей в айнзатц-группу «С» под командованием д-ра Раша, которая действовала в прифронтовой полосе группы армий «Юг». Именно эта группа, вместе с ее украинскими «помощниками», занималась массовым уничтожением еврейского населения Киева 29—30 сентября 1941 года в Бабьем Яру. Так что, если бы не конкуренция между абвером, опекавшим бандеровцев, и гестапо, которое курировало ОУН Мельника, то вместо Буковинского куреня П. Войновского (ОУН-м) помогать нацистам «окончательно решать еврейский вопрос» в Киеве вполне мог бы Шухевич. Но — не повезло!.. Как раз накануне визита Шухевича к начальнику зондеркоманды, 30 августа, в Житомире бандеровцы убили двух ведущих членов ОУН-м, возглавлявших походные группы, — О. Сеника-Грибовского и «отца конституции ОУН» Н. Сциборского, чем нарушили планы немцев. Кроме того, не исключено, что здесь сыграло свою роль и личное вмешательство представителя министерства оккупированных территорий и ОКВ при штабе группы армий «Юг», д-ра Г. Коха, который имел на бандеровцев большой зуб за подделку своей подписи под «Актом провозглашения Украинской Державы». Но об этом будет рассказано ниже.

«Під проводом Адольфа Гітлера». Акт 30 июня 1941 года

29 июня 1941 года, после боев с диверсионными националистическими группами, части РККА оставили Львов. На рассвете 30 июня в город вошли немецкие части и батальон «Нахтигаль». После полудня прибыла специальная походная группа ОУН-б. Вечером того же дня был провозглашен «акт про відновлення незалежності України», а если быть точными, то документ о создании «крайового правління західних областей України» во главе с Ярославом Стецько.

Немало историков в диаспоре и в Галичине сегодня называет тогдашнее собрание во Львове «великим», «народным» и даже «национальным собранием». На самом деле провозглашение «акта» приветствовали от 60 до 100 человек. Апологеты бандеровщины также не жалеют сил, чтобы представить собы-

тие 30 июня 1941 года как вызов гитлеровцам, как мероприятие, проведенное без их ведома. Однако эта версия противоречит фактам. В оккупированном Львове, где уже висели приказы германского военного командования о запрещении под страхом смерти всяких собраний, о комендантском часе, — собраться в центре города, возле ратуши несколько десятков человек можно было только под немецким покровительством.

Наконец, всяким обеляющим версиям противоречит содержание самого «акта». В пункте 3 говорится: *«Відновлена (в других вариантах «новопостаюча» — М. Б.) Українська Держава буде тісно співдіяти з Націонал-Соціалістичною Великонімецьчиною, що під проводом Адольфа Гітлера творить новий лад в Європі й світі та допомагає українському народові визволитися з-під московської окупації».*

Українська Національно-Революційна Армія, що твориться на українській землі, боротисьме дальше спільно з союзною німецькою армією проти московської окупації за Суверенну Соборну Українську Державу і новий лад у цілому світі»...

Степан Бандера и его сторонники явно спешили. Они хотели упредить мельниковцев и других националистов, чтобы захватить побольше власти на оккупированной немцами Украине. А нынешние сторонники Бандеры и Стецько (они главенствуют в националистической среде) тщательно умалчивают о том, что в Киеве также было сформировано «правительство», только мельниковское — «Национальная Рада Украины», во главе с В. Величковским. Почему-то не вспоминают и о «самостийной Украине», провозглашенной «эmissаром УНР» Тарасом Бульбой-Боровцем в Ровенской области... Но чем эти прогитлеровские «независимости» хуже бандеровской?!

Не слишком известна (нарочно забыта?) также изданная Ярославом Стецько и его «урядом» «Деклярація Правління Української Держави». Вот выдержки из нее:

«Волею українського народу відновлено й проголошено Українську Незалежну Державу у звільненому, внаслідок перемоги німецької збройної сили, місті Львові...»

Там, знову, де вже українська територія звільнена у висліді воєнних ділань Славної німецької Армії від ворожої окупації, — Організація Українських Націоналістів приступила негайно до перебудови цілого життя, опертого досі на фікції радянської державности, що була тільки формою поневолення — на основах правдивої свободи і державної суверенности України.

Довершення цього великого історичного діла і висловом бажань і довголітної боротьби цілого українського народу, в якій він положив безконечну кількість кровавих жертв. Нова Українська Держава, базуючись на повній суверенності своєї влади, стає добровільною в рамці нового ладу Європи, який творить вождь німецької Армії й німецького народу Адольф Гітлер (выделено автором).

Ми мали змогу доконати акту відновлення нашої державності саме завдяки побідапм Славної Німецької Армії, яка під проводом свого великого вождя вийшла на боротьбу за цей новий лад.

Виходячи з цієї основи, пов'язуючи дальше до міждержавного акту з 1918 р., до почувань найглибшої приязні, які має український загаль у відношенні до Німецької Армії та світоглядних і ідеологічних залогень Українського Революційного націоналізму, Нова Українська Держава і її Влада — стають у процес будівництва нового ладу в Європі і цілому світі (выделено автором)...

Отже, будемо з ними дальше йти й дальше боротися. Нашим першим змаганням буде тепер утворити якнайскорше українську Збройну Силу, щоби Вона відтяжила німецьку армію й пішла негайно в бій за новий і остаточний розвал московської тюрми народів (выделено автором)...

Створимо здорові й сильні підвалини нашої Державної Незалежності й будемо рівночасно в стані дати незалежну економічну допомогу Німецької Армії (выделено автором). Слава Україні! Героям слава!».

Здесь, как говорится, комментарии излишни. Хотя, как оказалось, сегодня кое-кто тоже готов использовать «українську збройну силу», чтобы она «відтяжила» американских солдат в Ираке, Афганистане и других местах, куда пошлет украинцев дядюшка Сэм. Готовы наши «проводники» предоставлять и «незалежну економічну допомогу» любым транснациональным корпорациям и международным структурам, лишь бы насолить России...

Участник собрания 30 июня, священник, доктор богословия Гавриил Костельник, после войны убитый бандеровцами, вспоминает: «Зігнано було людей, мабуть, більше сотні, — української інтеллігенції. Кажу «зігнано» тому, що це був перший день вступу німців до Львова. У місті лунали постріли, здалека

чувся гуркіт гармат. Люди побоювались виходити на вулицю, а ті, що виходили, не відривались далеко від дому. Серед присутніх чимало було греко-католицьких священиків, зібраних зусиллями бандерівського капелана отця Івана Гриньоха. Представником митрополита був коад'ютор Йосиф Сліпий, який поводив себе тут чи не як протектор тих, хто скликав цю нараду. Виявилось, що це не проста нарада. Оголошено було, — бігме, сором про це говорити тепер, — що всі ми присутні являємо собою «народні збори», які мають проголосити утвердження української держави і затвердити «уряд», сформований за вказівками Степана Бандери якимось Ярославом Стецьком. «Народними зборами» цю нараду вирішено було назвати не просто для авторитетності її, а для того, щоб протиставити це збіговиську тим Народним Зборам, що були скликані у Львові в жовтні 1939 р., на яких було проголошено встановлення радянської влади в Західній Україні. Тут були присутні і представники німецької військової влади. Слово взяв голова «уряду» Ярослав Стецько — миршавенький чоловічок, який, не вмючи себе тримати на людях, тремтячим голосом зачитав акт проголошення «державної соборної самостійної України» і проголосив, так би мовити, декларативну заяву «уряду». З того, що оголошував і говорив цей миршавий чоловічок, який іменував себе головою «уряду», запам'ятались дві особливості: це — неперевершена хвалебність німецькому фюреру і його непереможному воїнству, і погрози, страшні погрози всім, хто виявляє непокору «урядові» «української держави», який, говорив Стецько, «буде діяти в єдності з Великонімецьчиною фюрера». «Політику ми будемо робити без сантиментів, — намагаючись взяти застрашливий тон, цілком серйозно провістив миршавий чоловічок. — Ми винищимо всіх, без винятку, хто ставатиме нам на перешкоді. Керівниками всіх галузей життя будуть українці і тільки українці, а не вороги-чужинці — москалі, поляки, євреї. Наша влада буде політичною і воєнною диктатурою ОУН, диктатурою, для ворогів страшною і невблаганною...» Згадуючи про це, дивуєшся, як ми, душпастирі греко-католицької церкви, могли піддатись тій силі сатанинської ненависті до радянських людей, до всіх інакомислячих, що її проголосили на тому збіговиську діти наші, діти, що були виховані і виплекані нами...»

Воспоминання об этом «выдающемся» событии оставил и один из известных деятелей националистического движения Кость Паньківський, — он в «правительстве» Стецько займав пост «заместителя министра внутренних дел». Тогда же Паньківський был назначен генеральным секретарем возглавляемой митрополитом Шептицьким «Української національної ради» (УНР), а в 1942 г. стал также заместителем председателя Украинского центрального комитета (УЦК) В. Кубийовича.

Итак, Паньківський пише: *«Я довідався про те, що вже раненько 30/6 під собор св. Юра прийшов з першими німецькими частинами відділ українських добровольців-націоналістів під проводом Романа Шухевича і о. д-ра Івана Гриньоха, так званий легіон «Нахтігаль». Тільки маленька блакитно-жовта стяжка на ремені відрізняла їх від німецьких вояків. Митрополит Шептицький, якого вони відвідали, вислухавши о. Гриньоха, якого знав як свого вихованця й кандидата на професора теології, благословив вояків і дав благословення також і для майбутнього українського уряду...»*

В палаті митрополита поселився знаний у Львові професор історії східної Європи університету в Кенігсберзі, галицький німець, колишній сотник Галицької армії — в той час гавтман у відділі військової контррозвідки — д-р Ганс Кох. Разом із Кохом гостем митрополичої палати був його співробітник д-р Р. Фель, знавець польських і українських справ, якого ми тоді не знали...

Около полудня прибули до Львова вже також перші представники ОУН в цивільному убранні: Ярослав Стецько, Євген Врецьона, Ярослав Старух і інші. Вони приїхали на автах вермахту та, зв'язавшись із своїми людьми в місті, скликали на вечір громадські збори до будинку товариства «Просвіта» на Ринку...

Ті збори, які пізніше названо «Національними зборами», викликали різні коментарі. Учасники критикували їх невідповідну обстановку — невеликі, темні кімнати, в яких блимали свічки; непідготування зборів — запрошені не знали, що має бути предметом наради; незрозумілий тоді загальний поспіх, нервовий настрій. Участь громадянства не була велика, бо людей скликано пізно, та й вечірня пора не сприяла, тому що дозволено було ходити тільки до дев'ятої години. Все ж таки було около сотні присутніх...

Та передовсім у всіх учасників зборів, з якими я зустрічався, ті збори викликали розчарування і занепокоєння. Від передового представника ОУН, який прийшов до Львова разом з німецьким військом, проголосив «державність» та подав до відома іменування себе «головою правління», громада чекала свого роду громадського звіту про те, що зробила організація для справи за час довгих двох років, коли край мусів мовчати, та як вона розуміє своє завдання. Люди хотіли хоч приблизно знати, що несуть Україні і організація, і німці, — яку конструктивну програму та який плян конструктивного домовлення має з німцями керівництво організації. Про ці справи на зборах не було мови. Дешева революційна агітка була змістом промови голови всіх дальших прибулих до Львова промовців з проводу ОУН...

... На закінчення промовив присутній весь час на зборах гавптман д-р Ганс Кох. Його промова прозвучала дисонансом. Формою — зокрема в порівнянні з блідою мовою Стецька — вона була гарна, та за змістом своїм — хоч мала моменти українсько-патріотичні і навіть нотки вроді: «Маєте тепер Україну!» — зробила дуже прикре враження. Кох привітав присутніх із визволенням та визвав «до праці й співпраці з німецькою армією». Більш неприємно вражала своїм повчальним тоном та частина промови, що особливо не гармонізувала із виступом Стецька. Кох говорив про те, «що війна не закінчена і з усякими політичними плянами треба чекати на вирішення фюрера».

Действительно, в планы фашистских оккупантов не входило создание даже марионеточного украинского государства. Поэтому, по меткому выражению Д. Мануильского, они «ударом фашистского сапога выбросили это правительство на помойку так, как фриц выбрасывает пустую банку из-под консервов после использования всего, что в ней было».

Впрочем, на этом собрании бандеровцы ухитрились «подставить» и своих покровителей, офицеров абвера. В справке КГБ УССР для ЦК КПУ (1965 год) «О связях украинских националистов с разведывательными органами буржуазных государств и подрывной деятельности против Советского Союза» говорится: «Жертвами провокации оказались сами хозяева — немцы, что видно из показаний бывшего начальника 2 отдела штаба оккупационных войск Украины Лазарека».

А Лазарек показал, что «бандеровцы тогда афишировали перед всем миром и распространяли по радио и в печати данные о том, что немцы «освободили» Украину от большевиков и передают административную власть «ее хозяевам — украинским националистам». Они ссылались на профессора Коха Ганса как на представителя немецкого государства, уполномоченного подписать декрет о создании бандеровского «правительства» СТЕЦКО, и распространяли этот декрет с подписью Коха. Впоследствии я от Коха узнал, что бандеровцы его спровоцировали. Он действительно был приглашен бандеровцами на заседание, но не знал, что там будет объявлено создание «правительства» СТЕЦКО. Ему там отвели почетное место, просили выступить еще до того, как объявили о создании «правительства», он выступил, заявил, что немцы создали свободную самостоятельную Украину и т.п. Когда объявили декрет о создании «правительства», он был возмущен, связался после заседания с Берлином и высказал свое возмущение случившимся. Еще больше он был возмущен, когда под декретом появилась его подпись. Он мне клялся, что подпись была поддельная. Из Берлина была послана специальная комиссия для проверки создавшегося положения и выяснения роли в этом Коха. Была проведена экспертиза по сличению почерка Коха с подписью на декрете, проверка подтвердила, что подпись была поддельная». Как авторами уже указывалось, эта «шутка» с поддельной подписью Ганса Коха и могла стать одной из причин, по которым Кох отказал Роману Шухевичу в переводе в Киев, предпочтя бандеровцам более предсказуемых мельниковцев.

В цитированной справке также объяснялись причины разгона «правительства» Стецько. «Известно, что между гестапо и немецкой военной разведкой «Абвером» еще накануне войны имелись разногласия в деле использования ОУН. Гестапо не могло простить Бандере того, что он перебежал на сторону «Абвера» и решился выступить против мельниковцев, состоявших на службе у гестапо. Однако главной причиной отстранения бандеровцев от политической деятельности явилось то обстоятельство, что они имели базу и влияние только лишь в западных областях Украины, а следовательно, не могли оказать существенной пользы в оккупации восточных областей Украины. Там более прочные позиции принадлежали украинским националистам ОУН-мельниковцев. Поэтому нет ничего

удивительного, что «Абвер» не взял под свою защиту Бандеру, когда гестапо, защищая своих верных агентов-мельниковцев и спасая их от террора бандеровцев, выдворило Бандеру, Стецко и других главарей ОУН из Львова и Кракова в Берлин, где взяло их под домашний арест. Немцы не испытывали особой нужды в бандеровцах до 1943 года, т.е. до того момента, пока немецкие войска не докатились от Сталинграда до границ западных областей Украины».

К тому же следует учитывать, что начальник отдела «Абвер-Берлин» полковник Эрвин Штольце на Нюрнбергском процессе назвал реальной причиной ареста Бандеры не политическую версию, а... криминальную. «С нападением Германии на Советский Союз, — свидетельствовал Штольце, — Бандера активизировал националистическое движение в областях, оккупированных немцами и привлек на свою сторону особо активную часть украинских националистов, по сути, вытеснив Мельника из руководства. Обострение между Мельником и Бандерой дошло до предела. В августе 1941 года Канарис поручил мне прекратить связь с Бандерой и, наоборот, во главе националистов удержать Мельника...

Вскоре после прекращения связи с Бандерой он был арестован за попытку сформировать украинское правительство во Львове.

Для разрыва связи с Бандерой был использован факт, что последний в 1940 г., получив от «Абвера» большую сумму денег для финансирования созданного подполья в целях организации подрывной деятельности, пытался их присвоить и перевёл в один из швейцарских банков, откуда они нами были изъяты и снова возвращены Бандере...

Один из лидеров мельниковцев, Зиновий Кныш, в своей книге «Бунт Бандеры» писал: «Ось так народилася легенда «акту самостійності», що його з таким шумом ще тому кілька літ бандерівська партія старалася просунути в пантеон святощів української традиції... Ось так народився діявол в українській політичній дійсності. За повитуху була йому німецька дефенсива, за кумів амбітна гордість і бунтарський непослух. Скільки він лиха накоїв в Україні, скільки сліз і крові пролляв — не списати на воволій шкурі. Все те занотоване на скрижалях мартирології українського народу і стане колись перед судом історії».

«Почесний арешт» Бандеры

После всех этих событий, по словам Стецько, на Бандеру было «накладено почесний арештеренгафт». Был арестован и сам Стецько: он оказался во львовском гестапо. Впрочем, там его не мучили, а накормили «какао з хлібом» и отправили сначала в Краков, а затем в Берлин — объясняться с Эрвином Штольце из Абвера II. 15 июля Бандера и Стецько были освобождены «з забороною опускати (оставлять) Берлін та з обов'язком голоситися на поліцію», — уточнял Ярослав Стецько.

Во время «почесного арешту» и после него происходили многочисленные встречи Бандеры и Стецько с различными гитлеровскими военными, партайгеноссе и чиновниками разных ведомств, во время которых они оправдывались перед гитлеровцами за несанкционированную активность и убеждали их в том, что Германия без помощи Украины (т. е. националистов) никогда не победит Москву.

Так, еще в Кракове Бандера и его соратники встречались с государственным секретарем Кундтом, судьей Бюловым, полковником Бизанцем и одним из высших чиновников генерал-губернаторства — Фелем. Этот разговор примечателен тем, что немцы в резкой форме указали своим «союзникам» их место, а Бандера и другие униженно оправдывались и обещали в дальнейшем полностью следовать в фарватере немецкой политики.

Стоит процитировать этот документ, чтобы читатель мог сам составить представление о «самостоятельности» Бандеры и его людей, а также о перспективах «самостийной Украины» по-бандеровски.

Начало беседы касалось выпущенного националистами бюллетеня (циркуляра) и радиопередачи, уведомлявших всех о провозглашении Акта о воссоздании Украинской державы. Госсекретарь Кундт так выразил отношение германского руководства к этому документу:

«Содержание этого бюллетеня не соответствует фактам. Немецким органам власти, а также берлинским инстанциям ничего не известно о существовании украинской власти в Львове. Такая власть не может быть установлена без ведома Берлина. Далее, ничего не известно о том, принимал ли уполномоченный немецкого руководства проф. д-р Кох участие в

«Национальном собрании» во Львове. Также неизвестно, принимали ли в этом сборище участие высшие немецкие офицеры. Здесь либо идет речь о самоуправстве отдельных людей, использовавших радиостанцию для своих целей, — в таком случае это нарушение военно-правового статуса, поскольку вся территория является зоной операции, где не может проводиться кем-то отдельная политика, — либо о российской радиостанции, которая распространила дезинформацию. Других вариантов я не вижу.

Текст, который распространила львовская радиостанция... является весьма своеобразным творением, поскольку в нем идет речь про украинские вооруженные силы, которые плечом к плечу борются вместе с немецкими солдатами. Я констатирую, что украинские вооруженные силы в настоящее время не воюют. Сам этот прием способствует распространению дезинформации. Также в сообщении идет речь о том, что немецкий рейх и немецкий вермахт — союзники украинцев. Это не так; единственная личность, которая ведет борьбу, — это фюрер, а украинских союзников не существует. Возможно, украинцы чувствуют себя нашими союзниками, однако в контексте государственно-правовой терминологии мы не союзники, мы завоеватели советско-российской территории. Здесь вами проявляются желания, которые выходят за грани реальности и которые вызывают в высших инстанциях рейха недовольство. Полагаю, что здесь действует загадочный инициатор, заинтересованный в том, чтобы разрушить доселе хорошую репутацию украинцев среди немецких руководящих кругов рейха. Я не могу допустить, что это делают украинцы. Возможно, здесь действуют некие особы, которые из-за болезненного честолюбия желают получить власть в Киеве и вредят как самим себе, так и украинцам....

Что касается вашего информационного листка, то формально я констатирую, что в соответствии с законами Генерал-губернаторства вы должны были бы знать: информационные листки могут издаваться лишь с разрешения главного отдела пропаганды.

Сегодня я отбываю в Берлин, где будет принято окончательное решение. Я лишь хочу по доброй воле сразу вас предупредить: недопустимо и далее действовать такими же методами и компрометировать себя перед своим народом...

В этой загадочной информации львовского радио либо какого-то другого вражеского радио утверждается, что пан Бандера был провозглашен вождем свободного государства западных украинцев и что вы назначили Стецько руководителем государства...

Переводчик: Пан Бандера просит дать ему возможность разъяснить украинскую позицию.

Кундт: Я прошу заметить, что значимой является лишь позиция немецкая.

Бандера: Уже 20 лет, до сегодняшнего дня, украинцы ведут войну против большевизма в самой революционной форме. Эту войну они ведут самостоятельно. Руководство ОУН вело революционную борьбу против всех оккупантов Украины. Эта борьба до последнего момента велась самостоятельно во имя самостийной, незалежной Украины. В этой борьбе ОУН стремилась приобрести союзников для великой борьбы против Польши и России.... Великогерманская власть, а именно национал-социалистическая власть, является нашим главным союзником и по сей день стоит на нашей стороне. ОУН различными методами сотрудничала с немецкими руководящими инстанциями. Они (оуновцы) совместно с немцами боролись против Польши и также понесли потери, сотрудничая с Германией в той форме, в какой им было позволено. В эти последние два года нами велась также борьба против большевизма, конспиративно и лишь в той форме, что разрешалась немецкими инстанциями, с которыми велось сотрудничество, причем политическому статусу Германии это ничем не угрожало.

Это время организация использовала свой потенциал для подготовки борьбы против главного противника — россиян и особенно против большевизма. В этой боевой работе за два года она также понесла потери. Организация готовилась для вооруженной борьбы и сделала все, чтобы вступить в последнюю борьбу, причем в форме, которая разрешалась немецкими властями...

Кундт: Это правильно. Пока вы поддерживаете контакт с немецкими служебными инстанциями, ваша работа соответственно и оценивается...

Бандера: Перед началом военных действий 15 июня я передал меморандум в рейхсканцелярию, в котором говорилось, что требуется немедленно приступить к организации вла-

сти. Я отдал приказ: после освобождения создать в областях украинскую власть. Этот приказ был отдан перед началом акции через повстанческие группы, для того чтобы эти группы немедленно вступили в борьбу и создавали в освобожденных районах администрацию.

Кундт: Вы об этом уведомили абвер?

Бандера: Да, но абвер и перед началом войны, и после него не считал себя компетентным в этих делах. Это решалось в Берлине.

Я подчеркиваю, что это не было в форме договоренности. Мне сказали, что официальные инстанции еще не приняли окончательного решения про восстановление украинской власти, которую **отдадут** в руки украинцев. Это было в форме обсуждения, обещаний не давалось.

Кундт: Вы были провозглашены вашими людьми руководителем первого украинского правительства в Западной Украине на основе Вашего приказа после вступления войск во Львов?

Бандера: Этот приказ я отдал как руководитель организации ОУН, т.е. как руководитель украинских националистов, поскольку эта организация руководит украинским народом.

Я по поручению ОУН провозгласил себя руководителем украинского народа. ОУН была единственной организацией, которая вела борьбу и имеет право создать правительство с учетом ведущейся ею борьбы.

Кундт: Право имеют немецкий вермахт и фюрер, который завоевал край. Он имеет право назначать украинское руководство.

Бандера: Это было бы руководство, которое создавать указом немецкого правительства. А это правительство создавалось самостоятельно и также с целью сотрудничества с немцами.

Кундт: Это было согласовано с немецким военным комендантом?

Бандера: Я не знаю, делалось ли все это с ведома немецких инстанций. Я дал инструкции, в которых говорилось: делать все с согласия немцев. Я допускаю, что так было и в этот раз, так как радиостанция выдала в эфир сообщение с уведомлением на немецком языке.

Кундт: Обращения к фюреру и вермахту были переданы на немецком и украинском языках, а далее следовало заявление лишь на украинском.

Бандера: Относительно происходившего во Львове я не информирован. На собрании УНК во Львове присутствовал Стецко...

Кундт: Я хочу сказать пану Бандере следующее: тот факт, что он передал меморандум в рейхсканцелярию, еще не означает доверия. То, что вы предложили, еще не стало законом, и поэтому господа из абвера, т. е. инстанции, подчиняющейся фюреру, были уведомлены про ваши намерения, но не дали согласия на их реализацию. Кроме того, как человек, на протяжении двадцати лет знающий украинскую борьбу в бывшей Польше и Советской России, я думаю, что не только группа Бандеры, но и другие украинцы боролись и жертвовали своими жизнями — и, по моему мнению, могли бы предъявить свои претензии... Мы занимались этими делами и хорошо информированы про борьбу украинского народа. Фюрер уделит ей внимание, как только настанет подходящее время. Невозможно, чтобы в это время кто-то действовал по-своему, без немецкого руководства. Поэтому пану Бандере и другим панам я даю добрый совет — ничего не делать без согласования с компетентными инстанциями. Немецкий вермахт борется с Советской Россией, ваш край является зоной военной операции и будет таковым, пока фюрер не скажет, как действовать далее. Есть ли еще какие-либо вопросы для обсуждения?

Бандера: Я еще раз хочу разъяснить и подчеркнуть, что ни один из приказов, которые я отдал, не преследовал целью обойти какие-либо немецкие указания. Нормализация жизни украинцев на украинской территории может быть только при условии использования украинских факторов. Я стою на той точке зрения, что пока этой цели возможно добиться только в содействии с немецкими властями.

Кундт: Что будет далее — решит Адольф Гитлер».

15 сентября 1941 года Бандера и Стецко были подвергнуты аресту во второй раз, а в начале 1942 их перевели в концентрационный лагерь Заксенхаузен. Они сидели в отдельном бункере «Целленбау», предназначенном для избранных, для важных узников, собранных немцами из разных стран Европы. Бандера жил в номере 73, в относительно комфортабельных условиях, обеспеченных службами Международного Красного Креста. Ему и его сподвижникам позволяли передвигаться по лагерю, получать продовольственные посылки и деньги от родственников.

Нередко они покидали лагерь для посещения расположенного в 200 метрах замка Фринденталь, в котором находилась школа агентурно-диверсионных кадров ОУН-б. Ну, не странно ли: руководитель и верхушка ОУН-б пребывают в заключении, а рядом в замке Фринденталь гитлеровцы готовят для нее новые кадры! *«Это был один из парадоксов в отношениях между оуновцами и гитлеровцами»*, — заметил польский историк и публицист Эдвард Прус. Инструктором в школе был недавний офицер специаль-батальона абвера «Нахтигаль» Ю. Лопатинский, через которого и происходила связь Бандеры с ОУН-УПА.

О Заксенхаузене, и в частности о бункере «Целленбау», вспоминал в своей книге «Армія без держави» Бульба-Боровец, которого немцы тоже поместили там 1 декабря 1943 года. *«Д-р Вольф... почав мене переконувати, що мені не загрожує... ніяка небезпека, щоб я не перебільшував трагедії, що вони мене тут ізолювали виключно для моєї безпеки... Це — не в'язниця, не кадет, а тільки «почесна» ізоляція»*. Как видим, условия разительно отличаются от тех, в которых проживали (вернее, гибли) в многочисленных концлагерях пленные красноармейцы!..

В конце 1944 года произошел беспрецедентный шаг в практике гитлеризма — Бандера со своими сторонниками был освобожден из концлагеря Заксенхаузен. Беспрецедентный потому, что тот, кто попадал в лапы гестапо и службы безопасности, на свободу уже не выходил. Зачем же Бандера со товарищи понадобился гитлеровцам на свободе?..

Историограф ОУН-УПА Тарас Гунчак пишет, что *«шеф головного бюро СС генерал Бергер 5 жовтня 1944 р. мав розмову з Степаном Бандерою, якого невдовзі випустили з концентраційного табору»*. Кроме того, в октябре того же года Бандера встретился с самим рейхсфюрером СС Гиммлером. Тот сказал: *«Потреба вашого вимушеного перебування під уявним (выделено автором) арештом викликана обставинами, часом та інтересами справи, відпала. Починається новий етап нашої співпраці, більш відповідальний, ніж раніше. Може, до цього часу не все складалось так, як вам хотілось, але зараз нам треба спільно добре працювати, щоб виправити помилки минулого»*....

Интересные свидетельства были получены от бывшего сотрудника гестапо и абвера, Зигфрида Мюллера, попавшего в плен к Красной Армии в мае 1945 года в местечке Колин под

Прагой. «В декабре 1944 года главное управление имперской безопасности освободило из заключения Степана Бандеру, который получил под Берлином дачу от отдела 4-Д гестапо.

С того времени Бандера находился под персональным надзором и работал по указанию вновь назначенного начальника отдела 4-Д оберштурмбаннфюрера Вольфа. В том же месяце Степан Бандера прибыл в распоряжение абверкоманды-202 в г. Краков и лично инструктировал Данылива, а также подготовленную нами агентуру, направляемую для связи в штаб УПА.

Таким образом, диверсионная работа, которую проводили в тылу Красной Армии украинские националисты, была санкционирована Степаном Бандерой и проводилась под руководством немецкой разведки.

Вопрос: Вы лично встречались с Бандерой в деле разведки?

Ответ: Да. По случаю приезда Бандеры в абверкоманду-202 капитан Кирн устроил банкет на вилле нашей команды, которая находилась на Гартенштрассе, 1 (возле краковского стадиона), на котором выступали с речами Бандера, капитан Кирн и профессор Данылив. Там я познакомился с Бандерой, а потом, через несколько дней, встретился с ним уже на деловой почве.

27 декабря 1944 года я подготовил группу диверсантов для переброски её в тыл Красной Армии со специальным заданием. Эта группа состояла из трех украинских националистов — Лопатинского, «Демеда» и одного радиста, фамилии которого не помню. Степан Бандера в моем присутствии лично инструктировал этих агентов и передал через них в штаб УПА приказ об активизации подрывной работы в тылу Красной Армии и налаживании регулярной радиосвязи с абверкомандой-202. Я был представлен группе как офицер абверкоманды-202, назначенный на должность офицера связи в штаб УПА... Вся группа Лопатинского, переброшенная мною в тыл Красной Армии немецким самолётом, с краковского аэродрома в район г. Львова, имела при себе для передачи в штаб УПА один миллион рублей, медикаменты, обмундирование, взрывчатку и рацию.

Вопрос: Была ли установлена радиосвязь между абверкомандой-202 и штабом УПА?

Ответ: Радиосвязь абверкоманды-202 со штабом УПА поддерживалась еще с октября 1944 года, но эта связь осуществлялась с помощью сорокаваттной радиостанции с позывными «Вера».

Считая рацию в 40 ватт весьма мощной, что могло привести к ее прослушиванию на большом расстоянии и расшифровке, мы послали с группой Лопатинского трехваттную станцию, которая бы могла безопасно действовать продолжительное время. Насколько мне известно, группа Лопатинского в штаб УПА не прибыла, и мы считали, что она при посадке ликвидирована контрразведкой Красной Армии.

Вопрос: Какую подрывную работу в тылу Красной Армии проводила абверкоманда-202 вместе с украинскими националистами?

Ответ: Из пяти диверсионных школ, которые были в распоряжении абверкоманды-202, одна, руководимая мной школа «Мольтке», вплоть до апреля 1945 года готовила кадры диверсантов исключительно из числа украинских националистов. Вербовку диверсантов проводили сотрудники профессора Данылива с офицерами абверкоманды-202.

Кроме того, авберотряд-206, который входил в состав абверкоманды-202, имел непосредственную связь через линию фронта с повстанческими отрядами УПА в Карпатских горах. Из этих отрядов мы черпали диверсионную агентуру, обучали её в своих краткосрочных школах, а потом использовали для диверсионной работы в тылу Красной Армии.

Вопрос: Какие группы из украинских националистов были перекинуты в тыл Красной Армии с диверсионными заданиями?

Ответ: Последние месяцы перед капитуляцией Германии в моей диверсионной школе «Мольтке» училось 45 диверсантов из числа украинских националистов. Часть из них, в количестве 25 человек, была направлена в школу штабом УПА с территории, занятой частями Красной Армии, а другие были завербованы в лагерях военнопленных.

Первую группу диверсантов, которая называлась «Пауль-2», в количестве 8 человек, я перебросил 7 апреля 1945 года в район г. Сарны с задачей восстановить связь со штабом волинской группы УПА и развернуть диверсионную работу на железнодорожной магистрали в районе г. Сарны...

Вторая группа, «Пауль-3», которая также состояла из 8 человек, была перебросена мной 13 апреля 1945 года с пражского аэродрома в район Владимира-Волинского. Все участники группы — уроженцы сельской местности возле Владимира-Волинского...

Группа «Пауль-3» имела задание осуществлять диверсии на коммуникациях Красной Армии в районе г. Владимира-Волынского.

Третья диверсионная группа, которая называлась «Пауль-1», была переброшена мной 20 апреля 1945 года с пражского аэродрома в район г. Ковель в количестве 9 человек. Все участники группы — уроженцы Ковельского района.

В связи с приближавшимся окончательным разгромом Германии я, осуществив заброску последней группы, 21 апреля 1945 года перешел в Праге на нелегальное положение и больше в абверкоманду-202 не явился. О судьбе и дальнейших действиях группы Кирна мне ничего не известно.

Однако мне известно, что украинские националисты приняли меры к установлению связи с командованием англо-американских войск. Данылив и Бурлай имели указание штаба УПА перейти через линию фронта к англо-американским войскам и проинформировать их о желании украинских националистов координировать свою подрывную деятельность на территории Украины с командованием англо-американских войск. Часть группы должна была сопровождать Бурлая к американцам. Данылив намеревался бежать к союзникам вместе с Бандерой. Зная, что я владею английским и французским языками, Бурлай предлагал мне присоединиться к его группе и вместе перейти к американцам.

В начале апреля 1945 года Бандера имел указание Главного управления имперской безопасности собрать всех украинских националистов в районе Берлина и оборонять город от наступающих частей Красной Армии. Бандера создал отряды украинских националистов, которые действовали в составе фольксштурма, а сам бежал. Он покинул дачу отдела 4-Д и бежал в г. Веймар. Бурлай мне рассказывал, что Бандера договорился с Даныливым о совместном переходе на сторону американцев».

Окончательно миф о Бандере-антифашисте развеивает свидетельство любимца Гитлера и супердиверсанта Отто Скорцени. В своих мемуарах он рассказывает о том, что зимой 1944—1945 гг. Бандера неожиданно оказался в тылу Красной Армии — в Кракове. По личному указанию фюрера Германии Отто Скорцени провел эвакуацию «фюрера» УПА. «Это был

трудный рейс. Я вел Бандеру по радиомаякам, оставленным в тылу ваших войск, в Чехословакии и Австрии. Гитлер приказал доставить Бандеру в рейх для продолжения работы».

Походные группы ОУН

Как уже кратко указывалось ранее, вслед за немцами на земли Центральной и Восточной Украины пошли «походные группы» ОУН. Эти подразделения, по определению оуновских лидеров, являлись «своеобразной политической армией», в состав которой вошли националисты, имевшие опыт борьбы в условиях подполья. Маршрут их движения был заранее согласован с абвером. Как пишет доктор исторических наук Михаил Коваль в работе «ОУН на Чернігівщині (маловідомі сторінки)», они имели удостоверения вольнонаемных сотрудников вермахта. Из отчета отдела военной администрации штаба армий «Юг» узнаем: *«Бандеровская служба пропаганды к востоку от Днепра прибыла туда вместе с немецкими войсками».* Северная «походная группа» в составе 2500 человек двигалась по маршруту Луцк — Житомир — Киев. Средняя, 1500 оуновцев, — в направлении Полтава — Сумы — Харьков. Южная «группа» в составе 880 человек следовала по маршруту Тернополь — Винница — Днепропетровск — Одесса.

Центральным проводом ОУН была разработана инструкция для деятельности «походных групп», которая предусматривала: оказание помощи фашистской администрации в создании местных органов власти на оккупированной территории; проведение среди населения широкой националистической пропаганды и агитации, а также развертывание организационной сети ОУН в районе дислокации группы.

Участниками юго-восточной «походной группы» были созданы краевой провод ОУН в Днепропетровске и ряд областных экзекутивов.

Деятельность этих групп сводилась, в основном, к выполнению функций вспомогательного оккупационного аппарата на оккупированной территории: они помогали гитлеровцам формировать так называемую украинскую полицию, городские и районные управы и другие органы гитлеровской оккупационной администрации. Однако подчас «группы» принимали участие и в карательных мероприятиях против местно-

го населения. Так, в июле 1941 года одна из «походных групп», прибывших на Украину с передовыми частями вермахта, участвовала в ликвидации в городе Костополе около 150 представителей польской и еврейской интеллигенции. В августе того же года была устроена оуновцами резня в Здолбунове и Дубно, где убивали не только евреев, но и представителей других национальностей, которые прятали евреев.

26 июня в только что оккупированном фашистами городе Дубно появился специальный руководитель — зондерфюрер Степан Скрипник. Планы гитлеровского командования надлежало выполнять без задержки и безоговорочно, — поэтому в тот же день Скрипник и его помощники из зондеркоманды наскоро собрали местных националистов, священнослужителей и согнанных горожан, которые должны были играть роль «представителей населения». Перед собранием выступил Скрипник и заявил, что он прибыл из Германии с полномочиями немецкого правительства создать городские и окружные органы управления. Зондерфюрер рассыпал похвалы гитлеровским войскам за «освобождение», которое, мол, является началом возрождения «национальной государственности» и создания в будущем «самостоятельной Украины».

Скрипник рекомендовал безоговорочно подчиняться оккупантам, оказывать им всевозможную поддержку и помощь. В том, что его указания будут выполняться, нацист не сомневался, потому что во главе вспомогательных органов местного управления им были поставлены члены ОУН. Специальные полномочия Скрипника распространялись не только на мирские дела — он, например, распорядился, чтобы в ближайшее воскресенье, 29 июня, во всех церквях отслужили благодарственные молебны в честь фюрера Адольфа Гитлера и его воинства. Указания зондерфюрера были выполнены.

Затем Скрипник перебрался в Ровно, где стал отбирать в оккупационные городские и областные вспомогательные учреждения верных «новому порядку» лиц. Он вошел в руководство большинства созданных им же организаций, призванных служить оккупантам, возглавил редакцию газеты «Волынь». В первом же номере этой газеты, за 1 сентября 1941 года, говорилось: *«Имперское министерство оккупированных территорий Востока поручило п. Степану Скрипнику, бывшему послу от Волини, организовать и возглавить провод Укра-*

инского совета доверия на Волыни... 31 августа с.г. в Ровно состоится первое пленарное заседание Совета». Второй номер газеты «Волынь» сообщал, что заседание состоялось под руководством председателя совета Степана Скрипника. На этом заседании, «обсуждая современные задания украинской общенности вообще, а совета доверия в частности, совет постановил, что главным и первым его заданием является мобилизовать всю энергию украинцев, чтобы активно помочь немецкой армии достичь в кратчайшем времени полной победы над... Москвой».

В своей статье, опубликованной в «Волыни» 7 декабря 1941 года, Скрипник от имени украинского народа давал клятву верности фюреру и писал: *«Украинский народ включился в большие исторические события и всеми доступными ему сегодня средствами стремится быть причастным к победе Великой Германии, которая ведет борьбу за перестройку не только физическую, но и духовную целой Европы... Потому все участки нашей жизни должны подчиняться этой большой цели. Церковь тоже. Мы должны покончить с партизанами...»*

Его же статья в «Волыни» от 29 марта 1942 года прозвучала, как клятвенное признание в любви и верности Адольфу Гитлеру. Заклеймив «московско-жидо-азиатский» режим, отдав дань «крови и труду немецкого воина», Скрипник от имени украинского народа писал: *«Мы, украинцы, с гордо поднятым челом возвращаемся в новую Европу, в ту Европу, которая появилась в гениальной мысли большого европейца — Адольфа Гитлера. В такую Европу мы верим, такую Европу мы проповедуем».* В статье от 7 мая 1942 года Скрипник восклицал: *«Этой весной новая Европа с непреклонной волей приступает к последнему бою. Результат этого боя уже сегодня нам известен. Это будет окончательная победа Германии и тех народов, которые поняли величие идеи Адольфа Гитлера. Этой победы никто от нас не вырвет».*

...Позднее зондерфюрера Скрипника (кстати, племянника Симона Петлюры) рукоположили в епископы Украинской автокефальной православной церкви под именем Мстислава. Со временем фашистский преступник стал митрополитом УАПЦ и вернулся, как герой, в независимую Украину после 1991 года...

Но в целом затея с «походными группами» оказалась малоуспешной. *«Мы вели себя на Украине, — откровенно писал участник одной из «походных групп» ОУН-бандеровцев Лев Шанковский в изданной в 1958 году в США книжке «История походных групп ОУН», — как британцы вели себя в Индии, Бирме и в других колониях».* И продолжал: *«Мировоззренчески-политические и философские положения западноукраинского национализма с его аморальностью, макиавеллизмом, исключительностью и жадной к власти были просто противны народным массам Восточной Украины».*

30 июня 1941 года во Львове стали действовать подразделения «украинской» милиции, созданные обеими (бандеровской и мельниковской) фракциями ОУН. 26 августа 1941 года оккупационная газета «Львовские вести» сообщила, что *«українська міліція — повноправний поліцейський відділ німецької поліції»* и что она *«є надзвичайно компетентною у відношенні до українського, польського та єврейського населення».*

В Центральном государственном архиве высших органов государственной власти Украины в Киеве сохраняется документ, где сказано: *«На площі біля пошти відбулось дня 10 липня (1942 года — М. Б.) урочисте прийняття української народної міліції в ряди німецької державної поліції. До установлених в ряди наших міліціантів (біля 300 людей) та їх команди промовив з трибуни комендант гестапо п. Крігер (тот самый гауптштурмфюрер СС Ганс Кригер, который руководил массовыми расстрелами во Львове в первые дни оккупации — М. Б.). Привітом «Слава Україні!» почав свою промову, в якій вказав на тяжке і відповідальне завдання служби безпеки, апелював до почуття обов'язковості і точності, підкреслював велику працю німців та досвід, який українська міліція зможе тепер собі завоювати, зокрема, коли вона має між собою старшин колишньої української армії...»*

Приймаючи нашу міліцію в ряди служби безпеки, п. комендант видав перший приказ про поздоровлення та закінчив свою промову словами: «Sieg Heil!» Потім, по відіграші оркестрою німецького гімну, роздані команді міліції нові опаски, після чого п. комендант разом з представниками обласної міліції прийняв дефілянду. По закінченню дефілянди діти обдарували п. коменданта китицями квітів. Трибуна прикрашена німецькими й українськими прапорами. Багато української публіки»...

О том, чем тогда занимались сегодняшние «герои», написал в очерке «Ликвидация» Ярослав Галан в 1944 году. *«Довго чекав Коваль на свою годину. Вона пробилася, коли в Бібрку з'явилися німці. Федь один з перших записався в поліцію. Це був єдиний можливий для нього шлях до кар'єри і... наживи... Почалися «акції». Федь Коваль не копав ям для трупів. Це робили самі приречені. Він тільки стежив за ними: крадькома з-під спущених вій стежив за руками тих, що роздягалися. Коли на руці дівчини блищав золотий перстень, Федь непомітно підходив до неї і рухом досвідченого злодія здійснював крадіжку перстня з пальця. Серезки виривав з м'ясом: церемонитись не було часу — за спиною Федя сотні людей стояли в черзі по його кулю.*

Стріляв Федь відмінно. Німецький комендант Бібрки не міг ним нахвалитися: Федь ніколи не давав маху. Коли з наказу гестапівців людина бігла щосили на «дошку смерті», Федь влучав в її потилицю з відстані 20 і навіть 30 метрів. Найбільше мороки було з малими дітьми. Вони нізащо не хотіли наблизитися до страшної ями, в якій ворушилися в передсмертних конвульсіях сотні залитих кров'ю тіл. Федь то грозив, то показував їм цукерки. Коли це не допомогало, він хапав дитину за ніжку і підкидав високо вгору. Мале тільки, перевернувшись кілька разів у повітрі, падало в яму...».

Массовые убийства евреев

Особо кровавая страница в истории националистического движения — соучастие в истреблении евреев на Украине. Еще в решениях второго Великого Сбора ОУН-б в Кракове было сказано: *«Евреи в СССР являются преданнейшей опорой господствующего большевистского режима и авангардом московского империализма в Украине... Организация Украинских Националистов борется с евреями как с опорой московско-большевистского режима, одновременно осведомляя народные массы, что Москва — это главный враг».* Наряду с «москалями» евреев еще до начала войны называли главными врагами «свідомого українця».

В Центральном государственном архиве высших органов государственной власти Украины хранится документ «Боротьба та діяльність ОУН під час війни». В разделе «Політичні вказівки» указывалось: *«Національні меншини поділяються на*

а) *приятні нам... б) ворожі нам — москалі, поляки, жиди...*» Предлагалось «*винищувати в боротьбі зокрема тих, що боронитимуть режиму; винищувати головно інтелігенцію, якої не вільно допускати до ніяких урядів, і взагалі унеможливлювати продукування інтелігенції, себто доступ до шкіл і т.д. Напр., т. зв. польських селян асимілювати, усвідомлюючи їм, що вони українці, тільки латинського обряду... Проводирів нищити, жидів ізолювати, поусувати з урядів, щоб уникнути саботажу, тим більше москалів і поляків. Наша влада повинна бути страшна для її противників. Терор для чужинців-ворогів і своїх зрадників*». В брошюрі ОУН «*Нація як спецієс*» указувалось: «*Право до української землі, українського імені і української ідеї мають тільки українці... Мішані подружжя поборюємо і мусимо знищити можливість їх повстання. Сам факт їх існування чи творіння вважаємо злочином національної зради*».

Исследователи ОУН-УПА Д. Веденеев и Г. Быструхин в своей книге «*Повстанська розвідка діє точно і відважно. Документальна спадщина підрозділів спеціального призначення ОУН та УПА. 1940—1950-ті роки*» приводят документ — специальную инструкцию для «*Украинской полиции*» — «*Української служби безпеки*» (1940 год—22 июня 1941 года). В структуре будущей полиции, создававшейся оуновцами на оккупированных гитлеровцами землях Украины, предусматривалось организовать в составе разведывательно-следственных отделов специальное «*коммунистически-жидовское*» направление. Инструкция обязывала полицейских: провести регистрацию «*жидовского*» населения; завести архив «*коммунистически-жидовской*» деятельности; захватить все политические архивы; провести регистрацию всех чужаков, «*москалей*», поляков, французов, чехов и всех других, которые могли бы сотрудничать с врагом.

С началом немецкой оккупации и приходом во Львов эмиссара Бандеры, Клымива-Легенды, по всему городу были развешены воззвания, в которых значилось: «*Народе! Знай! Москва, Польша, Мадяри, Жидва — це твої вороги. Нищ їх! Ляхів, жидів, комуністів знищуй без милосердя!*» Несмотря на конфликт между бандеровцами и мельниковцами, в вопросе уничтожения евреев они были единодушны. Через несколько дней появилось воззвание Андрея Мельника: «*Смерть жидівським прихвостням — коммунобільшовикам!*»

И начали уничтожать — без милосердия! Согласно сведениям, приведенным авторами «Энциклопедии Холокоста», из 2,7 миллиона евреев, проживавших на территории Украины до войны, оккупантами и их пособниками за время войны было уничтожено примерно 1,55 миллиона человек, включая 50 тысяч из других государств (Молдавии, Венгрии, Румынии).

Наибольшее количество жертв Холокоста приходится на Западную Украину — 977 тысяч человек. В том числе, Львовская область — 260 тысяч, Закарпатская — 125 тысяч, Дрогобычская — 120 тысяч, Тернопольская — 125 тысяч, Черновицкая область — 102 тысячи человек.

Получив директивы Центрального проводора ОУН, уже в первые дни войны националистическая пресса начала насмешливую и злобную травлю еврейского населения. Так, газета «Українські щоденні вісті» от 16 июля 1941 года заявляла: *«Жиди — бакциль розкладу родинного, расового й національного життя — це для нас виключно проблема профілактики, тобто забезпечення себе, отже, українських родин, раси й національності від пагубного впливу... Отже, перша вимога для того, щоб не заразитися самому й не заразити своїх ближніх бакцилями розкладу — це нова, рішуча й консеквентна ізоляція й відмежування від жидівської небезпеки»*. Еще накануне нападения гитлеровских войск на Советский Союз националистическая оккупационная газета «Краківські вісті», которую издавал Украинский центральный комитет (УЦК), в статье «Жидівське питання на Україні» писала про «засилля жидів на українських землях» и о необходимости мести и расправы над ними.

18-19 июля 1941 года С. Ленкавский, шеф бандеровской службы пропаганды, провел во Львове специальное совещание, на котором обсуждался и вопрос «про меншини в Україні». Сохранилась краткая стенограмма этого заседания:

«Гупало. Головне — багато всюди жидів. Треба не дозволити їм жити. Вести політику на виселення. Вони будуть самі тікати. А, може, виділити їм якісь міста, наприклад Бердичів?...

Головка. З ними треба поступати дуже гостро. Мусимо їх покінчити.

Левицький. В генерал-губернаторстві... кожний жид мусив бути зареєстрований. Потім їх призначали в гетто... Молоді, здібні до праці, йдуть до праці. Частина треба знищити. Хоч і тепер децю знищено...

Головко. Мені дуже подобається німецький погляд на жидівство...

Ленкавський: Відносно жидів приймаємо усі методи, які підуть на їх знищення...»

Ети факты — лишь фрагменты заблаговременно выработанной по нацистским образцам программы тотального истребления еврейского населения, которая стала активно воплощаться буквально с первых минут немецко-фашистской оккупации. Ярослав Стецько писал: *«Москва і жидівство — це найбільші вороги України і носії розкладових большевицьких інтернаціональних ідей... Стою на становищі винищення жидів і доцільності перенести на Україну німецькі методи екстермінації жидівства...»*

Здесь нужно упомянуть еще такой немаловажный факт. После провозглашения «Акта 30 июня», когда бандеровцы уже якобы впали в немилость у немцев, на «премьера» Стецько было совершено покушение. Покушавшийся стрелял в Стецько, но попал в шофера. Мстителю удалось убежать. *«Як ствердили відносні німецькі чинники, — писав в документе «Мій життєпис» сам Ярослав Стецько, — у зв'язку з появою польських протинімецьких і протиукраїнських летючок атенат найправдоподібніше вийшов з польських кругів, за що відносні німецькі штелле (служби) обіцяли відповідні репресійні заходи проти поляків».* Выполняя это обещание, гитлеровцы расстреляли во Львове около 200 поляков и евреев.

В 21-м томе «Летописи УПА» есть отчет шефа полиции безопасности и службы безопасности от 6 июля 1941 года. В нем отмечено, что в Тернополе состоялись аресты еврейской интеллигенции. Понятно, какой была ее последующая судьба... А дальше значит следующее: *«Около 70 евреев сознано украинцами (то есть украинскими националистами — М. Б.) и уничтожено. Других 20 убито на улице войском и украинцами...»* Документ заканчивается так: *«Wehrmacht erfreulich gute Einstellung gegen die Juden»* («Армия удовлетворена добрым ударом против евреев»)...

А вот свидетельство М. Шевчук, очевидицы погрома, организованного местными националистами в г. Бориславе: *«Здивавілий натопв... одного липневого дня 1941 року виплеснув на центральну вулицю Борислава, щоб знищити людей тільки за те, що ці нещасні — єврейської нації. Ця картина й досі стоїть*

у мене перед очима: звірі в людській подобі, а ними були бандити-молодики як з Борислава, так і з найближчих сіл, — близько 200 чоловік, трьохметровими жердками били людей, зігнаних на дорогу поблизу нашого Барабського мосту по Панській вулиці. Приречених було не менше 500... Така ось вона, правда про перший єврейський погром в Бориславі, який був організований без участі фашистів-окупантів... Перший погром був стихійний і здійснений своїми ж місцевими».

Свідетель В. Заречный показав: «Кінець серпня 1941 року... Я дивився, як українська поліція гнала з боку Журавного чи Жидачова близько 300 євреїв. Це були в основному старики, жінки і маленькі діти. Вони несли в мішках і вузлах свої пожитки. Багато жінок з немовлятами на руках. З колони доносився жіночий плач, стогони змучених людей. Колона наблизилась до ріки. Люди просили поліцейських випити ковток води, але ті були невмолими. На околиці села відбулась зміна конвоїрів. Колону взяли під охорону поліцейські з нашого села. Людям дозволили на кілька хвилин присісти. Поряд були колгоспні городи, де росли морква і буряки. Діти і частина дорослих кинулись туди. Вхід пішли кулаки, палки і приклади гвинтівок. Зазвучали нестерпні крики. Я відвернувся і побіг, щоб бути якнайдалі від цих жажів. Через два чи три дні я опинився в райцентрі. Вулиця Радянська, де жило єврейське населення, була схожа на поле жорстокої битви. Вікна і двері вибиті, а в кількох будинках їх вже встигли познімати і вкрасти. Квартири були пограбовані, тільки шматки паперу і черепки лежали на тротуарах».

Еще свідетельство — польского католического священника Винцента Урбана: «Головне гетто для підльвівського єврейського населення містилося в Яричеві Новому... Євреїв з Яричівського гетто постріляли українці в недалекому лісі під німецьким наглядом. Українська поліція постріляла теж білецьких євреїв на Лисій Горі...»

В селе Косив на Тернопольщине украинский националист П. Семцов с прибытием немцев организовал «революционный комитет», собрал жителей села и призвал уничтожить всех евреев. В ночь с 7 на 8 июля 1941 года группа бандитов ворвалась в еврейские дома и убила 25 человек. 8 июля националисты совершили облаву на тех, кто скрывался. Пойманных доставляли в сельскую управу, затем вели в конюшню, где зверски убивали. Тогда были убиты еще 50 местных евреев.

Осталось ужасающее свидетельство немецкого инженера Г. Граббе о кровавых событиях в Ровно. Граббе в 1942 году был директором украинского филиала немецкой строительной фирмы в г. Здолбунове. Во время поездки по строительным объектам он оказался в Ровно именно тогда, когда 13 июля 1942 года там были уничтожены пять тысяч обитателей местного гетто. Сотню этих несчастных людей использовала его фирма как специалистов на строительстве. Граббе пытался их спасти, ссылаясь на нехватку рабочей силы. Но, бегая от одного начальника к другому, он напрасно умолял о помощи. *«13 июля, — вспоминал Граббе, — около 23-х часов, украинские полиция под руководством эсэсовцев окружили ровенское гетто, установили вокруг него прожектора. Разделившись на небольшие группы, полицейские и эсэсовцы врываются в дома, ударами прикладов выбивали двери, если им не открывали достаточно быстро, или даже бросали в окна гранаты... Раздавались крики женщин, которые звали детей, и крики детей, которые потеряли родителей, но это мало волновало эсэсовцев, которые били несчастных и гнали их бегом в сторону вокзала, где ожидал товарный поезд. Людей заталкивали в вагоны. Надо всем этим стоял неистовый плач женщин и детей, слышались звуки ударов и выстрелов. Всю ночь под ударами бичей и при звуках стрельбы испуганные жители гетто метались специально освещенными улицами. Можно было видеть, как женщины прижимали к себе иногда мертвых детей, как дети несли куда-то мертвых родителей, не желая оставить на надругательство их тела. Вдоль дороги были брошены десятки трупов — женщин, детей, стариков. Двери домов были раскрыты, окна выбиты, везде валялись одежда, обувь, разодранные сумки, чемоданы и другие жалкие «сокровища». В одном из домов я увидел полуголового ребенка с разбитой головой, которому, по-видимому, не было и года...»*

Всего же за годы оккупации население Ровно потеряло 25 тысяч горожан еврейской национальности... из проживавших перед войной в городе 28 тысяч! Основная масса ровенских евреев была уничтожена в начале ноября 1941 года совместными силами немцев и оуновских полицаяев. В основном убийства проводились в живописном урочище Сосенка, где заблаговременно военнопленными были вырыты огромные рвы. Огромное количество «недочеловеков» было истреблено и в других местах области.

Вот обнаруженное в Нюрнберге заключение судебно-медицинской экспертизы трупов, извлеченных из мест захоронения мирных советских граждан в городе Ровно и Ровенской области. «1. Во всех исследованных местах захоронения трупов в городе Ровно и его окрестностях обнаружено свыше 102 тысяч расстрелянных и умерщвленных немцами мирных советских граждан и военнопленных, из них: а) в городе Ровно по Белой улице у дровяного склада — 49 000; б) в городе Ровно по Белой улице на огороде — 32 500; в) в селе Сосенки — 17 500; г) в карьерах у села Выдумка — 3000; д) на территории тюрьмы города Ровно — 500».

Массовые расстрелы относились к 1941 и 1942 годам. Умерщвление мирных граждан путем отравления угарным газом в душегубках — к 1943 году. Расстрелы с последующим сожжением трупов происходили в 1943 году, а расстрелы в тюрьме — в 1944.

Упомянувшийся здесь прихвостень оккупантов Кость Паньківський отмечал в своих воспоминаниях, что в то время в Галичине было модно «наслідування нацистських зразків у відношенні до жидів». Здесь нечего добавить. В своих мемуарах «Роки німецької окупації» он пишет: «В основному трамваї були тільки для арійців, але поруч тих були трамваї мішані, в яких був переділ, до якого допускали «жидів», а навіть окремі трамваї тільки для «працюючих жидів». Та незабором трамваї поділили на дві частини, передня «тільки для німців», задня, менша, — для арійців-туземців, а про жидів вже й не згадували»...

Читаем у Паньківського: «Перші розпорядження в жидівських справах видала військова команда міста Львова в перших днях липня. Жидам наказали носити окремі відзнаки, зірку Давида, на рамені. На початку липня були погроми, переведені військом. В половині липня появились вже також летючі команди, т.зв. зондеркомандо, які забрали поважне число визначених жидів». Здесь он скромно умалчивает как о гибели нескольких тысяч евреев и поляков в первые дни немецко-фашистской оккупации, так и о роли в этом «Нахтигалья», «украинской» полиции и боевиков ОУН.

Правда, Паньківський честно рассказал о создании гетто, лагерей смерти — и о том, что «в червні 1943 р. прийшов кінець. Летючі команди знищили на протязі літа майже всі гетто, дрібні табори праці і професіоналів, що ще в тому часі пра-

цювали поза теренами гетто... Під кінець літа 1943 р. в Галичині існував уже тільки жидівський табір праці у Львові при вул. Янівській».

На протязі всього цього періода галицька оуновська преса науськивала населення на євреїв і поощряла їх знищення. Ось тільки деякі заголовки оуновських публікацій: «Жида — бактерія розкладання» («Українські щоденні вісті», Львів, 16 липня 1941 року); «Жида — найбільший ворог людства. Боротьба за новий порядок у світі» («Рідна земля», Львів, 7 січня 1942 року); «Жидівський питання — давній як світ. Правда про жидів» («Рідна земля», Львів, 29 листопада 1942 року); «А. Гітлер про жидівство і марксизм — уривки з твору «Моя боротьба» («Українець», Берлін, 18 квітня 1943 року); «Чорна сторінка історії — жидівські ритуальні вбивства» («Рідна земля», Львів, 19 березня 1944 року).

Окупаційна газета «Волинь» цинічно писала в вересні 1941 року: *«Всі елементи, які проживають у наших містах, чи це жида, чи це поляки, повинні зникнути. Жидівський питання в даний момент вирішується, і його рішення буде частиною плану загальної реорганізації нової Європи».* А після знищення гітлерівцями і українськими націоналістами львівського єврейського гетто все в тій же оуновській газеті «Рідна земля» (з 25 квітня 1943 року) з'явилася жахлива за змістом стаття під назвою «Жидівська язва у Львові». В статті знаходимо такі слова: *«Лише приход Німецької Армії поклав межі панству жидів у Львові і Галичині. Уже ніколи не буде нещасливий жидівин жити трудом і потім християнина-гоя, який у власному домі став батраком безликого, зрадничого народу».*

Подібно нахтигалевам, кровавий шлях від західних кордонів України до Києва пройшли палачи з черновицького «Буковинського куреня», очолювані агентом абвера і гестапо П. Войновським (псевдонім у абвері — Гартман, у гестапо — Максим). Тисячі трупоів замучених євреїв, представників інших національностей, українців, в чомусь не задоволивши оуновців, залишили вбивці П. Войновського в Каменці-Подільській, Новій Ушиці, Дунаєвцях, Жмеринці, Проскуріві, Вінниці, Житомирі. В Києві на їх совість — масові розстріли в Баб'єму Яру.

Самих немцев потрясала дикая жестокость их «национально сознательных» помощников. Автор-антифашист Александр Шлаен описал реакцию командира 528-го немецкого пехотного полка майора Реслера, ужаснувшегося картине массовой расправы над мирными людьми, устроенной буковинцами в Житомире. В докладе высшему командованию Реслер свидетельствовал: *«Я участвовал в Первой мировой войне, во французской и русской кампаниях этой войны, и отнюдь не страдаю преувеличенной чувствительностью... но никогда я не видел сцен, подобных описанной».*

Первой из Житомира 21 сентября 1941 года прибыла передовая команда украинской полиции во главе с Б. Коником, а 23 сентября — «казачья сотня» под командованием И. Кедюмича. И Коник, и Кедюмич представляли ОУН бандеровского направления, в то время как прибывший в эти же дни «Буковинский курень» был подразделением ОУН-мельниковцев.

Киевских евреев, которым удавалось найти убежище и спрятаться, оуновцы разыскивали и убивали. Особенно в этой каиновой работе отличились полицаи Кабайда, Устименко, Ющенко и Баранюк. Эти садисты, как правило, патроны экономили, а убивали свои жертвы лопатами. «Казак» Ющенко, обнаружив в одном из убежищ еврейскую девушку, искалечил ее лопатой, после чего живьем захоронил в яме, тщательно утрамбовав землю.

Затем «буковинцы» были разбросаны по различным подразделениям полиции (45, 109, 115, 118-й батальоны), в составе которых продолжали карательную деятельность против партизанского населения Белоруссии. В конце войны многие из них оказались в немецкой 30-й дивизии СС и украинской 14-й дивизии СС «Галичина», в составе которых оставили кровавые следы в Польше, Франции, Словакии.

Вот как вспоминала зверства полицаев-оуновцев в Киеве еврейка Дина Проничева: *«Обезумевшие люди вываливались на оцепленное войсками пространство — такую площадь, поросшую травой. Вся трава была усыпана бельем, обувью, одеждой».*

Украинские полицаи, судя по акценту, — не местные, а явно с запада Украины, грубо хватали людей, лупили, кричали: — Роздягаться! Швидко! Быстро! Шнель!

Кто мешкал, с того сдирали одежду силой, били ногами, кастетами, дубинками, опьяненные злобой, в каком-то садистском раже».

Другой очевидец этих событий, еврей Ланцман, в своем письме Илье Эренбургу свидетельствовал о киевской трагедии: *«Многие евреи, догадавшиеся о готовящейся им участи, предпочли покончить с собой, чем пойти на убой. Так, например, на Подвальной улице, на улице Ленина, Короленко и других улицах целый день на тротуаре лежали трупы евреев, выбросившихся из окон верхних этажей домов, в том числе целыми семьями...»*

Подробности ликвидации гетто города Владимира-Волынского изложил в своих мемуарах, которые называются «Воспоминания лет, прожитых на Волыни», очевидец фашистского геноцида Эдвард Роса. Украинская полиция конвоировала евреев гетто к месту казни, в село Пятыйни, где собственноручно их расстреливала. Спрятавшихся в постройках гетто евреев полицаи разыскивали и убивали. Роса лично видел, как полицай застрелил еврея, спрятавшегося на втором этаже одного из зданий.

Очевидец массового уничтожения евреев в Западной Украине Барух Мильх пишет, что сами немцы презирали оуновцев за их огромную подлость; считали бандеровцев и мельниковцев способными совершить любое преступление по одному лишь мановению немецкого пальца: *«За похвалу любого немца — гут, гут! — они готовы были мучить, грабить, насилловать».*

По подсчетам профессора Виталия Масловского, благодаря совместным усилиям гитлеровцев и их украинских подручных на протяжении трехлетней оккупации в западных областях Украины было уничтожено более двух миллионов человек, из них свыше 800 тысяч евреев, 200—220 тысяч поляков, около 400 тысяч советских военнопленных, свыше 500 тысяч местных украинцев.

Создание УПА и Волынская резня

По мнению многих западных исследователей, одной из основных причин «дезертирства» украинцев с германской службы, когда Шухевич увел в полесские леса карателей 201-го батальона, была задача истребления гражданских лагерей, соз-

данных бежавшими из гетто евреями — нежелательными свидетелями Холокоста.

«Теоретики» национализма уже после войны определили дату образования УПА — 14 октября 1942 года. Но это ложь. В действительности решение о создании УПА бандеровцы приняли только в марте 1943 года, причем под давлением оккупантов, которые не имели ни сил, ни желания гоняться по лесам за сбежавшими от них евреями. К тому же, разгромом немецких армий окончилась Сталинградская битва, война явно клонилась к поражению «рейха», и гитлеровские спецслужбы с помощью ОУН спешили укрепить в будущем советском тылу вооруженное националистическое подполье.

Нью-Йоркский оуновский журнал «Миссия Украины» (№ 1 за 1964 год) проговорился: *«Никаких датированных документов, которые бы подтверждали существование УПА, созданной ОУН Бандеры в 1942 году, историки не представляют, поскольку таковых и не могло быть»*. И далее: *«Вся мемуаристика, а равно задокументированная борьба УПА, начинается только со второй половины 1943 года»*.

Архивы беспристрастно свидетельствуют, что одинаковое рвение в уничтожении евреев проявляли и бандеровцы, и мельниковцы, и сторонники Бульбы-Боровца, атамана «Полеской Сечи». 21 сентября 1941 года профашистская газета «Волянь», которую редактировал кумир нынешней националистической элиты Улас Самчук, поместила интервью с «Мишкой» — пятнадцатилетним «повстанцем» из «Полеской Сечи». Эти слова «борца за свободу Украины» стоит привести именно сегодня, в пору героизации подобных садистов: *«Я сповняв всьо, що требували, — всюди ходив і їздив, і бився, і жидуф стріляв, которії з мене знущались колись...»*

— *А не шкода було тобі людей вбивать?*

— *Та що ви, батьку, питаєте! Шкода, та як ти його не вга-тиш, то він тебе вперіщить! Вбивати бандита треба.... І по-сти вночі перевіряв, і сам двох парашутистів спіймав — один жид геть дерево з полімьоту полупав... то я з боку підповз і йому пульту в око як загнав — то тільки гикнув і здох... Вельми добре і весело було при поліському вуйську»*.

Оказав нацистам помощь в «окончательном решении еврейского вопроса», оуновцы приступили к заданию, которое было выдвинуто на втором Великом Сборе ОУН: «Украина для

украинцев!». Выполнение его началось после того, как в леса ушли члены украинской полиции, составив основу боевок Украинской повстанческой армии.

Свои акции вооруженные формирования УПА начали с проведения этнической чистки — *«очищення терену від польського населення»*. Это была первичная практика образования боевок, их «военная выучка». Акции осуществлялись против невооруженного мирного населения или малочисленных, плохо вооруженных «пляцувок» польской самообороны. Не случайно массовое уничтожение польского населения началось после реального образования вооруженных отрядов ОУН, а именно весной-летом 1943 года. Реализуя, как пишет историограф ОУН-УПА Петр Мирчук, *«повне усунення всіх займанців з українських земель»*, оуновцы практиковали *«витіснення та винищення поляків, маючи на меті здійснити «деколонізацію» Волині»*.

Непосредственным руководителем массового уничтожения поляков был Николай Лебедь («Максим Рубан»). Зиновий Кныш пишет о нем просто: *«Лебедь — палач Волини»*.

Уже с первых дней оккупации националистическое бандеровское подполье, массово терроризируя советский актив, установило полный контроль над населенными пунктами Галичины и Волыни, особенно в сельской местности. Надо сказать, что немецкий оккупационный режим здесь достаточно отличался от режима на востоке Украины. В Галичине были допущены элементы местного самоуправления, которое осуществляли разного рода коллаборационисты. Например, выкачивание всяких оккупационных поборов (прежде всего так называемых «контингентов» — сельхозналогов) полностью взяли на себя службы и структуры так называемого УЦК — «Украинского центрального комитета». В течение всех лет оккупации они наилучшим образом справлялись со своими обязанностями. На Волыни эти же функции выполняли немецкие органы совместно с сельскими старостами и их активом, с действенной помощью «украинской» полиции. Горели волынские села, их жителей массово уничтожали даже за мелкую «провинность».

Руководство бандеровцев было крайне обеспокоено тем, что на Волыни и Полесье множатся антифашистские силы красных партизан, советского подполья. В специальном обзоре информационной службы «Северо-западные украинские земли» ОУН-б, датированном маем 1943 года, констатировалось, что

«більшовицька партизанка вже в 1942 році опанувала всеціло Полісся й північну лісову смугу Волині...» В то же время ОУН-бандеровцев была обеспокоена ростом и усилением польского партизанского движения на Волыни, которое в силу обстоятельств консолидировалось с советскими партизанскими отрядами и подпольем. Активизация действий наших и польских партизан была, бесспорно, связана с разгромом гитлеровских войск под Сталинградом в начале 1943 года.

Сегодняшние «украиноцентричные» историки пытаются нас убедить, что в западных областях Украины не было местного партизанского движения, за исключением «украинской партизанки», то есть оуновских боёвок; будто бы оно было привнесено с востока, организовано «московскими парашютистами». Но на Волыни хорошо известно, что организаторами первых подпольных организаций и партизанских групп стали местные жители О. Ф. Филюк, Г. П. Конищук, П. Х. Самчук и многие другие. Именно они образовали разветвленное антифашистское подполье в городах и селах Волыни и стали командирами первых партизанских отрядов, которые уже осенью 1941 — зимой 1942 начали вооруженную борьбу против оккупантов.

Подтверждение этому находим в письме одного из известных деятелей ОУН, В. Макара. В письме к своему брату в мае 1943 года он описывал ситуацию и настроения на Волыни: *«За-обсервую..., що назріва антагонізм між «москалями» (так галичане називали волянян — М. Б.) та «австріяками» (так на Волини називали галичан — М. Б.), і це може прибрати поважні розміри, якщо відповідною політикою не усунеться цієї загрози. Як із одної, так із другої сторони взаємні обвинувачення і нарікання. І це від долу аж до гори. Приміром, таке: воляняки нарікають (на галичан — М. Б.), мовляв, не то що сидять собі тихо, нічого не роблять, а ще й говорять: «О, москалі, холера б їх забрала! Ти сі подиви, стріляють наших (выделено автором) німців. Понабিরали гандгранатів і машингеверів та й б'ють наших німців».*

Далее автор так объясняет причины создания УПА на Волыни: *«Повстанчу акцію на північно-західних і частично східних теренах ми муслі почати... З одної сторони — почали множитись отаманчики, як Бульба-Боровець, а з другої сторони — червона партизанка почала заливати терен... Друге: ще тоді, коли чи не починали повстанчої акції, німота почала ма-*

сово винищувати села... Всіх людей вистрілювала, а забудування палили. Узв'язку з тим маса людей почала втікати в ліси і блукати самотас. Почались грабіжі, інші пішли в комуністичну партизанку, до Бульби і т. п. Отже ми мусіли організаційно охоплювати тих людей в лісі. Оце дві засадничі причини нашої повстанської акції».

О поддержке на Волыни советских партизан 28 мая 1943 года говорил с главой Украинской автокефальной православной церкви, архиепископом Поликарпом (Сикорским), гебитскомисар Волыни и Подолья Шене. Он заявил, что бомбардировка населенных пунктов весной 1943 года осуществлялась из-за поддержки населением большевиков, и пригрозил: *«Если население не прекратит помощь советским партизанским отрядам, бомбардировке будут подвергнуты и другие села».*

В связи с этими событиями состоялась третья конференция ОУН-б. 21 февраля 1943 года она решила создать «осередки організованої сили» под названием УВА (Українська визвольна армія). Сразу же после Рождества 1943 года командующий карательными охранными войсками СС обергруппенфюрер СС фон дем Бах-Зелевски «розв'язав» (то есть отпустил домой) шуцманшафт-батальон, сформированный из специаль-батальонов абвера «Нахтигаль» и «Роланд», а затем брошенный в Белоруссии против партизан и мирных жителей под командой Побигущего и Шухевича.

Часть карателей во главе с майором Е. Побигущим в апреле 1943 года влилась в формировавшуюся дивизию СС «Галичина». А с 15 марта по 10 апреля того же года «з наказу головного командування УПА», как отмечено в документе, происходил *«масовий перехід усіх українців-шуцманів і поліцистів на цілій Волині й Поліссі зі зброєю в руках... в ряди УПА».* Безусловно, это была тщательным образом продуманная и организованная акция.

Сначала УПА по команде Лебеда устроила резню своим братьям по националистическому лагерю — «Украинской народной революционной армии» (УНРА) Тараса Бульбы-Борозца. После серии переговоров и попыток поставить эту «армию» под контроль ОУН-б бандеровцы совершили нападение на штаб и части УНРА и «присоединили» их, вырезав часть руководства. В следующем месяце они то же самое сделали и с ОУН-м.

Бульба-Боровец пише в своїй книзі «Армія без держави»: «Був підступно зорганізований органами СБ напад на наш штаб вночі 19. 8. 1943 року, що був розташований в лісі та по різних законспірованих квартирах. Пограбовано військове та приватне майно. Вбито багато людей на місцях... Люди були терором примушені деякий час працювати в новому війську, а потім були поголовне ліквідовані, як свідки масових злочинів. Особливо була тортурована Анна Боровець, щоб виявити деякі таємниці її чоловіка, а головним чином — де поховані магазини зброї та наші друкарні. Ця людина нічого не зрадила і була замучена на смерть. 15 листопада 1943 року партія Лебедя подала до відома що: «СБ устійнила, що Анна Боровець, як полька по національності (вона була чешка), була польським шпигуном серед українців і тому її засуджено ревтрибуналом на кару смерті та вирок виконано».

«За що ви боретесь? За Україну, чи за вашу ОУН? За Українську Державу, чи за диктатуру в тій державі? За український народ, чи тільки за свою партію?» — риторически впрошав лідерів ОУН-б в своєму відкритому листі Бульба-Боровець.

Після того, як ОУН-б, уже в формі бойових УПА, «розбралась» со своїми конкурентами по націоналістическому лагерю, вона почала геноцид польських «займанців» і «ненастоящих» українців. Ще в квітні 1942 року постановленням другої конференції ОУН-б було передбачено «вести боротьбу проти шовіністичних настроїв поляків та їх апетитів щодо Західніх Українських Земель».

Даниїл Шумук, свідетель тих подій, об'їхавши в другій половині 1943 року всю Волинь, вказує на факти поголовного істреблення поляків в своїй книзі «За східним обрієм» (Париж, 1974 г.). Другі націоналістическі автори також описують геноцид польського населення: «Урядуючий провідник Максим Рубан (Микола Лебедь — М. Б.) вимагав від Головної Команди УПА... очистити всю повстанську територію від польського населення».

«Хто відхилявся від їх (ОУН-б — М. Б.) заповідань про мобілізацію, того розстрілювали разом з родиною і палили хату... СБ почала масову чистку серед населення і в відділах УПА. За найменшу провину, навіть за особисті порахунки, видавалося на населення кару смерті. По відділах в більшості терпіли східняки ... Взагалі СБ і її діяльність — це була най-

чорніша сторінка історії тих років ... Служба безпеки була зорганізована на німецький зразок. Більшість командирів СБ — це були колишні курсанти німецької поліції в Закопаному (з років 1939—40). Ними були переважно галичани», — пише о тих днях Максим Скорупський.

Другой автор, Александр Шуляк, свідечує: «Пришов наказ знищити весь непевний елемент, отже почалася гонитва за всіма, хто здавався тому або іншому станичному підозрілим. Прокурорами були бандерівські станичні, а не хто інший. Отже, ліквідація «ворогів» провадилася виключно за партійним ключем... Станичний зладжував список «підозрілих» і передавав СБ... Позначені хрестиками — мусять бути зліквідовані... Та найжахливіша трагедія розігралась із полоненими з Червоної Армії, яких тисячі жили й працювали по селах Волині... Видумали бандерівці таку методу. Приходили вночі до хати, брали полоненого, виводили надвір і заявляли, що вони **советські партизани** (виділено автором) й жадали, щоб ішов з ними... Таких нищено».

Виктор Полищук, дослідник протиправних ОУН-УПА із Канади, в книзі «Гірка правда. Сповідь українця» пише: «Читая материалы, присланные свидетелями убийств, можно засомневаться в христианской вере, в том, что человека создал Бог.

В украинском национализме нет места таким христианским добродетелям, как добро, милосердие, любовь к ближнему, благородство, уважение человеческого достоинства, жалость. Зато доминируют ненависть, кровожадность, пренебрежение человеческой жизнью.

Больно мне, украинцу, писать о методах убийств, используемых ОУН-УПА. Но промолчать об этом невозможно. Для предостережения последующим поколениям».

В этой книге он собрал свидетельства геноцида польского населения Волини. Читать это тяжело. Но умалчивать об этом — нельзя!

«Ф. К. из Великобритании: «Забрали с дочкой на сборный пункт около церкви. Там уже стояли около 15 человек — женщины и дети. Сотник Головачук с братом начали вязать руки и ноги колючей проволокой. Сестра начала вслух молиться, сотник Головачук начал бить ее по лицу и топтать ногами».

Ф. Б. из Канады: «На наш двор пришли бандеровцы, поймали нашего отца и топором отрубили ему голову, нашу сест-

ру прокололи штыком. Мать, видя все это, умерла от разрыва сердца».

Ю. В. из Великобритании: «Жена брата была украинкой и за то, что она вышла замуж за поляка, 18 бандеровцев ее изнасиловали. От этого шока она никогда не вылечилась, брат ее не жалел, и она утопилась в Днестре».

Т. Р. из Польши: «Село Осьмиговичи. 11.07.43 г., во время службы Божьей, напали бандеровцы, поубивали молящихся, через неделю после этого напали на наше село. Маленьких детей побросали в колодец, а тех, кто побольше, закрыли в подвале и завалили его. Один бандеровец, держа грудного ребенка за ножки, ударил его головой о стену. Мать этого ребенка закричала, ее прибили штыком».

Отдельным, весьма важным разделом в истории доказательств массового уничтожения поляков, проведенного ОУН-УПА на Волыни, является книга Ю. Туровского и В. Семашко «Злодеяния украинских националистов, совершенные против польского населения Волыни. 1939—1945». Эту книгу не должны читать люди со слабыми нервами. В ней на 166 страницах мелким шрифтом перечисляются и описываются методы массовых убийств мужчин, женщин, детей. Вот только некоторые фрагменты из этой книги.

«16 июля 1942 г. в Клевани украинские националисты совершили провокацию, подготовили на польском языке противонемецкую листовку. Вследствие этого немцы расстреляли несколько десятков поляков.

13 ноября 1942 г. Обирки, польское село около Луцка. Украинская полиция под командой националиста Сачковского, бывшего учителя, напала на село, обвиняя крестьян в сотрудничестве с советскими партизанами. Женщин, детей и стариков согнали в одну долину, там их поубивали, а затем сожгли. 17 человек вывезли в Клевань и там расстреляли.

Ноябрь 1942 г., околица села Вирка. Украинские националисты замучили Яна Зелинского, положив его связанным в костер.

9 ноября 1943 г., польское село Паросле в районе Сарнов. Банда украинских националистов, притворяясь советскими партизанами (выделено автором), ввела в заблуждение жителей села, которые в течение дня угощали банду. Вечером бандиты окружили все дома и убили в них польское население. Были истреблены 173 человека. Спаслись только двое взрос-

лых, которые были завалены трупами, и шестилетний мальчик, притворившийся убитым. Позднейший осмотр убитых показал исключительную жестокость палачей. Грудные младенцы были прибиты к столам кухонными ножами, с нескольких человек содрали кожу; женщин насильовали, у некоторых были обрезаны груди, у многих срезаны уши, носы, выколоты глаза, отрублены головы. Окончив резню, устроили у местного старосты пьянку. После ухода палачей среди раскиданных бутылок из-под самогона и остатков еды нашли годовалого ребенка, прибитого штыком к столу. У него во рту торчал недоеденный кем-то из бандитов кусок квашеного огурца.

11 марта 1943 г., украинское село Литогоща возле Ковел. Националисты замучили поляка-учителя, а также несколько украинских семей, которые сопротивлялись уничтожению поляков.

22 марта 1943 г., село Радовичи Ковелевского района. Банда украинских националистов, переодетая в немецкие мундиры, требуя выдачи оружия, замучила отца и двух братьев Лесневских.

Март 1943 г., село Загорцы Дубненского района. Украинские националисты выкрали управляющего хозяйством. Когда он пытался убежать, палачи закололи его штыками, а затем прибили к земле, «чтоб не встал».

Март 1943 г. В окрестности Гуты Степанской Костопольского района украинские националисты обманом выкрали 18 польских девушек, которых после изнасилования поубивали. Тела девушек сложили в один ряд и на них положили ленту с надписью: «Так должны погибать ляшки (польки)».

Март 1943 г., село Мосты Костопольского района. Поляки Павел и Станислав Беднажи были замучены украинскими националистами. Убили также украинку, жену одного из братьев.

Март 1943 г., село Банасовка Луцкого района. Банда украинских националистов замучила 24 поляка, их тела бросили в колодец.

Март 1943 г., населенный пункт Антоновка Сарненского района. На поляка Юзефа Эйсмонта напали украинские националисты, привязали к столбу, выковыряли глаза, а потом живого перерезали пилой.

11 июля 1943 г., село Бискупичи, район Владимира-Волынского. Украинские националисты учинили массовое убийство,

загнав жителей в школьное помещение. Тогда же зверски истребили семью Владимира Яскулы. Палачи ворвались в хату, когда все спали. Топорами убили родителей, а пятерых детей положили рядом; всех обложили соломой из матрасов и подожгли.

11 июля 1943 г., населенный пункт Свойчев возле Владимира-Волынского. Украинец Глембицкий убил свою жену-польку, двух детей и родителей жены.

12 июля 1943 г. Колонию Мария Воля возле Владимира-Волынского окружили украинские националисты и начали убивать поляков, используя огнестрельное оружие, топоры, вилы, ножи, палки. Погибли около 200 человек (45 семей). Часть людей, около 30 человек, бросили в колодец и там убивали их камнями. Во время этой резни приказали украинцу Владиславу Дидуку убить его жену-польку и двух детей. Когда он не выполнил приказание, убили Дидуку и всю его семью. Восемнадцать детей в возрасте от трех до 12 лет, которые спрятались в поле, палачи переловили, посадили на телегу, завезли в село Чесный Крест — и там всех поубивали вилами и топорами. Акцией руководил некто Квасницкий...

30 августа 1943 г., польское село Куты Любомльского района. Ранним утром село окружили стрельцы УПА и украинские крестьяне, главным образом из села Лесняки. Украинцы учинили массовую резню польского населения. Убивали в хатах и во дворах, используя вилы и топоры. Павла Проньчука, поляка, который пытался защитить мать, положили на лавку, обрубили ему руки и ноги и оставили на мученическую смерть.

30 августа 1943 г., польское село Острувки возле Любомля. Село окружили плотным кольцом националисты. Большинство мужчин закрыли в школе; потом выводили по пять человек за сад, где их убивали ударом по голове и бросали в выкопанные ямы. Тела складывали слоями, пересыпая землей. Женщин и детей собрали в костеле, приказали им лечь на пол, после чего по очереди стреляли им в голову. Погибли 483 человека, в том числе 146 детей...»

И такое на 166 страницах! Только на Волыни...

Участник УПА Данило Шумук приводит в своей книге рассказ уповца: «Под вечер мы вышли вновь на эти самые хутора, организовали десять подвод под видом красных партизан и поехали в направлении Корята... Мы ехали, пели «Катюшу» и время от времени ругались по-русски...» А теперь оуновцы ут-

верждают, что красные партизаны убивали поляков, маскируясь под УПА!

В малайском языке есть слово «амок», которое означает вид сумасшествия — охватывающее человека желание убивать. Причины тамошнего «амока» до сих пор не исследованы. Но вот «амок» душегубов из ОУН-УПА был вызван исключительно влиянием преступной пропаганды, людоедской идеологии. А зародилась она еще во времена УВО. В брошюре, опубликованной в 1929 году, говорится:

«Требуется кровь? — Дадим море крови! Требуется террор? — Сделаем его адским!.. Не стыдитесь убивать, грабить и поджигать. В борьбе нет этики!»

Никто не в состоянии установить теперь количество евреев, уничтоженных гитлеровцами с помощью украинской вспомогательной полиции. Не нашла я и литературы, которая бы убедительно и исчерпывающе указывала количество жертв ОУН-УПА. Правду должны восстановить украинские историки. Но... Честным историкам теперь будет крайне нелегко. На Украине, особенно на Западной, вновь господствует страх перед ОУН, перед Украинской национальной ассамблеей, перед Украинской национальной самообороной. Там еще хорошо помнят топоры и удавки «национально сознательных»...

Дивизия СС «Галичина»

Однажды украинские телеканалы сообщили о том, что под Бродами состоялась международная игра — реконструкция боя дивизии СС «Галичина» с советскими войсками. И что *так же, как и в 1943 году*, победили героические украинские воины...

Сегодня уже абсолютно очевидно, что, наряду с Эстонией, Латвией, Польшей и другими антироссийски настроенными странами, за переписывание итогов Второй мировой войны взялась Украина. Поэтому важно вновь обратиться к документам.

Как известно, создание дивизии СС «Галичина» началось после того, как Советский Союз нанес немцам сокрушительное поражение под Сталинградом, изменившее весь ход военных действий на Восточном фронте. 6 февраля 1943 года, с благословения митрополита Шептицкого, Андрей Мельник шлет послание начальнику штаба верховного командования вермахта,

генерал-фельдмаршалу В. Кейтелю: *«Кажется, пришло время включить Украину в антибольшевистский фронт... Необходимо сформировать боеспособное украинское войско... К сожалению, на протяжении последних двух лет было утеряно множество возможностей... Необходимо этот вопрос перенести в сферу практических действий без волокиты и траты времени. Надеюсь, что проблемы формирования украинских вооруженных сил в том виде, в котором мы тут изложили, найдет у Вас, господин генерал-фельдмаршал, надлежащее понимание и внимание... Украинские верноподданные и, прежде всего, военные круги готовы к разрешению этого вопроса, которому мы во имя победоносного окончания борьбы с Москвой придаем огромное значение, стремимся... отдать себя в распоряжение главного командования вооруженных сил».* Эту инициативу поддержал губернатор дистрикта «Галиция», группенфюрер СС Отто Вехтер.

Тарас Гунчак в книге «В мундирах врага» пишет, что разрешение на формирование украинской дивизии, которая бы вошла в состав войск СС, Вехтер получил от Гиммлера. *«Во время беседы 4 марта 1943 года Вехтер передал Гиммлеру письмо с предложением, если Гиммлер это одобрит, обговорить с украинскими «проводниками» создание добровольческой дивизии СС «Галичина».*

Из этой книги мы узнаем еще одну интересную деталь. Высшие руководители СС условились, что, «исходя из психологических и политических соображений», следует избегать слова «полиция» в названии формирования. Стало быть, речь шла о создании полицейской, «охранной», точнее — карательной дивизии войск СС, и именно эту «специализацию» надо было скрыть! Гиммлером также был наложен запрет на любое употребление слова «украинская» в названии дивизии.

Создание последней было официально оформлено 28 апреля 1943 года специальным актом губернатора Галиции Вехтера. Тогда же Вехтер издал секретную директиву относительно проведения набора в дивизию. Ни в коем случае не должно было создаваться впечатление, что немцы рассчитывают на помощь украинцев и что украинцы являются немецкими союзниками. Призывным комиссиям следовало акцентировать внимание на другом: украинцы, мол, «активно привлекаются к борьбе с большевизмом».

Для формирования дивизии была создана Войсковая (иногда пишут Боевая) управа, в состав которой вошли представители Украинского центрального комитета (УЦК). Возглавлял ее полковник Альфред Бизанц. За пропаганду вербовки отвечало пресс-бюро УЦК; оно имело в своем штате писателей и журналистов, которые писали статьи и репортажи, публиковавшиеся главным образом в газетах «Краківські вісті» и «Львівські вісті». По городам и селам Галиции разъезжали представители Войсковой управы, убеждая слушателей в необходимости сотрудничать с немцами и вместе с ними воевать против большевиков.

По данным Т. Гунчака, к началу июня 1943 года в дивизию СС «Галичина» записались 81 999 человек, из них были приняты 52 875. Однако на этом призыв не прекратился. Призывная организация, возглавляемая гауптштурмфюрером СС К. Шульце, которая превратила Войсковую управу в свой вспомогательный орган, продолжала мобилизацию до конца оккупационного периода Галиции, т. е. до августа 1944-го. Но пополнение поступало до начала весны 1945 года за счет беженцев из Галичины.

М. Чарторыйский в своих воспоминаниях «Між молотом і кувалдою» пишет: *«Мобилизация в СС-дивизию проходила будто бы на основе «добровольности», а когда эта «добровольность» оказалась недостаточной, тогда началось насилие: хватание, залог, аресты, вывозы, так что безопасности не было уже ни дома, ни вне дома, ни в школе, даже из церквей начали немцы вылавливать молодежь...».*

Сегодня присяжные «историки» обманывают народ, утверждая, что буквы «SS» в названии дивизии расшифровывались, как «сечевые стрельцы». Автор самой заметной книги о дивизии СС «Галичина», начальник ее штаба майор Гайке писал: *«Официальное название дивизии от 30 июля 1943 года: SS Freiwilligen Division «Galizien» — СС добровольческая дивизия «Галичина»; и от 27 июня 1944 года: 14 SS Freiwilligen Grenadier Division — 14 СС добровольческая гренадерская дивизия (Галицкая № 1)».* И тут же добавляет: *«Однако Гиммлер ясно предостерегал, что в дивизии ни с какой точки зрения нельзя даже думать о независимости Украины. Слова «Украина», «украинец», «украинский» запрещалось употреблять под угрозой наказания. Воины дивизии должны были называться не «украинцами», а «галичанами».*

Гайке отмечает, что солдаты «Галичины» *«заплатили большую цену крови, о чем немецкий народ не должен забывать»* и *«иметь в отношении украинцев обязательства благодарности»*. Такая точка зрения дает повод думать: вот почему немецкие послы вдруг становятся советниками президента, а различные немецкие фонды спонсируют украинские неправительственные организации националистической направленности...

Учебные базы дивизии СС «Галичина» были размещены в 45 населённых пунктах, в том числе на территории Голландии, Германии, Польши, Франции, а также в Варшаве. Основной состав сначала находился в «Гайделягере», близ Дембицы, а с конца февраля 1944 года — в стационарном войсковом лагере в Нойгаммере (Германия).

Присяга воина дивизии звучала так: *«Этой торжественной присягой обещаем Богу, что в борьбе против большевизма будем безоговорочно служить Верховному Командующему Германских Вооружённых сил Адольфу Гитлеру и, как хорошие солдаты, будем готовы в любое время отдать свою жизнь за эту присягу»*.

И хотя 28 апреля 1943 года, во время провозглашения акта о создании дивизии СС «Галичина», немцы представляли последнюю, как добровольческое соединение войск СС, — управление названных войск первый набор «добровольцев» направило конкретно в полицейские («охранные») части. Именно это и пытаются скрыть современные «исследователи» истории дивизии.

«Добровольность» же вступления в дивизию даже бандеровские источники описывают так: *«Для набора большего количества добровольцев в стрелковую дивизию СС «Галичина» городской голова доктор Геллер издал распоряжение о принудительном пересмотре всех мужчин 1917—1925 годов рождения с целью набора в Службу труда, подчёркивая, что те украинцы, которые явятся в дивизию, будут освобождены от обязанности являться на работу. Одновременно губернатор Галиции доктор Вехтер напомнил добровольцам, что «альтернативой борьбы с оружием в руках является работа с заступом». При этом губернатор пригрозил суровыми наказаниями за несоблюдение порядка и дисциплины»*.

«Как только 18 июля 1943 года состоялся выезд первой группы «добровольцев» из Львова на «вышкол», — свидетель-

ствует В. Гайке, — их разместили сначала в лагере «Гайделягер» (в районе Дембицы), а затем переформировали в 4-й, 5-й, 6-й, 7-й и 8-й полицейские полки». Он также пишет, что «уже в самом начале часть добровольцев составила отдельные, так называемые «полицейские полки». То есть речь идет о подготовке военнослужащих именно для карательных, а не для войсковых операций. К слову, описанные полки имели название: Galizisches SS Freiwilligen Regiment (Polizei), т. е. Галицийские СС добровольческие полки (полицейские)...

В начале февраля 1944 из управления войск СС поступает срочное распоряжение о формировании на базе дивизии «боевой группы» для борьбы с советскими и польскими партизанами. «Боевая группа» в составе одного батальона и батареи легких пушек в течение суток была отправлена в район Чесанова, Любачева, Тарнограда, Белограя и Замостья (Польша). Через день была откомандирована вторая «боевая группа» для борьбы с большевистскими партизанами на северо-западе от Львова. Гайке отмечает, что обе группы «действовали довольно успешно». В Гуте Пеняцкой, вблизи Золочева на Львовщине, «дивизионники» сражались против польского населения, советских и польских партизан.

В захваченных советскими войсками архивах дивизии СС «Галичина» об этом кровавом событии можно прочесть такую запись: *«В бою с партизанами участвовал первый батальон 4-го полка... Ранены от 8 до 12 наших эсесов. Села Гута Пеняцкая и Беньяки сожжены и усмирены»*. В названных селах погибли более 800 польских крестьян и партизан...

А вот другая запись о «подвигах эсесов» — в Тернополе: *«Когда немцы и наши эсесы отбили у большевиков занятую часть города, тогда наши согнали всех поляков в костел и там их истребили»*.

Архивы дивизии бесстрастно рассказывают о том, как в июне 1944 года спецкоманды уничтожили более 1500 мирных граждан во Львове, расстреляли военнопленных красноармейцев в Золочеве, сравняли с землей городок Олеско, уничтожив около 300 его жителей, способствовали угону советских людей на каторжные работы в Германию.

Только с марта по июль 1944 года 14-я гренадерская дивизия СС «Галичина» была действительно полевой и стрелковой. В июле она была наголову разбита советскими войсками в Бро-

довском котле. (Вот это и есть *правда* о судьбе дивизии, предельно извращенная в провокационных «военных играх» наших дней!) Уже осенью на базе запасного полка остатки «Галичины» снова переформируют в полицейскую дивизию СС. А в начале октября 1944 года ее в полном составе переводят в Словакию на подавление антифашистского восстания.

Описывая участие СС «Галичины» в подавлении словацкого восстания, Гайке пишет: *«После заключения 12 декабря 1943 года пакта о дружбе и взаимопомощи между Бенешем и Сталиным большевики начали перебрасывать в Словакию партизан, обученных в Советском Союзе. В июне 1944 года Украинский штаб партизанского движения... выслал в Словакию смешанные отряды, состоящие из 220 чехов и словаков, а также 450 советских партизан. В конце августа партизанское движение в Словакии насчитывало 8.000 партизан, в том числе 3.000 советских партизан. Среди них было много украинцев, которые в 1940 году тысячами перешли из оккупированной Венгрией Карпатской Украины в СССР. Когда 30 августа было объявлено всеобщее восстание, на сторону повстанцев перешли некоторые отряды словацкого войска во главе с министром обороны... Уже 31 августа Гиммлер отправил в Словакию... СС-обергруппенфюрера Готтлоба Бергера».*

После карательных акций против словацких повстанцев дивизию послали не на фронт, который стремительно приближался, а перевели в Штирию и Каринтию для борьбы против югославских партизан. Об этом эпизоде Гайке вспоминает так: *«Дивизия немедленно перемещается к Штирии; там она должна за возможно непродолжительное время закончить переформирование, а также обучение и достичь боевой готовности. Точный район размещения будет указан на месте через высшего фюрера СС и полиции в Любляне... Из-за сильного воздействия вражеской авиации дивизия была вынуждена идти от Граз-Бруцка только ночью, дорога... оставалась под контролем британской авиации, которая действовала с аэродромов в Италии... В районе дивизии в большом количестве действовали титовские партизаны. Главным заданием дивизии являлась борьба с партизанами...»* Затем Гайке печально заключает: *«Главную задачу — уничтожение партизан — решить не удалось».*

В последние дни войны дивизия оставила боевые позиции, занятые ею в Германии против советских войск, и бро-

силась навстречу английским войскам, чтобы сдать в плен. В местечке Тамсвег, куда направилась колонна дивизии, англичане поставили пропускной пункт, где задерживали все эсэсовские части. Узнав об этом, командир дивизии Фриц Фрайтаг застрелился. Возглавил последнюю бывший петлюровский генерал и польский полковник Павел Шандрук, ставший к тому времени председателем так называемого Украинского национального комитета (УНК).

Отказавшись от эсэсовских регалий, дивизия приняла присягу на «верность украинскому народу». Сменив прежнее название и став «Первой украинской дивизией», она, тем не менее, ни единого выстрела не сделала по немцам, не аннулировала своей прежней присяги на верность Гитлеру и Третьему рейху.

Трибунал в Нюрнберге осудил, как инструменты агрессии, все соединения СС и СД. В документах чёрным по белому написано: *«Международный военный трибунал признал преступными следующие организации (...) Die Schutzstaffeln der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeiterpartei (то есть СС — М. Б.), в частности также всех ее членов, которые были официально признаны как члены СС, в том числе: а) члены Allgemeine SS, б) члены Waffen SS, в) члены SS-Totenkopf-Verbände, г) члены всех других полицейских сил, которые были членами СС»*. Попадает в этот список и дивизия СС «Галичина».

«УПА воюет не против немцев, а только против Красной Армии...»

С самого начала формирования УПА руководители как высшего, так и низшего ее звена налаживали связи с немцами, а также с их союзниками. Да и иначе быть не могло. Ведь весь центральный провод ОУН был сформирован Бандерой из агентов различных германских спецслужб, — и, как уже было показано, сам «верховный проводник» являлся немецким агентом...

В первых числах августа 1943 года в городе Сарны Ровенской области состоялось совещание представителей немецких властей и ОУН по вопросу совместных действий против советских партизан. В середине августа делегация ОУН для этих же целей выезжала в Берлин.

В результате переговоров было достигнуто соглашение, согласно которому ОУН-УПА взяли на себя обязательство охранять железные дороги и мосты от налётов советских партизан, принимать участие в борьбе с партизанским движением, выполнять и поддерживать проводимые немецкими оккупационными властями мероприятия. В свою очередь немцы обязались оказывать всемерную помощь украинским националистам в поставке оружия, а в случае победы Германии над Советским Союзом — разрешить создание самостоятельного украинского государства под протекторатом Германии.

Для переговоров с представителями союзной немцам венгерской армии был назначен член центрального провода ОУН Емельян Логуш («Иванив»), выполнявший в то время функции руководителя краевого провода ОУН «Південь». В связи с этим приводим текст одного документа.

*«Секретно.
Приказ № 21*

Командирам и казакам УПА, комендантам и работникам подполья ОУН.

В связи с политической ситуацией и определенными настроениями, требующими от нас чрезвычайного чутья и политической гибкости, —

приказываю:

1. Прекратить какие-либо агрессивные действия против мадьяр на территории всего военного округа.

2. Договориться на местах с командованием мадьярских подразделений с целью недопущения выступлений одной стороны против другой.

3. В отношении мадьяр необходимо быть приветливыми и предупредительными...

4. Ответственность за выполнение настоящего приказа возложить на командиров подразделений УПА и комендантов подполья ОУН.

Слава Украине!

Командир группы УПА Эней.

9 сентября 1943 года».

Во второй половине августа 1943 года между вожаками УПА и венгерским командованием была достигнута договоренность о том, что венгерские войска не будут проводить

никаких боевых операций против отрядов УПА, дислоцировавшихся на территории Дубновского и Костопольского районов Ровенской области. В честь этого события в селе Будераж Здолбуновского района проводом ОУН были специально организованы для венгров вечер художественной самодеятельности и парад отрядов УПА. Переговоры закончились 3 января 1944 года подписанием соглашения. Вот часть его текста:

«1. Венгерское командование не будет проводить никаких враждебных действий против УПА и украинского населения.

2. Подразделения УПА не будут осуществлять политических и вооруженных выступлений против венгерских гарнизонов на Украине...

3. Венгерское командование будет сообщать командованию УПА о действиях советских партизанских подразделений или коммунистической разведки. Командование УПА будет ставить в известность венгерские штабы о всех известных ему передвижениях большевистских партизан.

4. Венгерские гарнизоны могут получать от хозяйственных подразделений УПА необходимое продовольствие. Взамен они будут передавать в УПА соответствующее количество оружия, боеприпасов, а также другие технические и медицинские материалы...»

Руководство ОУН приняло решение о необходимости закрепления этого договора на более высоком уровне и достижения политических соглашений. В январе 1944 года «высокая» делегация в составе Е. Логуша, Е. Врецьоны, А. Луцкого и В. Мудрого, совместно с венгерским подполковником Пада-ни, вылетела на венгерском самолете в Будапешт, где провела ряд встреч с офицерами из высшего командного состава. Они заверили представителей ОУН, что регент Венгрии Хорти осведомлен о происходящих переговорах. Было достигнуто соглашение о совместных боевых действиях против СССР, за что венгерская сторона обещала в случае необходимости предоставить возможность эмиграции в Венгрию руководящим деятелям оуновского подполья на Украине.

Характерным примером взаимодействия ОУН-УПА с немецкими войсками является факт замены 13 января 1944 года в городе Камень-Каширский Волынской области немецкого гарнизона отрядами УПА. Ушедший гарнизон оставил оуновцам 300 винтовок, 2 ящика патронов, 65 комплектов обмундирования, 200 пар белья и другое снаряжение.

В марте 1944 года партизанами соединения А. Ф. Федорова, действовавшими тогда в северных районах Волынской области, при отражении вооруженного нападения УПА был захвачен документ, подтверждающий тесную связь «борцов за самостоятельную Украину» с немцами. Вот его текст:

«Друже Богдан! Пришлите 15 человек к нам в курень, которые будут работать на строительстве моста. 3 марта 1944 года я договорился с немецким капитаном Ошфтом, что мы построим мост для переправы немецких войск, за что они дадут нам подкрепление — два батальона со всей техникой. Совместно с этими батальонами 18 марта с. г. мы очистим от красных партизан лес по обе стороны р. Стоход и дадим свободный проход в тыл Красной Армии своим отрядам УПА, которых там ждут. На переговорах мы пробыли в течение 15 часов. Немцы нам устроили обед. Слава Украине! Командир куреня Орел. 5 марта 1944 года».

Из документа, определяющего условия сотрудничества ОУН-УПА с немцами в Рава-Русском районе Львовской области, ясно, что руководители УПА обязывались задерживать и передавать гестапо советских разведчиков, доставлять добываемые советские шифры, сообщать о дислокации советских и польских партизанских отрядов и совместно с немецкими вооруженными силами и полицейскими подразделениями принимать меры к их уничтожению, а также выдавать немецкой полиции дезертиров из дивизии СС «Галичина».

Сотрудничество УПА с немцами не было рядом фактов местного, единичного порядка, а поощрялось «сверху» и получило широкое распространение. Главнокомандующий полицией безопасности и СД по Украине бригадефюрер СС Бреннер 12 февраля 1944 года осведомил подчиненные ему разведорганы в западных областях Украины о том, что руководители УПА обязались забрасывать в советский тыл своих разведчиков и о результатах их работы информировать отдел 1-ц боевых групп, находившийся при штабе германских армий «Юг». В связи с этим Бреннер приказал: разрешить свободное передвижение агентам УПА с соответствующими пропусками; запретить изъятие оружия у членов УПА, а при встрече групп УПА с немецкими воинскими подразделениями пользоваться условными опознавательными знаками (растопыренные пальцы поднятой перед лицом кисти левой руки).

12 февраля 1944 года разведывательным отделом 1-ц боевой группы Прюцмана при штабе германских армий «Юг» был издан приказ, в котором отмечалось, что в результате успешно законченных переговоров немецкого командования с украинскими националистами достигнута договоренность о взаимном ненападении и помощи в вооруженной борьбе с Красной Армией. ОУН-УПА предписывалось также ведение разведки в пользу немецкого командования.

9 февраля 1944 года в районе сел Башковцы, Тилевка и Угорек Шуйского района Тернопольской области передовыми частями Красной Армии была ликвидирована в ходе боевого столкновения вооруженная группа ОУН, которой руководили два немецких офицера. В том же районе была частично ликвидирована банда ОУН численностью около 60 человек, возглавляемая Панасюком. Эта группа была переброшена абвером через линию фронта южнее города Броды Львовской области. При ликвидации указанных банд захвачены: немецкая портативная радиостанция, значительное количество оружия немецкого производства. Среди убитых обнаружены трупы семи немецких военнослужащих.

В начале марта 1944 года сотня УПА, возглавляемая куренным по кличке «Макс», в местечке Подкамень Бродовского района Львовской области встретила с одним из воинских подразделений немецкой армии. С согласия немцев бандиты разграбили местный католический монастырь и повесили нескольких ксендзов. От командования немецкого гарнизона курень получил 4 станковых пулемета, 300 винтовок, 25 тысяч штук патронов, 3 ротных миномета с 35 минами к ним и несколько военных топографических карт. Данный факт сотрудничества УПА с немецкими военными и разведывательными органами, а также чинимых зверств по отношению к полякам подтверждается письмом начальника гестапо и СД в Кракове оберфюрера СС Биркампа.

15 марта 1944 года Биркамп сообщал вышестоящему руководству о том, что в районе пос. Подкамень Бродовского района немцы передали бандам УПА оружие, боеприпасы и перевязочные материалы, а также отметил, что «к УПА необходимо относиться, как к своим союзникам».

Документ (дело СД-4 № 123/44 от 4 апреля 1944 года), составленный гауптштурмфюрером СС и уголовным комиссаром

СД Паппе, свидетельствует о начале его переговоров с руководителями группы УПА, пребывавшими в Рава-Русском и прилегающих к нему районах.

Командир разведывательной группы немецкого воинского подразделения Лобау, также участвовавший в этих переговорах, в своем рапорте докладывал, что руководитель группы УПА при встрече с ним сделал следующее заявление:

«Участники УПА нашли полное понимание со стороны вермахта и сожалеют, что с гестапо еще не достигнуто такого единства. Планы УПА не направлены во вред немецким интересам;

— УПА никоим образом не нарушала немецких коммуникаций и подвоз на Восток, хотя имела такие возможности;

— УПА воюет не против немцев, а только против Красной Армии...»

На этих переговорах представитель УПА заверил Паппе, что они готовы выделить в распоряжение немцев один курень, т. е. батальон, для заброски в тыл Красной Армии с задачей срыва снабжения советского фронта, совершения террористических актов, ведения военной разведки в пользу вермахта. На этом же совещании, в ответ на предложение руководителя полиции безопасности в Рава-Русской Хагера, представитель УПА обещал провести в пользу немцев заготовку и поставку скота, зернофуража, продовольствия.

27 февраля 1944 года начальник полиции безопасности и СД Галиции доктор Витиска сообщил в Берлин штурмбанфюреру СС Эрлиху и в Краков оберфюреру СС Биркампу о том, что банды УПА избегают вооруженного столкновения с немцами. В тех случаях, когда УПА захватывала немецких военнослужащих, им предлагалось занять руководящее положение в банде. При их отказе задержанные освобождались и с пропусками УПА свободно возвращались в распоряжение немецких войсковых частей.

8 апреля 1944 года уголовный комиссар полиции безопасности и СД Галиции Паппе имел беседу с сотрудником разведывательной группы 1-ц Прюцмана штурмбанфюрером СС Шмитцем о переговорах, которые тот проводил с руководителем банды УПА. В составленной по этому вопросу справке Паппе отметил, что, по словам Шмитца, боевики УПА использовались немцами в тылу Советской Армии в диверсионных и раз-

ведывательных целях. Шмитц высказал убеждение, что «банды УПА честно стремятся всемерно поддерживать германские интересы».

Особый интерес представляет содержание переговоров Герасимовского — члена и представителя Центрального прохода ОУН-б — с руководителями германских оккупационных властей в генерал-губернаторстве. («Герасимовский» — кличка бывшего капеллана «Нахтигаля» и члена Центрального прохода ОУН Ивана Гриньоха.) Приведем выдержки из трофейных немецких документов.

Первая встреча «высоких договаривающихся сторон» состоялась 5 марта 1944 года. В совершенно секретном «государственной важности» документе №90/44 от 13 марта 1944 года, адресованном командующему полиции безопасности и СД в генерал-губернаторстве, уже известный нам эсэсовский чин Паппе сообщал следующее:

«Краков. 5 марта 1944 года состоялась встреча моего референта 1/с с одним украинцем, назвавшим себя Герасимовским и утверждавшим, что он уполномочен центральным руководством бандеровской группы ОУН вести переговоры от имени политического и военного сектора этой организации, представляющей все территории, на которых проживают украинцы... Герасимовский высказал следующие положения ОУН (группа Бандеры):

1. Полиция безопасности впредь не будет арестовывать украинцев за нелегальную политическую деятельность, если бандеровская группа ОУН будет твердо придерживаться своего обещания вести активную борьбу исключительно против большевизма и прекратит всякий террор и всякие попытки... Бандеровская группа ОУН хотела бы доказать свою добрую волю и свое честное стремление к сотрудничеству тем, что она не настаивает на освобождении отдельных политических заключенных, если полиция безопасности по каким-то соображениям особенно заинтересована в содержании их под арестом. Она достаточно благоразумна, чтобы ни разу не потребовать освобождения Бандеры... Что касается подготовительных военных мероприятий, то они должны распространяться исключительно на организацию предстоящей борьбы с большевизмом или на выполнение боевых задач, которые будут поставлены перед организацией германской стороной...

... Группа ОУН под руководством Бандеры дает следующие обещания:

1. Группа Бандеры соблюдает безусловную и полную лояльность относительно всех германских интересов, в частности, службы подвоза и снабжения, германских сооружений на Востоке, и необходимые условия режима в зоне оперативного тыла группы войск.

2. Бандеровская группа ОУН предоставляет в распоряжение полиции безопасности добытые ею разведданные о большевизме, коммунизме и польской стороне и позволяет полиции оценивать и использовать эти сведения по своему усмотрению...

4. Бандеровская группа ОУН будет использовать свои военные силы против советских банд и в других военных акциях подобного рода.

О дальнейших действиях УПА должны состояться особые переговоры».

Если первую встречу с Герасимовским вел референт полиции и службы безопасности в Кракове, то на вторую встречу, которая проходила во Львове в конце марта 1944 года, пожаловал сам криминаль-комиссар Паппе. Её содержание отражено в совершенно секретном, «государственной важности» документе, датированном 24.03.1944 года. Цитируем.

«1) ОУН готова немедленно прекратить всякую деятельность, наносящую ущерб германским интересам...

2) ОУН (группа Бандеры) обязуется предоставить в распоряжение полиции безопасности все разведданные о большевизме, коммунизме и о польском движении сопротивления. Кроме того, ОУН готова сотрудничать с немцами во всех военных областях, которые окажутся необходимыми в борьбе против общего врага (большевизма)... С целью обеспечения интенсивности ведения боевых действий против общего врага ОУН желает, чтобы немцы поставляли ей конспиративным путем боеприпасы, оружие и взрывчатку. Доставка оружия и диверсионных материалов с немецкой стороны через линию фронта в боевые подразделения УПА должна осуществляться по всем правилам конспирации, чтобы не дать повода большевистскому режиму выставить оставшихся за линией фронта украинцев как германских пособников и агентов... ОУН желает впредь вести переговоры и заключать соглашения лишь централизованно, и чтобы партнером по переговорам с герман-

ской стороной была по возможности полиция безопасности, так как она знает правила конспирации и умеет их использовать, в то время как другие инстанции и заведения такими знаниями не владеют...»

Третья встреча Герасимовского с высоким немецким начальством зафиксирована в секретном документе, составленном во Львове 29.03.1944 года. Вот выдержки из него: *«Господин командир начал с заявления, что германские оккупационные власти, и особенно охранная полиция, с пониманием относятся к борьбе за самостоятельность, которую ведет бандеровская группа ОУН... Именно сегодня украинцам представилась возможность доказать свои солдатские достижения и доблести, именно сейчас, когда большевистская опасность подошла вплотную к Западной Украине... Похоже, что украинцы готовы не упустить последнюю возможность внести свой вклад в создание новой Европы и пойти ради этого на жертвы, в то время как латыши и литовцы сами поняли необходимость призвать свою молодежь под ружье и отправить ее на борьбу с большевизмом под руководством немцев. Этот шаг латышей и литовцев оценен, а впоследствии будет и вознагражден фюрером. Вот с кого должны брать пример украинцы, иначе они никогда не смогут достичь своих чаяний и целей...»*

(Интересная параллель! Нынешние западные «спонсоры» лакейской власти на Украине снова предлагают нам брать пример с латышей и литовцев! Иначе, мол, не видать нам места в Новом Мировом Порядке... о котором, кстати, распинались и немцы — М. Б.)

Герасимовский... особенно подчеркнул, что вся нелегальная деятельность бандеровской группы ОУН есть не что иное, как борьба исключительно против большевизма и что нанесение ущерба германским интересам и вообще всякие антигерманские тенденции никогда не исходили в приказном порядке от бандеровской группы ОУН и никогда не будут исходить впредь, потому что она видит в германском народе единственного партнера, на которого можно опереться в борьбе против большевизма с надеждой на успех. Он признал, что латыши и литовцы, мобилизовав свою молодежь против большевиков, однозначно доказали фюреру, что они видят в большевизме своего смертельного врага, а в Германии — своего союзника, с которым они хотят сражаться вместе. Что ка-

сается бандеровской группы ОУН, то она так внешне откровенно не может выступить против большевиков, так как в противном случае организация лишится своей конспирации... Бандеровская группа ОУН рассчитывает завоевать уважение фюрера и своей подпольной борьбой и поможет украинскому народу заслужить подобающее ему место в новой Европе...»

Итогом четвертой встречи Герасимовского с криминально-комиссаром стал, опять-таки, секретный документ «государственного значения», составленный во Львове и датированный 29 марта 1944 года: *«При встрече господина командира с Герасимовским 27.03.1944 года последний заметил, что одному подразделению УПА, действующему за линией фронта, удалось схватить большевистских агентов: одного, одетого в форму обер-лейтенанта.... Герасимовский заявил о готовности передать захваченные документы в полицию безопасности и агентов (если они еще живы). В качестве компенсации Герасимовский потребовал освободить некоего Барабаша и госпожу Лебидь. Господин командир намерен ходатайствовать об освобождении Барабаша и Лебидь».*

Пятая, но не последняя встреча Герасимовского с Паппе произошла во Львове 3 мая 1944 года. Она отражена в документе, датированном 5 мая 1944 года: *«Состоялась еще одна встреча с Герасимовским, при этом он заявил, что он, согласно моему поручению, связался с подразделениями УПА в дистрикте Галиция и узнал, что УПА захватила живыми в свои руки 20 советско-русских парашютистов, сброшенных на территории Галиции... ОУН (группа Бандеры) готова передать мне этих агентов-парашютистов... Герасимовский должен сообщить мне окончательно и точно, когда и где первые агенты-парашютисты могут быть взяты охранной полицией. Герасимовский... обещал представить мне материалы о новом статусе советско-русских политруков в Красной Армии и данные о деятельности генерала Ципаева...»*

Все вышеперечисленные трофейные документы (и не только) не оставляют сомнения в том, что, во-первых, бандеровцы просили, а гитлеровцы обязывались поставлять оружие «украинским повстанцам» для вооруженной борьбы с советскими и польскими партизанами и частями Советской Армии; во-вторых, бандеровцы были обеспокоены возможной утечкой информации о поставках оружия УПА германской стороной. Эта

информация была чревата утратой доверия со стороны местного населения западных областей Украины, принимавшего на веру пропагандистские заявления бандеровцев о том, что они якобы ведут вооруженную борьбу против «оккупантов» — как советских, так и немецких. Именно этим и мотивировалась просьба Герасимовского: поручить поставку германского оружия подразделениям УПА полиции безопасности, «так как она знает правила конспирации и умеет ими пользоваться». Кроме того, бандеровцы помогали немцам вылавливать советских парашютистов, заброшенных по воздуху в тыл врага, но желали, чтобы об этом не знали не только местные жители, но и рядовые боевики УПА, также верившие в борьбу «на две стороны». Представитель Центрального провода ОУН-б опять подчеркнул, что *«вся нелегальная деятельность бандеровской группы ОУН есть ни что иное, как борьба исключительно против большевиков, и что нанесение ущерба германским интересам и вообще всякие антигерманские тенденции никогда не исходили в приказном порядке от бандеровской группы ОУН и никогда не будут исходить впредь, потому что она видит в германском народе единственного партнера, на которого можно опереться в борьбе против большевизма с надеждой на успех»*.

Из других трофейных документов узнаем, что обе договаривающиеся стороны добросовестно выполняли принятые обязательства. Немцы обеспечивали бандеровцев оружием, боеприпасами, снаряжением и даже направляли в подразделения УПА своих военнослужащих для совместной вооруженной борьбы с советскими войсками и партизанами. *«По меньшей мере, один раз в неделю я направлял для УПА по 3-4 грузовых автомашины с оружием»*, — показал взятый в плен начальник отдела обеспечения штаба германских войск в генерал-губернаторстве Юзеф Лазарек. И такие отправки, по его заверению, производились вплоть до августа 1944 года.

Вот еще один трофейный документ, подтверждающий показания Лазарека. Это секретное донесение жандармерии города Каменка Бугская жандармскому управлению Львова от 5 апреля 1944 года. Капитан жандармерии Дильман извещает командира жандармерии Галиции о передаче командиру УПА оружия и боеприпасов, а также о том, что вместе с этим «подарком» командир УПА получил от полковника Эйлера определенное боевое задание...

Другой, не менее впечатляющий документ — донесение все того же Паппе в Главное имперское управление безопасности (РСХА) о результатах переговоров с Герасимовским 7 июня 1944 года. При разговоре о поставках немецкого оружия в подразделения УПА Герасимовский поднял вопрос: *«Не целесообразно ли уже сейчас подумать о закладке на территории дистрикта Галиция складов оружия и боеприпасов для УПА? Однако этими складами она сможет воспользоваться лишь в том случае, если германский вермахт будет вынужден в последующем оставить часть территории дистрикта Галиция. Эти склады могли бы содержаться германской стороной в полной тайне и охраняться так, чтобы они оставались недоступными для посторонних до самой эвакуации».*

Предложение представителя Центрального провода ОУН было принято и реализовано гитлеровцами. При отступлении с советской территории немцы создали в Галиции 40 секретных баз с оружием и боеприпасами. Этим занималась специальная группа абвера, возглавляемая майором Гельвихом. Данные о базах были вручены командованию УПА. Об этом после войны дали показания высокопоставленные чиновники абвера Эрих Штольце и Юзеф Лазарек.

В свою очередь верхушка ОУН-УПА скрупулезно выполняла обязательства, принятые перед гитлеровцами. Об этом свидетельствуют следующие архивные документы.

1. Секретный доклад верховного командования Южной группой германских войск «О положении банд УПА за февраль 1944 года», адресованный 4-му Управлению РСХА. Львов, 11 марта 1944 года. В нем сказано: *«Национальные украинские банды препятствуют проникновению советских бандитов (так нацисты называли советских партизан — М. Б.). Есть много сообщений о схватках между украинскими бандитами (очевидно, немцы не слишком чтити и бандеровцев — М. Б.) и советскими».*

Банды УПА проводят свои собственные операции против Красной Армии. Взятые в плен русские доставляются в расположение немцев для допросов. Сведения, добытые УПА о советских русских бандах и Красной Армии, сразу же передаются вермахту».

2. «Секретное, государственной важности» донесение оккупационных властей дистрикта Галиция Главному Управлению

безопасности от 26 мая 1944 года. Содержание: контакты УПА с вермахтом, полицией и гражданскими инстанциями. Речь идет об окончательном прекращении и без того редких столкновений между «повстанцами» и гитлеровскими оккупантами: руководство УПА отнесло подобные инциденты к «случайным» и «самодеятельным» и постралось надежно их пресечь. Автор документа пишет:

«Представляю донесение моего передового пункта «Тернополь», находящегося в настоящее время в Бережанах, о деятельности и взглядах группы Бандеры и УПА в округе Бережаны, где их силы достигли наибольшей концентрации, но (как следует из нижеприведенного донесения) она в последнее время, несмотря на эту концентрацию и силу, ведет себя особенно лояльно по отношению к интересам Германии.»

Позволю себе предположить, что в таком изменении поведения УПА не последнюю роль сыграли мои встречи с Герасимовским. Последний сообщил нашему референту во время недавней встречи, что он попытался пресечь все инциденты, происходящие по вине УПА (группа Бандеры), одним ударом. С этой целью с одобрением штаба ОУН он объехал все подразделения УПА в дистрикте Галиция и еще раз обратил внимание всех командиров отрядов на то, что по приказу штаба все отряды УПА должны относиться к немцам строго лояльно...» Далее документ предлагает *«в ответ на действия УПА по уничтожению советско-русских парашютистов позволить ей сохранить свою организацию и при необходимости носить оружие...»* И, наконец, еще один фрагмент: *«К вопросу о переброске отрядов из района Бережан в Карпаты. Германские оккупационные власти могут быть уверены, что сосредоточение УПА в Карпатах направлено исключительно против Советов, но ни в коей мере против германских интересов. Если кто-то опасается, что УПА намерена со своих карпатских позиций воспрепятствовать возможному отступлению германских войск, то это предложение ложное.»*

Итак, архивными документами опровергаются утверждения современных апологетов бандеровщины, что украинские националисты якобы защищали украинский народ от немцев, в частности, от изъятия оккупантами скота и иного имущества. Как видно из приказа командования 13-го армейского корпуса, националисты не препятствовали немцам изымать у селян скот

и иное имущество для потребностей вермахта, а лишь поставили условие: такие действия законны, если совершаются в присутствии сельского старосты, т. е. члена ОУН. И немцы приняли это условие, чтобы поддержать авторитет бандеровских «союзников» (вернее, холопов) и избежать ненужных эксцессов.

В донесении командира Тернопольской тайной полиции командиру охранной полиции и СД в дистрикте Галиция оберштурмбанфюреру СС доктору Витиске от 22 мая 1944 года говорится: *«За отчетный период в подведомственном округе политическая обстановка заметно успокоилась... УПА отдала распоряжение прекратить всякие нападения на немцев. Это распоряжение, по всей видимости, строго выполняется. Даже рабочая сила для выполнения дорожно-строительных и окопных работ выделяется безоговорочно...»*

Во многих трофейных немецких документах подтверждается, что Центральный провод ОУН-б и командование УПА отдали приказ, запрещающий под страхом наказания совершать вооруженные нападения на немцев. В докладной записке командира охранной полиции и СД в дистрикте Галиция от 6 июня 1944 года в адрес вышестоящей инстанции сообщается о том, что на день раньше рядовые бандиты УПА схватили двух военнослужащих вермахта и доставили их в Межиглоды, где намеревались их расстрелять. Однако расстрел не состоялся по приказу руководства «повстанцев».

Подобные нападения были единичными и потому не могут рассматриваться как акции УПА. Более того, недопустимо утверждать, что УПА якобы воевала против немцев. Все это — легенды, которыми старые бандеровцы пичкают «национально сознательных» молодых зомби...

Разумеется, бывали отдельные стычки локального характера между немцами и оуновцами. Но поводом к ним служил тот факт, что боевики УПА нередко неожиданно появлялись вблизи расположения германских войск в форме бойцов и командиров Красной Армии. (Этот «маскарад» совершался в провокационных целях, чтобы вину за карательные акции против населения сваливать затем на советские войска и спецслужбы. Сегодня лжи бандеровских провокаторов у нас верят...) В связи с этим генеральный штаб 13-го армейского корпуса 22 февраля 1944 года издал приказ, в котором, в частности, сказано: *«Так как в борьбе с бандами нельзя сразу установить... какой*

національності банда і какові її настроєння, рекомендуєм націоналістическим українським соединєнням при приближеніи немецких войск без боя удалятьсє».

В справкє СБУ № 113 от 30 июля 1993 года указываєтсє: «В архівах містєтьсє матеріали, трофейні документи ОУН-УПА та німецьких спецслужб, які свідчать лише про дрібні сутички між підрозділами УПА та німцєями в 1943 році. Ніяких значних наступальних чи оборонних операцій, масштабних боїв в докумєнтах не зафіксовано. Тактика боротьби підрозділів УПА з німцєями в зазначений період зводиласє до нападів на пости, дрібні військові підрозділи, оборони своїх баз, засідок на дорогах».

Видимо, поєтому на сайтє Українськой Повстанчєской Арміи в раздєлє «100 найбільш переможних битв УПА з німецькими каральними військами» встєраєм такіє, к примєру, «побєднєє рєляції»: «07 лютого 1943 — сотня УПА під командуваннєм Довбєшка-Коробка провєла наступ на загін жандармерії у м. Володимирєць. Містєчко повністю визволено від ворога, здобуто 20 одиниць вогнепальної зброя, 65 ковдр, амуніцію та інші рєчє. Втрати ворога: 7 вбитих, вкључно з командиром жандармерії, інші розбіглисє. Втрати УПА: 1 вбитий і 2 ранєних». Вот это сражение! Куда там битве за Сталинград или освобождению Киева!..

Мартиролог жертв націоналистов

Зато мартиролог жертв отрядов УПА, оставшихся в тылу Красной армии после ее движения на Запад, с конца войны и по середину 50-х годов, воистину скорбен и бесконечен. Глубоко символично, что последнее массовое захоронение жертв бандеровского террора, 67 жителей села Дядьковичи Ровенской области, произошло в день провозглашения независимости Украины — 24 августа 1991 года.

Бывший член одной из боёвок, у которого хватило мужества покаяться перед своим народом, писал о послевоенной деятельности УПА: «Тєпер націоналістичні борзописці на закордонних смітниках намагаютьсє довести, що УПА не співробітничала з фашистським вермахтом, не допомагала гєстєпівцєям гнобити український народ. Не будє з цієї муки хліба, пановє! Я був в УПА, йшов разом з німецькими військовими частинами проти Радєнськой Армії і кращє знаю правду про УПА.

УПА нічим не відрізнялась від сумної пам'яті дивізії СС «Галичина». І ця, і та вели боротьбу проти свого народу, виручаючи гітлерівських убивць. Така правда про УПА. Шила в мішку не сховати.

Коли радянські війська зайняли Карпати, ми, забившись у гірські кутки Сколівського і колишнього Славського районів, ночами налітали на найближчі села, тероризували населення, вбивали сільських активістів, знищували цілі сім'ї, грабували харчові продукти, а згодом пиячили і чекали приходу... американців. Особливо аморально, розпусно поводитися старшини. Не проходив день без розгулу, пияцтва, диких оргій, убивств. Почали поширюватися венеричні хвороби. Відомо, що й сам «головнокомандуючий» УПА Чупринка (кличка Романа Шухевича) лікувався від хвороби, яку в народі колись називали «поганою».

Багато я пережив у той час, багато бачив у ті пропалі для мене роки. У цьому короткому листі не розповісти і сотої частини. Вбивства, катування, моральне падіння, звірячий жах перед карою народною, приреченість і намагання будь-якою ціною відстрочити свою неминучу загибель — ось чим жили насправді упівські зграї.

Наведу ще кілька окремих прикладів, найбільш характерних для розкриття страшної мерзенності, зрадництва і жорстокості бойовиків УПА.

Короткий час старшинську школу, в якій я вчився, охороняв курінь отамана «Різуна». Треба признатись, що цей бандит знайшов собі кличку, яка прекрасно визначала його суть. Я був свідком неодноразових розправ над мирним населенням, а також над рядовими «бійцями» УПА, які чомусь не сподобались курінному або допустили якусь провину. Таким же звіром був і сотник «Карпенко» (студент Богдан Сікора, родом із Дашави), надрайонний провідник «Ромко» та багато інших. Я згадаю тільки одну з багатьох «паціфікаційних акцій», які здійснив «Ромко».

Це було у Стрийському районі, де я переховувався, втішки після розгрому наших боївок Радянською Армією. Населення району щораз з більшою ненавистю ставилось до нас, втішалося першими успіхами свого нового життя, щиро допомагало органам Радянської влади. У селі Яблунівці молодь організувала самооборону і зі зброєю в руках охороняла від нас здобутки радянського життя, спокій свого села.

Це розлютило верховодів банди. Вони вирішили вчинити над селом криваву розправу. Вночі велика група «есбістів» під керівництвом «Ромка» напала на село. Що діялось у цю жахливу ніч! Бандити палили людей живцем, замкнувши їх в хатах, розбивали об стіни голови дітей, гвалтували дівчаток, знущалися з сивих. Однак села так і не вдалося захопити у свої руки!».

Поименный учет жертв националистического террора начался только в 1990 году, по инициативе коммунистов Львовщины. Лишь за один год были собраны следующие данные: в Волынской области — 25700 человек погибли от рук бандитов, во Львовской — свыше 40000, в Ровенской — 29390, в Черновицкой — 1182 человека. За каждой цифрой этого далеко не полного скорбного перечня — конкретные человеческие трагедии, которые и сегодня незаживающими ранами бередят сердца живых... Одной из причин долгого замалчивания общего количества жертв была забота о дружбе народов СССР. Многие пострадавшие россияне, белорусы и др. вполне могли перенести виновность оуновцев на всех украинцев... Яркий тому пример: процесс над Григорием Васюрой, начальником штаба 118 полицейского батальона, уничтожившего Хатынь, прошел в закрытом режиме.

Когда списки убитых были опубликованы, в редакции газет сразу хлынули десятки тысяч писем. Писали родственники жертв послевоенного террора УПА. Подтверждали, добавляли факты... Но с объявлением независимости Украины к власти в стране пришли те, кто сначала пытался скрыть преступления националистов, а позднее объявил палачей героями, борцами за свободу. Газеты стали закрываться или «менять профиль», у их руководства начали резко меняться убеждения (если таковые имелись)... А списки жертв постепенно забывались. Не то, что в Польше... Там недавно вышла книга с мартирологом жертв бандеровского террора в Ровенской области. Эти данные публиковались в газете «Червоний прапор» с 20.XII.1990 года по 1.VIII.1991.

Вот отдельные документы из скорбного списка, приведенного поляками и опубликованного газетой.

Из отчета за 20 дней, начиная с 29.X.1943 года, бандеровской сотни «Палия»: *«Переловили двох комунарів, зліквідували. Наша СБ зліквідувала також 10 люду в с. Бегень, у Ставках переловлено одного комунара Івана Ващенка. 3.X.43 р. в Дядькови-*

чах арештовано татарку, зліквідовано, а майно передане до місцевої господарчої частини. Арештували дезертира з відділу «Орла», зброю забрали, а його скарали ...»

Из отчета атамана боевки «Матвея»: «Боївка «Жмайла» скарала на смерть Арсена Воложнюка, знищила Павла Мельника, він був за Совітів головою. Дня 16.VI.44 р. боївка «Олега» вночі дуже сильно скалічила Захарчучку, яка в больниці померла ...»

Из отчета «полицейско-исполнительного отдела» УПА за полгода по Березневской округе:

а) скарано за комунізм — 111 осіб.

б) сексотство — 59.

в) НКВД — 67.

г) родини — 70

307 осіб

Протоколи дано

5.V.44 р. Слава Україні! Героям Слава!

«Чорний»

Еще один людоедский отчет уповца: «У селі Мізочку (Здолбунівського району) знищено полоненого кацапа... У с. Борщівка забрано вчительку і її чоловіка, їх знищено.

Слава Україні!

«Тур».

Далее — свидетельства уцелевших.

«Зарічне. 17 квітня 1944 року в селі Храпин згряя Івана Пантика вбила партизана Романа Омельчука, пограбувала обійстя. 17 червня 1944 року на хуторі Жигалівка Вулько-Речицької сільради знищено дві сім'ї — 13 душ... У селі Великі Телковиці знищено Петра Гаврилюка і 13-річного хлопчика Панаса Апанчука, бо підтримували зв'язок з радянськими партизанами. 21 січня 1945 року у селі Борове кати «Ясена» вбили інваліда війни Ісидора Мельника і Максима Поляка. 5 березня 1945 року боївка «Шугая» в селі Вовчиці убила Семена Івановича Шваю, Данила Семеновича Шваю, Никанора Франковича Ковтуновича, Юхиму Микитівну Шваю, Христину Микитівну Шваю і Антосю Андріївну Судинович... У селі Судче закатовано Степана Дем'яновича Гутька, 1884 року народження, за те, що його син був у партизанах і воював з фашистами. 17 вересня 1945 р. банда «Босоти» повісила жителя села Вулька-Речиця Василя Саво-

веча Шрамовича, 68 літ... Бандгрупа «Комара» закатувала на Привітовських хуторах громадянку Петровець...

3 листа до редакції: «Влітку 1945 року бандити «Мамая» у селі Волиця Збитинська по-звірячому замордували Ганну Андріївну Бондарчук (1896), її дочку Федору Йосипівну (1926) і Ніну Йосипівну Бондарчук (1924). Напишіть, що бандити кололи її ножами у живіт і груди, повиколювали очі, а як задовольнились цим катуванням, то постріляли тих людей і спалили їх у хаті. Прізвища свого не вказую, бо боюсь тих бандюг. Вони сьогодні знову піднімають голови, хай будуть вони прокляті».

Дубровиця. У лютому 1944 року в селі Кураж була убита Анастасія Колковець і вкинута в річку... У селі Мачулище вбиті Йосип Йосипович Червонка і Уляна Кузьмівна Червонка.

3 листа до редакції: «Назвіть ката Микиту Жакуна, бандерівська кличка його «Медвідь», він убив 5 грудня 1944 року в селі Залужжя Тетяну Федорівну Котяш, Агафію Євсеївну Котяш, їй уже тоді було за 60 років, Параскеву Матвіївну Алексеєвця, восьмирічного Василя Алексеєвця, Матвія Матвійовича Котяша — 16 літ, п'ятирічного Івана Алексеєвця, Івана Платоновича Котяша (1891), Хаврону Олексіївну Котяш (1891), Федору Іванівну Котяш — 19 років їй було. І щоб знали ви, членів сім'ї Івана бандити склали у штабель у хаті і спалили. Котяг В.»

Сарни. Із довідки про злочин банди Пилипа Будькевича — «Стожка»: в селі Любковичі в 1944 році вбиті Тихін Федосійович Стельмах і члени його сім'ї в кількості 8 осіб, серед яких малолітні діти...

У Володимирецькому районі особливо виділялась катуванням мирного населення зграя СБ «Богдана», його справжнє ім'я — Кіндрат Шух. Це очолювана ним банда у 1943 році повела до Стиру жінку — родичку Костянтина Рибчинчука. Вдарили її по голові сокирою, а потім утопили...

На території колишнього **Висоцького району** (нині Дубровицький) діяла бандгрупа районного провідника ОУН-УПА «Діброви»... Вони закатували в селі Городище Івана Павловича Гречка, Олексія Івановича Новіка, Федора Федоровича Гречка, Івана Нестеровича Гузика, Олександра Юхимовича Магиру та ще трьох осіб; у селі Тумень — 7 душ; у селі Бродець були вбиті Віктор Іванович Кулик, Васильєв, Михайло Данилович Мендель.

Рівненський район. 9 липня 1945 року в с. Волошки вбитий голова земельної комісії (прізвище не встановлено)... за-

брані бандерівцями Любов Устимівна Антипчук (1929), Надія Кирилівна Антипчук (1920), Іван Петрович Терещук, Анафія Дорофіївна Терещук, Віра Іванівна Терещук. У Решуцьку 29 грудня 1946 року вбито трох місцевих жителів.

Дубно. 28 серпня 1946 року у селі Рідкодуби вбитий голова сільради Михайло Олексійович Сурмай (1908). 21 травня 1945 року закатований Василь Трохимович Романюк.

Сарни. 13 липня 1944 року у селі Камінне убиті Ганна Герасимівна Ковальчук і 5 її дітей. 19 серпня 1944 року в Олексіївці позбавлені життя Сава Григорович Мастерук — 50 років, його дружина і 4 дітей, Уляна Мастерук і 5 дітей. У селі Вири закатовані Михайло Ковальчук, його дружина і 4 дітей, Яків Вознюк і його дружина...»

Списки невинних мучеников можно было бы продолжать. Только вот не даст на это благословения «оранжевая» власть. Для нее жертвы бандеровских садистов — «чужаки» либо «окупанты»...

Между Гитлером и Сталиным

В статье 27 конкордата между Ватиканом и нацистской Германией говорилось: «Церковь обеспечивает немецкой армии руководство персоналом католического вероисповедания...» Каждую немецкую военную часть, где были католики, окормлял католический капеллан. Украинские части в германской армии действовали по тому же принципу.

В специаль-батальон «Нахтигаль» имени Степана Бандеры митрополит Шептицкий назначил капелланом Ивана Гриньоха. Последнего представил своим шефам из абвера сам Бандера, сославшись на авторитет Шептицкого. У абвера эта кандидатура возражений не вызвала, тем более, что с 1939 года Гриньох был агентом немецких спецслужб.

18 июня 1941 года «Нахтигаль» был направлен к советско-германской границе, где капеллан Гриньох привел его личный состав к присяге на верность служения Германии и ее фюреру. Конечно, не обошлось без молитвы в честь «вождя» ОУН. Дрогобычская газета «Вільне слово» 16 июля 1941 года писала: «Около трех часов утра в понедельник 30 июня вошли в город первые патрули немецкой армии. Это были украинцы из батальона под командованием Романа Шухевича. Они направились прямо к

митрополиту Андрею Шептицкому». Выслушав доклад Гриньоха, глава униатской церкви Шептицкий благословил «нахтигалевцев». Сам штаб разместился в облюбованном Шухевичем и Оберлендером Доме студента на Кадетской горе.

...Заглянем ненадолго в будущее. 22 октября 1959 года профессор Берлинского университета А. Норден на пресс-конференции заявил, что министр по делам переселенцев и беженцев в правительстве ФРГ Теодор Оберлендер причастен к массовому уничтожению гражданского населения Украины и Северного Кавказа в годы войны. Заявление было сделано на основании многочисленных свидетельских показаний, собранных «Комитетом германского единства».

Созвав в Бонне ответную пресс-конференцию, Оберлендер рассказал на ней о том, что якобы его «соловушка», войдя во Львов, нашли на плитах собора св. Юра... закованного в кандалы «кардинала» (!) Андрея Шептицкого. Но эту ложь опровергнул живой свидетель тех событий — бывший камердинер Шептицкого, Степан Гавриляк. В своем письме в газету «Львовская правда» он сообщил: *«Я... служил лакеем у митрополита Шептицкого. До самой его смерти 1 ноября 1944 года неотлучно находился при нем. Во время отступления из Львова советских войск в июне 1941 года я также неотлучно находился при митрополите. Его никто не арестовывал и даже никто из военных и гражданских служащих к нему не заходил»...*

Владыка униатской церкви не предпринял никаких мер, чтобы прекратить зверства, чинимые нахтигалевцами и почувствовавшими вкус крови полициярами. Даже тогда, когда жена схваченного националистами академика Цешинского, который лично был знаком с митрополитом, попросила последнего оказать содействие в освобождении мужа, Шептицкий ответил, что он *«не вмешивается в мирские дела»*.

А чем был занят в это время отец Гриньох, кроме докладов митрополиту о происходящих во Львове событиях? Он постоянно встречался с нахтигалевцами, вдохновлял их на новые зверства... а также, как человек, хорошо знавший Львов и имевший большой круг знакомств в среде униатской паствы, создавал агентуру по заданию своего шефа из абвера Ганса Коха, прибывшего во Львов вместе с «Нахтигалем» и в первые недели оккупации постоянно проживавшего в резиденции митрополита. Кох занимался сбором разведывательной инфор-

мации, способствующей успешному продвижению германских войск на фронте, подбором агентуры для заброски в тыл Красной Армии — и в этом получал неоценимую помощь от капеллана Гриньоха.

Бывший сотрудник абвера, фельдфебель Альфонс Паулюс показал: *«Кроме групп Бандеры и Мельника... абверкоманда-202 использовала украинскую православную церковь (т. е. греко-католическую — М. Б.). В учебных лагерях генерал-губернаторства проходили подготовку и священники украинской униатской церкви, которые принимали участие в выполнении наших заданий наряду с другими украинцами... Прибыв во Львов с командой 202-Б (подгруппа II), подполковник Айкерт установил контакт с митрополитом украинской униатской церкви. Митрополит граф Шептицкий, как сообщил мне Айкерт, был настроен про-немецки, предоставил свой дом в распоряжение Айкерта для команды 202, хотя этот дом и не был конфискован немецкими воинскими властями. Резиденция митрополита находилась в монастыре во Львове. Вся команда снабжалась из запасов монастыря. Обедал митрополит, по обыкновению, вместе с Айкертом и его ближайшими сотрудниками. Позднее Айкерт, как начальник команды и руководитель отдела ОСТ, приказал всем подчиненным ему отрядам устанавливать связи с церковью и поддерживать ее».*

Как свидетельствовал взятый в плен советскими войсками бывший штурмбаннфюрер СС, начальник церковного отдела IV управления Главного управления имперской безопасности Карл Нейгауз, *«после начала Восточного похода и в течение всей войны германские правительственные органы имели тесный контакт и полную поддержку со стороны униатской церкви в Польше и на Украине. Главой этой церкви был львовский архиепископ граф Шептицкий. Он и его церковь являлись передовым отрядом Ватикана на Востоке для осуществления давнишней цели Рима — подчинения себе всей православной церкви».*

Руководимое Шептицким униатское духовенство с первого дня нападения на Советский Союз, полностью включившись в гитлеровскую военную политику, оказывало немцам всяческую поддержку и получало от них за это соответствующее вознаграждение.

Шептицкий и его ближайшие сотрудники... играли активную роль в создании из украинских националистов дивизии СС «Галиция». В состав этой дивизии СС включились многие члены ордена «святого Василия» (василиане) во Львове и униатские священники. Это был один из редких случаев, когда представители церкви добровольно, непосредственно участвовали в эсэсовской организации.

Шептицкий был связан с германской разведкой — абвером и СД. С ним тесно сотрудничал офицер абвера, профессор теологии Кох из Бреславля. Он был уроженец Галиции и с помощью Шептицкого установил тесный контакт с украинскими националистами Бандерой и Мельником. Весьма характерно то обстоятельство, что Шептицкий не возражал против размещения в его монастыре во Львове одного из отрядов абвера и щедро угощал его сотрудников. Надо сказать еще, что Шептицкого соответственно компенсировала германская разведка. Так, он получил по указанию Главного управления имперской безопасности за свои заслуги перед Германией 10 000 экземпляров Библии на русском языке и использовал их в миссионерских целях на Украине. Кроме Шептицкого, это никому не разрешалось».

Придавая большое значение униатской церкви как своему форпосту на Востоке, папа действовал не только через митрополита Шептицкого и прелата Веркуна, но посылал в страны Центральной Европы и других своих представителей в целях подчинения православной церкви католической».

Во Львове уже начинались убийства евреев и польской интеллигенции, но 1 июля 1941 года митрополит Шептицкий через газету «Сурма» выступил с обращением к народу: «Уведомляю тебя, украинский народ, о том, что услышаны наши покорные молитвы, призываю тебя проявить благодарность Всевышнему, верность его церкви и послушание власти. Военное время потребует еще много жертв, но дело, начатое во имя бога и с божьей благодатью, будет доведено до успешного конца. Неизбежные жертвы для достижения нашей цели, прежде всего, будут заключаться в послушном подчинении справедливым божьим законам, непротивным приказам власти... Победоносную немецкую армию приветствуем как освободительницу от врага. Установленной власти отдадим должное послушание...»

Оуновская газета «Сурма» рядом с обращением митрополита напечатала статью под заголовком *«Пусть немецкая армия чувствует себя на Украине дорогой гостьей»*. Вот строки из статьи: *«Два года постоянных побед, два года безудержного марша немецких вооруженных сил покрыли германскую армию лаврами военной славы, рыцарского героизма. От победы к победе железным шагом современного витязя устанавливает немецкая армия новый порядок в мире»*. Оуновские борзописцы призывали народ встречать гитлеровцев *«восторженными возгласами радости, цветами, счастливыми улыбками, горячими аплодисментами и криками: «Да здравствует непобедимая немецкая армия! Да здравствует ее вождь Адольф Гитлер!»...*

5 июля Шептицкий обращается к униатскому духовенству и верующим со вторым пастырским словом: *«По воле всемогущего и всемилостивого бога начинается новая эпоха в жизни нашей родины. Победоносную немецкую армию, занявшую уже почти весь край, приветствуем с радостью и благодарностью за освобождение от врага. В этот важный исторический момент призываю вас, отцы и братья, к благодарению бога, верности его церкви, послушанию властям и усиленному труду. Чтобы поблагодарить всевышнего за все, что он нам дал и умолить о милости на будущее, каждый душпастырь отслужит в ближайшее воскресенье по получении этого призыва благодарственное богослужение и после песни «Тебя боже хвалим» провозгласит многолетие немецкой армии и украинскому народу»*.

В «Українських щоденних вістях» рядом со «Словом» митрополита было напечатано «Обращение коменданта города Львова генерал-лейтенанта Ренца». Генерал Ренц откровенно дал понять, что фашистские завоеватели пришли на Украину для того, чтобы установить здесь свое господство, и требует от всех безоговорочного повиновения: *«Победоносные немецкие войска... освободили западные области украинской территории от крупных большевистских вооруженных сил, на цитаделях Львова и Луцка развеивается немецкий военный флаг»*. Далее Ренц требовал от духовенства безусловного повиновения немецким войскам: *«Церковь и ее органы, поскольку они являются представителями украинской национальной жизни, будут иметь поддержку в обществе. Однако... без разрешения военных властей не имеют права издавать никаких полицей-*

ских, хозяйственных и любых других постановлений, касающихся населения края».

Для населени Ренц издал следующий приказ:

«1. За малейшие попытки насилия и враждебного выступления против всех состоящих в немецкой армии устанавливается смертная казнь. В том случае, если не удастся задержать виновных, репрессии будут применяться по отношению к ранее взятым заложникам.

2. Все, кто не возвратится к месту своей работы или покинет его, будут расстреляны как саботажники.

3. Все бойцы Красной Армии и политические работники, находящиеся в городе, обязаны зарегистрироваться в течение 5-ти часов... Лица, укрывающие таких бойцов или политических работников, будут расстреляны.

4. Все огнестрельное оружие, амуницию всех родов и взрывчатые материалы сдать... За невыполнение — смертная казнь».

Кроме того, немецкий комендант категорически запретил ходить по городу после 9 часов вечера, держать у себя какие бы то ни было радиоприемники. В заключение приказа Ренц категорично предупредил, что «собрания, демонстрации, уличные шествия будут подавлены с помощью оружия».

Как же на это ответила церковь? По инициативе Шептицкого униатские иерархи на следующий день после появления приказа Ренца собрали во Львове «совещание видных представителей общественности». На этом совещании митрополита представляли его доверенные лица: И. Слипый, Ю. Дзерович, А. Каштанюк.

И. Слипый от имени Шептицкого приветствовал руководителей разных националистических групп и призвал их прекратить взаимную грызню и обвинения, чтобы объединенными усилиями «оказать более широкую деловую помощь немецкой армии-освободительнице». В принятом на совещании обращении читаем: «Представители украинской львовской общественности, собравшиеся 6.VII.1941 г., приветствуют победоносные немецкие войска под руководством великого вождя Адольфа Гитлера, несущие украинскому народу освобождение от большевистского ярма и предоставляющие ему возможность возродить самостийную украинскую державу». Эту резолюцию первыми среди 70 человек подписали Кость Левицкий и Ио-

сиф Слипый. В тот день, в воскресенье 6 июля 1941 года, с самого утра в униатских церквах Львова звонили колокола. Они оповещали верующих, что в храме св. Юра состоится «архирейское благодарственное богослужение» в честь Гитлера. Через несколько дней в соборе св. Спаса униатские священнослужители устроили еще одно «благодарственное богослужение» в честь Гитлера и его «славного воинства». И. Слипый, епископы Чарнецкий и Будка снова провозгласили «многие лета» кровавому фюреру, благодарили за «освобождение» и просили у бога «скорейшей победы немецкой армии».

10 июля 1941 года греко-католические иерархи вместе с националистическими лидерами провели во Львовском оперном театре «Манифестацию благодарности и уважения к фюреру Адольфу Гитлеру и немецкой армии». Для чествования гитлеровцев в оперный театр прибыли епископы И. Слипый, Н. Будка, члены митрополичьего ординариата, митрополичьего капитула, духовенство, монахи-василиане. Здание театра было увешано полотнищами с нацистскими лозунгами. На фронтоне театра красовались надпись «Благодарим фюрера Великой Германии» и нацистский флаг с черной свастикой. Рядом — трезубец и желто-голубые флажки. На сцене театра висел огромный портрет Гитлера, в зале — фашистские и оуновские лозунги.

Вечером на сцене появляются генералы фон Кранц и фон Рок, полковник фон Притвиц. По поручению националистического руководства и униатского клира «мероприятие» открывает Степан Биляк. *«Я имею честь,— говорит он,— открыть торжественную манифестацию преданности фюреру Великой Германии. Как представитель древнего города Львова, приветствую представителей немецких вооруженных сил, в частности пана генерала пехоты фон Кранца как городского коменданта Львова и коменданта полевой комендатуры пана полковника фон Притвица»...*

25 июля владыка Шептицкий выступает с воззванием «К хлеборобам». Он призывает галицийских крестьян к «усиленному и более добросовестному труду в сельском хозяйстве, ибо от этого зависит их будущее питание, покрытие всех расходов, восстановление хозяйства, а также помощь немецкой армии путем продажи сельскохозяйственных продуктов... Само собой разумеется, что мы должны как можно больше помогать немецкой армии, ибо ей мы обязаны освобождением из

большевистской неволи». Митрополит призвал верующих исправно сдавать зерно, мясо, молоко, яйца, птицу на созданные гитлеровцами по всей Галиции «сборные пункты».

1 августа 1941 года униатская и националистическая верхушка участвует в торжественной встрече с генерал-губернатором Франком. В 11 часов утра отряды полиции и войск СС с автоматами в руках окружают здание Львовского университета и прилегающие к нему улицы. Один за другим в актовЫй зал университета входят приглашенные — высшие офицеры вермахта и СС, националистические главари, святоюрские сановники.

В этот зал попасть непросто. Всюду охрана, тщательная проверка «аусвайсов» и приглашений... На углу улицы Словацкого, около главных ворот университета, перед входом в актовЫй зал выстроились эсэсовцы в черном. В 12 часов на сцене появляется генерал-губернатор Франк. В ответ на его приветствие зал, до отказа заполненный гитлеровскими офицерами и украинскими националистами, трижды выкрикивает: «Зиг хайль!»

Вот как описывает «праздничную передачу власти в Галиции» одно из тогдашних нацистских изданий. *«После того как генерал-губернатора встретили у триумфальных ворот города, он в сопровождении почетного эскорта направился в университет... Генерал-губернатор под звуки парадного марша проходит вдоль почетного караула армии и полиции. В зале заседаний генерал фон Рок произнес речь в честь генерал-губернатора д-ра Франка... Затем выступил Франк... Торжественная передача закончилась восклицаниями в честь фюрера... Капитан профессор д-р Кох представил генерал-губернатору членов украинской делегации. Ее представитель, львовский посадник д-р Полянский, сердечно приветствовал генерал-губернатора»*.

Может быть, д-р Полянский, а вместе с ним оуновцы и униатские иерархи выразили свое возмущение в связи с разгоном «правительства» Стецько и фактическим присоединением Западной Украины к «рейху»? Куда там! Обращаясь к Франку, Полянский заявил следующее: *«Господин генеральный губернатор! Мне выпала высокая честь в качестве представителя украинского народа, в частности города Львова, приветствовать в вашем лице представителя нашего освободителя, фюрера Великогермании. Столетиями порабощенный наш народ*

получил теперь возможность под вашим руководством идти навстречу лучшему будущему... Заверяю вас от имени своих сограждан, господин генеральный губернатор, как представителя фюрера, в повиновении и верности» («Українські щоденні вісті», 2 августа 1941 года).

Рядом с Полянским стоял Иосиф Слипый. Генерал-губернатор, приблизившись к ним, поблагодарил за выступление и обещал «представителям общественности и церкви» свою «личную поддержку».

Через несколько недель, 6 сентября 1941 года, митрополит по Львовскому радио обратился к верующим и духовенству с новым призывом «оказывать всемерную и эффективную помощь» немецким оккупантам. В радиопроповеди владыки Андрея снова звучали слова благодарности немецко-фашистской армии, призывы к «смирным молитвам», дабы Господь *«благословил эту геройскую армию и содействовал успешному завершению победы над безбожным коммунизмом».*

Тогда же владыка обратился к Гитлеру с поздравлением по случаю захвата вермахтом Киева. *«Как глава украинской греко-католической церкви, — писал митрополит, — я передаю Вашему Превосходительству мои сердечные поздравления по поводу овладения столицей Украины, златоглавым городом на Днепре Киевом!.. Мы видим в Вас непобедимого полководца несравненной и славной германской армии. Дело уничтожения и искоренения большевизма, которое Вы, как фюрер великого германского рейха, поставили целью этого похода, обеспечивает Вашему Превосходительству благодарность всего христианского мира... Я буду молить бога о благословении победы, которая явится порукой длительного мира для Вашего Превосходительства, германской армии и немецкого народа. С особым уважением Андрей, граф Шептицкий».*

В своём обращении к крестьянам митрополит Андрей давал инструкции, как они должны работать, чтобы германская армия не терпела ни в чём недостатка. В «Послании к верующим» (август 1942), опубликованном всеми оккупационными газетами края, митрополит дал своей пастве строгие указания работать даже по воскресеньям, в дни религиозных праздников и *«усердно выполнять... распоряжения властей».* Тут же в категорической форме он потребовал от подчинённых свя-

ценнослужителей «личным примером» и «советом» влиять на прихожан, чтобы они полностью выполняли работу, требуемую захватчиками.

12 января 1942 года Шептицкий снова пишет Гитлеру о том, что *«провідні кола на Україні готові до тіснішого співробітництва з Німеччиною з тим, щоб вести боротьбу з спільним ворогом спільними зусиллями німецького і українського народів і встановити справді повний порядок на Україні і у всій Східній Європі»*.

Активная поддержка гитлеровского рейха со стороны «отцов церкви» была должным образом оценена наместниками фюрера. Оккупанты приняли решение о возврате Шептицкому земельных участков в пригороде Львова Кайзервальде, которые были национализированы в октябре 1939 года. Верхушка униатского клира начала получать ежемесячные «дотации» из фашистской казны, по специальным карточкам ей выдавались дополнительные продукты. Бригадефюрер СС Карл Ляш, назначенный губернатором Галиции, высоко отзывался о «вкладе» униатско-националистических лидеров в дело установления «нового порядка» в западных областях Украины. В интервью группе оуновских журналистов он с «особым удовлетворением» отметил, что греко-католическая церковь относится к немецким властям с «полным доверием». *«Я убедился в этом, — сказал Ляш, — во время посещения митрополита графа Шептицкого и на основании беседы с ним. Мы подтвердили, что наши мысли и наши планы — едины»*.

В августе 1941 года митрополит Шептицкий сообщал папе: *«Мы будем поддерживать немецкую армию, освободившую нас от большевистского режима, вплоть до победного завершения ею войны, которое — дай-то Бог! — раз и навсегда покончит с атеистическим, воинствующим коммунизмом»*.

Шептицкий неоднократно обращался к руководителям «третьего рейха» с предложением о создании «галицийских воинских подразделений» в составе фашистской армии. Когда на берегах Волги впервые прозвучало слово «катастрофа», такое разрешение было получено. По распоряжению владыки Андрея на протяжении мая—июля 1943 года во всех униатских церквах были проведены торжественные богослужения в честь создания дивизии «Галичина». Десятки униатских священнослужителей были включены в состав созданных фашистами моби-

лизационных комиссий. Митрополит призывал священников агитировать молодых людей с амвона вступать в дивизию.

«Львівські вісті» (№ 93, 1943 рік) так описала «урочисту церемонію» по поводу милостивого «зволнення» Гітлера: «28 квітня раннім ранком у Львові по вулиці Дистрикту в будинку 14 зібрались представники уряду... війська, поліції і члени УЦК, а також представники преси. Точно о 9 годині 25 хвилин до зали входить губернатор д-р О. Вехтер. Фанфари... сурмлять «струнко», а оркестр грає українські маршеві пісні. Виступає шеф управи губернатор Бауер. Він вітає присутніх. Слово бере губернатор дистрикту «Галичина» д-р Отто Вехтер. «Неодноразові звернення галицько-українського населення, — говорить він, — до управи Галичини, до пана генерал-губернатора, до проводу рейху нарешті увінчалися успіхом. Фюрер дав зволнення сформувати дивізію добровольців з галицьких українців...»

На церемонію при полном параде прибыл весь святоюрский капитул и местные униатские епископы во главе с представителем патриарха дистрикта — коадьютором Слипым. Выступать со словом-ответом поручили председателю УЦК Кубийовичу, который и заявил от имени всех националистических сил: *«Сьогодні для українців Галичини справді історичний день... Милостиве зволнення на формування стрілецької дивізії СС — це нагорода і особлива честь боротися пліч-о-пліч з героїчними німецькими воїнами і СС...»*

Священники УГКЦ вошли в состав дивизии в качестве капелланов. Их назначение проходило в торжественной обстановке на Святоюрской горе, а благословил капелланов заместитель Шептицкого и его будущий преемник митрополит Иосиф Слипый. Протоиерей Гавриил Костельник (позднее прозревший) послал в дивизию СС «Галичина» двух своих сыновей.

В целях ускорения мобилизации униатский первоиерарх даже распорядился, чтобы в дивизию СС были зачислены «малоперспективные», с точки зрения униатских наставников, слушатели Львовской духовной академии и Малой духовной семинарии.

Старания митрополита не остались незамеченными руководством «дистрикта». В интервью газете «Львівські Вісті» за 14.07.43 шеф военной управи по формированию дивизии СС полковник Бизанц заявил, что, униатские и националистические лидеры в деле мобилизации эсэсовских частей «прояви-

ли большую политическую зрелость, понимание собственных интересов и полную готовность взять в руки оружие, которое доверяют им немецкие власти». «В четверг, 8 июля с. г., — продолжал Бизанц, — военная управа посетила его экселенцию митрополита, чтобы в его лице поблагодарить все галицийское украинское духовенство за моральную поддержку в деле формирования дивизии. Мне особенно приятно констатировать, как живо интересуется его экселенция митрополит делами дивизии и как обстоятельно об этом деле проинформирован».

Бывший капеллан 14-й дивизии СС «Галичина», священник Иван Нагаевский, который в октябре 1943 года был принят митрополитом в его личной библиотеке на Святоюрской горе, вспоминал в Канаде слова владыки: «Я знаю о вашем назначении и рад, что вы согласились на эту личную жертву. Пусть Бог благословит вас на эту трудную работу. Я предоставляю вам все полномочия и привилегии, которые даются духовникам, исполняющим свои обязанности в смертельной опасности... Мы же будем тут молиться за вас всех».

Но молитвы владыки не помогли эсэсовской дивизии. В июле 1944 года она была окружена и разгромлена войсками Первого Украинского фронта. А еще через год с небольшим была освобождена от немецких оккупантов и Галичина.

И тут-то Шептицкий проявил свою воистине дьявольскую беспринципность. Так, он написал папе Пию XII: «Первыми жертвами становятся евреи. Количество замученных в нашем крае евреев, наверное, уже превысило двести тысяч...»

Летом 1944 года Красная Армия освободила Львов. Вскоре Шептицкий снова пишет поздравительное письмо, но на сей раз уже... Иосифу Сталину:

«Правителю СССР, главнокомандующему и великому маршалу непобедимой Красной Армии Иосифу Виссарионовичу Сталину привет и поклон. После победоносного похода от Волги до Сана и дальше, Вы снова присоединили западные украинские земли к Великой Украине. За осуществление заветных желаний и стремлений украинцев, которые веками считали себя одним народом и хотели быть соединенными в одном государстве, приносит Вам украинский народ искреннюю благодарность. Эти светлые события и терпимость, с которой Вы относитесь к нашей Церкви, вызвали и в нашей Церкви надежду, что она, как и весь народ, найдет в СССР под Вашим во-

дительством полную свободу работы и развития в благополучии и счастье. За все это следует Вам, Верховный Вождь, глубокая благодарность от всех нас.

Митр. Андрей Шептицкий. 10 октября 1944 г.»

В конце августа — начале сентября Андрей Шептицкий направил в Москву, в Совет по делам религиозных культов при СНК СССР, письмо, в котором просил о признании униатской церкви со стороны государства.

В «совершенно секретном» донесении народному комиссару УССР Савченко выдающийся украинский разведчик и религиовед Сергей Карин-Даниленко докладывал о своей встрече с мирополитом Андреем Шептицким:

«Я предъявил ШЕПТИЦКОМУ свое удостоверение, выданное СНК УССР.

Прочитав удостоверение, ШЕПТИЦКИЙ продолжал: «Вы возглавляете на Украине институцию, ведающую делами религиозных культов, поэтому для меня вы являетесь 2-ном министром и позвольте мне вас так называть».

Будучи смущен и несколько даже испуган таким неожиданным рангом, пожалованным мне ШЕПТИЦКИМ, я снова возразил ему, объяснив функции Совета и уполномоченных по делам религиозных культов, упомянув также о Совете по делам русской православной церкви. При этом я подчеркнул, что эти органы ни в какой мере не являются чем-то похожим на министерство исповеданий, так как в нашей стране церковь, согласно Советской Конституции, отделена от государства.

«Все это не имеет значения, и вы для меня являетесь 2-ном министром», — резюмировал ШЕПТИЦКИЙ и далее безостановочно, с большой экспрессией продолжал: «Я вам сказал, что за весь период существования Советской власти я впервые вижу у себя ее представителя. Очень сожалею об этом. Отсутствие личной связи с представителями Советской власти мешало тому взаимному пониманию, которое необходимо как для государственной власти, так и для церкви, существующей на ее территории. Быть может по этой причине Советская власть и сомневается в моем благожелательном к ней отношении».

Из этих последних слов я понял, что ШЕПТИЦКИЙ отвечал мне на мой упрек о славословиях униатов немецким оккупантам, который я сделал в беседе с архиепископом СЛЕПЫМ.

ШЕПТИЦКИЙ продолжал: «И все же этому я не удивляюсь. Вы должны были отдавать себе отчет в том, как я мог относиться к Советской власти до войны. Различные инсинуации до прихода Советов в Западную Украину — о преследованиях религии, об истреблении духовенства, о закрытии церквей, — распространяемые в газетах, рассказываемые очевидцами, людьми иногда серьезными и уважаемыми мною, — все это не могло не отражаться и на мне лично. Наконец, такие же сообщения о положении церкви в Советах продолжали поступать ко мне и после того, как Советы пришли в Западную Украину, но на этот раз от людей, прибывавших из большой Украины. Они говорили, что там церкви закрыты, епископов не существует, духовенство выслано или разбежалось... Как мы могли относиться к Советской власти? Мы ожидали такого горя и для себя, но Бог избавил нас от него, правда, ценой больших страданий, которые народ перенес при немцах. Но благодаря этим страданиям Советская власть переменяла свое отношение к церкви, чему я очень рад и за что признателен Советской власти...»

ШЕПТИЦКИЙ на этом сделал паузу, воспользовавшись которой, я счел необходимым объяснить ему, что Советская власть, раз определив свое отношение к религиозным организациям декретом об отделении церкви от государства и признав, что религия является частным делом граждан, за все время своего существования не меняла и не меняет своего принципиального отношения к церкви. Иное дело, что некоторые церковники раньше, другие позже, третьи только с началом или в условиях войны прекратили противосоветское политиканство, с которым Советская власть вела и будет вести борьбу, и стали на религиозно-патриотический путь. Поэтому всем таким религиозным организациям предоставлена полная свобода удовлетворения своих религиозных потребностей в той мере, в какой предусматривает это Советская Конституция... Я привел митрополиту **ШЕПТИЦКОМУ** историю борьбы реакционно-монархических элементов во главе с патриархом Тихоном против Советской власти в начале революции и в период изъятия церковных ценностей в пользу голодающих. Рассказал также историю борьбы и разгрома автокефальной церкви на Украине, возглавлявшейся митрополитом **Василием ЛИПКОВСКИМ** в период 1921—1929 гг., которая, по существу,

являлась политической контрреволюционной петлюровской организацией и сама признала это на своем соборе в 1929 году в г. Киеве. «Я понимаю все это, — продолжал ШЕПТИЦКИЙ, — и оправдываю Советы в их борьбе с монархическим православием. Слышал также, что и автокефалисты-самосвяты политиканствовали. Все это достойно сожаления, ибо там, где церковь теряет вселенскость, — нет церкви. Наша церковь держится на идее вселенскости; исходя из этой идеи, я попытался было объединить православную церковь на Украине с греко-католической...»

Я ответил ШЕПТИЦКОМУ, что об этой его акции мне известно, но, по моему мнению, она безнадежно неосуществима... Объединение между православной церковью на большой Украине и греко-католической церковью Западной Украины под главенством Папы Римского не может быть осуществимо по той причине, что наш верующий народ воспитан на религиозно-патриотических традициях митрополита Петра МОГИЛЫ, который боролся с унией, как с изменой народу и православию. Верующие Западной Украины воспитывались на традициях митрополита Михаила РОГОЗЫ, продавшего православие католицизму и полякам. Поэтому какое бы то ни было объединение этих церквей возможно только как возвращение униатов в юрисдикцию православия, но отнюдь не наоборот.

Советская власть органически воссоединила украинский народ большой Украины и Западной Украины, но никакого объединения у нас, воспитанных на патриотических традициях Богдана ХМЕЛЬНИЦКОГО, с теми элементами, которые воспитаны в духе изменника Ивана МАЗЕПЫ, быть не может. Кстати сказать, в Западной Украине, как это я видел уже теперь, в оккупационных учреждениях везде стояли бюсты МАЗЕПЫ. (Такой бюст до сих пор стоит в кабинете уполномоченного по делам религиозных культов Львовского облисполкома.) Эпигоны Ивана МАЗЕПЫ, пытавшегося продать Украину шведам, в наше время стали ландскнехтами и агентурой немецких оккупантов и вместе с ними уничтожали украинский народ, пытаясь поработить его. Нас спас только союз с братским русским народом, с которым воссоединил Украину Богдан ХМЕЛЬНИЦКИЙ, а Советская власть сделала этот союз между украинцами и русскими идейно-органическим. Без этого братского союза, как это должно быть очевидным теперь для всех здравомыслящих людей, Украина была бы в рабстве у немецких оккупантов.

«О, для этих горьких слов вы имеете все основания», — ответил мне ШЕПТИЦКИЙ и далее с увлечением продолжал: «Я приветствую братский союз между украинцами и русскими, я люблю русский народ, люблю его литературу, знаю ее, знаю лучших представителей русской интеллигенции. Братский союз и единение между украинцами и русскими стало теперь силой, объединяющей всех славян в борьбе с немцами»...

Уже 7 сентября 1944 года в обращении к прихожанам митрополита Шептицкого говорилось: «Українська повстанча армія змушувала наших хлопців вступати в її ряди, і це було б оправданням молодих, що в УПА служили і священники, які були їх капелянами. Таких одначе я не знаю, а радше знаю, що їх не було.

Може вільно би нам надіятися і чогось більшого. Комунізм своїм широким розмахом і тенденціями до всесвітньої організації може виробити бодай деяких людей, спосібних розуміти конечність замінити тісні основи Церкви, що обнимають оден нарід або одну державу, на всесвітові вселенські основи любови ближнього...»

В «совершенно секретном» оперативном донесении «О митрополите ШЕПТИЦКОМ и его ближайшем окружении» сотрудник госбезопасности указывал, что «с некоторых пор митрополит ШЕПТИЦКИЙ занял ярко выраженную просоветскую линию и пытался проводить ее в жизнь, что вызвало беспокойство и отрицательную реакцию среди его ближайшего окружения».

А один из представителей «ближайшего окружения», Костельник, писал: «Митрополит ШЕПТИЦКИЙ в отношении большевиков занял совершенно неожиданную позицию. Будучи по натуре человеком импульсивным и страстным, митрополит с экзальтацией, свойственной старческому возрасту, увлекся большевиками, увлекся настолько, что мы вынуждены принять меры к тому, чтобы сдержать его от излишне ярких проявлений своего чувства. Вы бы видели, как митрополит Андрей выступал перед собором духовенства, который у него до болезни собирался каждый четверг, — речь страстная, глаза от увлечения собственными словами блестят, ну настоящий большевик!

Конкретными просоветскими шагами митрополита были его речи на соборе духовенства, приветственное письмо товарищу СТАЛИНУ, которое должна была везти делегация в Москву, сбор средств на нужды раненых красноармейцев и обращение к бандероцам.

Сдерживая митрополита от чрезмерных просоветских излияний, мы воспользовались его болезнью и поездку делегации в Москву оттягивали. В то же время обсуждаем вопрос, куда целесообразнее ехать — в Москву или Киев. Если решим ехать в Киев, то там будем просить аудиенции у Председателя Верховного Совета ГРЕЧУХИ.

Что касается сбора средств на нужды Красной Армии, у нас дело обстоит проще. Сбор средств на нужды раненых красноармейцев — это больше наша христианская обязанность, чем изъявление просоветских настроений. Поэтому всем церквям даны указания о сборе этих средств — и сборы проводятся.

Самым сложным для нас делом является вопрос с выступлением против бандеровцев... Бандеровщина, конечно, наше зло — трагедия нашей нации, но мы мало виноваты в том, что она появилась.

Оглядываясь назад, мы должны честно сознаться в том, что здесь, у себя в Западной Украине, мы издавна воспитывали наш народ в духе надежд на немцев, на то, что только немцы помогут нам стать на путь самостоятельного государственного существования. Больше того, мы не только воспитывали в таком духе наш народ в Западной Украине, но повлияли и на некоторые слои украинской интеллигенции на Восточной Украине...»

Воистину, лучше прозреть поздно, чем никогда. Но, увы, понятие «прозреть» не относится к таким чудовищным оборотням, как прославленный «оранжевым» кинематографом автор верноподданнических писем к Николаю Второму, Гитлеру и Сталину, «владыка Андрей»...

Глава 5

УКРАИНСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ И СПЕЦСЛУЖБЫ ЗАПАДА

В ожидании Третьей мировой

В 1946 году, на заседании первой сессии Ассамблеи ООН, представитель Советской Украины поэт Микола Бажан сказал: *«Український уряд має докладний список військових злочинців і зрадників. Немає причини, з якої ці злочинці не заслужили б долі, що спіткала всяких квіслінгів, лавалів... , справедливо покараних своїм народом».*

В Украине поиск военных преступников, запятнавших себя массовым террором, шел до конца 80-х годов. Как уже упоминалось в этой книге, последнее массовое захоронение жертв бандеровского террора, 67 жителей села Дядьковичи Ровенской области, произошло в день провозглашения независимости Украины — 24 августа 1991 года.

Совсем иначе повели себя наши союзники по антигитлеровской коалиции. Своих собственных коллаборационистов они выявляли и судили достаточно быстро. Но очень скоро было забыто обещание Уинстона Черчилля, данное им 22 июня 1941 года. Через несколько часов после нападения фашистской Германии на СССР британский премьер-министр выступил с радиообращением, в котором заявил: *«Всякий человек или государство, которые борются против нацизма, получают от нас помощь. Всякий человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги. Это относится не только к государствам, но и ко всем представителям той гнусной расы квислингов, которые становятся орудием и агентурой нацистского режима. Они, эти квислинги, подобно нацистским вожакам, будут отданы нами на следующий же день после победы на справедливый суд трибуналов союзников».*

Не успел еще завершить свою работу Нюрнбергский международный трибунал, как начала коваться антисоветская стратегия Запада. Одну из значимых ролей в ней играли восточноевропейские, в том числе украинские, подручные нацистов. Профессор Нью-Йоркского университета Джеймс Бернхем писал по этому поводу: *«Понятно... какую пользу могут принести эмигранты в области шпионской деятельности. С точки зрения борьбы с коммунизмом, они являются богатой рудной жилой, которая уже эксплуатируется, но которая могла бы давать еще больше, если бы разрабатывалась более системно. К тому же нельзя рассматривать эмигрантов только как человеческий материал, предназначенный для пассивного использования органами разведки, — они могут стать активными участниками нашей работы».*

В 1948 году в США был принят закон, значительно смягчивший жесткое иммиграционное законодательство, после чего под видом беженцев и перемещенных лиц в США въехали тысячи восточноевропейских коллаборационистов. Интересно, что после окончания «холодной войны», когда необходимость в их работе отпала, многих из них, подобно известному палачу Демьянюку, депортировали из США.

После разгрома фашистской Германии украинские националисты быстро переориентировались на новых хозяев — английскую, американскую, итальянскую и западногерманскую разведки. Они стали одним из орудий западных стран в арсенале «холодной войны» против Советского Союза. Если после капитуляции Германии оуновское подполье смогло продержаться до середины 50-х годов, — то лишь потому, что его взяли на свое содержание разведывательные службы США и Великобритании. Этим фактом новые хозяева подпитывали надежду у вчерашних гитлеровских пособников на перерастание «холодной войны» в Третью мировую. В документе националистов «Як розуміти концепцію власних сил у нашій національно-визвольній боротьбі» сказано: *«Ми розцінюємо третю світову війну як можливість заіснування сприятливої нагоди здобути визволення, а не допоміжний чинник, який полегшить нам нашу визвольну боротьбу».*

После фултонской речи Черчилля, с которой началась «холодная война», новым хозяевам не могли не импонировать слова Бандеры, что *«повною і найвищою перемогою українсько-*

го націоналізму буде стан, коли російська імперія перестане існувати і всі народи, нею поневолені, дістануть національно-державну волю. Без того повної перемоги Україна мати не може, або ця перемога буде частковою і сумнівною». Создается впечатление, что наши нынешние правители с Банковой, следуя этим наставлениям Бандеры, готовы стереть с карты самое Украину, лишь бы попытаться нагадить России...

Николай Величковский, председатель «Украинской национальной рады» при оккупированных Киев гитлеровцах, писал, уже пребывая в эмиграции: «Коли б це були не німці, а французи, або якась інша держава, що перемогла б Московію, то всі однаково раділи би цьому». Вот такой переход от разговоров о строительстве «соборной» и «независимой» — до согласия быть чьим угодно придатком, лишь бы подальше от «Московии»! Стоит напомнить, что Величковский, которого сегодня называют «организатором подпольной оуновской сети, с первых дней оккупации Киева борющейся в нацистами», в январе 1942 года совместно с Шептицким и Андреем Мельником обращался к Гитлеру: «Ми запевняємо Вас, Ваша Екселенція, що провідні кола на Україні прагнуть до найтіснішої співпраці з Німеччиною, щоб об'єднаними силами завершити боротьбу проти спільного ворога і втілити в життя «новий порядок» на Україні і у всій Східній Європі».

В архивах СБУ хранится справка о деятельности ОУН-УПА № 113 от 30.07.93 г. В ней указывается, что еще в 1944 г. представители английской разведки «Сикрет интеллидженс сервис» (СИС) установили контакт с командованием УПА. Поэтому руководство ОУН «зробило ставку на третю світову війну між Англією і США з одного боку та СРСР — з іншого, як умову виконання своїх планів. Так, в документі «Як розуміти концепцію власних сил у нашій національно-визвольній боротьбі» зазначено: «Ми розцінюємо третю світову війну як можливість заіснування сприятливої нагоди здобуттю визволення...»

В феврале 1945-го совещание центрального провода ОУН(б) в Вене постановляет: не порывая окончательно связи с немцами, войти в контакт с англо-американскими спецслужбами. Летом того же года эмигранты Мудрый, Ильницкий и Гриньох договариваются с командующим американскими войсками в Европе Дуайтом Эйзенхауэром о сотрудничестве. Бандеровского лидера Б. Пидгайного «аккредитуют» при СИС. Летом

1945 г. в Риме Лебедь устанавливает связи с американской разведкой. Еще один бандеровец, Врецёна, для этой цели выезжает в Швейцарию.

Один из лидеров ОУН и руководитель СБ, Мирон Матвиейко, в открытом письме к своим бывшим подельникам спрашивал: *«Хто може заперечити з вас, панове, такий безпрецедентний факт про те, як Гімлер, чуючи уже загибель III райху і бажаючи врятувати свою шкіру, передав англо-американській розвідці всю свою антирадянську агентуру, а також зв'язки до Проводу ОУН, штабу УПА, Генерального секретаріату УГВР на чолі з Шухевичем, Бандерою, Стецьком, Лебедем, Гриньохом та іншими?»*

А вообще-то связи с разведками США и Англии оуновцы установили еще в начале 30-х годов. Эпизодически эти связи поддерживались и во время войны. Так, в июле 1943 года в Западную Украину прибыл английский разведчик, отправленный в Соединенное Королевство еще Коновальцем, украинский националист Яков Макогон-Разумовский — с целью изучить деятельность оуновцев на оккупированной немцами территории. Он неоднократно встречался с председателем УГКЦ Андреем Шептицьким и информировал его о заинтересованности западных стран в создании «самостийной Украины» под их протекторатом.

Объехав, как представитель Красного Креста, Прибалтику, Беларусь и Украину, Макогон собственными глазами увидел крах фашистской оккупационной политики. Поэтому в разговоре с владыкой разведчик высказал мысль, что наиболее радикальным средством сдерживания красных в их дальнейшем продвижении на Запад было бы создание наряду с дивизией СС «Галичина» дополнительных украинских «военных формирований» в составе фашистского вермахта. Эти части, по замыслу Макогона, должны были комплектоваться в порядке «жесткой тотальной мобилизации» и прикрывать собой наиболее опасные участки фронта. Разведчик предложил написать Гитлеру с предложением создать «украинскую государственную институцию», в которой главные посты должны быть отданы немцам — деятелям, которых лично знает фюрер. По мнению Макогона, это правительство будет поддержано солидными деловыми кругами США и Англии. Ведь речь идет о том, чтобы любой ценой не допустить коммунистов в Европу, удержать их хотя бы на Днестре. Даже ценой фактического немецко-анг-

лійско-американського соглашения... Когда письмо было готово, его отправили Гитлеру.

Эмиссар ООН и агент СИС Макогон-Разумовский (называвший себя также «графом Полтава-Разумовским») писал: «Становище на Україні жахливе. Величезні партизанські відділи чинять напади на німецькі адміністративні органи влади, зривають мости, організують диверсії на військових заводах... Партизани повністю опанували, становище. Вони на ділі стали володарями України. Німецька влада не в стані втримати спокою. Партизани щодня, щогодини вбивають німецьких солдатів. Керівники большевицької партизанки одержують безпосередню допомогу з Москви. Партизани відповідним чином підготовлені й добре озброєні...

Ми знаходимось нібито на бочці з вибухівкою, — продовжав Макогон. — Ворожа радіопропаганда дуже популярна та має великі успіхи. Народ зайнятих німецькою армією земель вірить большевицькій пропаганді... Якщо політичні та ділові кола Великої Німеччини думають про перемогу, треба терміново мобілізувати в німецьку армію українців.

На мою думку, не можна відкрити большевикам дорогу в Європу. Якщо Німеччина вірить, що Америка підтримує большевиків для того, щоб знищити Німеччину, то я повинен Вас переконати: Америка не хоче відкривати Советам дорогу в Європу. Ділові кола США були й залишаються торговцями і після війни хочуть лише продавати Європі свою готову продукцію... Якщо німці не погодяться з моєю пропозицією, то цією справою, безперечно, зацікавляться американські, англійські та інші плутократи і банкіри, але це не буде на користь Великої Німеччини.

Українські політичні й релігійні діячі вірять у позитивне ставлення до них німецького політичного керівництва й промисловців. Тому виступають за дальше розширення співпраці, за створення нових військових формацій для спільної боротьби з большевизмом.

Таку боротьбу має очолити та відповідно зкерувати спільна німецько-українська урядова інституція... Я роблю таку пропозицію імперському урядові і маю надію, що він цю пропозицію прийме:

1. Президентом має бути обраний знаменитий германофіл професор Дмитро Дорошенко.

2. Його заступником повинен бути обраний капітан професор доктор Ганс Кох (перебуває зараз в німецькій армії в Берліні).

3. Шеф верховного командування українських військ — генерал-фельдмаршал фон Браухіч.

4. Військовий міністр — генерал-майор Беш, його заступник — полковник Невелінг (обидва зараз служать у м. Жовкві).

5. Міністр народної освіти і пропаганди — головний редактор Карл Арно, керівник ДНБ (нацистское агентство прессы и радио — М. Б.) у Ровно.

6. Шеф поліції та СД України — Герман Лаазер.

7. Міністр внутрішніх справ всієї України, **Білорусії, Донської та Кубанської областей** (выделено автором) — доктор Кость Паньківський.

8. Міністр культури — керівник УЦК у Кракові, професор Володимир Кубійович.

9. Дипломатичний радник міністерства закордонних справ України — губернатор Галичини доктор Отто Вехтер.

10. Міністр справедливості (юстиції — М. Б.) — директор департаменту губернатора Галичини доктор Отто Бауер.

11. Міністр у справах культів та церкви — граф Андрей Шептицький, митрополит у Львові.

Створення дивізії СС «Галичина», перші добровольці якої вже від'їздять на вишкіл до Рейху і скоро будуть відправлені на Східний фронт, свідчить про нові ширші можливості використання українців для боротьби з большевизмом...».

В докладі начальника харьківського гестапо руководству за декабрь 1942 отмечалось наличие у украинских националистов проанглийских настроений: «Высказывания националистов об исходе войны, вызванные в результате антигерманской агитации, выражают мысль о том, что Англия и Америка будут одинаково довольны как поражением большевизма, так и поражением национал-социализма и после победы над тем и другим даруют Украине свободу».

Не успела завершиться Вторая мировая война, как над дымящимися руинами и 50 миллионами трупов «ястребы» Запада стали вырабатывать планы новой, ядерной бойни. Уже в сентябре-октябре 1945 года Объединенный комитет начальников штабов США утверждает директивные документы о стратегии превентивного ядерного удара по СССР. Один только план

«Дропшот» (1949 год) предусматривал нанесение по СССР «превентивного» удара 300 ядерными боеголовками по 200 крупнейшим административным и индустриальным центрам, в том числе и по Киеву. В официально утвержденной в США 12 сентября 1947 года «доктрине ядерного возмездия», известной еще как «доктрина Трумэна», предусматриваются задания разведке США, а с 1953 года — и разведкам стран НАТО, по сбору информации об объектах в СССР, которые подлежат уничтожению. Как один из способов такого сбора, рассматривалось массовое забрасывание агентуры на территорию СССР.

Ядерные удары должны были сопровождаться вторжением многонациональных сухопутных сил (по отдельным планам — до 20 миллионов штыков) с дальнейшим территориальным расчленением СССР. Огромное значение при этом имело разведывательное сопровождение и наличие «пятой колонны» в СССР. Не последняя роль в этих безумных планах возлагалась на вооруженное подполье на Украине и на заграничные центры ОУН.

Если в предвоенный период Степан Бандера напутствовал своих сторонников: *«Наша влада має бути страшною»*, а во время Волынской резни бандеровцы пели *«Буде крові по коліна, буде вільна Україна!»*, то после войны лидер «Антибольшевистского фронта народов» и преемник Бандеры Ярослав Стецько заявлял: *«Пусть две трети украинской территории будут уничтожены атомными бомбами, лишь бы на одной трети воцарилась украинская держава»*.

В подготовленной СБУ для Верховной Рады Украины справке о деятельности ОУН и УПА № 113 указывается: *«В архівних матеріалах є дані про те, що англійська і американська розвідки прагнули перебудувати націоналістичне підпілля, зорієнтувавши всі низові ланки на збір розвідувальних даних про воєнно-політичний потенціал СРСР»*.

Так, заарештований в 1948 р. один з емісарів Центрального Проводу ОУН, агент американської розвідки, на слідстві показав: «С конца 1946 г. основное задание, данное мне американской разведкой и Центральным Проводом ОУН, сводилось к перестройке всей работы ОУН на Украине, к коренному изменению и дальнейшему продолжению её в контакте с американскими разведорганами в их интересах. В этих целях я должен был передать Шухевичу установки о необходимости создания новых центров и

пунктов проведения широкой разведывательной и подрывной работы внутри Советского Союза, организации переправ и легализации засылаемых из-за кордона эмиссаров и агентов американской разведки, для чего необходимо приступить к приобретению документов, паспортов, разных справок и т. д... В моей подготовке для этой миссии приняли активное участие, кроме представителя американской разведки майора Малкольма, также Степан Бандера, Ярослав Стецько и референт пропаганды Центрального Провода Антонович».

Перед информационной службой СБ ОУН ставилось задание собирать сведения о промышленно-транспортном комплексе и войсках в регионе. В мае 1947 года у убитого референта СБ закарпатского краевого провода «Армянина» обнаружили инструкцию по сбору разведанных о вооруженных силах, мобилизационных ресурсах и военно-промышленном потенциале СССР. В бункере боевки «Дубка» (Львовщина) была обнаружена информация о Забайкальском (!) военном округе. Захваченный в июле 1951 эмиссар-парашютист М. Яремко свидетельствовал, что в английской разведшколе в Миттенвальде (Германия) ему поручали собирать данные о войсках, промышленных объектах, железных дорогах, урановых приисках, шахтах Донбасса и системе противовоздушной обороны Одесского порта. Вместе с тем предписывалось скрывать от рядовых подпольщиков, что разведка ведется в интересах США и Англии.

Исследователи деятельности ОУН и УПА из академии СБУ Д. Веденеев и Г. Быструхин в своей монографии, посвященной послевоенной деятельности этих формирований, рассказывают, что в 1952 году в структуре Министерства обороны США возникло Управление по вопросам особых методов ведения войны. Оно начало формировать военные части специального назначения для ведения боевых действий на территории СССР и его союзников. Каждую из таких частей или «групп» считали способной развернуть в тылу будущего противника до 100 тысяч повстанцев, набранных среди местного населения. По планам американского командования, лишь в Европейской части СССР было намечено до 30 «оперативных районов» для действий «партизанских» войск или «зеленых беретов».

Президент США Гарри Трумэн так сформулировал задания этих войск: *«Организовывать, учить и обеспечивать всем необходимым недовольных граждан в зарубежных странах для ве-*

дения партизанской войны, осложнения деятельности и свержения правительств, враждебных США».

В том же году в Бад-Тельце (ФРГ) разворачивается первая из групп войск специального назначения численностью до 1500 человек, предназначенная для действий против СССР и его европейских союзников. Подавляющее большинство ее личного состава укомплектовали выходцами из народов СССР и Восточной Европы (группа имела и «украинское» подразделение).

Вожаки национализма грызутся между собой

В конце войны националистами был создан еще один орган — УГВР, «Українська Головна Визвольна Рада», которая должна была возглавить «революційно-визвольну боротьбу» (читай — против СССР). Позднее, в феврале 1946 г. на совещании в Мюнхене Лебедь, Гриньох, Ребет и другие лидеры националистов, вопреки возражениям Бандеры и Стецько, объявили о создании еще и некоего «зарубежного представительства» (ЗП) УГВР. Во главе его встал Лебедь. Даже главари ОУН понимали, что Бандера слишком скомпрометировал себя сотрудничеством с немцами и массовым террором. С помощью новой структуры лидеры националистов установили контакт с американской разведкой и стали пытаться доказать новым хозяевам, что именно они представляют «борющуюся Украину». Члены ЗП УГВР Врецьена и Прокоп просили американцев оказать финансовую помощь «для борьбы с московским большевизмом».

Сепаратистские действия Лебедея и компании вызвали бурное противодействие Бандеры. Ведь у него имелись свои ЗЧ — «зарубежные части» ОУН! Последний исключил Лебедея, Гриньоха, Ребета и других членов УГВР из состава ОУН. Те, в свою очередь, исключили из ОУН самого «Бийлихо» (Бандеру)... за присвоение обманным путем всего бюджета организации!

По указанию Бандеры в 1948—50 гг. в различных звеньях ОУН-б была проведена «чистка» — выявление сторонников Лебедея и других оппозиционеров. «Чистку» проводили руководители СБ Матвиейко и Кашуба. Агент советской разведки «Зоряный» сообщал, что для допросов подозреваемых и идейных оппонентов в Егерской казарме вблизи городка Миттенвальде была оборудована специальная камера пыток. Часть «вычищенных», пройдя через эту камеру, упокоилась в безымянных могилах под бетонным полом или в стенах казармы.

Пытаясь отмежеваться от обанкротившегося руководства ОУН и рядясь под «защитников демократии», оппозиционеры восклицали: *«Адже ж не ми писали й друкували біографії Муссоліні, Гітлера, Делакруа, Дегреля, не ми одушевлено передрукували цілі уривки з «Майн кампфу» — про засади гітлерівського націоналізму; ціла Західна Україна є живим свідком цієї роботи»* («Український самостійник» от 18 июля 1954 года). Как утверждает историограф бандеровщины Петр Мирчук, оппозиция развернула «наступление» против Бандеры, чтобы «зничити його моральний авторитет». Журнал «Самостійна Україна» писал в июне 1952 года об этой грызне: *«Здебільшого бандерівці, УГВР і їхні партійні поплентачі переконують себе і український загаль, що всі вони не в еміграції, а в «краю» і говорять до нас буцімто звідтіля, з України. Ясно, що це подібне до викликування духів чи іншого роду чаклування... Дійсність без найменшого сумніву говорить до нас з баварських гір: о. Іван Гриньох з Мюнхена, Микола Лебедь — з бруклінських бруків»*.

Руководитель оуновского подполья в Украине Василий Кук в июле 1950 года с горечью писал за границу: *«Дуже понурий і відразливий образ являє собою український політично-партійний табір. Основний тон — це партійна гризня, найгіршого тону лайка... очорнювання кожного не свого»*. В том же году Кук-«Лемиш» издал директиву о снятии имени Бандеры с лозунгов подполья и о запрете называться бандеровцами.

В свое время еще Владимир Винниченко описывал шутовство, гризню и буффонаду современных ему украинских эмигрантских организаций. Относительно упреков «сознательной эмиграции», будто украинская нация не может проявить свою «настоящую волю», Винниченко писал: *«А звідки ж ви знаєте, що вона доручила саме вам, оцій саме купці людей, представляти її волю? Де ваші уповноваження? Хто вас обирає на такий надзвичайно важливий пост? Хто вас контролює, перед ким ви звітуєте за свою діяльність і за ті акти, які ви іменем всієї нації заключаєте і можете заключити? Коли у вас таких повноважень немає, коли ви дієте самі від себе, то чи не чините ви державного злочинства?.. Ті люди, що звать себе національно-державним центром, «легітимними» спадкоємцями традицій української революції й носіями її «скрижалів», не мають на те ніякого права, ні національно-політичного, ні юридичного, ні морального. Та підстава, через яку їм довірено еміграцією*

провід у її представницькому органі, є фальшивою. Еміграцію введено у блуд... Та база, на якій засновано провід групою людей, що зуть себе «урядом» і «державним центром», є дійсно фальшива, що ні «легітимно», ні спадково «влади»... не має... Емігрантська національна рада є немовби паноптикум, музей артистично зроблених історичних воскових фігур».

И вот теперь, после окончания войны, разные группы национал-фашистских вожаков снова пробовали выставить себя в роли «настоящих репрезентантов» украинского народа! На самом же деле и во времена Винниченко, и теперь речь шла о банальной конкуренции за то, что сегодня политкорректно называют «грантами на построение в Украине открытого гражданского общества». Для зарубежных главарей национализма работа на спецслужбы западных государств была не только способом противоборства с Советским Союзом, но и условием существования (желательно, безбедного). В одном из директивных документов ЗЧ ОУН указывалось: «Є можливість за ціну відповідних розвідувальних матеріалів одержати те, що... потрібно. Розвідувальні матеріали стають у руках організації таким предметом обміну, за ціну якого можна одержати необхідні матеріали і сприяння. Передача зведень і матеріалів політичних, військових, господарських... дає нам змогу бути партнерами іноземних держав».

Борьба между ЗЧ ОУН и ЗП УГВР велась не только за влияние на эмиграцию и западноукраинское подполье, но и — главным образом! — за получения наибольших «дотаций» от иностранных спецслужб. В докладной МВД УССР от 30.11.53 г. о состоянии зарубежных националистических центров подчеркивалось, что отношения ЗЧ ОУН и ЗП УГВР носят «безпринципний характер й ведуться за безпосередні зв'язки з розвідувальними центрами й отримання від них грошей».

Богдан Пидгайный, руководитель референтуры «крайового зв'язку» в ЗЧ ОУН при Бандере, писал: «ЗЧ ОУН підтримує співпрацю з відомими вам англійськими чинниками (розведкою — М. Б.), отримує допомогу в навчанні, матеріально-технічному спорядженні й у формі такої помочі, яку може давати тільки сильна держава... В обмін за це ЗЧ ОУН повинна давати розвідницькі матеріали, які є необхідні для планування воєнних приготувань проти СРСР».

Руководство ЗП УГВР, в свою очередь, приняло все меры, чтобы установить сотрудничество с американской разведкой. Такие связи еще в 1945 году наладил в Италии «генеральный секретарь иностранных дел» ЗП УГВР Николай Лебедь. По его же заданию член ЗП УГВР Евгений Врецьона вел переговоры с американскими разведчиками в Цюрихе (Швейцария). В июле 1945 года Ивана Гриньоха, Романа Ильницького и других «послов» УГВР дважды принял тогдашний командующий американскими оккупационными войсками в Западной Германии Эйзенхауэр. Именно тогда националисты предложили будущему президенту США свои услуги в проведении шпионской деятельности.

В начале 1946 года кардинал Тиссеран познакомил Лебеда и Гриньоха в Ватикане с сотрудником американской политической разведки Новаком. Руководители ЗП УГВР передали американскому разведчику некоторые шпионские материалы, которые переслали осенью 1945 года за границу руководители националистического подполья, что действовало в западных областях Украины.

Письма Бандеры на Украину

Признание факта сотрудничества «конкурентов» из ЗП УГВР с американской разведкой находим в письмах Бандеры на Украину, руководителю провода ОУН на западноукраинских землях (ЗУЗ) Василию Куку.

Эти письма были собраны и изданы за границей после смерти Степана Бандеры. Предваряет их небольшое предисловие: *«В дні, коли деяка частина українців на чужині вшановує пам'ять колишнього Провідника ОУН Степана Бандери, і пам'ятаючи заклик його спадкоємців ретельно збирати всю друковану спадщину Провідника, ми хочемо дати до відома українського загалу копії з деяких його листів до добре всім нам відомих Коваля-«Леміша», себто Василя Кука, та Усміха, себто Мирона Матвієйка».*

В письме, датированном октябрём 1951 года и озаглавленном «До положення української визвольної справи в політиці західних держав зараз і в перспективі війни», Бандера сообщат «другу Лемішу», что «в політиці США наступають некорисливі для нас прояви». *«Йдуть вперті намагання постави Керенського в ролю репрезентанта й керманіча всіх визвольних,*

протибольшевицьких змагань, підвести під таку московську імперіалістичну шапку протибольшевицьку боротьбу всіх народів, включно з Україною, та надати їм всім характер тільки протирежимної боротьби, за усунення большевицької системи, в плані збереження імперії, тільки з дещо вільнішим федеративним пов'язанням інших країн з Московщиною. Йдуть старання підвести під російську руку якісь українські політичні групи, а коли це не вдається, на чергу приходять штучне фабрикування «українських партій» і репрезентантів темних, продажних типів».

Бандера тут же называет виновными в таком отношении к бандеровцам «американських чинників». *«Властивими моторами й захисниками фатальної проросійської тенденції в американській політиці є укриті сили позанаціонального характеру, які проникають і в значній мірі опановують американську політику й інструменти формування публічної opinio, голов-но пресу, а які не дбають про дійсну рацію США, тільки про свої інтереси. Це сили, які мають на меті опановувати центральні системи всіх держав, проникати життя всіх народів, кермувати, використовувати, які грають політикою і інтересами об-сотаних народів та, не дивлячись на діючі міжнаціональні відно-шення, ведуть свою укартовану на позанаціональній площині роботу. Це різні мафії інтернаціонального характеру, які по-служовуються передусім грошам і на тому спірають свою силу, але так само використовують інші існуючі всередині многих держав спеціальні спільноти, передусім світове жидівство».*

(Видимо, как раз общие с Гитлером взгляды на проблему «світового жидівства» привели Бандеру и бандеровцев к соуча-стию в истреблении евреев на украинских землях...)

В одном из писем Бандера жалуется, что американцы, как, впрочем, и гитлеровцы, вместо того, чтобы рассматривать эмигрантов как равных партнеров, используют их только техниче-ски. *«Таке нехтування з американского боку до наших цілей, до самостійності наших змагань. Натомість сама боротьба як дія, що підриває сили й позиції большевиків, трактується аме-риканцями цілком інакше. Вони її не тільки не заперечують, не ігнорують, але хотіли б її використати, з нею співдіяти, а навіть її допомогти, але тільки технічно, а не політично...»*

Из писем узнаем, что американцы «использовали техни-чески» националистов не только в борьбе против Советского

Союзу, но и как наемников. «Українців в США, не тільки горожан (граждан — М. Б.), але й новоприбулих, що ще не мають горожанства, беруть обов'язково до амер. армії і нема жодної мови ані познач, щоб їх трактували інакше, що мають творити окремі частини (немцы, по крайней мере, разрешали формирование «украинских» частей в своей армии — М. Б.). В зах. Німеччині, в окуп. амер. зоні вербують українців, як і інших чужинців, до служби в амер. чужинецькій вій. частині (з перспективою набути ам. горожанство, звичайна служба чуж. легіона). В тій вербунковій акції активну службу виконують люде з опозиції. Американці вербують українців до себе на вій. службу, і в тій вербунковій акції платно працюють члени Місії УПА».

Англичане, в отличие от американцев, к бандеровському крылу націоналістів проявили достаточное уважение. «Відношення англійців до нашої справи, зокрема з військового погляду, дуже важне через те, що там є найповажніший кадр наших військових люде, ціла б. дивізії, з армії Андерса (куди попали з СССР) й інші. В рямцях неофіційного, практичного, політичного ставлення є прихильне й коректне відношення до нашого руху. Англійці респектують той стан, що наші впливи мають подавляючу перевагу серед українців у В. Британії і що ціле тамошнє життя є під нашою кермою. Нема з їх боку жодних спроб мішатися, форсувати своїх ставленників і т.п.»

Бандера убеждает Кука, что ЗП УГВР не сможет без ЗЧ ОУН вести самостоятельную украинскую политику, потому что «воно фактично стало цілком залежне від американців (полная зависимость ЗЧ ОУН от англичан и от западногерманской разведки, руководимой бывшим гитлеровцем Рейнхардом Геленом, Бандеру, как видим, не смущала — М. Б.). Бо віддавна наставилось односторонньо на зв'язки з американськими чинниками, зв'язки одностороннього характеру. (Між іншим, це була з одних властивих причин конфлікту таких осіб, як Кримський, Ярополк, Врецьона. Я не хотів погодитись на те, що два перші, виступаючи як високі політичні репрезентанти УГВР, особисто одержували зв'язки розв. характеру на підрядному щаблі, бо це компрометує нас всіх і заминає дорогу до дійсних політичних зв'язків. Врецьона увійшов зараз на початку у «взаємини» з америк. розв. В такому самому характері, як колись з німцями, сидів тихо, аж коли після II Конф. ЗЧ ціла опозиція згодилась поєднатись, він нагло приїхав з Шв. (Швейцарии — М. Б.) і, покликаючись

на... американців, перешкодив тому... Таке опозиційне ЗП стало цілком залежне від американців матеріально й політично... Ціла діяльність ЗП практично-матеріально залежна від амер. дотацій, отже ам. мають змогу кожночасно її перервати, або примусити йти на їхні вимоги... Не може ЗП УГВР бути обмежене до роботи тільки на одному амер. відтинку... Нема такої ситуації, щоб ми могли ставити визвольну політику на американську карту, коли амер. політика нашу справу під політичним поглядом ігнорує».

В письме Куку-«Лемишу», датированном апрелем 1952 года, Бандера возвращается к большой для него теме — расколу между ЗП УГВР и ЗЧ ОУН. И снова он в этом расколе обвинил «втручання чужих, американських чинників», поскольку «американці уважають мене і членів Проводу ЗЧ за антидемократів і надто безкомпромисових у політиці, натомість «опозицію», її членів уважають за демократів і політично гнучких. Отже — якщо хочемо мати з американцями добрі взаємини, то треба ставити на провідні пости відповідних, приємливих їм людей».

Бандера возмущен тем, что, обвиняя его самого и его окружение в антидемократизме и фашизме, с другими эмигрантскими группировками янки сотрудничали на самой широкой основе: «Американські чинники подібні зв'язки мають ще й з іншими, цілком неповажними українськими гуртками (пр. з Бульбою), як рівно ж дають деяку поміч у ставленні ніби науково-інформативної діяльності якраз такому середовищу, яке займає не дуже певні позиції під національно-політичним оглядом».

Ну, а оппоненты Бандеры из ЗП УГВР, которым Кук дал право официально представлять «воюющую Украину» (ЗУЗ) перед западными хозяевами, вообще «пішли на агентурне відношення, запродались американцям, погнались тільки за власними амбіціями, без серйозних патріотичних цілей і мотивів».

В письме «Лемишу»-Куку за сентябрь 1952 года Степан Бандера жалуется, что «опозиція» з ЗП УГВР залізли по вуха в американську кишеню... і нема мови про їх усамостійнення». Видимо, черпать из английской и геленовской «кишень» Бандера считал более моральным и «самостийным»...

По мнению Бандеры, «опозиція» творить не тільки організаційно розстроюючий процес в закордонній часті визвольного-революційного фронту, але стала інструментом для стертя ідейно-програмового обличчя і змісту визвольного руху,

прищеплення йому соціалістичних чи націонал-комуністичних концепцій, а в політичній площині ЗП УГВР, замість бути твердою безкомпромісово-самостійницької, незалежної політики, стало залежним від чужої, неприхильної до українського визвольного руху сили. Тяжко провести різницю між залежністю і службою агентурного характеру. Під тим оглядом «опозиція» стоїть в тій самій ролі, як мельниківці напередодні німецько-більшевицької війни. Вони тоді теж поставили усе на карту budouчого воєнного противника ССРСР, вбачали в Німеччині союзника, бо «інакше не могло б бути», сподівались від Гітлера самостійності... (О том, что бандеровцы с гитлеровскими оккупантами сотрудничали гораздо плотнее, Бандера скромно умолчал — М. Б.). Хоч Америка напевно не має власних ворожих плянів супроти України так, як Гітлер, але не має й прихильних до справи самостійності».

Надо сказать, Степан Бандера совершенно напрасно сетовал, что «американські чинники» не берут его и его организацию на довольствие. Ведь, как мы уже говорили, помимо сотрудничества с «прихильними та коректними» англичанами, бандеровская ЗЧ ОУН плотно работала с организацией бывшего нацистского генерала Гелена, придатком американских спецслужб в Европе. Видимо, загребущему лидеру ОУН просто хотелось присвоить все американские деньги...

Мирон Матвиейко, начальник СБ Бандеры, говорил тогда: «Уже давно не было тайной, что главной причиной несогласий, которые привели к расколу националистического лагеря, были не какие-то там идейно-программные или политические разногласия. Камнем раздора была борьба за право стать первым и единственным представителем интересов Украины, в том числе и в отношении к американской разведке». Короче говоря, за право на американские деньги...

Украинские националисты в оперативных играх спецслужб

Вернемся к ЗП УГВР. Специально для связи с американской разведкой эта организация послала в Париж своего представителя Мирослава Прокопа, который встречался там с сенатором США Вандербильдом. А в 1947—1948 годах член ЗП УГВР Зенон Пеленский вел во Франкфурте-на-Майне неофициальные «пе-

реговоры» с американской оккупационной военной администрацией. «Угэвээрцы» уверяли американцев, что оказывают влияние на «вооруженное националистическое подполье», от которого получают «достоверную информацию» — в отличие от ЗЧ ОУН, которые-де не пользуются доверием подполья.

Однако в 1950 году американцы затребовали от руководства ЗП УГВР более конкретной работы. И вот, «оппозиционеры» разработали план — как укрепить свои позиции и перед американскими спонсорами, и в среде оуновцев за рубежом. Они были намерены изобразить наличие на Украине «массового движения сопротивления», себя — во главе оногo, и таким образом отстранить «от вымени» таких конкурентов, как Бандера, Стецько, Ленкавский...

Но не дремали и конкуренты. Мирон Матвиейко получил от Бандеры почти идентичное задание. *«Бандера і Стецько,— писав впоследствии Матвиейко,— добре знаючи, що ніякого підпілля на Україні немає, вирішили послати мене на Україну, щоб передати в ЗЧ ОУН відомості про нібито діюче підпілля і нібито існуючий провід ОУН на західноукраїнських землях. Це, на думку Бандери і Стецька, дало б їм можливість гендлювати цими «інформаціями» перед чужоземними розвідками й отримувати за них гроші».*

После консультаций с американской разведкой «угэвээрцы» стали готовить шпионскую группу. Первым в неё включили Василия Охримовича, проводника Тернопольского областного и краевого провода ОУН «Галичина». Он уже имел соответствующую выучку и даже был преподавателем на немецких шпионских курсах в Кракове (1940 г.) и Львове (1942 г.)...

И вот, в начале июня 1950 года, в американской шпионской школе, разместившейся в районе Кауфбойрена (ФРГ), появився новый курсант под псевдонимом «Грузин». Это был Охримович. Он дал письменное обязательство сотрудничать с американской разведкой и выполнять шпионские задания на территории Украины.

По окончании курса шпионских «наук» под руководством офицеров американской разведки Охримович с документами на имя Гарольда Эвальда поселился на конспиративной квартире в селе Обербойрен вместе со своими коллегами «Максом», «Рубаном» и «Осипом». Вот как рассказывал сам Охримович об одном из разговоров между ним и американским раз-

ведчиком Блэком: «Блек тоном господаря запропонував мені зайнятись збиранням відомостей, які цікавлять американську розвідку, і спробувати передавати їх за кордон... Найбільше його цікавили відомості про кордони України, навіть подробиці, як зовні виглядає кордон, як організована охорона кордону тощо. Потрібні були відомості про важливі укріплення, аеродроми, військові бази... Паспорти, військові квитки та інші радянські документи бажано при першій можливості переправляти за кордон, вони мають велику цінність для американської розвідки».

19 мая 1951 года Василий Охримович, «Мак», «Рубан» и «Осип» были заброшены военным транспортным самолетом на советскую территорию с базы военно-воздушных сил США в Висбадене (Западная Германия). «Грузин» сразу же передал подготовленный руководством организации «мандат» «генеральному секретарю закордонних справ УГВР» Николаю Лебедю. Вот его текст.

«Підтверджуємо мандат ваш і всього ЗП УГВР репрезентувати УГВР і весь український визвольний рух в світі. Задачі ЗП УГВР полягають:

1. Репрезентувати за кордоном УГВР, український визвольний рух на українських землях.

2. Проводити за кордоном політико-демократичну та інформаційну роботу по лінії визвольної боротьби українського народу.

3. ЗП надається свобода рішень по використанню допомоги (иностранных разведок — М. Б.), її форми, розміри і вишкіл.

4. ЗП УГВР є верховний орган для всіх учасників УПА і підпілля, які опиняться за кордоном. При ЗП УГВР по лінії УПА функціонує місія УПА.

*Від імені Презид. Колегії М. Лісовий,
Голова Генерального секретаріату УГВР,
полковник В. Коваль (псевдоним В. Кука — М. Б.)*

Цей мандат є тимчасовий, бо УГВР в краю має намір вислати за кордон свого компетентного представника для урегулювання вирішення всіх актуальних питань відносно до становища в краю.

В. Коваль».

Охримович передает и вторую, такую желанную для руководства ЗП УГВР, часть «мандата»:

«Провід організації українських націоналістів на українських землях підтверджує, що Бийлихо (псевдоним Бандеры — М. Б.) відійшов від постанов III Надзвичайного Великого Збору ОУН; він ні формально, ні фактично не є провідником ОУН... Провід ОУН на українських землях уповноважує Лева Ребета, Матлу і Бандеру взяти тимчасово керівництво ЗЧ і реорганізувати ЗЧ згідно з пропозиціями проводу ОУН на Україні. З пропозицією ознайомити Бандеру.

Голова проводу ОУН на українських землях Ю. Леміш (опять же В. Кук — М. Б.)»

Вскоре шпионскую группу задержали.

Не желая делить власть с Ребетом и Матлой, Бандера и его соратники в конечном итоге заявили, что так называемое «поручение с родины» является самой обычной фальшивкой. Они потребовали предъявить письменный оригинал «мандата». Бандеровская газета «Шлях перемоги» писала: *«В Україні нема справжнього проводу ОУН, під цей провід підшилися більшовики. Підписи під постановою краю про відступництво С. Бандери від постанов III Великого Збору ОУН не є правдивими. Вони є фальшивими... Взагалі є ще сумніви, чи існує ще і діє пов'язана система ОУН в краю... Наказ, що його отримала ЗП УГВР, не є вірогідним».*

В дальнейшем Бандера охотно сотрудничал с английскими и западногерманскими спецслужбами; но «любовь» непосредственно с американцами у него не получилась, и вот почему. В 1947 году советские оккупационные власти в Германии выразили протест командованию войск США по поводу безнаказанной деятельности в американской оккупационной зоне ОУН-б и так называемого «Антибольшевистского блока народов». Оказавшись в неудобном положении, янки были вынуждены обещать, что они примут все меры для того, чтобы покончить с антисоветской деятельностью противников Советского Союза в своей зоне.

Но обещания выполнены не были. Вместо этого американцы принялись фабриковать доказательства того, что антисоветская деятельность националистов решительно прекращена.

Оуновцам намеревались предоставить типографию с украинским шрифтом, обеспечить их бумагой, краской и другими необходимыми техническими средствами для организации печатного органа и издания антисоветской пропагандистской ли-

тературы. В означенной типографии следовало напечатать как можно больше «нелегальной» литературы — открыток, брошюр и других антисоветских документов. Когда все это будет готово, говорилось в секретных американских документах, в предварительно обусловленное время американская военная жандармерия «обнаружит» «нелегальную» типографию, сделает в ней тщательный обыск, изымет все технические средства, литературу, а также «арестует» печатников. Все это зафиксируют многочисленные фото- и киножурналисты. И всем сторонам будет выгода! Американцы покажут, что они старательно исполняют союзнический долг, а бандеровцы — получат огромный «пиар»...

Все уже было готово, но... Известный Ярослав Стецько настолько увлекся американской задумкой, настолько его распирало желание поделиться грандиозностью замысла, что он в конечном счете не выдержал и проболтался об этом коллегам по ОУН: Ростиславу Ендику, Любомиру Ортинскому, Владимиру Козаку, Модесту Рипецкому, Богдану Пидгайному. Стецько и не подозревал, что тайная операция американцев и ОУН станет известна английской разведке через ее агента Пидгайного, французской — через Ендика, а через Козака и Рипецкого — и другим разведкам... Естественно, узнали и советские «органы». Фальшивка сорвалась...

Тогда американцы решили пользоваться услугами «конкурирующей» ЗЧ УГВР. Тем более, что они координировали свои действия по использованию украинских националистов с англичанами. Об этом писал выдающийся советский разведчик Ким Филби в книге «Моя тайная война»:

«Как СИС, так и ЦРУ имели своих соперничающих марионеток из прибалтийских стран, чьи интересы были обычно непримиримыми. Я с удовольствием наблюдал, как эти борющиеся группировки из-за своей грызни то и дело попадали в тупик....

Разногласия относительно Украины были еще более давними и такими же непримиримыми. Еще до войны СИС поддерживала контакт со Степаном Бандерой, украинским националистом профашистского толка. После войны это сотрудничество получило дальнейшее развитие. Но беда заключалась в том, что, хотя Бандера был порядочной «шишкой» в эмиграции, его утверждения о наличии у него множества сторонников в Советском Союзе никогда серьезно не проверялись; были

только негативные примеры, то есть показывающие, что таких сторонников нет. Первая группа агентов, которую англичане снабдили радиопередатчиком и другими тайными средствами связи, была направлена на Украину в 1949 году и — исчезла. В следующем году послали еще две группы, но о них также не было ни слуху, ни духу. Тем временем американцы начали серьезно сомневаться относительно полезности Бандеры Западу. Неудачи засланных англичанами групп, естественно, не рассеивали этих сомнений.

Нападки американцев на сотрудничество между Бандерой и СИС стали особенно резкими в 1950 году. Работая в США, я потратил много времени на передачу язвительных посланий из Вашингтона в Лондон и обратно относительно сравнительных достоинств различных малоизвестных эмигрантских групп. ЦРУ выдвинуло три серьезных возражения против Бандеры как союзника. Его крайний национализм с фашистским оттенком являлся препятствием, мешавшим Западу вести подрывную работу в Советском Союзе с использованием лиц других национальностей, например, русских. Утверждали также, что Бандера уходит корнями в старую эмиграцию и не имеет связей с новой, «более реалистичной» эмиграцией, с которой американцы усиленно заигрывали. Наконец, его прямо обвиняли в антиамериканских настроениях. Заявление англичан, что Бандера используется только в целях сбора разведывательной информации и что такое его использование не имеет какого-либо политического значения, было отвергнуто американцами. Последние возражали, что, каков бы ни был характер связи СИС с Бандерой, сам факт этой связи может поднять его престиж на Украине. Американцы высказали опасение, что любое усиление последователей Бандеры чревато опасностью раскола «движения сопротивления» на Украине, с которым вели работу они сами.

Слабость американской позиции заключалась в том, что она подкреплялась лишь голословными заявлениями и почти ничем другим. Результаты деятельности «более реалистичной» части эмиграции и «движения сопротивления» на Украине выглядели не менее плачевно, чем результаты сотрудничества между англичанами и Бандерой. Правда, ЦРУ заявляло, что зимой 1949/50 года оно приняло нескольких курьеров с Украины, однако низкопробное качество их «информации» скорее

говорило о том, что это были бродяги, побывавшие в чужой стране. В 1951 году, после нескольких лет упорной работы, ЦРУ все еще надеялось послать на Украину своего «политического» представителя с тремя помощниками для установления контакта с «движением сопротивления». ЦРУ наскребло даже резервную группу из четырех человек, чтобы послать ее в случае, если первая группа бесследно исчезнет.

Чтобы преодолеть англо-американские разногласия по поводу Украины, ЦРУ настаивало на проведении широкой конференции с СИС. Эта конференция состоялась в Лондоне в апреле 1951 года. К моему удивлению, английская сторона заняла твердую позицию и наотрез отказалась выбросить Бандеру за борт. Все, чего удалось достичь и что было принято с нескрываемым раздражением американской стороной, — это решение вновь рассмотреть упомянутый вопрос в текущем году, в конце сезона, благоприятного для выброски парашютистов. Надеюсь, что к тому времени в распоряжении сторон будет больше фактов. В течение месяца англичане выбросили три группы по шесть человек в каждой. Самолеты отправлялись с аэродрома на Кипре. Одна группа была сброшена на полпути между Львовом и Тернополем, другая — неподалеку от верховьев Прута, около Коломыи, и третья — в пределах Польши, около истоков Сана. Чтобы избежать дублирования и перекрытия районов, англичане и американцы обменивались точной информацией относительно времени и географических координат своих операций. Не знаю, что случилось с этими группами, но об этом, пожалуй, нетрудно догадаться.

Как указывается в справке СБУ № 113, «наприкінці 40-х — початку 50-х років підпілля ОУН зазнало значних людських втрат. Його поповнення майже не здійснювалося. Перед керівництвом проводу ОУН-б стала проблема збереження залишків підпілля, особливо керівних кадрів, створення легальних, не оформлених організаційно груп, виховання молодих «революціонерів» із числа старшокласників і студентської молоді, а також розповсюдження своїх ідей як на всю Україну, так і на Білорусію та Литву.

На нараді членів Центрального проводу ОУН, що відбувся літом 1948 р. в Ілзівському лісі Миколаївського району Дрогобицької області, перед керівниками нижчих ланок ОУН були поставлені такі завдання: «Во что бы то ни стало сохранить

уцелевшие оуновские кадры, свести до минимума боевые действия, усилить конспирацию, националистическую закалку и переключить кадры ОУН, главным образом, на организационную и пропагандистскую работу. Усилить работу по созданию новых и укреплению существующих легальных звеньев ОУН среди молодёжи и, прежде всего, учащейся молодёжи». (Текст постановления ОУН в архивном документе дан на русском языке — М. Б.)

Сейчас как-то не принято говорить о том, что УПА не была ни армией, поскольку армия создается государством, ни партизанским образованием, поскольку до 85 процентов «бойцов» мобилизовались туда насильственно, под угрозой расправы с родными. Остаток был сформирован из идеологических кадров ОУН или СБ — «службы безопасности»...

В послевоенное время организационную структуру ОУН на Украине возглавлял провод ЗУЗ (западноукраинских земель) во главе с Шухевичем. После его гибели 5 марта 1950 года во главе провода встал Василий Кук. Ему подчинялось несколько «больших» краевых проводов, окружные провода, затем надрайонные, районные и кустовые, которые состояли из «роев».

(Примечательно, что организационная структура подготовки к «оранжевой революции» была построена так же, как подпольная сеть ОУН. В этом откровенно сознались «полевые командиры» Майдана. Стецькив, Луценко и Филенко так описывали свою подготовку к «революции» в декабре 2004 года: *«Мы поделили Украину на 76 кустов. А каждый куст — на рои. В каждом рое — по 10—15 человек. И те 320 человек, которые приехали, были кустовые и роевые командиры. В августе они получили приказ набрать армию волонтеров. И мы собирались набрать 35 тысяч таких волонтеров, которые в час X должны были высадиться в Киеве и начать украинскую революцию»...*)

После разгрома вооруженных бандеровских формирований одним из основных способов противоборства компетентных органов с зарубежными центрами ОУН и их кураторами — спецслужбами Англии и США — стали радио- и оперативные игры. Они должны были ввести собственную агентуру в среду противника, а также вывести на территорию Украины как можно больше эмиссаров националистов и зарубежных спецслужб. Наиболее значимыми были оперативные игры с английской, американской, итальянской разведками «Звено» (1951—60 гг.), «Тропа» (1951—60 гг.), «Западня» (1951—53 гг.), «Капкан» (1953—54 гг.), «Трасса» (1952—56 гг.), «Бумеранг» (конец 60—88 гг.).

Классикой оперативных игр считают радиоигру «Звено». В ночь на 15 мая 1951 года были сброшены на парашютах три группы разведчиков — «Модди», «Долли» и «Сокол». Псевдоним «Модди» носил выпускник английской разведшколы Мирон Васильевич Матвиейко, один из руководителей Центрального провода оуновцев, служивший во время войны в абвер-3 (контрразведка вермахта), а с 1947 года возглавлявший службу безопасности ЗЧ ОУН. Посланцев из-за границы ждали. На первых допросах (они проходили в Киеве и Москве) Матвиейко дал показания о зарубежных центрах ОУН и их сотрудничестве с иностранными разведками.

«Модди» откровенно писал о том, что руководители ОУН «високопарними гаслами про боротьбу за самостійну Україну насправді розчинили і розмісили багато розколів, гризні, міжусобиць, щоб тільки задовольнити власні вождівські амбіції та пристрасті і в такий спосіб мати змогу перекочувувати від американської розвідки до англійської, від англійської до італійської, а там ще й до боннської і наввипередки один перед другим стати торговцями-продавцями живого товару — голів своїх друзів.

В июне 1951 года при участии Матвиейко начинается масштабная радиоигра с английской разведкой и ЗЧ ОУН под кодовым названием «Звено», которая продолжалась по октябрь 1960-го. Благодаря этому только с 1951 по 1954 годы органы госбезопасности захватили четыре курьерские группы (восемь человек), ликвидировали 33 агентов СИС и ЦРУ, добыли трофеи — 10 радиостанций, оружие, ценные оперативные документы. Пятерых эмиссаров использовали в оперативных играх.

Значительные результаты принесла оперативная игра, известная под кодовым названием «Бумеранг». Ее вели 1-е и 5-е управления КГБ УССР и МВД Польши с конца 60-х, когда лидерам бандеровской ОУН и ее СБ подставили группу квалифицированных агентов, как посланцев «локальної ланки націоналістичного підпілля».

Фабула операции была такова. В конце 60-х функционер ЗЧ ОУН, родственник Шухевича Т. Билинский («Адам») получил от одного из лидеров ЗЧ ОУН И. Дмытрива («Рубижного»), руководителя Союза украинцев Британии, задание отыскать во Львове и привлечь к тайному сотрудничеству врача Святослава Панчишина, чтобы назначить его на пост руководителя под-

польной сети в Украине. Панчишин принадлежал к авторитетной в Галичине интеллигентной семье, дядя его входил в состав образованного 30 июня 1941 года «правительства» ОУН-б. Получив от западного эмиссара проверочное задание, Панчишин обратился в компетентные органы, и с этого момента была начата оперативная игра.

Операция продолжалась до 1988 года. В ходе нее советские спецслужбы установили контроль над стратегией и тактикой разведывательно-подрывной деятельности ЗЧ ОУН и их хозяев в отношении Украины, проводили их дезинформацию, выявили и нейтрализовали более 20 эмиссаров из США, Англии, Франции ФРГ и т. д. Существование подполья имитировалось настолько квалифицированно, что Панчишин «вырос» до члена центрального провода ЗЧ ОУН и председателя «верховного суда ОУН в Украине». Но в 1988 году операция была свернута в связи с перестройкой и появлением горбачевского «нового мышления». Лидер СССР решил показать, как сильны в Советском Союзе «дух перемен» и желание наладить с Западом дружественные отношения. Естественно, эти намерения оказались наивными, если не преступными...

Однако еще до того, 14 сентября 1988 года, в Киеве, на организованной Министерством иностранных дел и Союзом журналистов УССР пресс-конференции для советских и иностранных журналистов, выступили люди, которых проводники ОУН считали своими единомышленниками. Это были член Центрального провода ОУН-революционеров, председатель организационного суда и руководитель Службы безопасности (СБ ОУН) в крае, львовский врач Святослав Панчишин и киевский журналист Юрий Иванченко, которого также собирались, но не успели ввести в провод ОУН. Непосредственным толчком к созыву пресс-конференции стал провал эмиссара ЗЧ ОУН, подданной Великобритании Любови Штокало, которая летом 1988 года приехала в Польшу для встречи с «подпольщиками». Перед советскими и иностранными журналистами была раскрыта одна из самых длительных спецопераций заграничного центра ОУН.

Но и до этого было много разных «прерванных визитов». Это дела эмиссара ОУН из Бельгии Ярослава Добоша, эмиссара из Англии Андрея Климчука, итальянца Бернардо Винченцо, француженки украинского происхождения Ирины Зеленой и многих других.

В 1972 году в кругах украинской интеллигенции разразилась настоящая буря. Внучка классика, Зиновия Франко, на допросах в КГБ вдруг написала серию обвинений против ряда деятелей украинской культуры. После этого и начались знаменитые аресты украинских «национально сознательных» интеллигентов. Ее презирали и одновременно жалели...

Но вот 2 июня 1972 года в Киеве состоялась пресс-конференция гражданина Бельгии Ярослава Добоша. На ней гость из Бельгии сделал заявление, многое изменившее в умах: «Я, Ярослав Добош, підданий Бельгії, народився в 1947 році в Західній Німеччині. Перед своїм приїздом у Радянський Союз я проживав у Бельгії... і навчався на третьому курсі факультету соціології Лювєнського католицького університету.

В 1965 році я закінчив «Папську малу українську семінарію імені святого Йосафата», а в 1967 — факультет філософії «Університету Урбаніяна», проживаючи в той час в Українській великій семінарії в Ватікані. Під час навчання в згаданих мною учбових закладах я виховувався в дусі ненависті до комуністів і комуністичної ідеології.

Повернувшись в 1967 році в Бельгію, я знову потрапив у націоналістичне середовище; і це було причиною, що вступив в націоналістичну організацію — «Спілку української молоді» (СУМ). (Это название мы скоро вспомним в связи с женой одного очень высокопоставленного лица... — М. Б.) Ця організація складається з молоді, котра проживає на Заході і котра є націоналістично настроєна. Її мета — боротьба проти Радянського Союзу за створення так званої «самостійної України», тобто України без комуністів і комуністичної влади. Фактично керує цією організацією ЗЧ ОУН («Закордонні частини організації українських націоналістів»). Після смерті Бандери ЗЧ ОУН очолює Ярослав Стецько...

Знаючи мене, як одного з активних членів, а також діячів «Спілки української молоді», та про моє вороже ставлення до комунізму, до комуністичної ідеології та взагалі до комуністичної системи, Коваль у листопаді 1971 року запропонував мені виконати завдання ЗЧ ОУН, тут, на Україні, на що я погодився.

Це завдання полягало в тому, щоб в містах Києві і Львові по пароях, дотримуючись конспірації, зустрітися з Іваном Світличним, Зіновією Франко, Анною Коцуровою, Леонідом Селезненком та Стефанією Гулик і від них одержати політичну

та іншу інформацію з метою використання її проти Радянського Союзу на Заході. А також я мав передати деяким з них гроші...

Я також повинен був проінформувати Івана Світличного, Леоніда Селезненко, Зіновію Франко, Анну Коцурову, Стефанію Гулик про те, як антирадянські націоналістичні організації на Заході проводять боротьбу проти Радянської держави з метою активізації їх діяльності тут, на Україні. На виконання цього завдання мені було асигновано Ковалем 25.000 бельгійських франків і 150 американських доларів...

Перебуваючи в Києві, я 29 та 31 грудня минулого року та 1 січня цього року з метою конспірації зв'язався з телефонів-автоматів і по паролях з Іваном Світличним, Зіновією Франко і Леонідом Селезненком. Мав з ними зустріч в обумовлених місцях. Тоді ж Селезненко допоміг мені зустрітись з Анною Коцуровою.

Всіх тих осіб, під час зустрічі з ними, я проінформував про антирадянську діяльність українських організацій на Заході: про те, що українські націоналісти в своїх діях проти Радянського Союзу спілкуються з сіоністами, а від них одержав політичну та іншу інформацію, яка мені була потрібна, і відповідні документи...» («Вісті з України», № 27 (721), 8.06.72 г.).

Зіновію Франко долго вызывали на допросы. Она тогда оговорила многих людей из числа творческой интеллигенции, которые ни сном ни духом не слышали ни о каких ЗЧ ОУН. Но благодаря этой провокации многие из них попали «под пресс» компетентных органов, у иных была сломана судьба или карьера.

Впрочем, как говаривала одна деятельница того времени, «чем больше людей посадят, тем быстрее возникнет независимая Украина»... Вот и работали провокаторы, искусственно создавая «диссидентов», а потом защищали их через финансируемые ЦРУ «свободные» голоса.

Еще одна пресс-конференция состоялась в Киеве 22 ноября 1983 года. На ней были представлены многочисленные материалы и документы, разоблачающие подрывную деятельность ЗЧ ОУН. Главный герой этой пресс-конференции — Михаил Кухтяк. Все началось с переписки с родственниками, которых судьба забросила когда-то в США и Канаду. Михаил Евгеньевич обстоятельно писал им о себе, о родных, о любви к Украине и ее людям. Политических тем не касался.

Видимо, на Западе внимательно следили за перепиской и решили: аполитичен, следовательно, есть возможности для об-

работки. И вот руками бандеровцев из так называемых «зарубежных частей» организации украинских националистов (ОУН) спецслужбы США приступили к операции «Орест». Цель ее была далеко идущей — возродить подпольную сеть бандеровских групп в Западной Украине.

Из США и Канады в Ивано-Франковск зачастили «туристы» — «знакомые» и «друзья» родственников Михаила Кухтяка. Как из рога изобилия, на его семью посыпались иностранные вещи и дорогие сувениры. Передав подарки, гости завязывали «задушевные» разговоры, осторожно выпрашивали о судьбе бывших националистов, пытались внушить: дескать, далеко не все хорошо у вас. А потом, как бы невзначай, следовали просьбы: раздобыть «самиздатовскую литературу» и т.д. И вот наступил момент, когда очередной гость от родственников признался, что он член провода ЗЧ ОУН. Кухтяк обратился в КГБ — и потом согласился играть роль подсадной утки для зарубежных спецслужб. Ему были переданы из-за рубежа 20 тысяч долларов и различные вещи «на продажу» стоимостью в несколько десятков тысяч рублей. На Ивано-Франковщину были пересланы и адреса для связей с ОУН. Среди них значились адреса посольства США в Москве, американского клуба, отделения агентства ЮПИ в советской столице. Кухтяку предлагалось также установить связь с Бернардом Левиным, политическим обозревателем лондонской «Таймс». Ярослав Стецько писал Кухтяку в поручениях: *«В консульстве США в Киеве работают Ральф Портер и Дэвид Соуртс, владеющие украинским языком. Они симпатизируют ОУН и к тому же хорошо играют на бандуре. Рекомендую пересылать через них сведения политического, военного и экономического характера. Главный упор при сборе разведывательных данных делайте на вооружение и организационную структуру Советской Армии. Укажите также, где и когда целесообразно организовать на Украине диверсии и террористические акты»...* («Комсомольская правда», 23 ноября 1983 года).

Зварич, «Катруся» и Катрин-Клер

Примечательно, что как раз в период проведения многолетней оперативной игры «Бумеранг» работал у Ярослава Стецько один из известных сегодня украинских политиков, Ро-

ман Зварич. Роман Михайлович сегодня не скрывает подробностей своей биографии. В интервью газете «Факты и комментарии» (25.03.2005 г.) он с гордостью рассказал, что после войны его отца, члена ОУН, «представители британских спецслужб готовили к выполнению обязанностей связного», «планировали забросить с группой парашютистов на территорию Украины». Что им, семнадцатилетним юношей, в 1969 году заинтересовался сам Збигнев Бжезинский, лекции которого он посещал. О том, что после получения диплома магистра философии (какового Зварич никогда не получал!) он работал в Мюнхене личным секретарем главы Организации украинских националистов Ярослава Стецько — отвечал за международную деятельность и курировал совершенно закрытое, засекреченное, так называемое краевое направление, готовя агентуру «для связи с подпольем».

Украинскому читателю названия этих должностей мало о чем говорят. Для того чтобы показать реальный вес юного Зварыча в оуновской среде, надо уточнить суть помянутого подразделения, «референтури крайового зв'язку» («К-3» или «Катруся», как его еще шутя называли). На «Катрусю» возлагались контакты с подпольем в Украине, вербовка и подготовка эмиссаров-разведчиков во взаимодействии с иностранными разведками, организация опросов граждан УССР за границей и т. д. По свидетельству Матвиейко, при «К-3» существовал «особливо таємний штаб акції Богун», который готовил вооруженные группы для заброски в СССР на случай войны. До Зварыча «К-3» возглавляли такие «зубры», как Богдан Пидгайный, Мирон Матвиейко, Иосиф Васькович («Павло»)...

Когда разгорелся скандал, связанный с фальшивой научной степенью Зварыча, и пронырливые украинские журналисты раскопали несоответствие его официальной биографии — реальной, они решили, что Роман Михайлович обманул народ Украины, чтобы придать себе академический лоск и солидность. Но действительность, видимо, состоит в том, что журналисты сломали «легенду прикрытия» нашего героя и продемонстрировали низкий профессиональный уровень разведки США.

Из разных источников становятся известны и некоторые детали биографии жены президента, Катрин-Клер Чумаченко-Ющенко, хотя в Украине она себя позиционирует только как мать, хранительница домашнего очага, благотворительница.

В 15 лет Катрин вступила в Союз украинской молодежи (СУМ), радикальной ультраправой националистической молодежной организации, созданной под эгидой Организации украинских националистов Степана Бандеры (ОУН-б). СУМ и до селе является своеобразным «инкубатором» для кадров бандеровской ОУН. Наставниками его питомцев были эсесманы Дерименда и Побигущий. В «Правильнике юнацтва СУМ» от воспитанников требуется безоглядно *«повинуватися наказам і виконувати доручення своїх керівників»*...

Ячейки СУМа милитаризованы и, согласно структуре УПА, поделены на кусты, рои, курени, коши, отделы. Именно в таких лагерях проходили курс обучения и Добош, и Климчук, и многие другие, пойманные за руку в Советском Союзе.

После окончания Джорджтаунского университета в 1982—1984 гг. Катрин-Клер была уполномоченным представителем Украинского Конгрессового Комитета (УККА), тесно сотрудничавшего с Ярославом Стецько, руководителем АБН (Антибольшевистского фронта народов) и ОУН-б.

Затем дочь эмигрантов работает в государственном аппарате США. В период с 1985 по 1988 годы она — специальный помощник помощника госсекретаря по правам человека и гуманитарным проблемам. В 1988—1991 годах пани Чумаченко попеременно служила в офисе Белого дома по связям с общественностью, в казначействе, в совместном комитете конгресса и фонде «Украина — США». Для президентов Рейгана и Буша-старшего Катрин-Клер готовила, к примеру, документы на темы: «Украинская Комиссия по голоду — общественные делегаты», «Американские друзья антибольшевистского блока народов», «Восточная Европа», «Балтийские диссиденты», «Международные стратегические связи», «Контроль над вооружениями — ОСВ-2», «Реформирование экспорта вооружений», «Московский саммит», «Украинские католики», «Религия в СССР», «Украинский миллениум», «Порабощенные нации»... До настоящего времени все эти файлы составляют информацию, закрытую для общего пользования. Чтобы получить к ним доступ, необходимо сделать специальный запрос. А разрешение ознакомиться с этими файлами дает (или не дает) ЦРУ...

В 1988 году в Бостоне увидела свет брошюра американского ученого Белланта Рассы под длинным названием «Старые нацисты, новые правые и администрация Рейгана: роль внут-

ренных фашистских сетей в Республиканской партии и их воздействие на политику «холодной войны» США». В ней автор представил факты сотрудничества республиканской администрации Рейгана и близких к ней общественных организаций с «восточноевропейскими националистами, эмигрировавшими в Соединенные Штаты, когда нацистский режим развалился». Раскрывая некоторые аспекты деятельности «внутренних фашистских сетей» на территории США, наряду с именами и фамилиями других республиканцев, в этой книге автор назвал и Катрин-Клер Чумаченко. И это издание не стало предметом судебного иска...

Сегодня основные политические силы в Украине состязаются в раболепии перед «Вашингтонским ЦК». Нанимают себе американских политтехнологов, публично (и, наверно, не только) отчитываются перед американским послом в своих успехах по демократизации Украины, обещают «остановить Россию»...

Читая письма Бандеры на Украину, невольно вспоминаешь экклесиастовское «Все возвращается на круги своя». Более пятидесяти лет назад Бандера написал об украинской эмиграции: *«Зв'язки з американськими чинниками, які б вони там не були, мали дати практично-політичне скріплення, широкі можливості й засоби для політичної дії, своєрідне монопольне становище на еміграції якраз в тому, за чим гонять і переганяються наші партійні політики, які все шукають якоїсь орієнтації і чужого стільця. З ким американці говорять і кому дають піддержку, цей не тільки може відогравати роль репрезентанта, якого вже визнають і єдино його респектують політичні круги чужих держав, але, що не менш ділає на певну категорію людей, — той має засоби і можливості — отже й силу. Бо того визнають свої, того шанують і віддаються йому до диспозиції...»*

Катрин-Клер «силу» получила. И тоже, говорят, не без поддержки спецслужб США...

ПРИЛОЖЕННЯ

Відкритий лист В. Кука до Ярослава Стецька, Миколи Лебеда, Степана Ленкавського, Дарії Ребет, Івана Гриньоха та до всіх українців, що живуть за кордоном!

Я, Василь Степанович Кук, відомий вам на еміграції як один із колишніх активних членів організації українських націоналістів і як бувший керівник підпільної боротьби в західних областях України, звертаюсь до всіх вас, земляки мої, у якій частині світу ви не перебували б, до якої партії чи групи ви не належали б. Звертаюсь з цим відкритим листом, в якому маю намір висловити свої думки по деяких актуальних питаннях нашої політичної діяльності на еміграції.

Тому, що не все вам відомо про мене, а багато можуть зовсім не знати хто я такий, вважаю за доцільне коротко у вступі розповісти про себе самого.

Родився я в 1913 році в селі Красне Львівської області в сім'ї робітника. В Організацію Українських Націоналістів вступив в 1929 році в місті Золочеві. Проводив активну нелегальну діяльність проти буржуазної Польщі, яка поневолювала західні області України. За свою політичну діяльність часто заарештовувався польською поліцією, просидів у польських тюрмах понад три роки, а з 1937 року находився на нелегальному положенні. Після возз'єднання українських земель, в 1939 році я виїхав в Краків, звідки за дорученням Центрального Проводу ОУН проводив підпільну боротьбу проти Радянської влади на Україні. В 1941 році на другому зборі ОУН я разом з Бандерою, Стецьком, Лебедем, Ленкавським, Шухевичем був обраний членом Центрального Проводу ОУН і очолював його організаційну референтуру.

Під час другої світової війни проводом ОУН я був післаний в східні області України, окуповані фашистськими військами, де проводив організаційну роботу. Після закінчення війни і цілковитого розгрому гітлерівської Німеччини я залишився на тери-

торії України. Тепер вже не є таємницею, що я за дорученням Центрального Проводу здійснював керівництво націоналістичним підпіллям в західних областях України, де мав псевдо «Леміш», «полковник Коваль», «Юрко», «Медвідь» та інші і продовжував вести активну боротьбу проти Радянської влади.

Чому я став на шлях боротьби проти Радянської влади, що поганого вона мені зробила? Сталось так, що я, як декотрі інші, пішов проти Радянського ладу, не побачивши його і не пізнавши його.

Керівники націоналістичних організацій протягом ряду років «лякали» нас Радянським ладом, переконували, що він не є тим ладом, який задовольнить життєві потреби українського народу, що щастя наше в боротьбі за націоналістичні ідеали.

Ставши одним з чоловічих членів ОУН, я також виховував членів організації в такому плані.

Можливо, колись на зорі своєї політичної діяльності і Мельник, і Бандера справді вірили в те, що найкращий шлях для українського народу — це шлях, що його вказують націоналісти. Але тоді, коли я їх пізнав, як «керівників», то все очевидніше стало, що служать вони чужій справі.

Не зміг я своєчасно розібратися у відносинах, які склалися між провідниками ОУН Бандерою й Мельником з однієї сторони й німецькими фашистами — з іншої, хоча багато дій і обставин вимагали по меншій мірі здивування. Активна співпраця ОУН з німецькими фашистами до Великої Вітчизняної війни і під час її привела до страшних спустошень нашого краю, до великих жертв, яких український народ ніколи не зможе забути.

Націоналістичне антирадянське наставлення підтримувалось з боку німецького фашизму. Німецький фашизм захоплював Мельника, Бандеру і менших керівників ОУН до антирадянської боротьби.

Завдяки знайомству з реальними обставинами на Україні, з радянською дійсністю, хоч і через призму моїх націоналістичних та антирадянських поглядів, я вже тоді бачив повну безперспективність підпільної боротьби проти Радянської влади, бо вона, Радянська влада, кардинально розв'язувала всі питання побудови нового суспільства, до якого віками прагнув український народ. Але мене міцно тримала на цій дорозі моя багаторічна антирадянська діяльність.

Життя і правда, одначе, брали верх. Люди прозрівали, і завдяки цьому багато підпільників залишили ліси і схрони й з'явилися з повинною до органів Радянської влади. Умови для підпільної антирадянської боротьби з кожним роком ставали все важчими. Залишившись майже один в підпіллі, без зв'язків і без будь-яких перспектив на майбутнє, я разом з дружиною був заарештований органами КДБ при Раді Міністрів УРСР. А зараз я і моя дружина — вільні громадяни Української РСР. Нас помилювано Указом Президії Верховної Ради СРСР.

Все сказане мною про себе, включаючи і арешт, вас не здивує, бо все це нормально в моєму положенні. Здивує вас, немає в тому сумніву, моє звільнення, але це факт, і при бажанні його зможете легко перевірити.

Такий коротенький мій життєвий і політичний шлях. Складне, важке і повне всяких небезпек життя дало мені можливість на основі власного досвіду та досвіду багатьох моїх друзів, що погинули в антирадянській боротьбі, по-іншому поглянути на всю націоналістичну діяльність в минулому і сучасному.

Під час мого перебування в підпіллі я багато продумав, дещо навчився і при допомозі радянських людей, хоча вони й самі того не підозрювали, пізнав справжню радянську дійсність, в якій чесна людина не може оставатися назавжди ворогом Радянської влади. Серйозних успіхів досягнув СРСР, а також УРСР в різних галузях життя народів Радянського Союзу під проводом Партії і Уряду, особливо, коли до керівництва прийшов М. С. Хрущов. Це у великій мірі вплинуло на зміну моїх антирадянських поглядів в прорадянські. Складний і важкий шлях привів мене до поглядів, які є у мене зараз. Я допустив велику помилку, що не зумів своєчасно розібратися в основі основ того, що являє собою соціалізм, як суспільна система, і які блага він несе для українського народу, а також у тому, що я звертав увагу головним чином на тіньові явища радянської дійсності, що мені заслонило бачити все те позитивне, яке будували з небаченим самопожертвуванням народи Радянського Союзу.

Мої упередження остаточно похитнулись після глибокого вивчення питань національної політики Комуністичної партії Радянського Союзу щодо застосування її на практиці.

Заходи, направлені на виправлення помилок у минулому, зв'язаних з культом особи, застосування законів про амністію, реорганізація шкільництва по лінії наближення школи до жит-

тя і, нарешті, заходи, що сприяють підвищенню добробуту населення, — все що є наслідком додержання ленінських заповітів. Знаходячись в гущі українського народу, я на свої очі бачив, з яким ентузіазмом підтримували всі українці ці заходи, і в той же час я бачив, наскільки Бандера та ви, панове Стецько, Лебідь, Ленкавський та інші, відірвались від дійсного становища на Україні і що тільки ваші зв'язки з імперіалістичними колами США і ваша ненависть до всього радянського не дозволяє вам об'єктивно розібратися в становищі, що склалося за останні роки в Радянській Україні. А становище на Україні зараз таке. Якщо порівняти сучасну Радянську Україну з дореволюційним періодом, або тільки її західні і південно-західні області, які були під окупацією Польщі, Румунії, Чехословаччини і Угорщини, то незаперечним фактом є те, що Україна за радянський період існування добилася великих успіхів в усіх ділянках економічного і культурного життя народу. За роки Радянської влади Україна перетворилася в могутню індустріальну державу, з високо розвинутим і багато технічно оснащеним сільським господарством.

Матеріальний рівень життя українського народу сьогодні вищий, ніж він був будь-коли до цього часу, і з кожним роком піднімається вище. Що ж до культурного рівня, зокрема освіти всіх ступенів, науки, охорони здоров'я і т.п., то Україна стоїть вище від багатьох передових капіталістичних країн.

Широко розвивається українська культура. Українську літературу і мистецтво шанують не тільки на Україні, а й в цілому Союзі.

На рідній українській мові виступають керівні партійні і радянські працівники, вона звучить у радіо- і телевізійних передачах і т.д.

Зі сторінок преси зникли обвинувачення в «націоналістичних ухилах» того чи іншого радянського діяча, культурного фронту чи цілої інституції. Зникли такі ухили і в житті. Відомих вам в минулому, як націонал-ухильників, Антоненка-Давидовича, Ковіньку, Шабліовського та інших амністовано, і вони мають всі можливості нормально жити і працювати.

І так тепер, в час, коли так бурхливо розцвітає життя українського народу, для мене особисто стало переконливим і для всіх чесних українців, які проживають за кордоном, мусить також бути очевидним, що при сучасному розвитку суспільно-

го життя і міжнародних політичних відносинах ідеї і діяльність українських націоналістів не відповідають цілям українського народу і його держави — Української Радянської Соціалістичної Республіки.

Заради об'єктивності хочу сказати, що й сьогодні ще можна зустрітися з тими чи іншими хибами і недоліками у радянському житті. Про багато з цих недоліків пише часто радянська преса, говорять про них також і партійні і радянські керівники. Багато таких недоліків вже виправлено, інші виправляються. Але коли об'єктивно приглянутись, стає очевидним, що це не плід радянської системи, а результат недобросовісності чи прямих пороків окремих працівників, Проте не ці недоліки характерні для Радянського соціалістичного ладу, не вони становлять суть цього ладу. Суть Радянського соціалістичного ладу полягає в тому, що народне господарство постійно зростає, добробут і культура народу піднімаються, все суспільство йде вперед до кращого, а недоліків і хиб стає менше.

Таке приблизно положення в УРСР і в СРСР. Це треба мати на увазі тим, хто займається політикою, кого по-справжньому цікавить життя українського народу.

Можливо, ви мені з різних причин не вірите. Що ж? Приїжджайте і переконаєтесь самі. Це буде ще краще. Тепер на Україну приїздить багато туристів різних національностей. Українці всіх їх зустрічають і проводжають дуже гостинно. Приїжджайте і ви, українські емігранти, на Україну, хоч як туристи (коли ще не можете напостійно приїхати), і власними очима подивіться на свою рідну Батьківщину. І коли прийдете з добрим чистим серцем, без лихих намірів, то знайдете на Україні материнський прийом.

У цьому листі до вас, друзі і співвітчизники, я хочу коротко розглянути одне питання, антирадянську діяльність націоналістичних партій і організацій. Тому, що це корінне питання всієї політичної діяльності еміграції. Ця антирадянська діяльність націоналістичних партій триває від перших днів утворення Радянського ладу. Не буду я у цьому листі до вас розглядати історію цього явища. Для мене зараз важливе сучасне, а не історія.

Однією з головних причин антирадянської діяльності різних націоналістичних партій під сучасну пору є незнання справжньої радянської дійсності, незнання життя і буття народів Радянсько-

го Союзу і в першу чергу українського народу. Це незнання або, ще гірше, перекручене, спотворене «знання» — також і головна причина всіх інших політичних помилок, що їх допустили під час II-ї світової війни і після її закінчення. Усім нам, довгі роки вихованим у антикомуністичному дусі, СРСР представлявся потворним страшним колосом на наскрізь прогнилих основах. Нам здавалось, що досить буде довести до відома українського та інших народів СРСР наших націоналістичних ідей, лозунгів, просвітити їх, і СРСР розпилеться, як карточний домок. Так, до речі, представляли собі СРСР німецькі фашисти, так представляють собі сьогодні СРСР ще багато різних сучасних претендентів у реформатори світу з імперіалістичних кіл заходу. Одержимі такими ілюзіями по відношенню СРСР німецькі фашисти розв'язали II-у світову війну і пішли війною на СРСР і в результаті — лягли в могилу разом зі своїми ілюзіями. Такий же кінець жде і їхніх послідовників з Пентагону чи інших подібних центрів.

Катастрофічно закінчилася і вся антирадянська діяльність націоналістичного підпілля на Україні. Вона і не могла інакше закінчитися, бо побудована була не на одній, а багатьох ілюзіях про стан внутрішніх відносин в УРСР і СРСР в цілому. Про СРСР, про Радянську Україну ми знали не справжню дійсність, а часто те, що нам хотілось зустрінути. Свої бажання дуже часто приймали ми за дійсність і всякий тверезий і правдивий голос про життя народу в УРСР називали більшовицькою агітацією. Коли радянська дійсність була від нас далеко, так як це зараз є з еміграцією, можна було кормитися самим і кормити інших всякими ілюзіями. Але при безпосередній зустрічі з дійсністю ілюзії лопалися, як мильні бульки, а життя вимагало дивитися правді в вічі і сприймати його таким, яке воно є насправді.

Є ще один бік антирадянської діяльності, також дуже важливий. Антирадянська діяльність української еміграції, як також і інших еміграцій, тісно переплітається зі світовою антирадянською і антикомуністичною боротьбою всіх капіталістично-імперіалістичних кіл та їх урядів. Антикомунізм і антирадянськість неминуче ведуть до об'єднання в один табір і мільонера чи мільярдера-капіталіста, і майже що жебрака, нещасного емігранта. Немає потреби доказувати, що мета крупних капіталістів і рядових емігрантів не тотожня, більше того, вони цілковито ворожі. В таких «спілках», «союзах» на нещасних емігрантів кладеться весь тягар найтяжчої і найнебезпечнішої,

а часом і найбруднішої роботи. Що монополістам і капіталістам вигідно в їхній антирадянській боротьбі використовувати по-антирадянськи настроєну еміграцію, в тому немає ніяких сумнівів. Але чи вигідно це вам, українські емігранти?

Як пани імперіалісти розплачуються за зроблені вам услуги різними емігрантськими угрупованнями, хай послужить приклад, добре нам відомий, німецько-українських відносин і співпраця, з недалекого минулого. Відомо, що різні політичні угруповання на еміграції в такій чи іншій формі співпрацювали з фашистською Німеччиною в надії, що вона допоможе їм стати до влади. Чим все це скінчилося — всім добре відомо. Закарпатську область віддав Гітлер мадярським баронам на розграблення і експлуатацію, а багато з тих, хто піднявся на боротьбу за визволення Закарпаття, загинули в нерівній боротьбі або опинилися в мадярських, румунських чи інших концтаборах.

Дорогою ціною жертв і крові заплатило населення Закарпатської області за цю «спілку» з фашистською Німеччиною. Здавалося б, що одержана лекція по політиці співпраці повинна була дечому навчити. Та нічого не навчила. Таку саму «політику» продемонстрували українські емігрантські партії і напередодні війни німців з панською Польщею. А результат? На загарбаній від панської Польщі території гітлерівський уряд великодушно дозволив українцям організувати українські допомогіві комітети на чолі з відомим німецьким вислужником Кубійовичем, на яких поклав завдання вербувати робочу силу для воєнної промисловості Німеччини.

Ще гірше скінчилась співпраця з фашистською Німеччиною напередодні війни з СРСР. Все це добре відомо всім вам за кордоном і нам на Україні. Німці принесли на Україну, та взагалі, де тільки вони пройшли, найжорстокіше поневолення і рабство, яке тільки знала історія. В своїй расистській зарозумілості та в запамороченні від перших успіхів гітлерівські поневолювачі не пощадили навіть своїх бувших прихильників і т. зв. союзників з націоналістичних кіл. Одних кинула гітлерівці в тюрми, як тільки вони наважались висловити своє незадоволення колоніальною політикою німецько-фашистського уряду, а других просто помордували і постріляли.

На прикладі «союзу» з німецьким фашизмом яскраво видно, до яких страшних наслідків може такий «союз» привести, яких важких ран може нанести своєму власному народу,

орієнтуючись на чужу допомогу, на чужу силу. Такий болючий дослід у минулому повинен, здавалося б, назавжди відібрати бажання у всякої еміграції, у всякої політичної партії йти на чергову співпрацю з чорними антирадянськими силами, з новими «союзниками». Та так, на жаль, це є. Сучасна українська еміграція, її різні політичні партії в своїй антирадянській діяльності знову знаходять для себе «союзника» проти т. зв. спільного ворога — комунізму, цим разом в особі імперіалістів США і їх союзників по воєнних блоках.

Немає сумніву, що американським і іншим імперіалістам дуже вигідно користати з послуг таких емігрантських кіл і навіть чимсь їм допомагати. Але чи вигідно це вам самим, українські емігранти?

Та ж за їх незначну матеріальну підтримку вам приходиться добирати шпигунів, яких ви засилаєте на Україну для антирадянської діяльності.

На підтвердження цього хочу привести приклад, коли представники ЗП УГВР, в особі Лебеда, Грнньоха, Ребет та інших за допомогою американської розвідки в травні 1951 року підготували і заслали американським літаком на Україну емісара Охримовича із спеціальним завданням до ОУН на Україні.

Деякі націоналістичні партії за кордоном, щоб підняти свою важкість в очах матеріалістичних кругів і серед рядової еміграції, ще й тепер покликаються на свої зв'язки з підпіллям на Україні.

В своїх пресових органах вони ложно інформують еміграцію про діяльність підпільних організацій на Україні і т. п. Все це свідомий обман.

Мені, бувшому провіднику ОУН на українських землях, Головнокомандуючому УПА, Генеральному секретарю УГВР, який весь час перебуває на рідних землях, очевидно, краще знати, чи є підпілля на Україні, чи його немає. Я вважаю своїм обов'язком заявити перед лицем всієї української еміграції за кордоном, що вже багато років тому підпілля на Україні не стало, і сьогодні, — я підкреслюю з повною відвертістю, — для його виникнення немає жодного ґрунту.

Я щиро бажаю, щоб ви, дорогі мої земляки і друзі, зрозуміли цю істину і зробили з цього належні висновки. Боротьба не іграшка, не спортивні вправи, і вона не може бути са-

моціллю, поскільки за неї доводиться платити найдорожчим для людини — життям.

Антирадянська діяльність українських націоналістів за кордоном приречена на провал, бо немає сьогодні таких сил за кордоном, ні тим більше всередині Радянського Союзу, що могли б в якій-небудь мірі насильно змінити існуючий суспільно-політичний лад в СРСР, чи тільки в одній з радянських республік.

Український народ, як і інші народи СРСР і країн народної демократії, всяку спробу повернення до старих порядків зустрінне вороже і буде всіма засобами захищати те, що йому дала Радянська влада.

Спроби активізувати підривну діяльність всередині СРСР при допомозі засланих для цієї цілі осіб кінчаються і в дальшому будуть кінчатися тільки провалом. Про це яскраво свідчить випадок з американськими літаками, про що вам відомо з радянської та чужинецької преси. Неусвідомлення цих фактів веде еміграцію до трагічних помилок, які, в свою чергу, приводять до ще трагічних наслідків.

Друзі! Не зв'язуйтеся ні з якою діяльністю проти нашого народу, не дозволяйте себе далі обманювати і використовувати в чужих для вас самих і вашого народу інтересах. Всю свою діяльність на еміграції спрямовуйте на те, щоб не закривати собі шлях на батьківщину.

Зі щирим привітом і повагою *В. Кук*

1960 р.

До членів і симпатиків ОУН та до всіх українців, які живуть поза межами рідної землі

Звертається до вас громадянин Української Радянської Соціалістичної Республіки Мирон Васильович МАТВИЙКО, бувший член Проводу, керівник референтури Служби Безпеки, керівник референтури Крайового зв'язку т. зв. закордонних частин ОУН, який в 1951 році по завданню Проводу і особисто Бандери прибув на Україну нелегальним шляхом для налагодження зв'язку з керівництвом оунівського підпілля і передачі йому свіжих вказівок і замовлень по веденню шпигунства проти Радянського Союзу.

Я народився в 1914 році в с. Беремівці Зборівського району Тернопільської області, в сім'ї священика. Вступаючи в 1930 році шістнадцятирічним хлопцем в лави юнацтва ОУН у Львові, свято вірив, як і багато українських юнаків і дівчат того часу, в те, що ОУН і її тодішній вождь Євген Коновалець покликані самим Провидінням Божим дати визволення нашій Батьківщині — Західно-Українським землям з-під гноблення польських панів і капіталістів, покликані створити Українську Самостійну Соборну державу. З того часу я пройшов шлях в націоналістичній організації — від члена-юнака до члена Проводу ЗЧ ОУН... Я був серед тих, хто очолював організацію; я бачив її гасла, її діла. Я в свій час разом з Бандерою, Стецьком, Ленкавським, Лебедем та іншими чоловіками діячами творив її політику і таким чином мав можливість бачити ОУН з середини, такою, якою вона є в сердовищі її зверхників.

Більш ніж половину свого життя, свою юність, свою молодість, найкращі роки зрілого віку я віддав справі здійснення націоналістичних кличів і ідей. І ось сьогодні, звертаючись зараз до вас, дорогі земляки, я оглядаюсь на пройдений шлях, ставши обабіч нього. Він не привів мене до жаданої мети, і що характерно, чим вище я піднімався шаблями оунівської драбини, тим менше залишалось націоналістичної політичної романтики. Діставшись вищого щабля і опинившись на Україні, я зрозумів, що кращі поривання молодості пропали задарма. Куди більше, з великою прикрістю доводиться констатувати, що довгі роки перебування в лавах ОУН, хотів я того чи не хотів, вийшли на велику шкоду інтересам українського народу.

Цілком природно, ви можете запитати мене, чому саме? Хочу відповісти вам. Коли боротьбу українців проти окупантів Західної України в дорадянські часи хоча під націоналістичними гаслами аж ніяк не можна вважати злочинною, то діяльність керівників ОУН Коновальця, Бандери, Мельника, Шухевича вже в той час була злочином супроти українського народу. Вони, спекуючи на національних почуттях і прагненнях західних українців, вже тоді зв'язали себе і всю ОУН з гітлерівським гестапо і «Абвером».

Проте, найбільшим злочином треба вважати всю діяльність ОУН проти Радянської влади, коли західно-українські землі були звільнені від ворогів і ввійшли до складу Української Радянської Соціалістичної Республіки.

Так довго, доки я особисто не мав можливості переконатися в тому, що боротьба ОУН проти Радянської влади в Україні велася по наказам націоналістичних вождів і провідників, в догіддя і насправді в ім'я інтересів ворогів українського народу, я сам, вихований змалку на тенденційно-брехливій пропаганді в антирадянському, ненависницькому дусі, вірив, як і багато дехто з вас можливо вірить ще й сьогодні, в доцільність і потребу такої боротьби, яка, мовляв, повинна «звільнити» український народ. Від чого звільнити? — задайте собі таке питання. Від дійсної волі, рівності та братерства, які здобув український народ завдяки Радянській владі?

Не знаючи, а то й вперто й не бажаючи знати фактичної правди про радянську дійсність, я вірив в те, що тільки ОУН принесе щастя українському народу. Хоч соромно за себе, проте, в ім'я правди доведеться признатися, що повинен би був скоріше зрозуміти всю злочинність Проводу ОУН, бо таких фактів я знав безліч, і відрізнити удавану політику від звичайної низької шпигунської його роботи. В своїй неоправданій ненависті до всього радянського і сліпо вірячи в добрі наміри націоналістичних світочів, подібно як, можливо, і всі ви, вважав, що всі засоби в боротьбі проти Радянської влади, а в тій черзі зв'язки Проводу ОУН з чужоземними розвідками, є виправданими і доведуть до цілі. Як би красиво не писали націоналістичні провідники в газетах і трактатах про високі ідеї та боротьбу, на котру вони закликають членів організації, а насправді кожний зверхник працював і працює на якусь розвідку, а всі внутрішні незгоди, всі розколи — це результат гризні за право стояти якомога ближче до ситого корита. Так воно було, так воно є. Я сам своїми очима спостерігав цю діяльність продовж багатьох років, починаючи з того часу, коли я працював в референтурі закордонних зв'язків, очолюваної Лебедем під час гітлерівської окупації України, а особливо після закінчення другої світової війни.

Я свідок так званої «закордонної політики», цебто агентурних зв'язків Миколи Лебеда, Івана Гриньоха з гітлерівським гестапо та з румунсько-королівською сігуранцею, з мадьярською та іншими розвідками, через посередництво яких вони вже тоді домагалися зв'язатися з англійською «Інтелідженс Сервіс».

Я стверджую співпрацю Бандери, Стецька, Гриньоха, Стахова Володимира, Лопатинського Юрія, Васьковича Осипа і Тюшки з гітлерівською розвідкою аж до останнього віддиху III рай-

ху. Ви пам'ятаєте, панове, шановні «голово» Стецько, «міністре» Стахів В., «віце-президенте» Гриньох, як в той час, коли вже труївся доктор Гебельс, ви їхали на машинах німецької розвідки в товаристві представника німецької «Абвер» доктора Феля та його помічників в Баварський ліс, щоб очолити антирадянський відділ організованої Гімmlером німецької партизанки «Вервольф»? Якщо ви призабули, пане Стецько, то я нагадаю вам про те, що саме я, Мирон Матвієйко, перев'язував вам рани, які ви отримали від розривних куль під час обстрілу німецьких машин літаками ваших теперішніх американських друзів.

Про цей факт і ваші рани, пане Стецько, знають більше людей, в тому числі і відомий лікар Борис Андріївський.

Хто може заперечити з вас, панове, такий безпрецедентний факт про те, як Гімmlер, чуючи уже загибель III райху і бажаючи врятувати свою шкіру, передавав англо-американській розвідці всю свою антирадянську агентуру, а також зв'язки до Проводу ОУН, штабу УПА, Генерального секретаріату УГВР на чолі з Шухевичем, Бандерою, Стецьком, Лебедем, Гриньохом та іншими?

Зразу ж після закінчення другої світової війни, коли трудящі Радянської України, переборюючи небачені труднощі, розруху, часом недоїдаючи і недосипаючи, заліковували рани, заподіяні фашистами, проводирі українських націоналістів посилили свою злочинницьку діяльність, змінивши своїх гітлерівських шефів на теперішніх американських, боннських і навіть франкістських та чанкайшістських хлібодавців.

В основу своєї політичної діяльності Бандера, Шухевич, Стецько, Лебідь, Гриньох та інші поклали шпигунство проти рідної Батьківщини — Української Радянської Соціалістичної Республіки. За збирання вісток про політичне, економічне, суспільне і військове положення Радянської України в підпільних умовах низові члени ОУН на українських землях, обдурені і залякані бандерівською верхівкою, платили власною кров'ю, а їхні провідники за кордоном продавали цю кров за долари і за будь-яку іншу валюту на міжнародній шпигунській біржі, де панує закон: хто дав більше, той і є власником товару.

Коли український народ покінчив зрештками націоналістичного підпілля, спровокованого в Україні гітлерівцями та їх помічниками, націоналістичні лідери за кордоном, бажаючи показати перед західним світом і українською еміграційною

громадськістю наявність нібито «визвольного руху» в Україні проти Радянської влади, почали засилати групи обдурених українців, яким вбивали в голову про визволення українського народу. А насправді всі заслані групи фактично повинні були розбудувати шпигунську сітку для імперіалістичних розвідок.

Але не тільки «ідейним знаряддям» користуються націоналістичні боси, залучаючи до шпигунської роботи українців на Заході, вербуючи їх в Західній Німеччині, Англії, США, Італії та інших країнах т. з. «вільного світу». Більшість людей, що їх вони продавали американській, англійській та іншим розвідшколам, були українці, доведені до страшного спустошення і безнадійності злиденним існуванням на еміграції.

Тепер хочу сказати про себе, про те, як я, один з керівних членів Проводу ЗЧ ОУН, який жив до 1951 року зі своєю дружиною в Мюнхені, потрапив на Україну.

Для більш-менш свідомих членів в організації українських націоналістів добре відомі джерела здобутку грошей на антирадянську підривну роботу проти Союзу РСР.

Цими джерелами є розвідки імперіалістичних держав і в першу чергу США. Робота проти Радянського Союзу і країн народної демократії, ким би вона де провадилась на Заході, всіляко захвалювалась з першого ж дня по війні. Ці обставини в повній мірі були використані Проводом ЗЧ ОУН, який давав за гроші детальні інформаційні матеріали про Україну, видавав терористичні виступи окремих націоналістично настроєних осіб, які входили до озброєних груп в західних областях України, як рух, причому навіть революційний, проти Радянської влади. Але, якщо в перші повоєнні роки на підтримку цих «революційних дій» американська розвідка досить щедро давала гроші, то з протягом часу вона жадала мати все більше і більше конкретних відомостей про положення на Україні. Вже в 1950 році перед Проводом ЗЧ ОУН встало питання про дістання потрібних капіталістичним розвідкам шпигунських даних про Радянський Союз. Ці дані треба було за всяку ціну дістати, чого не можна було зробити при існуючому в той час положенні.

Бандера і Стецько, які знали, що ніякого підпілля на Україні немає, вирішили послати мене на Україну для того, щоб передати в ЗЧ ОУН відомості про нібито діюче підпілля і нібито існуючий Провід ОУН на західноукраїнських землях. Це, на думку Бандери і Стецька, дало б їм можливість гендлювати цими

«інформаціями» перед чужоземними розвідками і отримувати за них гроші. Для мене було абсолютно ясним, що Бандера й Стецько приносять мене в жертву своїм особистим інтересам і інтересам капіталістичних розвідок, але, побоюючись розправи на випадок відмови, я дав згоду виконати їх завдання, а коли прибув на Україну і побачив, що в дійсності ніякого підпілля немає, зразу ж зголосився до органів Державної Безпеки.

3 травня 1951 року по теперішній час я живу на рідній землі. За цей час я мав можливість наочно переконатися, наскільки мерзенною, брехливою і злочинною є діяльність націоналістичних центрів за кордоном та їх главарів. Як тяжкий кошмар, я згадую свою діяльність в т. зв. Службі Безпеки ЗЧ ОУН, котра в угоду Бандері, Стецькові та другим членам Проводу була скерована проти українського народу і української еміграції.

Яке ж дійсне становище в Україні, що з ним я зустрівся чоловічоло, ще як тільки моя нога, ідучи стежками злочинів Проводу ЗЧ ОУН і Бандери, ступила на килим рідних лісів і полів?

Я переконався, що дійсність, серед якої живе український народ, переходить всі сподівання, що з кожним днем переростає найсміливіші мрії.

При перших кроках на рідній землі я побачив всю безглуздість зловмисної брехні про занепад української економіки, про голод і злидні робітників і колгоспників.

Я — живий свідок тих колосальних досягнень, які заіснували в Радянському Союзі і в УРСР. Все це є результатом усіх колосальних заходів, що їх провів Радянський Уряд і які отримали загальне схвалення і вдячність всього українського народу, а зокрема, населення західних областей.

Грандіозна розбудова промислових центрів всієї України, як теж Західної, особливо вугільних, газових і нафтових басейнів, спорудження численних гідро-, теплоелектростанцій, відбудова знищених і побудова нових міст, небувалий розвиток економіки і піднесення сільського господарства висунули Радянську Україну далеко вперед перед багатьма країнами Західної Європи.

Активна діяльність Радянської України на міжнародному форумі, як однієї з засновників Організації Об'єднаних Націй, участь України в міжнародних виставках, а в тій черзі в Марселі, блискучі успіхи українських республіканських хорових і

танцювальних ансамблів — це беззаперечний атестат суверенності Радянської України.

Таким чином сама радянська дійсність показала, що на Україні не може бути ґрунту для існування націоналістичного підпілля, а тим більше для підривної роботи шпигунської диверсійних груп, що їх засилається з-за кордону.

Що це так, красномовно свідчить відоме вам з преси та радіо звернення Кука Василя Степановича до Ярослава Стецька, Миколи Лебеда, Степана Ленкавського, Дарії Ребет, Івана Гриньоха та до всіх українців, що живуть за кордоном.

Можливо дехто з вас має деякі сумніви щодо розповіді Кука про дійсне положення на Україні, то я ще раз хочу ствердити, що це правда, і сказати з цього приводу декілька слів.

Давно вже всі, хто засліплений в свій час гаслами націоналістичних провідників, вірячи, що ті насправді кличуть на чесний бій український народ, розібралися що до чого, переконались, що їх найкращі сподівання впроможі здійснити лише Радянська влада, і зараз залюбки трудяться, щоб піднести в славі свою Батьківщину. Цієї правди бояться главари ОУН і роблять все можливе, щоб приховати її перед членством, й тому не дивно, що навіть я, член Проводу, став жертвою обману Бандери, Стецька, Ленкавського і тієї брехливої пропаганди, співавтором якої в свій час був і я, яка продовж років кричить про невдоволення українського народу рідною владою, про масові репресії і розстріли, про голод і злидні на Україні. А що вже говорити про низових націоналістів і всю трудову українську еміграцію, які ще й сьогодні знаходяться в полоні цього організованого злочинного обману.

Зустрівшись віч-на-віч з щастям українського народу, яке він осягнув в Радянській Батьківщині, я прийшов до твердого висновку, що найважчим злочином було б руйнувати його, як цього вимагали постійно від мене і інших Бандера, Стецько, Підгайний і Провід ЗЧ ОУН.

Я зрозумів, що той, хто бажає щастя власному народові, не сміє виконувати накази тільки цих політичних авантюристів, які жонглюючи перед очима членів і симпатиків ОУН високопарними гаслами про боротьбу за самостійну Україну, насправді розчинили і розмісили багно розколів, гризні, міжусобиць, щоб тільки задовольнити власні вождівські амбіції та пристрасті і в такий спосіб мати змогу перекочувати від аме-

риканської розвідки до англійської, від англійської до італійської, а там ще й до боннської і наввипередки один перед другим стати торговцями-продавцями живого товару — голів своїх друзів.

Через те я, бувший член Проводу ЗЧ ОУН, який продовж років був невідступним співпрацівником Лебеда, Гриньоха, Бандери, Стецька, Ленкавського і якому було доручено зміцнити рештки націоналістичного підпілля в Україні, в ім'я правди перед совістю народу, власною і перед вашою, дорогі друзі, заявляю, що вже майже від десятка років ніяких навіть решток націоналістичного підпілля не було й немає. Український народ прозрів, зненавидивши ОУН і УПА за всі ті лихоліття і страждання, принесені йому в попередні роки групами націоналістів-терористів, які виконували волю німецьких фашистів, а пізніше американських імперіалістів.

Через те, я хочу ще раз ствердити, що всі, хто розпинається про наявність ще сьогодні хоч би і розбитків націоналістичного підпілля в Західній Україні, всі ті, які вдавалися і вдаються до обману еміграційної громадськості про існування боротьби в Україні — це насправді найзапекліші вороги українського народу. Вони своїм підлим обманом хотіли і хочуть переконати широкі еміграційні маси про саму потребу такої боротьби, прагнули і прагнуть спровокувати їх на підривну діяльність проти Батьківщини, а самим поживитися досхочу на цьому і добитися кар'єри перших холуїв у ворогів українського народу. Ось кому завдячують свою неславну загибель багато з тих, які, давшись зловитись на гачок націоналістичного обману, гонимі злиденим еміграційним життям, пішли на Україну зі зброєю в руках.

Такою є правда про всі дії керівних органів і самих націоналістичних формацій ОУН, від ранніх початків їх існування.

І я маю потребу довести до вашого відома, дорогі мої друзі і співвітчизники, і це перш за все задля вашого-таки добра. Звичайно, в один раз не розкажеш про всі колізії в Проводі, починаючи з гризні за портфелі і кінчаючи розпустою провідних членів ОУН, які я мав змогу на власні очі бачити і на що, як можливо і дехто з вас зараз, не звертав уваги. Але про це я буду ще мати нагоду розповісти вам, дорогі земляки.

Я хотів би вірити, що ніхто з Вас, дорогі друзі, не стане крокувати стежками злочинів, що їх визначають ще сьогодні Провід ЗЧ ОУН, президія ЗП УГВР, АБН і всі інші націоналістичні

формації, кидаючи вас в обійми ворожих розвідок, даючи вам завдання займатися шпигунством проти рідної Батьківщини — Української Радянської Соціалістичної Республіки.

З щирим бажанням вам щастя — *Мирон Матвієйко*.
Київ, 1960 рік

Діяльність оун — злочин проти українського народу

*Розповідь колишнього оунівського провідника
Василя Михайловича Галаси*

Моє життя було тісно пов'язане з українським націоналізмом. Ще сімнадцятирічним юнаком мене залучили до роботи в ОУН.

Народився я 1920 року в селі Білокриниця на Тернопільщині, в бідній селянській сім'ї. Мали ми лише руки до праці. Батька свого я не пам'ятаю, він помер молодим. Мати куховарила в людей — ходила по наймах. Зрозуміло, що жили ми в злиднях. Діти, як тільки підростали, також йшли в найми. Така доля спіткала й мене.

Змалку заздрих я тим дітям, що мали змогу вчитися. А я закінчив лише три класи. Хазяїну було зовсім не до вподоби моє ходіння до школи. Куркуль — це не добрий дядечко. Шкіру з м'ясом ладен стягти він з наймита.

А коли траплялась вільна година, найбільшою насолодою було для мене читати книжки. Справжня молодість не буває без романтики. З захопленням читав я про славних лицарів-козаків, що боронили свободу рідного краю, мріяв про подвиги.

Економічне і політичне становище українців під владою панської Польщі було тяжке. Рік у рік зростали національні обмеження, дедалі нестерпнішим ставав шовінізм польських правлячих верств. Все це штовхало мене на боротьбу за краще майбутнє своїх земляків.

У 30-і роки в селі Олесин на Тернопільщині, де я тоді проживав, широко провадили свою роботу українські націоналісти. Особливу увагу звертали вони на залучення до лав ОУН молоді. Один із верховодів місцевої ОУН помітив мій потяг до громадської діяльності. В 1937 році він рекомендував мене до організації. Формування мого політичного світогляду формува-

лося під безпосереднім впливом націоналістичної ідеології. Широ повіривши, що ОУН має на меті благородні діла, я активно включився в її роботу.

Моя старанність і запал не залишилися непоміченими. Минув рік, і мені доручили керувати місцевою молодіжною організацією «Юнацтво». Пізніше я очолював Тернопільський повітовий, а згодом — окружний проводи, керував Човтківським і Бережанським окружними проводами. В 1943 році, за особистою вказівкою члена центрального проводу ОУН Романа Шухевича, мене було призначено керівником Перемишлянського обласного проводу ОУН, що безпосередньо підпорядковувався члену центрального проводу ОУН Ярославові Старуху.

На початку 1945 року я очолив референтуру новоствореного на території Польщі так званого Закерзонського крайового проводу. Після ліквідації оунівського підпілля на польських землях був делегатом центрального проводу ОУН, а потім очолив все націоналістичне підпілля на ПЗУЗ (Північно-Західні українські землі). Мене було введено до складу центрального проводу ОУН і УГВР (Українська Головна Визвольна Рада). Крім того, певний час в званні полковника я вважався виконуючим обов'язки командира УПА «Північ» (невдовзі по війні ця «армія» була знищена і існувала лише на папері, в окозамилювальних звітах закордонного керівництва ОУН іноземним розвідкам).

Багато хто з українських націоналістів знає мене під псевдами «Орлан», «Орест», «Назар», за літературним псевдонімом «Зенон Савченко» та іншими.

Такий стислий виклад мого націоналістичного життєпису.

І от тепер, після відбуття покарання за ворожу українському народові діяльність, після довгих роздумів над своїм минулим і глибокого ознайомлення з радянською дійсністю, з життям українського народу, я, колишній кадровий український націоналіст, прийшов до остаточного і безсумнівного висновку. **Діяльність ОУН — то злочин проти українського народу, а моя особиста участь в ній — трагічна помилка.** Сумління моє обтяжене всім учиненим українськими націоналістами.

Відтоді, як я розібрався в цьому дуже складному для мене питанні, я сказав собі, що, скільки є моїх сил, протидіятиму українському націоналізму, викриватиму його антинародне злочинне єство. В зв'язку з цим розповідь, чому і як я вирішив раз

і назавжди порвати з українським націоналізмом і стати на інтернаціональну, радянську платформу. Ще в підпіллі, а особливо під час ув'язнення, мозок мій точили думки, в ім'я ж чого лилася братня кров, чинилася невинувинувана жорстокість. Факти звірячої розправи ОУН над своїми жертвами до самої смерті стоятимуть у мене перед очима страшним маревом. У чому, скажіть, були винні немовлята, яким бандерівці розтросували голови об одвірки? Пригадується мені розповідь про нелюдський вчинок одного бойовика на Ровенщині. Цей виродок вирішив помститися дівчині — колгоспній активістці, до якої марно залицявся. Пізно ввечері він увірвався до неї в хату і намагався її згвалтувати. Дівчина відчайдушно захищалась. Тоді озвірілий садист зв'язав свою жертву і вирізав з її грудей серце. Він настромив його, ще гаряче, на шомпол і, крутячи наче рожном, весело наспівував: «Мене вірно люби, серце моє!».

Звірячі «методи роботи» служби безпеки відомі всім. Хто спробує доводити, що мої слова — неправда, тому я рішуче кажу «зась». Що там заперечувати дикі розправи СБ над радянськими людьми, коли навіть «своїх — націоналістів, безпідставно запідозрених у співпраці з радянською владою, есбісти піддавали таким нещадним мукам, які важко собі уявити.

А який страшний самосуд чинили окремі провідники! Так, тремтячи за свою шкуру, відомий націоналістичний ватажок «Смок» без суда і слідства перестріляв процентів вісімдесят підлеглих йому бойовиків. Побоюючись, щоб була хто не виказав органам безпеки його схрону, «Смок» ліквідував як підозрілі цілі боївки. Прикривався він тим, що, мовляв, конспірація вимагає жертв і треба їх принести.

До таких засобів «остороги» вдавався і карпатський крайовий провідник, особистий приятель Бандери «Роберт», на прізвище Мельник. Такі випадки були не поодинокі і гнітили мене.

Поряд з цим, вже у підпіллі, росло моє обурення тим, що керівники ОУН підтримують зв'язки з іноземними розвідками і виконують їхні завдання. Хоч оунівські ватажки старанно приховували свої стосунки з імперіалістичними державами, чутки про це ширилися серед рядових підпільників. Спочатку я не хотів вірити перешіптуванню. Пізніше, коли я сам опинився в провідниках, у ряді випадків мене особисто було поінформовано про зв'язки ОУН з іноземними розвідками. Так, в 1944 році на території Закерзоння, яке вже було звільнене Радянсь-

кою Армією від гітлерівських посіпак, раптово з'явився «Калина» — воєнний діяч ОУН Юрій Лопатинський. З цієї нагоди член центрального проводу ОУН Старух повідомив мене, що «Калина» з групою в кілька чоловік зкинута з німецького літака в радянський тил для проведення розвідчої діяльності.

В 1946 році, за вказівкою Старуха, мій зв'язковий Зіновія Химко була направлена до англійського посольства у Варшаві з інформаційними матеріалами про роботу ОУН на Україні і в Польщі. Пізніше я дізнався, що мала також місце спроба направити оунівського зв'язкового до американського посольства в Москві.

Один з тодішніх керівників ОУН, член центрального проводу «Леміш» — Кук довірчо розповів мені, що з американської зони Німеччини прилітав літак, яким на Україну прибув член центрального проводу ОУН Охрімівич. Останній привіз матеріали про спірку в ЗЧ ОУН, націоналістичну літературу, гроші тощо.

На закінчення Кук сказав, що за надану допомогу американці вимагають розрахуватися з ними розвідчими даними про Радянський Союз. Я тоді навідріз відмовився давати такі дані іноземній розвідці і заявив, що вважаю це негідним. Кук погодився зі мною, але тут же зазначив, що Охрімівич одержав від американців особисте розвідче завдання і має намір повністю його виконати.

З того факту я зрозумів — провідники ОУН за кордоном змінили німецький Абвер, який перестав існувати, на нових хазяїв. Вони продались самі і продають українську «справу» американській та іншим розвідкам. Перевага віддається тому, хто більше заплатить.

Коли націоналістичне підпілля перестало існувати і на території Західної України залишилися поодинокі бункери, в яких відсиджувалися окремі бойовики, багато з них, як і я, замислювались над становищем, що склалося, над своїм минулим і майбутнім.

В цей час у багатьох підпільників націоналістична ідеологія зазнавала краху. Ті з них, що зрозуміли безперспективність антирадянської націоналістичної діяльності і її помилковість, поривають з націоналізмом. Одні приходять з повинною до органів Радянської влади. Інші з відчаю розв'язали це питання кулею в голову.

Були й такі, що втратили інтерес до життя, здичавіли і не мали сил волі щось вдіяти. Знаючи ціну своїм злочинам і не розраховуючи на милість, вони вважали за краще живцем поховати себе в бункері.

Невдовзі по війні те, що провідники ОУН за кордоном у своїх звітах іноземним розвідкам та в пресі називали «націоналістичним підпіллям», мало жалюгідний вигляд. Повністю втративши будь-які зв'язки між собою та із зовнішнім світом, виснажені морально, нервово і фізично, поодинокі бойовики безцільно відсиджувалися в схронах, поки їх не сягала караюча рука народу. Я був захоплений органами Радянської влади саме в такий час. Мене було заслужено покарано. Радянське правосуддя гуманно поставилось навіть до мене. Я був достроково звільнений з ув'язнення.

Коли я вийшов на свободу, на серці продовжував лежати тягар. Роки ув'язнення не могли спокутувати вчиненого мною, як і повністю змінили мої погляди.

Я віддав підпіллю більшу половину свого свідомого життя. І в той час, безперечно, щиро вірив ідеям і програмі українських націоналістів. Навіть добре знаючи численні негативні сторони націоналізму, які викликали в мене обурення, я все-таки не одразу звільнився від націоналістичної полуди і, зокрема, ворожого ставлення до Радянської влади. Це прийшло значно пізніше. Після того, як я багато передумав, а головне, коли я по-справжньому, після звільнення з ув'язнення, пізнав радянську дійсність. А вона на кожному кроці нещадно руйнувала мої колишні погляди. Протягом кількох років мені довелося бути в містах і селах східних і західних областей України. Я на власні очі бачив гіганти-заводи і велетенські електро-станції. Я бачив робітничі квартали нових міст з рядами прекрасних житлових будинків, десятки і десятки підйомних кранів, що гордо височать над численними новобудовами. Бачив я нові українські хати-будинки, криті замість соломи шифером або бляхою. Побував у театрах і колгоспних палацах культури, в школах і лікарнях. Тільки сліпий може не бачити, що Радянська влада принесла населенню західних областей України нове щасливе життя. Дедалі міцніють колгоспи, з кожним роком заможніше стає в хаті селянина. Всі діти охоплені шкільним навчанням. Місцева молодь вивчає науки в технікумах, інститутах та університетах, десятки яких створені за роки

Радянської влади в Західній Україні. Невпізнаним став мій рідний край — Тернопільщина. Другу, справжню молодість переживає Тернопіль. На місці суцільних згарищ і руїн, що залишили по собі гітлерівці, вирости прекрасні новобудови заводів і фабрик, учбові корпуси наукових закладів, масиви житлових будинків. У центрі міста височить велика споруда Тернопільського драматичного театру імені Т. Г. Шевченка, побудовано просторий залізничний вокзал.

Щоб багато не говорити про сільськогосподарське виробництво, наведу лише один факт. У колгоспі «Перемога» Борщівського району техніки зараз більше, ніж було її на 1939 рік в усьому Тернопільському воєводстві. Колись в надзбручанській стороні освічених людей по пальцях можна було перелічити. А сьогодні сотні юнаків і дівчат навчаються в Тернопільському медичному і Кременецькому педагогічному інститутах. Діє філіал Львівського політехнічного інституту, в якому налічується 600 студентів. Багато молоді охоплено навчанням у спеціальних середніх наукових закладах.

На власні очі я переконався, що пульс життя в країні б'ється сильно, чітко, ритмічно. На обличчях людей — впевненість, бадьорість. Всюди вдосталь промислових і продовольчих товарів.

Найбільш цінне для мене, що я знайшов, — це це ключ до розуміння радянської дійсності. Радянські люди є справжніми господарями і творцями своєї долі, вільними громадянами з надзвичайно розвиненим почуттям власної гідності. Я впевнився, що радянські люди вірять в ідеї комунізму, прагнуть миру, підтримують свою Комуністичну партію і уряд. Радянський народ успішно будує комуністичне суспільство і незабаром матиме найкраще в світі життя.

Коли я все це зрозумів, переді мною гостро постало питання про моє місце в житті. Я твердо вирішив стати повноцінним членом радянського суспільства, здобути право називатися людиною з чистою совістю.

Ще у 1939 році, звільняючи мене з-під арешту, представники радянської влади сказали мені: «Йди в школу, йди в університет. Радянська влада для таких, як ти. В цьому тебе переконає життя».

Тоді я не обміркував цих слів і повернувся в підпілля. Помилка, за яку довелося так жорстоко розплачуватися. І от те-

пер, коли минуло більше двох десятиків років, життя таки переконало мене в правоті цих слів.

Я, колишній націоналіст і оунівський провідник, прийшов працювати на завод, де зустрів чуйне ставлення до себе з боку робітників. Одержав квартиру, виховую сина, який раніше, в роки підпілля, навіть не знав про моє існування. Після напруженої підготовки екстерном склав іспити на десять класів середньої школи. Зараз заочно навчаюсь в інституті. Сподіваюсь стати кваліфікованим спеціалістом народного господарства.

Ступивши на правильний шлях, я вважаю себе зобов'язаним поділитися деякими своїми думками, що викривають антинародний характер українського націоналізму і його злочинний антирадянський зміст.

На мою думку, форма державної незалежності українського народу, яка існує в братньому Радянському Союзі, цілком задовольняє громадян УРСР. Коли так, то нічого еміграційній націоналістичній меншості нав'язувати абсолютній більшості народу ідеї українського націоналізму і, зокрема, відокремленості.

Щодо суспільного ладу Радянської України, то, думаю, для всякої прогресивно настроєної людини ясно: соціалістичний лад — єдиний суспільний лад, який забезпечує повний і всебічний розвиток народу.

Український народ добре знає вовче обличчя націоналізму і його ідейних провідників за кордоном, які всіляко намагаються перешкодити нашому щасливому життю, виступають із закликами до війни проти Радянського Союзу і загрожують розпалити на Україні братовбивчу боротьбу. Зрозуміло, як ставиться український народ до українських націоналістів. Він гнівно таврує їхню антинародну діяльність.

Мені довелося пройти тернистий життєвий шлях. Внаслідок омани потрапивши в табір ворогів українського народу, я пережив велику трагедію, коли зрозумів свою помилку і знайшов своє справжнє місце в житті. Тому я не можу мовчати і допустити, щоб нові жертви, подібно до мене, потрапили в тента націоналістичних пройдисвітів за кордоном. Прочитавши мою сповідь, хай також замисляться над своєю позицією ті українські емігранти, які ще досі перебувають під впливом українських націоналістів. Я гадаю, що жодна чесна і мисляча людина ніколи свідомо не піде проти свого народу. Вона, як тільки

зрозуміє свою помилку, повинна рішуче порвати з українським націоналізмом і середовищем, що його проповідує. Діяльність, які проводять за кордоном націоналісти проти українського народу — політичне безумство. З цим треба кінчати!

«Вісті з України», серпень 1963 р.

Доларова афера

Невже ж йдеться про сенсаційну аферу, головною дійовою особою якої був спритний спекулянт-аферист, вірніше — просто злодій?

Слово «сенсаційна» для афери, про яку піде мова — дуже делікатне.

Зрештою, читач сам зможе підібрати найкраще окреслення, коли з рядків цієї статті дізнається, що мова йде про небуденного спеціаліста чорних ринків міжнародного масштабу, фальшивника доларів, про людину, яка ще й тепер претендує на становище керівника української націоналістичної закордонної «політики».

...Так, саме Лебедь Микола. Цей «Ярополк окаянный», послухавшись нашіптувань свого безглузлого розуму, дописав до сторінок «історії» оунівського табору нові ганьблячі рядки, як ініціатор створення друкарні фальшивих доларів.

Подумати тільки: ЗЧ ОУН — така «політична» організація — і фальшивня доларів!!!

...А в тім, чи це може викликати здивування, коли «політичні» горизонти ЗЧ ОУН спрямовувались такими «політичними» ділками, як Лебедь Микола — цей майстер темних справ, який не раз доводив націоналістичний табір до грандіозних скандалів.

Як відомо, секретар закордонних справ УГВР і провідник референтури закордонних зв'язків ОУН Микола Лебедь, зв'язавши в останні місяці окупації України «самостійну» політику ганьбним союзом з фашистською військовою розвідкою — Абвером, як п'яте коліща до розбитого воза конаючого гітлерівського Райху, ледве сам зі своєю ріднею і своїм штабом докотився на цьому коліщаті до вічного міста — Рима.

І це коліща, гнане подувом нелюдського жаху, зупинилось аж на порозі Ватикану.

У Ватикані знайшлися високі протектори, які наділи лебедеве коліща на вісь «надійнішого» воза американської політичної розвідки, хай уже не як п'яте, але як... надцяте, проте на «почесній» для націоналістичного табору осі, на якій ще й до сьогодні воно крутиться поряд з коліщатами недобитків білогвардійщини і керенщини... У перших повоєнних місяцях і роках Лебедь дуже частенько робив «політичні» вилазки до Мекки націонал-соціалізму — до Мюнхена (це місто провідник усієї ОУН Бандера і ЗП УГВРівці чомусь обрали як постій для себе і «проводу» та як центр усієї антирадянсько! діяльності).

...Вже давно ні для кого не є таємницею те, що саме стало кісткою незгоди, а пізніше — і постійних сварок між Бандерою та Лебедем.

Звичайно, не треба знати всіх подробиць, щоб зрозуміти, що основною причиною тієї незгоди, яка призвела до чергового розколу націоналістичний табір, були не якісь ідеологічно-програмові чи політичні розходження — кісткою незгоди була боротьба за право бути першим і єдиним репрезентантом «інтересів воюючої» (?) України перед американською політичною розвідкою. Так само як основною причиною першого розколу націоналістичного табору була оскаженіла гризня за право репрезентації таких же «інтересів» перед гітлерівцями. Висвітлення тодішнього становища не є темою цієї статті. Але все ж для кращого розуміння виникнення доларової афери доведеться бодай коротко пригадати деякі факти минулого.

Бандері, а ще більше Стецькові було дуже не на руку, що справами закордонної політики (читай: зв'язків з розвідками) відав... Микола Лебедь, який завжди міг послатися на свої повноваження, як секретаря закордонних справ, і діяти без контролю Бандери.

Виходило так, що до Лебеда, як до керівника референтури закордонних зв'язків ОУН, Бандера ще міг мати розгін, але як до секретаря закордонних справ УГВР — вже ні.

Отож Стецько, який сам мріяв зайняти місце Лебеда в УГВР і таким чином керувати зв'язками з чужими розвідками, намовляв Бандеру взяти Лебеда на хитрощі. Вони запропонували йому стати оперативним провідником ЗЧ ОУН нібито задля того, щоб замортузувати розкол, який уже з величезною швидкістю назрівав в ОУН. Насправді ж вони мріяли відгородити Лебеда від «зовнішніх» зв'язків, передавши їх Стецькові.

Лебедеві, який на початку назрівання конфлікту між Бандерою і ЗП УГВРівцями грав роль миротворця, випадало бодай робити вигляд, що він згодний таку пропозицію взяти як основу до виходу з імпасу. Він навіть зразу прийняв цю пропозицію і приступив до виконання обов'язків оперативного провідника, але коли мова зайшла про передачу його повноважень по «зовнішніх» зв'язках, то він зробив з цього предмет грубих торгів... Докладніше — стосовно своїх повноважень, як секретаря закордонних справ УГВР, він не погоджувався навіть на будь-яку дискусію, а торгувався тільки довкола повноважень керівника референтури закордонних зв'язків.

Звичайно, Лебедь, з свого боку, хотів перехитрити і Бандеру, і Стецька. Бажаючи тримати за собою ласий шматок — керівництво зв'язками з американською та іншими розвідками, — він не був далекий від того, щоб стати свого роду диктатором ЗЧ ОУН, скориставшись із самого конфлікту

Ці грубі торги і хитрування Бандери, Стецька і Лебеда впадали в очі всім, хто в будь-якій мірі мав до них відношення.

Наслідком таких обоюсторонніх хитрувань, як відомо, був кінець кінцем не тільки конфлікт, але й величезний розрив між Бандерою і Лебедем.

Напередодні того, як Лебедь зрозумів, що йому не вдасться перехитрити Бандеру та Стецька, і він уже готувався зректися поста оперативного провідника, я мав з ним розмову. Між іншим, я поставив йому запит, чому він береться таке робити, коли сам знає, що його згода залишиться оперативним провідником — це, по суті, чи не єдиний шанс, щоб не допустити до розколу?

Лебедь східно відповів, що Бандера хоче, щоб він, Лебедь, за пост оперативного провідника заплатив зреченням від керівника «зовнішньої» політикою, а це — надто велика ціна за врятування єдності.

Саме за цей невеличкий проміжок часу, коли Лебедь, бажаючи перехитрити Бандеру, виконував функції «оперативного провідника», він приступив до втілення своїх темних помислів.

Сливе чи не першим наказом Лебеда було доручення тодішньому господарчому теренового «проводу» в Німеччині Балієві закупити на чорному ринку для нього партію кокаїну та інших наркотиків, які Лебедь сам збирався перевезти в літаку американської розвідки як «дипломатичну пошту» до Рима.

Як відомо, Лебедь і Гриньох літали американським літаком з Мюнхена до Рима в товаристві Новака — свого шефа з американської політичної розвідки.

Тоді тільки я та ще деякі члени служби безпеки ЗЧ ОУН врятували від нечуваної компрометації націоналістичний табір, дізнавшись випадково, що агенти кримінальної поліції в Мюнхені тільки й чекають того моменту, коли Балій принесе гроші за замовлену партію наркотиків, щоб його зловити на гарячому

До речі, тоді Лебедеві не пощастило перевезти до Рима наркотики, зате іншим разом він перевіз туди цінне брильянтове кільце, яке забрав від «заарештованого» «службою безпеки» члена ОУН Чижевського Демида і на очах обурених цим с-бістів сховав у свій «міністерський» портфель. А відібрані у іншого «арештованого» Миколи Мурашка коштовні поштові знаки із зображенням Дольфуса та інше — теж пустив на чорний ринок Рима.

Те ж саме було і в Братиславі в останні місяці війни, де, поряд з співпрацею з Абвером, Лебедь організував масову купівлю-продаж польських злотих, американських доларів, золота, брильянтів та під-фальшованих гестапо фунтів стерлінгів; таке він продовжував робити і в перші роки після закінчення війни у Римі, Австрії та Мюнхені.

Це він, Микола Лебедь, винуватець у смерті члена ОУН Костюка Романа, який загинув від кулі австрійського прикордонника. Це він не раз посилав його з Мюнхена через кордон до Австрії займатися контрабандою, щоб поповнити свої особисті фонди.

Це Лебедь Микола, як оперативний провідник, дав наказ тодішньому керівникові «технічного звена» Васьковичеві Осипові організувати (у великій таємниці від усього членства) нелегальну друкарню фальшивих доларів у Мюнхені на Фюріхштрассе. І Васькович втілює у життя злочинні помисли Лебедею, зреалізувавши їх продовж півтора чи двох років, спершу під керівництвом самого таки Лебедею, а пізніше — вже під керівництвом і наглядом Тюшки та за відомом Бандери.

Таким чином, факт лишається фактом: це Микола Лебедь надав ЗЧ ОУН, які весь час претендували бути політичним керівником усієї української еміграції і навіть репрезентувати перед чужинцями «інтереси» українського народу, хотіли цього їх члени чи ні, — тавро фальшивомонетчиків — підроблювачів доларів.

Для чого було потрібно Лебедеві зв'язувати ОУН з фальшуванням доларів саме тоді, коли якраз відчинилися джерела, які повинні були справжнім доларовим потоком вливатися в кишені ОУН і коли ще «золотий, брильянтовий фонд» ОУН не був розкрадений?

Мимохіть напрошується думка: мабуть, Лебедь уже тоді передбачав, що фальшиві долари — його дітище — стануть йому в пригоді у вирішальний момент, як ніж, якого він вбив-таки в спину планам Бандери.

На фоні тільки цього останнього факту (про який докладніше буде сказано далі) хіба не вимальовується справжнє обличчя цього «проводиря», духовного батька бандерівської підпільної друкарні фальшивих доларів!

Другий акт доларової афери розігрався вже у 1948 році — тоді, коли насправді дійшло до розриву між Бандерою і Лебедем, тобто між ЗЧ ОУН і ЗП УГВР.

На той час Бандера, не потрапивши викинути Лебеда і Гриньоха з крісел обер-резидентів американської політичної розвідки, робив різні кроки, щоб позбавити їх ґрунту під ногами.

А щоб насолити політичній розвідці, яка взяла їх обох під свої опікуючі крила, Бандера вирішив доручити своїм представникам налагодити зв'язки з американською військовою розвідкою.

На той час представники Бандери могли дістатися до військової розвідки тільки через колишніх «союзників» Бандери — офіцерів гітлерівського Абверу, більша частина якого після війни, як відомо, увійшла із своїми штабами, відділами і, що головне, агентурою... як складова, притому ядра частина, в лави американської військової розвідки.

Своїм головним представником в торзі з розвідкою Бандера, за порадою свого побратима Тюшки Осипа, призначив Марійку Рибчук, яка на той час була вже дружиною судді ЗЧ ОУН. Він доручив їй заступати інтереси ЗЧ перед головним резидентом американської військової розвідки, колишнім офіцером гітлерівського Абверу Голіном.

В цьому може й не було б нічого дивного, коли б не враховувати того, що Марійка Рибчук була агенткою Голіна ще під час війни, а після війни стала його «оком і вухом» в середовищі ЗЧ ОУН, вступивши за його дорученням у члени ЗЧ. Вона навіть вийшла заміж за одного з чоловіків бандерівців — доктора Риб-

чука, добившись не тільки титулу «фрау доктор», але й доступу до найінтимніших таємниць в оточенні Бандери.

Таким чином, цей бандерівський «дипломат» у спідниці здійснив, як здається на перший погляд, неможливе — в одній особі вмістив дві: як резидентка Голіна — Рибчук заступала його інтереси перед Бандерою і проводом ЗЧ, як представник Бандери — репрезентувала його і провід ЗЧ, їх «інтереси» перед Голіном і американською військовою розвідкою.

За рештки краєвих звітів, одержаних по війні від Шухевича з України, які були в розпорядженні Бандери і які ще Лебедь не встиг перепродати американській політичній розвідці, «фрау доктор» приносила долари від Голіна, затримуючи собі тільки скромних 10 відсотків (як було зазначено в «договорі» між нею і Бандерою). Проте ці звіти були застарілі. Треба було спішно готувати кандидатів на розвідників, які могли б забезпечити американців новою розвідочною інформацією. За кожного кандидата, якого Голін мав дістати, «фрау доктор» обіцяли платити окремо солідний куш.

Саме тоді назріла конечність висилки зв'язкових до Шухевича. Отже, Бандера задумав сполучити «необхідне з корисним», тобто за кожного зв'язкового витягнути у Голіна ще додаткового баришу.

Але слід зауважити, що висилка зв'язкових у край належала до компетенції референта крайового зв'язку. На той час Бандера доручив мені керівництво референтурою крайового зв'язку при проводі ЗЧ. Через те йому не залишалось нічого іншого, як відкрити мені всі таємниці, що стосувались його зобов'язань по відношенню до «фрау доктора» та Голіна.

Звичайно, я, вірний своїм переконанням, зложив протест проти такої ганьблячої співпраці. Але мій голос був голосом волаючого в пустелі, та ще й Бандера спритно заатакував мене аргументами, які тоді виглядали досить слушними. Він виклав справу так, ніби провід ЗЧ мусив на той час більше, ніж будь-коли, побудувати постійно діючу зв'язкову лінію до проводу ОУН в краю і, отже, мусив вислати туди вишколених радистів з потрібною радіоапаратурою тощо. А все це вимагало відповідного технічного спорядження, яке могли дати тільки американці, і... гроші, гроші, гроші.

Сам Бандера змалював мені катастрофічний стан каси. Я знав, що на висилку людей до краю я не вижебраю від ньо-

го ні сантима. А в той час я був того переконання, що потреби ОУН вимагають щоб зв'язкова лінія була чинна, щоб зв'язкові пішли до краю. Мені нічого не залишалось робити, як погодитися з ним.

Все ж таки я добився від Бандери запевнення, що Марійка Рибчук не матиме права виступати перед Голіном, як офіційний представник ЗЧ, а як приватна резидентка... і що члени, які будуть представлені на вишколи до Голіна, насправді ніколи не підуть в край як американські шпигуни. Але це були тільки запевнення і нічого не варті обіцянки, які він і не думав виконувати. Йому потрібні були гроші на купівлю рибної фірми в Аугсбургу, щоб нею заткнути пельку чоловікові своєї невідступної наложниці Марійки Мицик-Гарабач.

...Так! Адже всі гроші, які передавала «фрау доктор», Бандера наказав передавати Євгенові Гарабачеві, якого встиг призначити фінансовим референтом на місце Климишина. Гарабач купив на них на своє ім'я торговельну фірму, яка носила назву «організаційної». Проте, минуло небагато часу, як цей дипломований злодій «догосподарювався» до того, що фірма стала перед банкрутством. Для виходу з цього положення Бандера загарбав для Гарабача навіть і ті всі гроші, які дав Голін на висилку групи розвідників до краю. Ці долари Гарабач зачислив на своє особистеkonto, як аліменти для старшого сінка, який, як перешіптувались, мав на борідці таку саму ямку, як і у провідника усієї ОУН. А фірма все ж пішла з молотка, залишивши ЗЧ ОУН ще й борги, пороблені Гарабачем.

Зв'язковим, які йшли на Україну, Бандера влаштував у лісі прощальну відправу, «обдарував» їх двогодинною «патріотичною» промовою, потиснув кожному руку і наказав начальникові своєї особистої охорони Банясові Михайлові дати кожному по пачці фальшивих доларів.

А коли за короткий час після того, за доносом Лебеда і Гриньоха, американці організували засідку на кордоні на цих зв'язкових, коли при арештованих були знайдені фальшиві долари і Бандера опинився віч-на-віч перед небувалим скандалом, він наказав мені: «Все мусить закінчитись на вас!» Іншими словами, я повинен був брати на себе всю відповідальність за друкування фальшивих доларів, притому в друкарні, про існування якої я навіть не підозрював... Повинен був іти далі в життя з ганьблячим тавром кримінального злочинця, фальшівника доларів.

...Чи ж не «геніальний» вихід з претяжкого стану, гідний справжнього провідника всієї ОУН?..

Але чи зумів він цим наказом, даним мені, уникнути того колосального скандалу, справжнім автором якого був Микола Лебедь і в роздмухуванні якого Лебедь був особисто заінтересований?..

Ось яким лицемірним способом використав своє дітище — фальшиві долари — цей «Ярополк окаянный» під час гризні за місце першого обер-резидента американської розвідки.

Про підготовку і відхід кур'єрів на Україну Лебедь докладно знав і був навіть інформований, незважаючи на явні розходження та конфлікт з Бандерою. (До речі, підбір кур'єрів та їх підготовку спочатку здійснювали його прихильник Антонович, який до мене очолював крайовий зв'язок, і Пришляк. Перебираючи референтуру, я перебрав і цих зв'язкових від Антоновича).

Підготовляючи відхід цієї групи на Україну, я особисто вважав своїм обов'язком не тільки інформувати секретаря закордонних зв'язків УГВР та голову Ради ОУН Миколу Лебедя про відхід групи, а навіть просив його про деякі практичні поради.

Сам Бандера не тільки не противився тому, але навіть доручив був мені зажадати від Лебеда бодай часткової участі у фінансуванні відправки кур'єрів з каси ЗП (на той час Бандера вже встиг конфіскувати на користь Гарабача всі долари, отримані від Голіна на висилку групи).

Лебедь знав також про те, що відхід групи кур'єрів у край є необхідним хоча б для того, щоб попередити Шухевича про те, що йому безпосередньо може загрожувати небезпека з боку його зв'язкової Дідик Галини — псевдо «Анна», яка могла бути під обсервацією радянських органів державної безпеки, як про це ми мали відомості. Та що йому було до Шухевича! Адже про ставлення Лебеда до Шухевича знають багато членів ОУН...

Спершу Лебедь погодився допомогти фінансувати кур'єрів і дав навіть мені деякі свої поради. Але в останні хвилини він виразно змінив своє ставлення відносно допомоги і порадив Бандері вийти з важкого положення шляхом випосадження зв'язкових фальшивими доларами.

Бандера, захлиснутий хвилею фінансової катастрофи, схопив спритно піднесену Лебедем соломинку і впровадив його пропозицію в життя. А Лебедеві тільки цього й треба було.

Йому зовсім не випадало, щоб першими на Україну добилися представники від Бандери, що все ж таки було б доказом того, що Бандера має зв'язки з рештками підпілля на Україні.

Лебедь і Гриньох нишком почали вживати всіх можливих заходів, щоб не допустити до відходу цю групу. Лебедь навіть вдався-був до найбільшої підлоти, якої тільки можна було від нього сподіватися.

Маючи на меті залякати мене і добитися того, щоб я відмовився від допомоги Бандері у висилці зв'язкових на Україну, мене було повідомлено через Бутковського Івана — псевдо «Гуцул», що Лебедь попередив керівника рештків підпілля на Україні Шухевича, щоб той дав наказ розстріляти цих зв'язкових, як чужих агентів.

Коли ж цей шантаж не вдався, Лебедь пустив у хід Антоновича і Пришляка, щоб, використавши їхнє попереднє знайомство і впливи на деяких зв'язкових, посіяти серед них зародки розброду.

А коли група все ж відійшла в напрямі кордону, Лебедь і Гриньох поспішили зробити донос американцям про те, що група випосаджена фальшивими доларами і що я, як безпосередньо відповідальний за висилку групи, допустився обману супроти американської розвідки.

Як же ж аргументували мій «обман»?

А ось як. Підло донесли американцям, що я, висилаючи групу, казав зв'язковим присягати на те, що вони не будуть збирати в краю розвідочних матеріалів і не будуть виконувати ніяких доручень шефів американської військової розвідки (насправді я таке зробив). Але це явно йшло врозріз із зобов'язаннями, взятими Бандерою.

І обидва ці високопоставлені мужі добилися свого: вони діждалися компрометуючого весь націоналістичний табір процесу над схопленими членами групи за наявність у них фальшивих доларів, тих самих доларів, духовним батьком яких був саме Микола Лебедь.

Чи на тому скінчилась доларова афера? О, ні!

Бандера, зваливши весь вантаж ганьби і відповідальності на мене та Баняса, не хотів розставатися з думкою про те, що скарб, захований у фальшивих доларах, втрачений для нього.

Замість того, щоб негайно доручити знищити друкарню фальшивих доларів та весь запас вже надрукованих доларів і

тим самим затерти всі сліди цього нечуваного злочину, він наказав Климишину пустити їх в обіг.

Климишин радо взявся виконувати доручення Бандери, мріючи про великий заробіток для себе. Але Климишин— хитрун. Робити це сам він не наважився і в свою чергу доручив продавати фальшиві долари провокатору Яблоневі, який, розпихаючи ці долари наліво й направо, розповсюджував водночас чутки про те, що ЗЧ ОУН — фальшивник доларів.

Американська кримінальна поліція то тут, то там фіксувала появу на «чорному ринку» фальшивих доларів, ідентичних до тих, які були знайдені при арештованих зв'язкових. Назрівав черговий скандал. Навіть Климишин занепокоївся. Але Бандера поспішив його запевняти, що, на випадок провалу, вся відповідальність знову впаде на мене, бо мені Бандера наказав брати за все відповідальність на себе.

Арештувавши зв'язкових і знайшовши при них фальшиві долари, американці піддали їх страшним тортурам. Один з них не витримав і розповів усе, як було. Він сказав, що Баняс вручав їм долари в присутності Бандери. Не міг він тільки назвати мого прізвища, бо не знав його точно і перекрутив його так, що офіцер американської кримінальної поліції зрозумів, що йдеться про Мацейка, виконавця атентату на польського міністра Перацького.

Цей офіцер аж руками сплеснув, що є нагода покарати «великого злочинця». Зачалися розшуки і гонитва. Згаданий зв'язковий погодився допомогти американцям зловити Баняса і Мацейка. Він припровадив американців у студентський гуртожиток на Фюріхштрассе, де він якийсь час перед своїм відходом на Україну проживав зі своїми друзями. Але там Баняса і Мацейка не було.

Американські криміналісти прийшли й до хати Баняса. Не заставши його, переказали, щоб він зголосився до них добровільно, бо вони його все одно зловлять. Переляканий на смерть перспективою сісти у в'язницю й втратити назавжди право на виїзд за океан, Баняс залементував переді мною і Бандерою, що він — невинна жертва, що йому не залишається нічого іншого, як піти і зголоситися до американців, і що він потрапить виплутати з біди і себе й Бандеру.

Бандера схопився за цю ідею і дозволив Банясові піти віддатися в руки американської кримінальної поліції, але під умо-

вою, що він вигородить Бандеру, зваливши всю вину за фальшиві долари на мене. Так і сталося. Баняс пішов... Але хитрий охоронник Бандери розраховував, що наступив щасливий для нього момент блиснути своїми «дипломатичними якостями» перед американцями і налагодити при цій нагоді зв'язки з ними від імені проводу ОУН. Він зарекомендував себе перед американською кримінальною поліцією... аж сотенним УПА, заявивши, що прийшов вести переговори від імені проводу ОУН. Проте американський офіцер, привітавши пана «сотника» кількома ляпасами, стусанами в живіт і у недипломатичну частину тіла, зарепетував про Мацейка. Та коли Баняс відреконувався ад'ютантом Бандери, пан офіцер приступив до «переговорів».

«Переговори» почалися з того, що «дипломат» Баняс розповів усе, як і домовився з Бандерою. Він заявив, що Бандера нічого не знав про фальшиві долари, що цей Мацейко обдурич і його і всіх, забравши собі правдиві долари, а зв'язковим давши фальшиві.

Ці «дипломатичні переговори» закінчилися тим, що Баняс підписав документ, щоправда від свого імені, про співпрацю з американською кримінальною поліцією і зобов'язався допомогти зловити Мацейка та викрасти «його» друкарню фальшивих доларів.

Обидві сторони були надзвичайно вдоволені і розсталися друзями.

Баняс, повернувшись з «переговорів», розповів щиро про все Бандері й мені. Я, посміявшись в душі над наївністю цього дипломата, який намагався використати доларову аферу для зав'язання справді дипломатичних зв'язків з американцями для проводу ЗЧ ОУН, дозволив йому «доносити» кримінальній поліції на себе все, що він «потрапить» про мене рознюхати.

Бандера ж, явно вдоволений з того, що Банясові майже пощастило вигородити його і зіпхнути всю вину на мене, наказав мені відправити свого начальника охорони на той світ. Я ще раз повторюю: наказав мені фізично знищити Баняса. Ще й зазначив, що треба негайно заткнути йому рота навіки, бо, мовляв, Баняс перетягнув мірку даних йому повноважень і йому не можна вірити, чи він насправді не захоче зрадити мене, а то й самого Бандеру, і що взагалі Баняс забагато вже знає, чого не повинен був знати.

Бандера, спробував схилити мене до свого чергового злочину, проговорився, що Баняс, знаючи його таємницю (я повинен був зрозуміти: таємницю про фальшиві долари), завжди зможе використати її навіть для шантажу проти Бандери. Але тут-то Бандера і справді зрадився з своїми інтенціями. І я, вже не вагаючись, відповів Бандері: «Саме тому, що Баняс знає вашу таємницю, добре було б, якби ви особисто не давали наказу про його фізичну ліквідацію»...

Не знаю, чи з мого тону, чи з погляду очей, чи зі змісту моєї відповіді, Бандера зрозумів, що я не маю на думці таємниці про участь Бандери в доларовій афері. Він замовк, але був вражений тим, що і я знаю ту, другу його таємницю, про яку, як він думав, знає тільки Баняс...

А яка ж ця друга таємниця Бандери, що задля неї Бандера захотів зігнати Баняса зі світу? Її історія коротка. Баняс і хлопці з охорони Бандери були свідками співжиття Бандери з його дружиною Славою. Вони не раз з обуренням розповідали мені, як провідник усієї ОУН бив свою дружину, а то й штурхав її в живіт тоді, коли вона була вагітна.

Один з хлопців, покинувши свій пост охоронця Бандери, прямо мені заявив, що він волить, щоб його розстріляли, але він не може дивитися на знущання Бандери над жінкою.

Коли жінка Бандери поїхала до родильного будинку родити третю дитину, Баняс віддав свою власну дружину в няньки до малих дітей Бандери. Того ж самого дня, коли вірний слуга Бандери повіз його дружину до родильного будинку, Бандера намагався згвалтувати жінку Баняса, яка про все розповіла своєму чоловікові. Баняс, в свою чергу, з сльозами на очах, розповів цю таємницю мені.

В першій хвилині я хотів послати своїх хлопців, щоби відбити раз і назавжди Бандері охоту донжуанити. Думав навіть передати цю справу організаційному суду. Але сліпі й наївні побоювання за компрометацію інституції проводу всієї ОУН, а не Бандери, як особи,— взяли верх. Я так і сказав Банясові, і він погодився зі мною. Я порадив йому бути самому суддею над Бандерою, заборонивши говорити будь-кому про це.

І Бандері довелося пережити одну з найстрашніших ночей... Баняс бичував його жадливо... Здається, ще ніхто так не змалював його портрет, як провідника і як людини, як це зробив Баняс. Проте Бандера залишився Бандерою. Він чекав тільки нагоди, щоб помститися над Банясом.

Таку нагоду створила доларова афера. І тільки те, що «друга таємниця» Бандери була відома ще й мені, врятувало життя Банясові.

Розміри газетної статті не дозволяють продовжувати розповідь про всі ці події. Я хотів лише допомогти тим, хто ще тримається націоналістичних закордонних організацій, побачити дійсне обличчя вождів і вожденят, побачити їх такими, якими вони насправді були і залишилися.

М. В. Матвієйко. Чорні справи ЗЧ ОУН. К, 1962, стор. 44—62.

Использованная литература

Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. Т.1. — М., Л., 1924 г.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 2. Л. 141-141 об. Подлинник. Машинопись. ААН (Архив новых документов, Варшава). Ф. MSZ (МИД) 5459. Ед. хр. 6-7; Ф. 5460. Ед. хр. 83-85.

Брейар С. Украина, Россия и кадеты. // In memoriam. Исторический сборник. М.-СПб.

Бульба-Боровець Т. Армія без держави. Л., Поклик сумління, 1993.
Бандера С. Перспективи української революції.

Бандера С. Фронт поневоленних народів. «Сурма», Мюнхен, 1950 г.
«Без права на реабилитацию». К., 2005 г.

«Без срока давности». Х., «Фактор», 2002 г.

Бердник М. А. К истокам украинского национализма. «2000», №26 (372), 29 июня — 5 июля 2007 года.

Бердник М. А. «Якщо хочемо мати з американцями добрі взаємини, то треба ставити на провідні пости приємливих їм людей». «2000», №42 (386), 19-25 октября 2007 г.

Брусилов А. А. Воспоминания. М., Воениздат, 1963 г.

Брошюра «Свободный союз». Израиль.

Былинин В., Коротаев В. Портрет лидера ОУН в интерьере иностранных разведок. (По материалам АП РФ, ГАРФ, РГВА и ЦА ФСБ РФ).

Бош Е. Год борьбы. Киев, 1990 г.

Бузина О. Тайная история Украины-Руси. К., «Довира», 2007 г.

Бисага І., Галаса В. За велінням совісті. К., 1963 р.

Безыменский Л.А. Германские генералы — с Гитлером и без него. М., Мысль, 1964 г.

Ватикан и вторая мировая война. Публ. подг. Н. В. Максимовой и Б. А. Филипповым. «Наука и религия», 2000 г., № 5.

Верба І. Арешт Михайла Грушевського у 1914 році. Проблеми Історії України: факти, судження, пошуки. Видання № 6, 2002р.

Вєденєєв Д., Биструхін Г. Двобій без компромісів. Національна академія Служби безпеки України, К., 2007 р.

Веденєєв Д., Биструхін Г. «Повстанська розвідка діє точно і відважно.» Документальна спадщина підрозділів спеціального призначення ОУН та УПА. 1940—1950-ті роки. К., 2006 г.

Веденєєв Д., Биструхін Г. Меч і тризуб. Розвідка і контррозвідка руху українських націоналістів та УПА (1920—1945). Київ. Генеза, 2006 р.

Вісник Союзу визволення України. Відень, 1915. Ч. 9-10.

Ваврик В. Терезин и Талергоф. Филадельфия, 1966 г.

Винниченко В. Відродження нації. Київ-Відень, 1920. Вид-во політичної літератури України, К., 1990р.

Винниченко В. Дневник. 1.06.1918 г.

Винниченко В. Из истории украинской революции. Революция на Украине, 1930 г.

Винниченко В. Заповіт борцям за визволення. Париж, 1949

Войцеховский А., Ткаченко Г. Украинская антисоветская эмиграция. УВО-ОУН. «Без права на реабилитацию». К., 2005 г.

Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С. Украинский фашизм, К., 2004 г.

Вісті з Української Центральної Ради. 1917. № 3. Квітень

«Вісті з України», 27 (721), 8. 06. 1972 р.

ГА СБУ, фонд друк. видань, спр. 372, т. 54, арк. 121.

ГА СБУ, фонд друк. видань, спр. 372, т. 24, арк. 7.

ГА СБУ, д. 490, т. 1, л. 100.

ГА СБУ, ф. 5, д.67424, л.7-1.

ГА СБУ, фонд друк. видань, спр. 372, т. 11, арк. 44.

ГА СБУ, ф.6, д.75170-ФП, т.1, л. 216-225.

ГА СБУ, ф.16, оп.33 (1951 г.), д.63, л. 25-58.

ГА СБУ, ф. 65, д. С-9113, т. 19, л. 51—68.

ГА СБУ, ф. 65, д. С-9113, т. 19, л. 89—95.

ГА СБУ, арх. спр., № 372, т. 11, арк. 14.

ГА СБУ, арх. спр. №372, т. 42, стр. 326.

ГА СБУ, арх. спр. № 372, т. 28, арк. 285.

ГА СБУ, ф. 13, спр. 490, арк.. 248.

Галан Я. Твори в 4-х тт. К., 1977, т. 2

Гарчев П. Червона гвардія України в Жовтневій революції. Харків, 1969 г.

Гунчак Т. Україна: І половина ХХ ст. К., 1993 р.

Гунчак Т. У мундирах ворога. К., 1993 р.

Гайке В. Д. Українська дивізія «Галичина». Історія формування і бойових дій у 1943—1945 роках. Торонто — Мюнхен — Париж, 1970.

Грушевський М.С. Спомини. Київ, 1988-1992 рр.

Грушевський М. Якої ми хочемо автономії й федерації. Хто такі українці і чого вони хочуть. К., 1991 р.

Грицьків Л., Герасименко С. Вирок виносить народ. К., Вид-во політичної літератури, 1970 р.

Герэн А. «Серый кардинал». «Прогресс», М., 1971 г.

Гриценко О.: Армія без держави. «Туди, де бій за волю», Лондон, 1989 р.

Гетьманський альманах. Відп. ред. Ю. І. Терещенко. Ч.1. К., ВЦ КНЛУ, 2002 р.

Гольденвейзер А. Из киевских воспоминаний. Революция на Украине. Государственное издательство, М.-Л., 1930 г.

Губернаторов Н. Тайная война — невиданная по размаху и ожесточению «Независимое военное обозрение», 16.03.2001 г.

Даниленко В. Дорогою ганьби і зради. «Наукова думка», К., 1972 р.

Донцов Д. Сучасне політичне положення нації і наші завдання. Львів, 1913 р.

Донцов Д. Дух нашої давнини. Дрогобич, «Відродження», 1991 р.

Донцов Д. Крестом и мечом. Торонто, 1967 р.

Донцов Д. Націоналізм. Жовква, 1926 р.

Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє минуле (1914-1920), друге видання. Мюнхен, 1969 р.

Дорошенко Д. Історія України. 1942 р.

Дорошенко Д. Война и революция на Украине. Революция на Украине, Государственное издательство, М.-Л., 1930 г.

Документи изобличают. К., 2005 г.

Дерепа Андрей. «Факт Ю.», К., изд-во ООО «ГРОТ», 2004 г.

Дмитрук К. Безбатченки. Л., «Каменяр», 1972 р.

Дмитрук К. Жовто-блакитний місяць. К., «Дніпро», 1982 р.

Дмитрук К. С крестом и трезубцем. М., Изд-во политической литературы, 1979 г.

Дмитрук К. Свастика на сутанах. М., 1976 г.

Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. Нью-Йорк, 1961 г.

Дуглас А. и Р. Корни «Треста»: от Вольпе к Вольпи и далее. Венецианские поводыри Российской империи. Неопубликованная рукопись. EIR, июнь 1987 г.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. К., «Воениздат», 1989 г.

Деникин А.И. Гетманство и Директория на Украине. Революция на Украине. М.-Л., Государственное издательство, 1930 г.

Документи изобличают. К., 2004 г.

Документи внешней политики СССР, т. XVI.

Де Йонг Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., ИИЛ, 1958 г.

Деларю Ж. История гестапо. Смоленск, 1993

Енциклопедія українознавства в 10 т. Париж, Нью-Йорк. «Молоде Життя», 1954—1989 рр.

Засанський В., Петрів І. За чужим возом. К., 1967 р.

Записка Департамента полиции МВД Российской империи от 23 июня 1916 г. об украинском движении (1914-1916 гг.) с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии.

Зданович А. А. Свои и чужие — интриги разведки. М., 2002. С. 182-214.

Звіт робочої групи істориків при Урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА. Основні тези з проблеми ОУН-УПА (історичний висновок). Київ, 2004 р.

Ильницкий Р. Deutschland und die Ukraine. Munchen, 1958.

Карманський П. Кризь темряву. Спогади. Львів, 1957 р.

Каменецький. І. Німецька політика супроти України в 1918-му році та її історична генеза. Український історик. 1968 р.

Крах германской оккупации на Украине: по документам оккупантов. М., 1936 г.

Київ. Історична енциклопедія. 1917—2000 рр.

Ковенко-Євтухів О. Київ. Гарячий січень 1918-го. «Незборима нація», 1 (227), січень, 2005 р.

Кіцера О. Наш митрополит. Матеріали конференції, присвяченої життю та діяльності митрополита Андрея Шептицького. Львів, 1990.

Ковалевський Н. При джерелах боротьби. Інсбрук, 1960 р.

Книш З. В цивільній одежі. Життя і смерть полковника Коновальця. Л., 1993 р.

Книш З. «Становлення ОУН», К., вид-во ім. Олени Теліги, 1994 р.

Косач Ю. Від феодалізму до неофашизму. Нью-Йорк, 1962 р.

Косик В. Україна у Другій світовій війні у документах. Збірник німецьких архівних матеріалів (1941-1945). Л., 2000 р.

Киричук Ю. А. Радянський терор 1939—1941 рр. Політичний терор і тероризм в Україні. ХІХ—ХХ століття. Історичні нариси. К., 2002 р.

«Комсомольская правда», 23 ноября 1983 года.

Лисяк-Рудницький І. Українці в Галичині під австрійським пануванням. Істор. ессе. Т.1. К., 1994 р.

Литвин М., Науменко К. Історія галицького стрілецтва. Львів, Каменяр, 1991 р.

- Літопис Української повстанської армії, т. 21. Торонто, 1991
- Літопис Української повстанської армії, т. 5. Торонто, 1984 р.
- Любимов И.Н. Революция 1917 г. Хроника событий. Т.6. М.-Л., 1930 г.
- Лебедев В.Б. Отечественная история. История России с конца XIX в. до начала XXI в. Псков, 2008 г.
- Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914 — 1918, т.2. Государственное издательство, М., 1924 г.
- Мартиросян А. Заговор маршалов. Британская разведка против СССР. М., «Вече», 2003 г.
- Митрополит Андрей Шептицький у документах радянських органів державної безпеки (1939-1944). К., 2005 р.
- Масловський В. Холокост євреїв України. К., 2005 р.
- Масловський В. З ким і проти кого воювали українські націоналісти в роки Другої світової війни. М., 1999 р.
- Масловський В. Трагедія галицького єврейства. Л., 1997
- Макаров Ю. Что надо знать об Украине. Буэнос-Айрес, 1939 г.
- Мельниченко И. Портрет в желто-голубом интерьере. К., «Наукова думка», 2004 г.
- «Музеї України», 20.04.07 р.
- Могилянский Н. Трагедия Украины. Революция на Украине. Государственное издательство, М.-Л., 1930 г.
- Мазепа И. Украина в огне и буре революции. 1917-1920. Киев, «Темпора», 2003 г.
- Международные отношения Украинской Народной Республики. <http://whp057.narod.ru/unr-m.htm>.
- Матвієйко М. До членів і симпатиків ОУН та до всіх українців, які живуть поза межами рідної землі. К., 1960 р.
- Матвієйко М. Чорні справи ЗЧ ОУН. К., 1962 р.
- Мірчук П. Українська Повстанська Армія. 1942—1952. Мюнхен, 1953.
- Мірчук П. Степан Бандера. Мюнхен, 1961 р.
- Мудрик-Мечник С. Закордонні частини ОУН: внутрішні справи і діяльність в еміграції. Львів, 1996
- Нагаєвський І. Спогади польового духовника. Торонто, 1955 р.
- Несук М., Репринцев В., Камінський Е. Україна у зарубіжних доктринах та стратегіях ХХ ст. «Політ. думка», №№ 2-3, 1995 р.
- Николаев Р. Под следствием лже-червонец. «Вести Ленинградской области», 14.12.06 г.
- Никонов В. Мартовские тезисы. Повестка дня: уроки февраля. «Стратегия России», № 3, март 2007 г.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в восьми томах. Том 2. М., «Юридическая литература», 1987-1990г.

Наконечный В. Холокост на Волыни: жертвы и память. Луцк, 2003 г.

Наконечный В. Волинь — криваве поле геноциду. «Комуніст», №№ 24-26, 2003 р.

«Наша держава», 4 марта 1954 р.

Орлов А. Украинская матрица. Перезагрузка. «Поколение», М., 2006 г.

Органи державної безпеки Київщини 1917-2006 у фотографіях та документах. К, «Друкарня Діапринт», 2006 р.

Орест Субтельний. Україна. Історія. Київ 1993 р.

ОУН в світлі постанов Великих Зборів, Конференцій та інших документів з боротьби 1929-1955. 1955р.

Откровения бывшего штурмбанфюрера СС. «Наука и религия», № 8, 1995 г.

Пашаева Н. Очерки истории Русского Движения в Галичине XIX-XX вв.

Петрушко В.И. К предполагаемой беатификации униатского митрополита Андрея Шептицкого. Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института (материалы), 1999 г.

Попель Н. К. В тяжкую пору. М.-СПб., Terra Fantastica, 2001 г.

Поддубный Л. Судьба на крови. Свидетельства, документы, факты. «Столичные новости», № №26 (463), 24-30 июля 2007 г.

Паньківський К. Роки німецької окупації. Торонто, 1965 р.

Панківський К. Від держави до комітету. Нью-Йорк — Торонто, 1957 р.

Рено де Жувенель. Армия наемников. Изд. иностранной литературы, М., 1952 г.

Роман Шухевич у документах радянських органів державної безпеки (1940—1950). К., ПП Сергійчук М. І., 2007 р.

Романчук О. Ультиматум : хроніка одного конфлікту між РНК РСФСР і Укр. Ц.Радою. К., 1990 р.

Ржезач Т, Цуркан В. Розшукуються... К., Вид-во політичної літератури, 1989 р.

Рымаренко Ю. На службі світової реакції. К., «Знання», К., 1968 г.

Рымаренко Ю. Буржуазный национализм и клерикализм. Политиздат Украины, К., 1986 г.

Роса Эдвард. Воспоминания лет, прожитых на Волыни. Торонто, 1996 г.

- РГВА. Ф. 772к. Оп. 1. Д. 106. Л. 5.
 РГВА. Ф. 65к. Оп. 1. Д. 2. Л. 172.
 РГВА. Ф. 373к. Оп. 3. Д. 16. Л. 240.
 РГВА, Ф. 772к. Оп. 1. Д. 1. Л. 5-5об.
 РГВА. Ф. 308к. Оп. 7. Д. 675. Л. 19, 23-28
 РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д.1. Л. 80, 254
 РГВА. Ф. 1361к. Оп.1. Д. 61. Л. 62, 66,71.
 РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 379. Л. 7.
 РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 379. Л. 85.
 РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 379. Л. 99.
 РГВА. Ф. 373к. Оп. 3. Д. 16. Л. 240.

Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М., «Русская идея», 2005 г.

Сергийчук В. Десять буремних літ. К., 1998 г.

Сідак В. Національні спецслужби в період української революції 1917-1921 роки (невідомі сторінки). К, «Альтернативи», 1998 р.

Солдатенко В. «І справжні, не фальшиві фарби»? Круты: попытка исторической интерпретации. «Зеркало недели», № 3 (582), 28 января — 3 февраля 2006 г.

Сповідь колишнього солдата батальйону «Нахтігаль». Берлін, 1960 р.

Сборник документов, воспоминаний, произведений «Бабий Яр». Сост. д-р Ш. Спектор, М. Кипнис. Иерусалим, 1991, с. 53

Соцков Л. Неизвестный сепаратизм: на службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки. М., «Рипол классик», 2003 г.

Скорупський М. У наступах і відступах. «Туди, де бій за волю». К., 1992 р.

Сейерс М., Кан А. Тайная война против Америки. Нью-Йорк, 1942 г.

Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. М., ГИИЛ, 1947.

Сосновський М. Дмитро Донців. Н-Й., 1974 р.

Скоропис-Йолтуховский О. Мої злочини. «Хліборобська Україна», 1920-1921 рр., №№ 2-4

Стецишин О. Тільки факти. Ті, що канули в пітьму. Львів, 1963 р.

Системная история международных отношений в четырех томах. 1918 — 2000. Том 2. Документы 1910 — 1940-х годов. М., 2000 г.

Савчук В., Мулик-Луцик Ю. Історія Української Греко-Православної Церкви в Канаді. Т.2. Winnipeg. Canada. 1985 г.

Сергеев-Ценский С.Н. Собр. соч. в 12-ти томах. «Правда», «Библиотека «Огонька», М., 1967 г., т.12.

Сідак В. Українська революція 1917-1921 роки. Невідомі сторінки. К., «Альтернативи», 1998 р.

Скоропадский П. «Хлеборобская Украина», кн. IV, стр. 26.

Сумский С. Одиннадцать переворотов (Гражданская война в Киеве). Революция на Украине. Государственное издательство, М.-Л., 1930 г.

Симонова Т. «Прометеизм» во внешней политике Польши. «Новая и новейшая история», № 4, 2002 г.

Скуратовский В. Анжелика и диктатор. «Столичные новости», № 35 (231), 17-23 сентября 2002 г.

Сливка Ю.Ю. Західна Україна в реакційній політиці польської та української буржуазії (1920-1939). Київ, 1985.

Смыслов О. «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова. «Вече», М., 2004 г.

Субтельний О. Україна. Історія. Київ, Либідь, 1993.

«Самостійна Україна», червень 1952 р.

Справка СБУ № 113// В/ч Є-6251, спр. 11780, Т. 1, арк. 117.

Туполев Б.М. Россия в военных планах Германии. Первая мировая война: пролог XX в. М., 1998 г.

Тютюнник А. З поляками проти України. Державне видавництво України, К., 1924 р.

Талергофский альманах. Выпуск первый. Террор в Галичине в первый период войны 1914 — 1915 гг.

Тихомиров А. Брестский мир 1918 г. и Беларусь. «Белорусский журнал международного права и международных отношений», 1999 г., № 2.

Трощинський В. «Найманці фашизму». К., «Наукова думка», 1981 р.

Трощинський В. Агенти гестапо й абверу на «новій» службі. Політвидав України, 1983 р.

Ткачук А. Перед судом истории. К, 2000 г.

Ткачук А. Фронт без линии фронта. Киевское историческое общество, К., 2007 г.

Ткачук А. Оуновское предполье гитлеровской агрессии. Без права на реабилитацию, К., 2006 г.

Топольчук Л. За фальшивим мандатом. Вид-во політичної літератури, К., 1972 р.

Трофейные документы о нацистско-оуновском альянсе. «Марксизм и современность», № 1(15), 2001 г.

Украинская государственность в XX веке (историко-политический анализ). Киев, «Політична думка», 1996 г.

Українська Центральна Рада. Документи і матеріали у 2-х т. К., 1996 р.

Уткин А. Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. «Русич», Смоленск, 2000 г.

«Український самостійник» від 21 березня 1954 р.

Филби Ким. Моя тайная война: воспоминания советского разведчика. Военное издательство, М., 1989 г.

Харченко В. Новые документы И. В. Сталина об Украине (1917 — 1933 гг.).

«Хлеборобская Украина», кн. 1.

Цегельський Л. Митрополит Андрій Шептицький. Короткий життєпис. Філадельфія, 1937 р.

Цегельський Л. Український патріарх. Спомини. Нью-Йорк, Париж, Сідней, Торонто, 1994 р..

Царинный А. (А. В. Стороженко). Украинское движение//Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. «Москва», М., 1998 г.

Цуркан В. Холостий хід ОУН. Л., Каменяр, 1989 г.

ЦДАГО, ф.5, оп.5-1, ед. хр.78, л.33.

ЦДАГО, ф. 57, оп. 4. д. 338. л. 280-288.

ЦДАГО, ф. 57, оп. 4. д. 338. лл. 280-288.

ЦДАГО, ф. 57, оп. 4, д. 338, лл. 268-279.

ЦДАГО, ф. 57, оп. 4, д. 338, лл. 241-250.

ЦДАГО, ф. 57, оп. 4, ед. хр.340.

ЦДАГО, ф. 57, оп. 4. д. 338. лл. 280-288.

ЦДАГО, ф. 57, оп. 4, д. 338, лл. 268-279.

ЦДАГО, ф.57, оп.4, спр.338,арк.51

ЦДАГО, ф. 57, оп. 4, д. 338, с. 268-279.

ЦДАГО ф. 57, оп. 4, д. 338, л. 131-132.

ЦДАГО, ф. 1, оп. 1-14, ед. хр. 115, л. 73-76.

ЦДАГО, ф.1, оп.23, спр.928, арк.58.

ЦДАВО, ф.4628, Оп. 1, Сп. 10, стр. 105.

ЦДАВО, ф. 4628, оп. 1, д. 10, с. 218-233

ЦДАВО, ф. 4628, оп. 1, д. 9, с. 2.

ЦДАВО, ф. 4628, оп. 1, д. 10, с. 167-169.

ЦДАВО, ф. 4628, оп. 1, д.10, с. 170-179.

ЦДАВО, ф. 4628, оп. 1, д.11, с. 183-190.

ЦДАВО, ф. 4628, оп. 1, д.10, с. 191-200.

- ЦДАВО, ф. 4628, оп. 1, д.11, с. 167-168.
ЦДАВО, ф. 4628, оп. 1, д.11, с. 162-166.
ЦДАВО, ф. 4628, оп. 1, д. 6, с. 6-9.
ЦДАВО, ф. 4628, оп. 1, д. 11, с. 203-204.
ЦДАВО, ф. 3833, оп. 1, спр. 45, арк. 1.
ЦДАВО, ф. 3833, оп. 2, спр. 32, арк. 10.
ЦДАВО, ф. 3833, оп. 1, спр. 24, стор. 2-3.
ЦДАВО, ф.3833, оп.2, д.1, л.35-36.
ЦДАВО, ф. 4620, оп. 3, спр. 378, арк. 5.
ЦДАВО, ф. 3833, оп.2, спр.1, арк. 38.
ЦДАВО, ф. 3833, оп. 1, спр.9, арк.1-2.
ЦДАВО, ф. 3833, оп. 3., спр., 7 арк. 5-6.
ЦДАВО, ф.3833, оп.3, спр.7, арк.4.
ЦДАВО, ф.3833, оп.1, спр.207, арк.179.
ЦДАВО, ф. 3833, оп.1, спр. 90, арк. 17.
ЦДАВО, ф. 166, оп. 3, спр. 149, арк. 41 — 43.
ЦДІАЛ України, ф. 353, оп. 1, д. 11, л. 25.
Чуев С. Украинский легион. «Яуза», М., 2006 г.
Чуев С. Проклятые солдаты. Предатели на стороне III рейха. ЭКСМО, М., 2004 г.
Черчилль В. Мировой кризис. Пер. с англ.; с предисл. И. Минца. Государственное военное издательство, М.-Л., 1932 г.
Чернышов В. Автокефалистское движение в Украине и возникновение украинского самосвятства (1917-1921 годы).
Чередниченко В. П. Анатомія зради. К., 1983р.
Чередниченко В. П. Націоналізм проти нації. К., 1970 р.
Чарторийський М. Між молотом і кувалдою. Нью-Йорк, 1970.
Шанковський Л. Похідні групи ОУН. Причинки до історії похідних груп ОУН на центральних і східних землях України в 1941-1943 рр. Мюнхен, 1958 р.
Шафранский Е. Восемь тайн — восемь этажей «Вервольфа». «Радуга», К., 2007 г.
Шульмейстер Ю. Гитлеризм в истории евреев. Киев, 1990 г.
Шлаен А. Бабий Яр. Киев, 1995 г.
Шуляк О. В ім'я правди. «Туди, де бій за волю». Лондон, 1989 г.
Щеголев С. Украинское движение. К., 1912 г.
Энгдаль У. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый Мировой Порядок. «Геликон Плюс», СПб., 2005 г.
Энциклопедия Холокоста. Еврейская энциклопедия Украины под ред. И. М. Левитаса. Киев, 2000.

Яневський Д. 33 історичних факти про Злуку. «Українська Правда», 22.01.2004 р.

The Roots of the Trust: From Volpe to Volpi, and Beyond — The Venetian Dragomans of the Russian Empire. «Executive Intelligence Review», 23 сентября 2005 г.

«Executive Intelligence Review» 21/16, 15.04.1994 г.

«Cheney Revives Parvus 'Permanent War' Madness» by Jeffrey Steinberg, Allen Douglas and Rachel Douglas. September 23, 2005 issue of Executive Intelligence Review, EIR

James and Suzanne Pool. Who Financed Hitler: The Secret Funding of Hitlers Rise to Power. Dial Press, New York, 1978 г.

Torzieski. Kwestia ukraińska w polityce III Rzeszy (1933-1945), Warszawa, 1972.

«Accuses hors sories», Paris, 1957// Герэн А., «Серый кардинал», «Прогресс», М., 1971 г.

Korman Aleksander. Z krwawych dni Lwowa 1941 roku. London. 1991.

Roberts G. The most powerful man in the world: the life of Sir Henry Deterding. N.-Y., 1938. P. 248-252.

Sandkuhler Th. «Endlosung» in Galizien. Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941-1944. Bonn 1996, S. 488, Ann. 21.

Simpson, Christopher. Blowback: America's Recruitment of Nazis and Its Effects on the Cold War. Weidenfeld & Nicolson, New York, 1988.

Edward Prus. Heros: spod znaku tryzuba. Warszawa, 1986.

Skorzeny O. Meine Kommandounternehmen: Krieg ohne Fronten. Wiesbaden, Limes-Verlag, Munchen, 1975

«Wacht im Osten», август 1941 г.//Наукові записки, випуск 31, К., 2006 р.

Bellant Russ. Old Nazis, the New Right and the Reagan Administration. 2nd ed.

Political Research Associates, 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Антироссийские хроники 1900—1917 гг.	
Суть геополитики Запада: расчленить Россию!	10
Спонсоры «украинского дела»	15
Подавление «москвофильства» среди русинов Галиции	17
СВУ и ГУР взывают к «общественному мнению Европы»	17
«Украинский вопрос» в планах Австро-Венгрии, Германии и Турции	20
Пропаганда в начале Первой мировой	22
Тайные дела Парвуса	24
Дмитрий Дорошенко: «Нас, сознательных украинцев, было так мало»	27
Талергоф и Терезин: австро-венгерский террор	28
«Защита прав малых народов»	30
Карьера аристократа-монаха	32
Глава 2. Что такое Центральная Рада	
«Батько Грушевський» — «зздрісний, нечесний дідок»	50
Первый универсал: «Не одділяючись від всієї Росії...»	53
Второй универсал: «Проти замірів самовільного здійснення автономії України...»	57
«Товарищи дезертиры! Все на митинг!»	60
Октябрьская революция. Украина в свободном режиме	64
Спецслужбы и агенты влияния в Киеве	69
Правительство украинских большевиков	70
Армии московских интервентов: «Легенда, що її треба здати до архіву»	73
Миф о «героях Крут»	75
Генерал Гофман: «Украина — это дело моих рук»	80
Император Вильгельм: «Я согласен на избрание гетмана»	88

Шесть недель Директории	93
«Злука» была. Государство не состоялось	97
Митрополит Шептицкий и украинская революция	101
Глава 3. Между мировыми войнами	
«Гетман Украины в изгнании»	110
С поляками против Украины	111
УВО: «войско, принудительно одетое в гражданскую одежду»	116
На службу к немцам...	121
Евгений Коновалец — Мата Хари в мужском варианте	125
Первые шаги ОУН	128
Особые отношения с Муссолини	135
Из секретных досье разведки: между Токио и Берлином	137
Покушение на Сталина	142
Похищения и убийства в Америке	143
Подготовка покушения на Рузвельта	147
На службе абверу и гестапо	149
ОУН после Коновальца	154
Раскол ОУН. Бандеровцы и мельниковцы	164
«Очаг пожара в украинских районах дал бы Германии повод для военного вмешательства»	171
«Правящая каста должна составлять особую группу»	195
«Профессор Мориарти» националистического движения	203
Глава 4 . Коллаборационизм. 1941—1945	215
«Наши боевики подвергли нападению все города и села еще до прихода немецкой армии»	215
Кровавый маршрут «соловьев»	222
Чего хотел «Нахтигаль»	233
«Під проводом Адольфа Гітлера». Акт 30 июня 1941 года	237
«Почесний арешт» Бандеры	245
Походные группы ОУН	254
Массовые убийства евреев	258
Создание УПА и Волынская резня	267
Дивизия СС «Галичина»	277
«УПА воюет не против немцев, а только против Красной Армии...»	283
Мартиролог жертв националистов	297
Между Гитлером и Сталиным	302

Глава 5. Українські націоналісти і спецслужби Запада	
В очікуванні Третьої світової	319
Вожаків націоналізму гризуть між собою	327
Листи Бандери на Україну	330
Українські націоналісти в оперативних іграх спецслужб	334
Зварич, «Катруся» і Катрин-Клер	346
Приложення	
Відкритий лист В. Кука до Ярослава Стецька, Миколи Лебеда, Степана Ленкавського, Дарії Ребет, Івана Гриньоха та до всіх українців, що живуть за кордоном!	350
До членів і симпатиків ОУН та до всіх українців, які живуть поза межами рідної землі	358
Діяльність оун — злочин проти українського народу . . .	366
Доларова афера	373
Использованная література	386

Массово-политическое издание

БИТВА ЗА УКРАИНУ

Бердник Мирослава Александровна
ПЕШКИ В ЧУЖОЙ ИГРЕ
ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Редактор *Е.Ю. Бузев*
Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Издательство «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 19.08.2014. Формат 84x108^{1/32}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0.
Тираж 1 500 экз. Заказ 1837.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-4438-0834-5

9 785443 808345 >

БИТВА ЗА УКРАИНУ

МИРОСЛАВА
БЕРДНИК

Автор этой книги — известный публицист Мирослава Бердник. Дочь известного украинского писателя и правозащитника, узника советских тюрем Олеса (Александра) Бердника, Мирослава — классический представитель украинской интеллигенции, которую к числу «засланців Кремля» не могут отнести даже зоологические националисты. Тем убийственнее для них звучит правда из ее уст — пример подлинного патриотизма и любви к своему Отечеству, в отличие от псевдопатриотов, возомнивших себя «учителями нации».

Автор книги проливает яркий свет на истоки украинского национализма (исключительно галицийского фактора), открывая подлинное обличье этого явления — лицо измены.

ПЕШКИ

В ЧАЖКОЙ ИГРЕ

ISBN 978-5-4438-0834-5

9 785443 808345 >

